

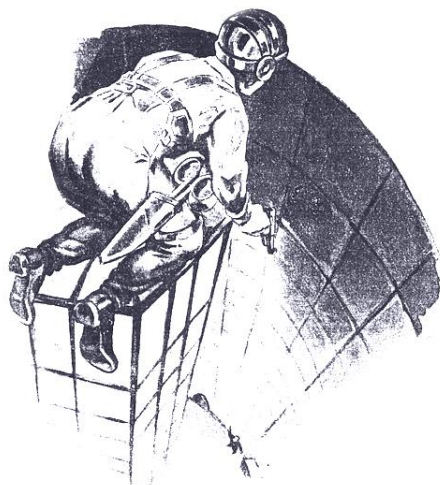

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ЛЕТАЮЩАЯ СТАНЦИЯ

Журнальная фантастика
20-х – 30-х годов

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»
2020

А. Р. ПАЛЕЙ

ФРАНЦУЗ И НЕМЕЦ

Рассказ

Художник Борис Ефимов

ФРАНЦУЗ И НЕМЕЦ*

Рассказ А. Р. Палав Рисунки Бор. Ефимова

Француз был невысокого роста, с бровями, почти курчавыми. У него была высокая борода и такие же усы. Волосы на голове поседели мало, — у блондинов они поздно седеют, — голубые глаза выщипали и выбливали. В общем, это был зажиточный человек. Он часто и охотно смеялся коротким, рассыпающимся смехом. Но и в смехе, и в голосе пробивались матовые, грустные ноты. Они словно вылились с внешностью француз и пронизывали впечатление чего-то чуждого для него.

Немец был высоким, худощав и медитативным. Стройная фигура на высоких сапогах и белоснежное лицо молчалило его.

Кроме них двоих, было еще много людей. Это было блестящее — не по внешности, а по значительности лиц — собрание сведущих по авиации. Здесь были теоретики и практики, математики и специалисты по моторостроению, координаторы слухов и конструкторы различных моделей.

Члены съезда слушали доклады со внимательным вниманием. Да и как же могло быть иначе? За немногими исключениями, каждый доклад вносил нечто новое в дело авиации. К тому же, это был первый международный съезд представителей этой отрасли науки после мировой войны.

В перерывах можно было услышать, кроме распространенных европейских языков, каталонский, греческий, турецкий, еврейский, русский.

Однажды вечером, незадолго до окончания съезда, немец встретил в буфете француз. Перед французом стояла непонятная бутылка марсала, и рука его дымилась только что печатая сигару. Он внимательно рассматривал какой-то чертеж на листе бумаги небольшого формата.

Немец мелочливо сегодшний доклад французца. Они оба были специалистами по конструкции моторов, и каждый из них доложил съезду об остроумном и практически-важном усовершенствовании, разработанном им для стремительного сердца аэроплана.

Немец совершенно искренно считал, что изобретение французца ценнее, чем его. Ему захотелось показать руку коллегам и выразить свое восхищение.

Он поймал себя на мгновенном, но отвратительном чувстве. За годы войны мысль воспиталась на ненависти и злобе. Как будто что-то остановило его, когда он хотел подойти к человеку враждебной национальности. Это продолжалось ничтожною долей секунды. Прерывая себя и стыдясь внутренние мучительные стыдом, немец подошел к французу, широко растопылив длинные ноги. Коллегам доброжелательно приветствовали друг друга.

Они работали в одной области и ценили достижения друг друга. Немец свободно владел французским языком. Вальтер датунд, потешая, принял дружеский отклик.

— Вы мне любите, глубокоуважаемый коллега, — говорил француз, — к тому же, работа моя не закончена. Да, — он глубоко

втянул воздух, — с некоторых пор я потерял способность планомерно работать... — Вы перетрудились? — действительно и участливо спросил немец.

Пустынное помещение буфета было спойкой. Электрический свет, слепящий молочными стенами, навел тишину и возбудил остроту суровости. Немолчал немного, француз ответил: — Во время войны мне пришлось пережить бои и неспасение.

— Вы потеряли кого-нибудь из близких?

Гордо-голубые глаза француз потемнели.

— И потерял жену и единственную дочь, — тихо ответил он. — Жена была моложе меня на двадцать лет. Никогда не такую разницу в возрасте, мы жили очень дружно. Нашей дочери было одиннадцать лет. Это была уже человек со своим кругом интересов, веселая и жилая соседка.

— Как же это произошло? — спросил немец с волнением.

— Я был в это время на фронте, — отвечал француз, — я был мобилизован в воздушный флот. Все это случилось без меня. В ночь на 15-е июля 1918 г. над нашим городом появились эскадрильи немецких аэропланов. Своевременные были приняты меры обороны, были потоплены все огни. Детские сбросили большое число бомб, но почти все они не достигли цели, они упали вне города. Только одна из них попала в дом, стоявший на краю города. Она пробилась крышу и убила женщину и девочку.

Француз помолчал несколько, кончик пальца доглатывая шепот и прибавил:

— Это был мой дом, это были мои жена и дочь. Мени выжили с фронта телеграммой. На следующий день я был уже дома и сам похоронил их. Жена раздробила череп обокном. Дочь же была раздроблена на куски.

— Когда это произошло, вы говорите? — быстро спросил немец.

— В ночь на 15-е июля 1918 года. Вы можете разбудить меня среди глубокого сна, и я без заминки повторю это дату.

— А как называлась ваша горю?

Француз назвал горы и продолжал:

— Мне казалось, что я не переживу этой потери, но я ошибся. Теперь я живу только своей работой. Но я не могу работать методически, как прежде. По временам я теряю власть над собой, и это — самые ужасные моменты моей жизни. Когда же мне позаранеесть возможность работать, я бываю счастлив, насколько могу быть счастливым в моем положении. Но мне досаждал, что и разстроил нас своим рассказом.

Немец, действительно, казался сильно извлеченным. Минуту или две он как бы колебался, желая что-то сказать. Затем он решительно заговорил:

— Выслушайте меня, коллега. И человек одной с вами специальности, и я также во время войны был мобилизован как детник. Неоднократно мне приходилось выполнять приказом по бомбардировке укреплений пунктов и железнодорожных

путей. Но однажды мною был получен приказ принять участие в бомбардировке города в тазу. Была пасмурная летняя ночь. Мы сбросили огромное количество бомб. Все они не достигли цели. Только одна из них пробилась крышу дома и убила женщину и ребенка. Я узнал об этом на газете.

— Когда это было? — в свою очередь спросил француз.

— В ночь на 15-е июля 1918 года.

— И это было...

— Да, это был именно тот город, который вы назвали.

— Какое ужасное совпадение! — промолвил француз, — но ведь аэропланов было много, а в наш дом попала только одна бомба.

— Увы, здесь у меня нет ни малейшего сомнения, — твердо возразил немец, — бомба эта была того калибра, который не мог только на место аэроплана. Об этом я узнал из тех же номеров газет.

Француз сжал в руке чертёж.

— Значит, — растерянно начал он.

— Значит, и убийца вас не ил женой и дочерью, — докончил немец.

Митко сжали под матоном стесанным научными дамы. Снятая бумага лежала на белой скалке, и Сигарный шепел зашпалел ее багнет.

В буфете, кроме заводчиков себе подобных, уже не было посетителей, и старик-официант окинул их жеманливо-пренебрежительно взглядом. Немножко задержав чашу, отбавил по олохоту. Сове сединок встали и носом мгновенной новелности с глубоким поклоном пожали друг другу руки.

Затем француз взял свой смитый чертёж и, на ходу заковыкая его в боковой карман, торопливо пошел к выходу. Немец смотрел ему вслед и, как загипнотизированный, не мог оторвать глаз.

А. Р. Палав

ФРАНЦУЗ И НЕМЕЦ*

Рассказ А. Р. Цаля Рисунки Бор. Ефимова

Француз был невысокого роста, с брюшком, почти кругленький. У него была седоватая бородка и такие же усы. Волосы на голове поседели мало, — у блондинов они позд-

но седеют, — а голубые глаза выцвели и побледнели. В общем, это был жизнерадостный человек. Он часто и охотно смеялся коротким, рассыпающимся смехом. Но и в смехе, и в голосе пробивались матовые, грустные нотки. Они плохо вязались с внешностью француза и производили впечатление чего-то чуждого для него.

Немец был высок, худощав и медлителен. Стрельчатая фигура на высоких ногах и безусое вытянутое лицо молодили его.

Кроме них двоих, было еще много людей. Это было блестящее — не по внешности, а по значительности лиц — собрание: съезд ученых по авиации. Здесь были теоретики и практики, математики и специалисты по моторостроению, изобретатели сплавов и конструкторы различных моделей.

Члены съезда слушали доклады со вдумчивым вниманием. Да и как же могло быть иначе? За немногими исключениями, каждый доклад вносил нечто новое в дело авиации. К тому же, это был первый международный съезд представителей этой отрасли науки после мировой войны.

В перерывах можно было услышать, кроме распространенных европейских языков, китайскую, греческую, турецкую, еврейскую речь.

**) Факты, послужившие темой для этого рассказа, имели место в действительности и были опубликованы в газетах.*

Однажды вечером, незадолго до окончания съезда, немец встретил в буфете француза. Перед французом стояла недопитая бутылка нарзана, в руке его дымилась только что начатая сигара. Он внимательно рассматривал какой-то чертеж на листке бумаги небольшого формата.

Немец вспомнил сегодняшний доклад француза.

Они оба были специалистами по конструкции моторов, и каждый из них доложил съезду об остроумном и практически-важном усовершенствовании, разработанном им для стремительного сердца аэроплана.

Немец совершенно искренно считал, что изобретение француза ценнее, чем его. Ему захотелось пожать руку коллеге и выразить свое восхищение.

Он поймал себя на мгновенном, но отвратительном чувстве. За годы войны мысль воспиталась на ненависти и злобе. Как будто что-то остановило его, когда он хотел подойти к человеку враждебной национальности. Это продолжалось ничтожную долю секунды. Презируя себя и стыдясь внутренним мучительным стыдом, немец подошел к французу, широко расставляя длинные ноги. Коллеги доброжелательно приветствовали друг друга.

Они работали в одной области и ценили достижения друг друга. Немец свободно владел французским языком. Разговор затянулся, потеплел, принял дружеский оттенок.

— Вы мне льстите, глубокоуважаемый коллега, — говорил француз, — к тому же, работа, моя не закончена. Да, — он глубоко втянул воздух, — с некоторых пор я потерял способность планомерно работать...

— Вы переутомились? — деликатно и участливо спросил немец.

Пустынное помещение буфета было спокойно. Электрический свет, смягченный молочными стеклянными шарами, навевал тишину и способствовал откровенности. Помолчав немного, француз ответил:

— Во время войны мне пришлось пережить большое несчастье.

— Вы потеряли кого-нибудь из близких?

Бледно-голубые глаза француза потемнели.

— Я потерял жену и единственную дочь, — тихо ответил он. — Жена была моложе меня на двадцать лет. Несмотря на такую разницу в возрасте, мы жили очень дружно. Нашей дочери было одиннадцать лет. Это был уже человек со своим кругом интересов, веселая и милая собеседница.

— Как же это произошло? — спросил немец с волнением.

— Я был в это время на фронте, — отвечал француз, — я был мобилизован в воздушный флот. Все это случилось без меня. В ночь на 15-е июля 1916 г. над нашим городом появилась эскадрилья немецких аэропланов. Своевременно были приняты меры обороны, были потушены все огни. Летчики сбросили большое число бомб, но почти все они не достигли цели, они упали вне города. Только одна из них попала в дом, стоявший на краю города. Она пробила крышу и убила женщину и девочку.

Француз помолчал секунду, копнул пальцем дотлевший пепел в пепельнице и прибавил:

— Это был мой дом, это были моя жена и дочь. Меня вызвали с фронта телеграммой. На следующий день я был уже дома и сам похоронил их. Жене раздробило череп осколком. Дочь же была разорвана на куски.

— Когда это произошло, вы говорите? — быстро спросил немец.

— В ночь на, 15-е июля 1916 года. Вы можете разбудить меня среди глубокого сна, и я без запинки повторю эту дату.

— А как называется ваш город?

Француз назвал город и продолжал:

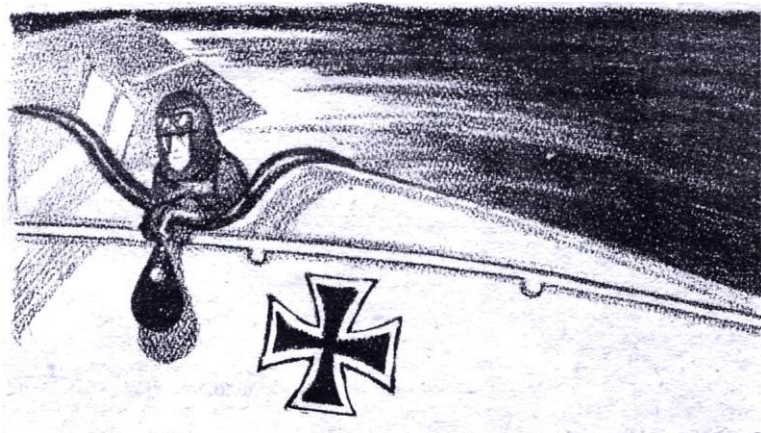
— Мне казалось, что я не переживу этой потери, но я ошибся. Теперь я живу только своей работой. Но я не могу работать методически, как прежде. По временам я теряю власть над собой, и это — самые ужасные моменты моей жизни. Когда ко мне возвращается возможность работать, я бываю счастлив, насколько могу быть счастливым в моем положении. Но мне досадно, что я расстроил вас своим рассказом.

Немец, действительно, казался сильно взволнованным. Минуту или две он как бы колебался, желая что-то сказать. Затем он решительно заговорил:

— Выслушайте меня, коллега. Я — человек одной с вами специальности, и я также во время войны был мобилизован как летчик. Неоднократно мне приходилось выполнять приказы по бомбардировке укрепленных пунктов и железнодорожных путей. Но однажды мною был получен приказ принять участие в бомбардировке города в тылу. Была пасмурная летняя ночь. Мы сбросили огромное количество бомб. Все они не достигли цели. Только одна, из них пробила крышу дома, и убила женщину и ребенка. Я узнал об этом из газет.

— Когда это было? — в свою очередь спросил француз.

— В ночь на 15-е июля 1916 года.

— И это был...

— Да, это был именно тот город, который вы назвали.

— Какое ужасное совпадение, — произнес француз, — но ведь аэропланов было много, а в наш дом попала только одна бомба...

— Увы, здесь у меня нет ни малейшего сомнения, — твердо возразил немец: бомба эта была того калибра, который имелся только на моем аэроплане. Об этом я узнал из тех же номеров газет.

Француз смял в руке чертеж.

— Значит... растерянно начал он.

— Значит, я убийца вашей жены и дочери — закончил немец.

Мягко сияли под матовыми стеклами полуваттные лампы. Смятая бумага лежала на белой скатерти. Сигарный пепел запятнал ее белизну.

В буфете, кроме запоздавших собеседников, уже не было посетителей, и старик-официант окинул их вежливо-нетерпеливым взглядом. Нежно зазвенели часы, отбивая полночь. Собеседники встали, и после мгновенной неловкости с глубоким поклоном пожали друг другу руки.

Затем француз взял свой смятый чертеж и, на ходу засовывая его в боковой карман, торопливо пошел к выходу. Немец смотрел ему вслед и, как загипнотизированный, не мог оторвать глаз.

А.Р. Палей

К. ОХРИЦ

ТРАНСФОТОР

Фантастическая юмореска

Перевод с украинского

В. Тимошенко-Пастраки

Уже третий год профессор-рефлексолог Ренский неутомимо трудился над каким-то прибором, который, с одной стороны, напоминал телеграфный аппарат Морзе, а с другой — был похож на фотокодак. И все это время он почти не оставлял своего кабинета; никто, кроме уродливого бульдога Крузо, не смел входить в его лабораторию.

На столе у него лежали прозрачные, словно желатиновые, пластинки, испещренные розовыми, зелеными, желтыми точками, пятнами, полосками, черточками... А на стене висел рисунок человека во весь рост, тоже помеченный непонятными пятнышками; рядом — какая-то сложная математическая формула и — после знака «равно» — стояло слово «жизнь». Тут же, над столом, висел второй рисунок, поменьше, — на нем был очерчен контур собаки — и опять та же математическая формула, только значительно проще.

Окна были плотно завешены занавесками, и никогда за все три года не гас электрический свет. Часто, глухой ночью, профессор вскакивал с кровати с блестящими воспаленными глазами, выбирал из кучи нужную пластинку и на ней ставил еле заметные знаки. А потом, накинув на плечи халат, откинув назад длинную шевелюру, возбужденно носился по комнате.

Он ощущал себя почти богом, он высоко вознесся над людьми; он приближался по власти над людьми к сказочному божеству, перед всеведением которого на заре человечества со страхом и покорностью склоняли голову дикие

предки человека. История теперь делилась на два периода: до Ренского и после Ренского. Седые века выкатывались из тумана, останавливали свой бег перед Ренским и снова прятались в синие туманы. Он видел, что измученный хищниками, богами и людьми, полный недовольства, похотливый, с окровавленными руками, с холодным лезвием ножа у горячей груди человек стремится от Земли к ясному небу... И он, Ренский, всего достиг.

Вот он, Ренский, изобрел аппарат, разоблачающий все прошлое и настоящее человека; все то, что человек подумал, и то, что он спрятал в своих тайниках памяти, все его мысли и переживания, все можно сфотографировать и воспроизвести в живых образах на экране.

— Хочу все знать!

Он мог ныне горделиво бросить:

— Я все знаю.

Сегодня Ренский проводил очередное испытание свое изобретение. С уст его почти не сходила улыбка. Он вспоминал те обстоятельства, что привели его к этому изобретению.

Действительно — смешно.

Его молоденькая Нели так хитро изменяла ему, и так тонко и искренне лгала, что, несмотря на всю свою проницательность, он ничего не мог ей предъявить, и в конце споров и перебранок всегда оставался еще и виноватым.

Правда, Ренский вообще мало полагался на людей, а эта женщина вообще убила последнюю веру в человеческую порядочность.

Говорит одно, а что думает?.. Множество уловок, ужимок... а столько лстивых слов, прекрасных порывов перед браком было; сколько теперь мелочей, лжи в их отношениях. Он все видит, хотя и доказать не может. Холодом веет. Ужас... Когда близкий человек врет, то что же говорить о других, далеких?... И знаменитый защитник Красовский также врет, когда распинается в красноречивом пафосе и экстазе за жертву права, напускает туману; и ассистент его, Ренского, редко скажет то, что думает... Врут все — говорят

одно, а на уме другое. Вот какой вывод из этого напрашивался сам собою.

А что, если бы, действительно, покопаться в тайнах человека, чувствительным аппаратом залезть к нему в душу, отразить на пластинке, вывернуть и показать нутро на экране?

— Натe, мол, любуйтесь! Вот где настоящий ты!

Сколько пользы принесло бы это человечеству!

И Ренский всерьез решил услужить человечеству, кото-

рое он так любил за мощь его соревнований и побед, и так ненавидел за ложь, за притворство. Сначала он что-то вычислял, исследовал рефлексy, разбивал их на группы; далее — чертил, снова высчитывал, и в конце провел опыт над своим бульдогом Крузо. Результаты получил самые обнадеживающие: трансфотор (так назвал он свой аппарат) получился даже лучше, чем он ожидал.

Сегодня Ренский будет исследовать свою жену.

Чтобы как-то ускорить время, он, дождавшись глубокой ночи, начал демонстрировать пластинки.

Едва слышно, будто тикали часы, заработал аппарат. Замаячили, замигали на экране непонятные пятнышки, затем из бледного фосфорического света начала выплывать картинка, сначала нечетко, затем все яснее и яснее: волосатый живот с сосками, над ним — собачья голова,

плетеная корзинка... Свернувшись в калач, лежит, выставив живот, рьябая старая сука и щенка облизывает, будущего Крузо.

Это был результат первого опыта над собакой; одно из первых впечатлений, оставшееся в памяти животного.

А вот вторая пластинка — его первый опыт над человеком. Ровно год назад, в октябре, сразу же после удачного опыта над собакой, Ренский провел свои опыты на человеке. И вот он вкладывает вторую пластинку... Большой завод, а возле него толпа рабочих. Слушают недоверчиво Ренского, не решается никто стать под аппарат. И хочется увидеть свое прошлое на экране, — так, будто еще раз переживешь молодость, и оно не то неловко, не то страшно... Вот молодой шофер хвастается перед толпой и дает согласие на исследование. И тут же, чтобы поощрить других, как-то наивно, по-детски обещает при случае повозить Ренского на автомашине...

Вот замаячило село... убогая хижина... так, думы парня... затаенное желание перебраться в город... Вот он в последний раз встречался с девушкой... Город... фабрика... Первые впечатления...

Ренский глянул на часы — четверть второго ... Пора! На губах — презрительная усмешка. Невольно он начинает волноваться. Ведь он сейчас узнает обо всем... Нет, не так! Он и так уже все знает, и он не понимал, отчего же сейчас волнуется. Он легко разоблачал вранье, находил фальшь и интригу в ее лстивых словах. И даже гадкое ее поведение с другом дома Аловым, товарищем его по университету, не могло укрыться от его пронизательного взгляда. Он давно бы расстался с ней. Но и живет ли Алов теперь с ней?.. Сегодня он в этом убедится. Вот здесь, на экране появятся разноцветные иероглифы, пройдет живыми образами, движениями, ритмами все то, что его сейчас так волнует.

Тихо ступая по мягким коврам, он прошел к ней в спальню, стал так, чтобы затылок Нелли была против перископа трансфотора. Нажал кнопку, и брызнула тоненькая струйка радиоактивного света, испуганно задрожала на зо-

лотых завитках. Тикает четко трансфотор — аппарат высасывает все, что было старательно спрятано в голове от ближайших людей. Нели иногда слегка дергалась, будто ей под наркозом проводили какую-то сложную операцию.

Ренский кончил, и тихо, осторожно ушел в свой кабинет. Сейчас на экране пройдет все, что так старательно пряталось за десятками замков собственного «я». Профессор опустил пластинку в раствор и вновь на экран пропустил струйку света. Далее — пропустил через пластинку гальванический ток, и она вдруг покрылась еле заметными на глаз капельками. Затем положил ее в ящик, напоминавшую кобуру, а когда чуть позже вынул ее — прозрачная пластинка была покрыта какой-то мутью.

Готово!.. Снова хлынул свет на экран.

Промелькнули эпизоды, пробежала серия картин его знакомых, и вдруг замаячили черные пятна интимного, спрятанного от людей мира...

Ренского распирало чувство отвращения. Он несколько раз инстинктивно пытался рукой остановить демонстрацию, поднимал руку вверх, махал ею над головой, словно пытаясь отогнать призрак, и иронично улыбался. Ему лицо дрожало, морщины прятались под волосы, что свисали на лоб, и он деланно-спокойно говорил:

— Я действительно как мальчик. Из-за пустяков волнуясь. Ведь и в самом деле это пустяки.

Широкие горизонты встают перед ним, разрастаются... Там все человечество, а здесь...

Сначала коллеги насмехались над Ренским. Говорили — с ума сошел. Но это было давно и они давно об этом забыли, да и про самого Ренского. Да и Ренский до этого не очень любил о себе напоминать.

А теперь вот он напомнил о себе. В один из ближайших дней, после опыта над Нелей, он явился к почтенному профессору, — печатные работы его более известны, чем сам профессор, — явился и рассказал о своем изобретении.

Профессор-академик внимательно выслушал его. Затем поднял голову, поправив две пары очков, что сползали с его носа, кивнул ободряюще головой и крепко пожал Ренскому руку.

А еще позже, на очередном заседании Академии Наук Ренский демонстрировал свое изобретение.

Собрались эксперты — врачи, психиатры, физики, репортеры, студенты. Уверенно ступая, Ренский подошел к кафедре и поставил свой трансфотор.

На противоположной стороне зала стоял экран. Публика ходила тихо, украдкой. Разговаривали шепотом. Все ждали чего-то нового, непонятного, сильного, как стихия.

Под обнаженными саблями четверо стражей привели преступника по прозвищу Золотой Ярлык.

Ренский осмотрел аппарат, вставил пластинку. Золотой Ярлык повернулся затылком. Брызнула струйка света. Преступник склонил помраченное чело.

— Уже! Через четверть часа смогу продемонстрировать результаты, — Ренский вышел в соседнюю комнату.

— Пошто это кончено?.. А я на большее не согласен. Меня, браток, на бога не возьмешь. Раз, выходит, арестован, то никакого уважения к тебе, — обиженно жаловался стражам Золотой Ярлык.

Ренский вернулся. Полный своей силой, он готовился демонстрировать ее дальше. Зал напряженно затих, напрягся... Швейцар сунул голову в полуоткрытую дверь и первый раз в жизни пожалел, что у него короткая шея и низкий рост. Подойти ближе он не смел, хотя и видел, что репортеры местных газет незаметно, но верно завоевывали себе место поближе к Ренскому.

Экран засветился, и на нем заплясали точки, знаки, побежали картины. Кажется, что никогда так внимательно не присматривались люди к чужой жизни, к каждой мелочи, до мельчайшего эпизода, как сейчас. Золотой Ярлык нахмурил брови. То, что он не вспомнил бы никогда, что давно пылью времени засыпало, чего ни одно живое существо не подсмотрело, сейчас пробежало по экрану на глазах у всех.

— Довольно! Довольно! — голос, полный мольбы, прорезал молчаливый замерший зал.

И в этом простом слове отразилась вся сила аппарата. Светилам науки оно говорило красноречивее всяких документов, утвержденных десятками печатей.

И каким ничтожным, бледным огоньком казалось сейчас каждое светило самому себе!

Вывели Золотого Ярлыка. Громко хлопали Ренскому, сжимали, низко приседая, поочередно ему руки, заглядывали ему в глаза.

Репортеры летели в редакционные конторы, радиоволны несли известие всему миру о чудесном изобретении.

Назавтра вышли свежие газеты. Там, где читатели привыкли читать передовицы, свежие телеграммы, хлесткие фельетоны, шрифтом лозунгов сообщалось на все лады о баснословном изобретении профессора Ренского — трансфоторе. Здесь же содержались, неизвестно кем присланные, фотографические снимки изобретателя, его аппарата во время работы, Золотого Ярлыка и всего зала Академии.

Газетчики надрывали горло и хрипли. На стенах расклеивали анонс о предстоящих экспериментах профессора Ренского в городском театре. Вечером в театре «Сатира» щеголеватый куплетист выступал на сцене с новой песней на злобу дня. Студент, безработный литератор, был рад, что наконец нашел материал, и рьяно строчил киносценарий.

На улицах собирались толпы, прохожие останавливали и расспрашивали других прохожих. Очень были довольны жулики, старательно обчищая чужие карманы. Вечером в горсовете специально поставили вопрос — об изобретении Ренского. Сообщили в Центр. Приказали милиции лучше следить за соблюдением общественного порядка. Волновался Загс, заваленный сотнями загодя поданных заявлений о разводе. Серии новых анекдотов разлетались по городу. И когда кто-то хотел кому-нибудь досадить, говорил: «Жаль, что вас не поставили с Золотым Ярлыком под трансфотор».

Мастера карманной «разгрузки» Сенька и Пешка, уже давно сидевшие «без дела», тоже подыскивали себе работу. Вечером того же дня они уже стояли на многолюдной площади и громко выкрикивали:

*— Мужья и жены, барышни и дамы,
Холостяки и девицы, и всякие учрежденские птицы,
Это не сказка — верная для затылков подмазка,
Чудо-желтки! Химика-Ки.
Граждане, навались!
Все, все, все. Дешево — всего четвертак,
И трансфотор вас не проймай никак!*

Ренского вызвали в Центр.

Голубь — замдиректора Госсопсиндиката — неожиданно влетел в контору. Ужасом искаженное лицо, красные зоркие глаза — будто бы вот прямо сейчас он вырвался из когтей какого-то хищника. Служащие посрывались со своих мест.

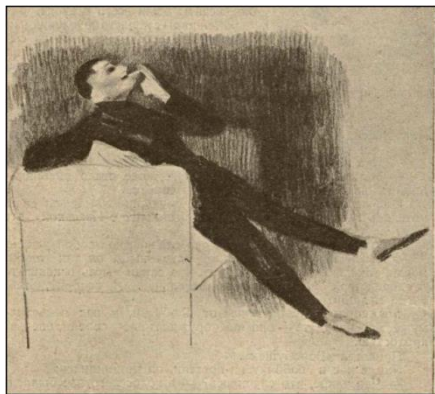
— Эк... Эк... Экспертиза! Фу... Слышите? — чуть приоткрыв двери, крикнул он на всю контору.

— Что такое? Где? Какая?

— Воды... Упр... Черт знает что! Черт знает что!.. На понедельник... Фу... Вот леший, вот пожалуйста бриться... Фу..!

Служащие окружили Голубя, не понимая, слушали его, раскрыв рты.

— В империалистическую войну не добились пули, пушки, ядовитые газы, — все претерпел... В

революцию на Деникина, Врангеля, Юденича, Колчака ходил... сбежал из контрразведки, всеми тифами переболел...

— Ради бога, Ради бога, — перебила тоненьким голоском машинистка, — ради бога, не мучайте, а скажите, что случилось...

— Добьют! Чует сердце... Трансфотор!..

Лица служащих прояснели... Кто-то сзади громко засмеялся.

— Это не новость! Об этом мы еще вчера слышали, — подал кто-то спокойно.

А сзади кто-то иронично вставил:

— То, что старое, то не новое... Вы опоздали.

Голубь, удивленный, замахал руками:

— Слышали, слышали они... И не перебивайте... Слышали, но не видели...

— Ну, так еще увидим.

— Послушайте, а тогда будете говорить. Прихожу к главбуху по делам... Куда там... какие такие дела могут быть? У него назначена экспертиза... Кхе... Все же вы, кажется, хорошо знаете Ивана Павловича?.. Да... Ивана Павловича. Человек солидный, уважаемый, а что за делец, а! — Голубь лизнул кончики своих пальцев и уже восторженно говорил: — Сидит, бывало, в кабинете — ну настоящий тебе феодал... А что с ним стало теперь, а? Поставили его, понимаете, к тому мотору... Бедный — хвост, как шелудивый пес, сразу подприжал... Как сиротинка сидит, не болтает, а сюсюкает. Профессор ему говорит:

— Повернитесь затылком.

А он:

— Видите... Я настолько приличный человек, что ни к кому еще никогда не становился, простите, говорит, на слове, затылком. Так уж меня воспитали с детства, профессор.

— Не задерживайте, — говорят.

— У меня... у меня, так сказать, и затылка нет...

— Да быть не может этого! Иван Павлович это сказал? Не поверил бы никогда, — удивился казначей.

— А сказал. Схватили, затуркали, ну и ляпнул.

— Это ужас, издевательство, — запищала машинистка, — ну, и что дальше с ним делали?

— Дурак он, хоть и главбух, — вставил свое регистратор, — что же, жалко было четвертака за желтки не пожалеть. Смазал бы затылок — и дулю в кармане показал бы трансу...

— Разве? Где же это их продают? — спросила машинистка.

— На бульваре.

Вошел директор, строго обвел глазами всех.

— Что это тут у вас?.. Вероятно, о трансфоторе завели речи?..

— Павлин Ионович, — лстиво мяукая, докладывал секретарь, — говорят, что экспертиза у нас того... в понедельник. Бухгалтер треста уже становился...

— Ерунда все это. На экспертизе никто еще не был, и нигде это не было. Просто в Академии Наук эксперимент поставили над Золотым Ярлыком... Мало ли какие эксперименты там проводят.

— Нет, я так, просто из любопытства, — заискивал секретарь.

Директор прошел в кабинет зава. Завхоз, пойманный на лжи, виновато склонил голову и шарил глазами по раскрытой материальной книге.

— Я к вам, Андрей Васильевич, — говорил директор, зажигая сигарету, — это действительно невесть что... Сегодня обходил я наши мастерские... Никакого уважения тебе. Коваль Клочко, тыча мне вслед своими грязными пальцами, так просто и бросил: «Вот кого бы через трансфотор пропустить», — аж вся мастерская заржала. Представьте себе, какая наглость! Еще и грозит: «Пропустят, — увидим, что у тебя за директорским воротником!»

— Это действительно наглость!.. Что же вы им?

— Ничего... Да ну их к черту... Слышали же, видимо... Контора наша волнуется...

— Хе-хе-хе! Чудак вы, ей-бо! Бояться нам нечего. Вот только с этой украинизацией... Хотя я и по первой катего-

рии, и сами хорошо знаете... Немного не того... А дальше, — упаси боже, и в мыслях греха не было, не то чтобы на деле... Оно только обидно, что кто-то грязными лапами в душу тебе залезть смеет. А дальше — почему это мы, наше учреждение идет первой на экспертизу, а не...

— Понимаю, понимаю... Надо контору и мастерские вперед пропустить, с низов начать, так сказать...

— Ну, рабочим нечего бояться. А контора — да!..

Зав и директор начали говорить шепотом. Далее зав позвонил машинистке Галине и уговорил ее немедленно уехать на некоторое время.

— Приятный бабец! — причмокивая губами, говорил он директору. — Иногда малость развлекаемся с ней... хе-хе-хе! Неприятности могут произойти. Жена унюхает... Лучше пусть уедет.

Директор соглашался, а сам думал: «Эх, каналья... так она и с ним... ну и женщины теперь!»

— Однако, Павлин Ионович, отчего же это наше учреждение-то в первую очередь? Это, верно, не указ вышел... Это проделки нового зав админчасти... бестия.

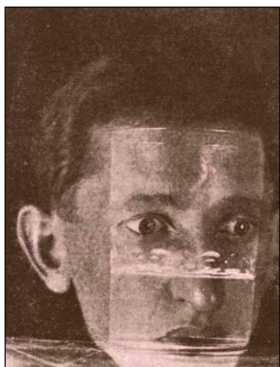
— Бестия, — подтвердил Павлин Ионович.

— А может, завхоз?.. Этот тоже может.

— Вряд ли он на это пойдет.

— А все же хорошо бы разнюхать. В тихом омуте...

— Вот бы нам такой аппаратик. Мы бы с вами... — и глаза директора заблестели.

Павлин Ионович ушел. А через пять минут он снова влетел в кабинет. Его лицо сияло:

— Андрей Васильевич! Голубчик... Подождите, надо поплотнее дверь прикрыть. Теперь и стены уши имеют. Пойдем к окну.

Зав встал.

— Идея! Идея какая! Вы только представьте себе — женщина этого черта Ренского — моя близкая... моя

близкая женщина. Вы понимаете? — и директор подмигнул.

— Ничего не понимаю.

— Нам с ней бы сговориться... кстати — она должна развестись с ним; ну и *viribus unitis*, общими силами, так сказать, ликвидировать этот транс...

Зав нахмурил лоб, задумался.

— Люди нас благословлять станут. Уверю вас. Памятник нерукотворный нам поставят. Трансфотор — это оковы на людей, чума. Поверьте, я без всяких тут особых... уверю вас! Для человечества! — пытался убедить своего зава Павлин Ионович. — Вы только подумайте. Жизнь только еще начинает в норму входить, люди только начинают жить, а тут на тебе, сюрприз! Запустят транса вам в душу, вывернут ее, и начнут плевать... все будут плевать на вас, вы будете плевать на всех... Нет, простите, я этого не позволю. Не позволю! — возмущался директор.

Солнце садилось. Зав и директор расходились, рабочий день заканчивался.

Они крепко пожали друг другу руки.

— До завтра, Павлин Ионович.

— До завтра, Андрей Васильевич.

...Через несколько день было объявлено, по какой очереди учреждения должны проходить экспертизу. На третьем месте стоял Госсольсиндикат. На первом и втором казино Рабле и Изюмтрест.

Ренский проводил подготовительные работы. Исследование намечалось начать не раньше, чем через месяц. Надо было заготовить материалы, разработать планы, предотвратить бойкот. Ежедневно в газетах сообщалось, что служащие такого-то Хламкоопа, ларька или учреждения не явились на работу в положенные часы — заболели гриппом, а в скобках иронично добавлялось — трансхворостью. Приходилось ждать, пока они успокоятся, смирятся с фактом.

Ренский работал упорно. Оборудование специальной лаборатории, организация учета работы — отнимало немало времени. А тут, как на грех, Нели решила устроить именины. Надо было писать приглашения, ходить по знакомым.

Времени не хватало на все.

Служащие конторы Госсольсиндиката все, кроме швейцара, к понедельнику (когда вроде бы должны были проводить экспертизу) заранее вооружились «желтками», украдкой натирали себе затылки. Особенно тщательно делал это завхоз (у него не хватало оправдательных документов), и казначей, которому не повезло в казино Рабле. Машинистка загодя уехала из города, получив по распоряжению зава жалование за два месяца вперед.

Зав и директор не спали ночами.

Вечером, когда вся контора испытала всю силу «чудо-желтков» на собственных затылках, на квартире у зава был организован «Комитет спасения культуры», где за батареями из бутылок пива, коньяка и ликера обдумывали проект Андрея Васильевича.

— Представьте себе! Так плюнуть в самую душу, — обижалась Нели, — на своей жене ставить эксперименты... Я случайно увидела, как он демонстрировал у себя в кабинете... Это же наглость! Гадость!

— Забудьте об этом, милая, и все будет очень хорошо, — озабоченно успокаивал ее директор. — На это время личное оставьте. Человечество за нами. Его надо спасать. С вашей помощью, нашей общей любимицы, только с вашей, мы это сделаем... Иначе человечество погибнет, вымрет, не выдержит. Не будет ему чем жить, когда все увидят его нутро. Ваш муж — мизантроп, человеконенавистник... Вот что я вам скажу.

Нели в знак согласия кивала своей хорошенькой кудрявой головкой, кокетливо улыбаясь Павлину Ионовичу.

Долго говорили, спорили. Наконец, последнее слово взял зав, чтобы распределить роли между членами «Комитета спасения культуры». Мадам Ренская снимет слепок с ключа к внутреннему замку от дверей кабинета профессора. Павлин Ионович — сделает по слепку нужный ключ. Андрей Васильевич — вынесет аппарат. Двое других вынесут его в автомобиль, а еще двое — счетовод Промбанка и зав казино Рабле — отвезут и бросят в реку. Удобнее всего это сделать в день Нелиных именин.

Расходились. Было далеко за полночь.

Павлин Ионович, кокетничая, говорил Неле:

— А действительно, чудесный сюрприз будет в день ваших именин. Исторический сюрприз!

Квартира Ренского в огнях. Подъезжали авто, кареты, извозчики. Завы, главбухи и их помы с женщинами и дочерьми... А в доме виолончель, скрипка, пианино разливали нежное трио. В уголке на тумбочке курился фимиами, смешиваясь с амбре духов и гаванских сигар, пьянил головы. Ломберные столики — вист, преферанс. Полуобнаженные женские груди, руки, короткие юбочки возбуждали желания... Казалось, что и не было той революции, что метелью пронеслась по нашим степям.

Ренский поднялся и устало потер виски. Как это все ему чуждо и далеко. Вдруг, услышав в своем кабинете чьи-то тихие шаги, он сломя голову кинулся в кабинет. Через минуту отчаянный крик пронесся по веселящемуся залу.

На пороге стоял Ренский и еле проговорил сквозь зубы:

— У-кра-ли мой транс-фо-тор...

Глаза налились кровью, лицо как-то странно скривилось, — он поднял сжатые в кулаки руки и громко захохотал.

Далее — среди могильного молчания, размахивая в воздухе руками, — он выбежал в двери, что вели в парк...

И бежал, бежал, пока не наскочил на пенек — упал, раскинулся во весь рост.

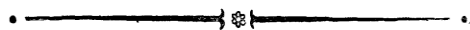
Гости быстро разъезжались.

Через два дня в местной газете сообщалось об аресте участников заговора и продавцов желтков.

В той же газете поместили некролог Ренскому и его завещание — опубликовать схемы и рисунки трансфотора в журналах для всеобщего сведения.

Киев. Февраль 27 г.

АННА БАРКОВА

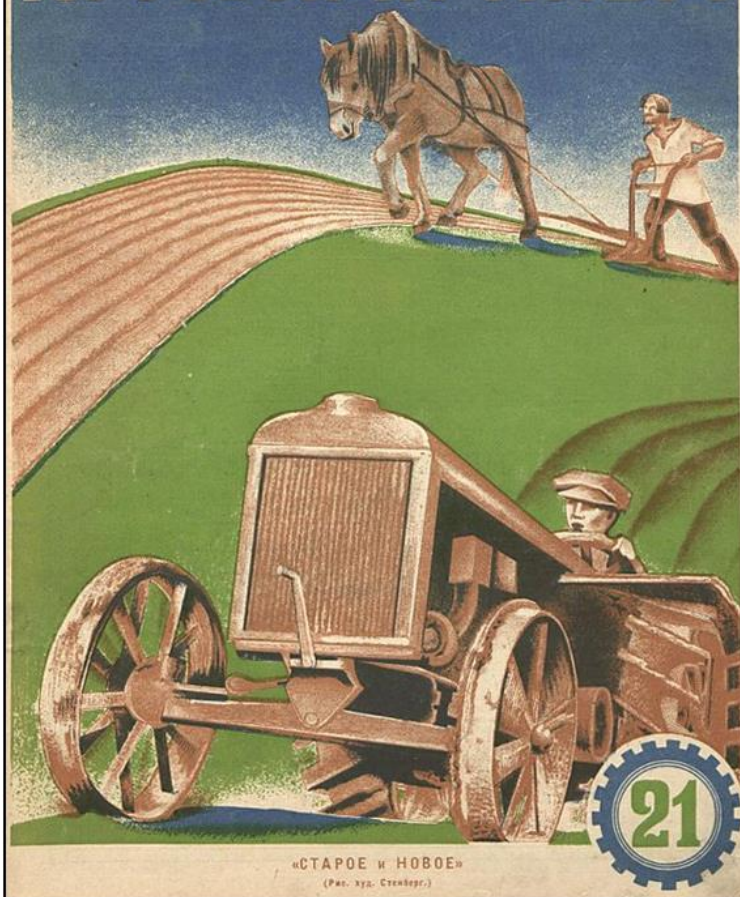
СТАЛЬНОЙ МУЖ

Фантастический рассказ

23 мая 1926 г. 4-ый год издания.

ЦЕНА в Москве, провинции и на ст. н. д. — 20 к.

КРАСНАЯ НИВА

СТАЛЬНОЙ МУЖ

I

В сентябре 1922 года я сказала моему хорошему знакомому, величайшему из ученых нашей эпохи, равному только Эйнштейну, неизвестному в такой же степени, как великому, инженеру-электрику и химику:

— Я окончательно решила. Делайте мне стального мужа. Ясно вижу, что мой скверный характер и моя не перво-классная наружность послужат неустранимой помехой для романа с настоящим одушевленным представителем другого пола. Те, кто мог бы полюбить меня, мне даже не нравятся, а те, в кого я влюбляюсь, отвечают мне глубочайшим равнодушием или мотивируют свой отказ «недостатком духовного единения», «разницей взглядов и убеждений» и ни за что не хотят признать любви вне программ и классов. Психология мне надоела. Повторяю вам: сделайте мне стального мужа.

Маленький старичок, огромнолобый, со скромно и трусливо прилепившейся ко лбу крохотной остальной частью лица, поднял голову от чертежей, и я увидела бледно-голубые глаза с просверленными чем-то узенькими, вероятно, очень глубокими, дырочками черных зрачков и толстую изогнутую морщину, пересекавшую лицо над бровями и переносьем, место, где, очевидно, приклеилась несчастная, съёженная и жалкая рабыня диктатора-лба — нижняя часть лица.

— Во-первых, это будет не стальной муж. В его состав войдут многие физические и химические элементы; во-вторых, вы употребили слово «одушевленный», что оно означает? Слово это — кожный покров, форма вещи. Где вещь, называемая словом «одушевленный» — «душа»? Будьте осторожны со словом. Помните: существуют только реакции на внешние раздражения, только явления пространственные, слышимые, видимые, осязаемые. Все остальное

— выдумки доисторического времени. Психологии нет. Вы этого не понимаете, сентиментальная, опоздавшая родиться дочь рабской эры. Да здравствует система «органических движений», к которой стремимся мы.

— Да ведь — органических. А стальной муж, которого вы приготовите для меня в вашей лаборатории, — нечто механическое.

И опустила глаза под отравленными ланцетами черных зрачков инженера.

— Нечто механическое! — восклицает профан и моргает. — Мы знаем, в какие тихие, осиянные луной, надушенные цветами, мистические области влечет вас слово «органический», которое вы не понимаете. Органическое — это для вас то, что не механическое, то есть психическое, панпсихическое и, наконец, божественное.

— Ну, хорошо. Я не осмеливаюсь спорить с вами, тем более что сама прибегаю к вашей помощи. Все-таки скажите: стальной муж будет... Ну, чувствовать, переживать, как настоящие живые люди, любить, узнавать...

— Я дам ему самую лучшую организацию. Я наделю его всеми органическими движениями, выражающими так называемые «эмоции»: любовь, ненависть, страх, нежность и так далее.

— Ну, а умственный аппарат, интеллектуальная сторона?

— Он будет читать, говорить на разных языках; я наделю его убеждениями, какими вы пожелаете. Словом, ваш муж представит нечто более совершенное, чем все люди, рожденные обыкновенным способом. Уж одно то, что прочности я придам ему на сто процентов. Вместо жидкой, испорченной, инертной человеческой крови я волью в сосуды вашего мужа электрические токи силы, способной уничтожить целый маленький городок. Сталь и электричество. Тонко и совершенно устроенная электрическая станция внутри и эластический синтез десяти последних простейших открытых мною элементов снаружи — вот весь ваш будущий муж.

— Как! Ни крови, ни пищеварения, ничего? Это ужасно. И притом это может вызвать подозрения: человек, который никогда ничего не ест. Неужели вы не пробуете усовершенствовать ваш способ приготовления этих лю... этих машин?

— Это наиболее усовершенствованный способ. Знайте: будущее принадлежит людям с электрической станцией вместо неопрятного комка мяса, именуемого сердцем.

— Людям. Это не люди — это машины, это же машины. Как вы не видите, сумасшедший чудака?

— Это — организмы высочайшей стоимости. Это — последняя ступень культуры, это — наши наследники. Если бы я имел материальные средства, все необходимые препараты, приборы и машины, я сделал бы тысячу таких организмов, заставил бы их завоевать мир, научил бы создавать себе подобных и убил бы себя. Моя миссия, выражаясь феодальным языком, была бы выполнена.

— Позвольте, позвольте. А революция? В своем ученом безумии вы забыли о пролетариате. Чем займутся ваши машины в будущем?

— Пролетариат — могильщик буржуазии, а стальной человек — могильщик старого мясного человечества. Пролетариат очищает путь этому проэлектризованному, бессмертному организму, лишенному классовых, национальных и расовых признаков.

Дальнейшие слова, я уверена, были не сказаны, а нацарапаны на моей барабанной перепонке отвратительными зрачками старика.

— Зачем же вы с вашими «ужасами» и «отвращениями» обращаетесь ко мне? Вам нужна машина любви? Я вам приготовлю ее. Сам по себе этот факт показывает, что люди «одушевленные» превращаются в досадный, скучный, непортативный и неэкономный архаизм. К делу. Какие убеждения и занятия вы хотите предоставить вашему мужу?

— Пусть у него будут художественные наклонности, но отнюдь не в литературном направлении. Я не хочу, чтобы машина торжествовала там, где я, живой человек, потер-

пела поражение. Пусть он будет, ну, например, артистом. Сумеете ли вы придать ему соответствующую группу движений?

— Группа очень несложная. После приятия речевых комплексов партнера подымать руки, вопить, бить себя в грудь и падать на колени... Он будет знаменитым артистом. Дальше?

— В смысле убеждений... Я не хотела бы иметь мужа одинаковых со мной взглядов. Это скучно. Но я терпеть не могу людей, которые изо дня в день твердят одно и то же и называют это устойчивостью мировоззрения. Нельзя ли устроить стальному мужу целую клавиатуру убеждений от ярко материалистических до сентиментально-либеральных? Исключите только экономический материализм и коммунизм. Слишком много чести для машины.

— Я все это сделаю. Вы будете заводить вашего мужа согласно вашему желанию и настроению.

— Заводить... Но как? Часто? Каждые сутки, каждый час, или?..

— Можно завести на несколько лет, но вы говорите, что любите разнообразие, значит, заводите на день, на два, на неделю. Я укажу вам точку на лбу, которую нужно будет соответствующим образом нажимать.

— Ну, а любовь? Это деликатный, но самый важный вопрос. Вообще это все неестественно. «Заводить», «нажимать точку на лбу», вся эта механическая канитель...

— На любовь также можно заводить. Посредством поцелуя в губы вы раздражаете ток, идущий...

— Покорно благодарю. Этак всякая шальная баба примется заводить, а носить рога, извините за выражение, от машины я не согласна.

— Я вам гарантирую полную верность вашего будущего мужа, я усложню механизм. Только путем давления на определенную точку правого плеча вы приводите в действие аппарат губ. По исчерпанию данной группы движений вы прекращаете работу, надавливая опять-таки на определенную точку затылка.

— Да. Путаница изрядная. Все это надо вызубрить, как таблицу умножения.

— Что касается «неестественности», то советую вам не забывать, что большинство «одушевленных» мужчин заводится поцелуями ничуть не хуже презируемой вами машины. Но состав всех движений, входящих в эту группу, вы потрудитесь изложить мне подробно в письменном виде. Я — ученый, холостяк, знаю все это лишь в общих чертах, а ваша психология и одушевленность достигли, кажется, здесь апогея.

— Гм, хотя мне и не совсем удобно писать о таких вещах, но я постараюсь...

— Может быть, вы захотите видеть сам процесс производства?

— Нет. Я знаю, что он будет стальной, и ... *С меня довольно сего сознания*^{*)}... А скоро он будет готов?

— Через месяц. Подождите вставать. Наружность?

— Ах да! Высокий рост, седеющие волосы, чуточку вздернутый неправильный нос, из тех, что называются пикантными, и непременно пенсне.

— Хорошо.

II

Ровно через месяц я прогуливалась по московским улицам уже не в одиночестве. Под руку меня вел стальной муж.

Работа была великолепна до жуткости. Рядом со мной выступал упругим, победительным шагом самодовольный, твердый, уверенный красавец-мужчина. Мне улыбались совсем живые яркие губы; я слышала звучный голос и чувствовала, как здесь, рядом, напряженно, ровно и мощно билось электрическое сердце моего мужа. Всю мою сентиментальность, опротивевшую мне, все мессианистические чаяния, и личные, и социальные, весь интеллектуальный либерализм, все поползновения к чревовещаниям, почему-то получившим у нас наименование пророчеств, я проецировала в машину, сделанную по моим указаниям.

^{*)} А.С. Пушкин, «Скупой рыцарь»

Теперь я с наслаждением слушала ровный, властный голос моего стального мужа.

— Дорогая моя. Художник может жить только с затаенной глубоко верой в примат искусства над жизнью. Все мы начинаем якобы от жизни, но затем неуклонно часть поглощает целое. Искусство выше жизни уже потому, что оно предвосхищает действие сил, в жизни еще не вырвавшихся из инертной спящей потенции. Футуризм — искусствовремесло — нечто глубоко противоестественное, противоречащее логике мирового творчества.

Я сжала руку моей возлюбленной глупой машины и ощутила биение электрического пульса.

— Голубчик, это — софизм жреца. Религия умерла, а твои инстинкты священника толкают тебя к поискам Абсолюта. Из художественного творчества, куда до сих пор не проник скальпель точных наук, ты делаешь себе бога. Почему ты так яростно ненавидишь футуристов? Они убили теологию искусства, а технику его превратили в общедоступную вещь. Изучи технику — и ты станешь художником.

— Зачем ты говоришь то, чего не думаешь? Художник ведь прежде всего — пронзительно ясный интеллект и напряженная эмоция. В продуктах его творчества остаются следы того и другого. Этим произведение искусства выходит из разряда только технических предметов. Да и что такое машина без рабочего, аэроплан без авиатора? Творческий дух, задавленный материей, теперь понял, в чем заключается его зависимость от нее. В будущем — царство духа. И пролетарская революция — правда, надежда и мука всего мира — помимо воли своих вождей приведет к воскресению мертвых, к торжеству святой поруганной Психеи, Софии, Души.

Электрические искорки поблескивали за пенсне моего стального мужа. К счастью, стекло не электропроводно, и я с несколько наглой, даже для жены, усмешкой отпаривовала его взгляды.

Совместная жизнь с машиной, одаренной самыми трогательными и дерзкими иллюзиями одушевленных существ,

задавала роскошные пиршества моей неисправной циничной насмешливости. Остатки моих принципов искрошились в мелкую пыль объятиями этого красавца-механизма, до того кружащими голову, до того проникнутыми так называемыми «эмоциями» нежности, страсти, восторга, что порой я сомневалась:

— Да полно: машина ли это? Не обманул ли меня старый прохвост?

Но легкий нажим на чуть осязаемую выпуклость затылка, и «эмоции» любви прекращались. Машина отдыхала. Замедлялось биение электрического сердца. Поэты доисторического времени с ужимками провздыхали бы о моем муже:

— Блаженное любовное утомление овевало его своими прохладными крыльями.

И в данный момент, позабавившись вдоволь чревовещаниями, я с шутилой лаской прикоснулась рукой к его лбу, надавив интеллектуальную точку в желательном направлении.

Стальной муж улыбнулся мне, замолчал, заглянул в витрину, мимо которой мы проходили, крепче и нежнее сжал мой локоть и заговорил тоном избалованного женщинами, усталого, но еще сильного и жадного, равнодушного к «началам и концам», интеллигентного вивера^{*)}. Механизм действовал.

— Милочка моя, право, иногда взглянешь кругом: на солнце, на снег, на румяные от мороза щеки женщин, услышишь какой-нибудь надтреснутый вальс в кафе, и решишь: вот это жизнь, вечная и непреходящая. Все остальное — вздор. Все остальное от лукавого. Согласна? А? Ха, ха, ха. Ты совсем глупенькая, педантичная девочка, морочишь меня гимназической философией и большевистским ригоризмом. Да ведь и твои коммунисты прежде всего люди, интеллигентные, милые и любящие пожить.

Я сконфуженно остановилась, обожженная поцелуем моего расшалившегося стального мужа.

^{*)} Вивер (лат. *viveur*) — человек, наслаждающийся жизнью.

— Ты с ума сошел. На нас смотрят. И потом ты непоследователен. Сейчас, за минуту до твоих последних слов, ты восклицал о Психее, убитой материей, и о том, что пролетарская революция несет ей воскресение...

— Я говорил это? Чудачка. Я просто пародировал тебя. Это была шутка.

Я немедленно рассердилась, а испугавшаяся машина тотчас же проделала всю группу органических движений, выражающих раскаяние. Она заглядывала мне в глаза, робко и просительно пожимала мне руку, оправдывалась примирительным голосом, уверяла, что все это мне, вероятно, показалось.

Иллюзия одушевленности доводила меня до ужаса. Теперь я страстно желала, чтобы ткани тела моего стального мужа, пропитанные каким-то составом, стали электропроводны, и я удостоверилась бы, что в жилах этого самоуверенного, высокого, сильного, красивого, сидящего механизма действительно вместо крови циркулирует электрический ток с мощностью, способной уничтожить целый город.

Однако я овладела собой. Мы дошли до театра, где работал мой муж. Начался спектакль. Неистово хлопали, вызывали, подходили ко мне, осматривали с головы до ног, хлестали меня стонами восхищения, воем восторга, визгами любопытства.

— Ваш муж нервами играет. Это поразительно, он в конце концов умрет на сцене!

— Где вы познакомились с вашим мужем?

— Как красив ваш муж!

— Голос у вашего мужа как скрипка Страдивариуса.

— Это же нутро, нутро! Это же старая душа, великая и чистая душа русского актера! — взволнованно напирала фраза.

— Да где же вы познакомились с вашим мужем?

— Я познакомилась с моим мужем тотчас же, как только он появился на свет из лаборатории одного московского химика и электрика, своего папаши.

Меня не поняли. Потом я слыхала, как слова мои передавали под строгим секретом, в качестве пикантного анекдота. Возмущению моим цинизмом не было предела.

Время шло; а я, по обычной человеческой косности, не могла примириться с тем, что муж мой — машина. Мой друг и учитель, инженер, выказывал мне при встречах самое унизительное презрение с оттенком жалости. Право, он относился ко мне так, как я могла относиться к побитой скулящей собачонке.

— Неужели вы не можете постигнуть простой аксиомы: никаких внепространственных явлений, называемых «душой», «психикой», «переживаниями», не существует? Вы не наблюдаете их. Ваш муж дает вам все, что вам нужно, даже больше, чем может вам дать ваш «одушевленный человек». Моего механического сына запас электрической энергии предохранит от «усталости», «упадка духа», «хандры» и прочих вздоров, порождаемых слабой, жидкой кровью и растягивающимся, изнашивающимся мясным мешком — сердцем.

— Все это так, но сознание, что он — стальной, отравляет всю мою семейную идиллию, не говоря уже о высших сторонах моего духа. Я не могу примириться с тем, что эта машина обманывает всех и самое себя своей мнимой одушевленностью...

— Какой одушевленностью? Вы же сами хотели, чтобы я придал ему органические речевые движения, принадлежащие людям старой эпохи. Конечно, голосовые связки его вырабатывают слова: «душа», «София», «Аполлон», «Христос», «Дионис», «Мировой дух», слова, выдуманные эксплуататорами.

— Послушайте. Мне же просто противно видеть, как он пьет изобретенное вами электрическое вино, которому вы еще в противность всем законам человеческой гастрономии придали запах портвейна. Это сплошное безумие. Понимаете, я с ума сойду, я норму потеряю. Да, я живой человек, а не чертова кукла. Я не хочу видеть попираание естества.

— Возвратите мне вашего стального мужа и возьмите одушевленного дурака. В моей лаборатории я извлеку из него большую пользу, чем вы в вашей спальне.

— Убирайтесь к черту. Вас-то я знаю. Вы способны мучить даже машину.

О, с каким наслаждением оторвала бы я мизерную прилепившуюся ко лбу нижнюю часть лица ученого!..

III

В сущности, отчего бы мне чувствовать себя несчастной? Женский вопрос, материальная сторона любви, половая проблема переламаывают хребет женщинам нашего переходного периода, а для меня они разрешились с механической — слово синоним — волшебной легкостью. Детей от моего стального мужа у меня не могло родиться, и я должна была бы благословлять наконец-то обретенный способ чистого, изящного, как самый тонкий физический опыт, производства человеческой породы.

А поэма нашей страсти ничуть не уступала Песни Песней, недаром же я трое суток подряд трудилась над составлением подробного списка группы органических движений, выражающих эмоцию-любовь.

Особенно мучительную, яростную и хмельную страсть дарили женщине и машине зимние вьюжные вечера и весенние жаркие грозы. Это вполне объяснимо. В холод нам хочется согреться, а гроза заряжает нас неистовой энергией, разрывающей слабые стенки тела.

Обычно я подходила к стальному мужу, обнимала его правой рукой, а левую игривым кошачьим движением бросала ему на правое плечо, потом «приводила в действие аппарат губ», выражаясь терминами старика-инженера.

Мой муж преображался. С загоревшимся лицом он крепко сжимал меня прекрасными сильными руками. Электрический ток в его жилах начинал пульсировать с удесяте-

ренной силой. Сердце работало грозно и напряженно, опьяняясь скопляющейся электрической энергией и рассылая ее по всему телу, «охваченному любовью». А мое несчастное невротическое изношенное сердце разрывали страсть и страх. Вдруг от переизбытка действия этот высокоорганизованный механизм испортится? Я буду убита первым же вырвавшимся наружу электрическим зарядом.

«И, — думала я, — кто знает? Если бы те же приемы в подходящий момент я применила к мужчине из мяса и крови, может быть, достигла бы таких же блистательных результатов».

Впрочем, я находила, что объятиям одушевленных существ далеко до объятий электрической станции.

Стальной муж шептал:

— Я люблю тебя, я люблю тебя, моя милая, угрюмая девочка. Я не отдам тебя никому, я не оставлю тебя.

— За что же ты меня любишь? Я очень упряма, очень зла. Эти свойства, увы, не искупаются и красотой. Я похожа на всех чертей.

— Да за это я и люблю тебя. За твой ум великолепного зверька, непоследовательный, эгоистичный, по-женски чувственный. Люблю за то, что ты непременно хочешь выскочить из женщины и не можешь. Ты суетна, ленива, стараешься быть интеллектом, а остаешься стихией, столь же непонятной, как непонятен и загадочен зверь...

— Слушай теперь, за что я тебя люблю. Ты чудесно оборудованная машина, с гарантией на всю мою жизнь. Я, если захочу, я завещаю тебя кому-нибудь. Тебя будут заводить поцелуями на ласки и прикосновениями ручки великолепного зверька на высказывания убеждений.

— Перестань, дружочек, голубчик. Зачем ты так шалишь, так тяжело, скучно и нелепо? Ты раздражаешь меня такими неуклюжими и, прости пожалуйста, плоскими шутками.

— Ну, я не буду. Правда, это дурно. Так ты не оставишь меня? Никогда?

— Я старый, седой человек. Помнишь:

*О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней^{*)}.*

Я старик, а измена — это роскошь молодости.

Все-таки этот сентиментальничающий стальной цилиндр щекотал мою злость. Преданнейшим нежнейшим голосом я проворковала:

— Да, милый, ты не изменишь мне, конечно, если благодаря глупой случайности какая-нибудь дама, целуя тебя, не положит лапку на твое правое плечо.

— К чему ты так говоришь? Ну, я люблю, когда твоя рука лежит у меня на плече, но неужели любая женщина, стоит ей сделать так же...

— Любая. Любая. Чья бы рука ни заводила часы, они идут одинаково.

Такие поддразнивания беспокоили и сердили моего стального мужа. Он серьезно требовал прекращения подобных «ни на что не похожих» шуток и волновался до тех пор, пока легким давлением на его затылок я не приостанавливала поток любви и не заводила его умственный аппарат.

Игра и занимала меня, и тревожила. С одной стороны, дряхлое чувстве морали беззубым шепотом корило меня за нарушение законов природы. Я готова была искать в уголовном кодексе статей, карающих за противоестественные половые отношения к машине; с другой стороны, я получала каждый день по лошадиной дозе уверенности, что мой стальной муж — самый настоящий, самый подлинный человек со всеми реакциями, присущими человеку, со всеми интересами и склонностями человека.

— Но ведь он не чувствует, — кричала я сама себе, — он не мыслит, у него нет души, только механика, только электричество, только неэлектропроводная внешняя ткань, упругая, так тепло и прелестно, по-человечески окрашенная.

^{*)} *...О, как на склоне наших лет... — Из стихотворения Ф. Тютчева «Последняя любовь» (неточная цитата).*

Гримаса огромного инженера прыгала перед моими глазами:

— Душа. Что такое душа, по-твоему? Нечто неуловимое, внепространственное, жидкость Декарта или младенец, которого уносит ангел на иконе, изображающей усение богородицы. Ваша душа, ваша психика — только движение. Чем ты докажешь свою и чужую одушевленность?

— Меня, однако, никто не заводит: ни на любовь, ни на идеологию.

— «Любовь», «идеология», да уж тем, что ты употребляешь эти слова, шелуху без ядра, ты доказываешь, что тебя давным-давно завели, еще в школе, еще в родном доме, и теперь твой язык автоматически повторяет словесные формулы, а твой мозг утомляется в бесплодных усилиях дать реакцию на несуществующее раздражение. Его бьют повторяемые изо дня в день и приносимые слуховыми нервами слова: «дух», «идеология». Твой мозг превратится в кашу под ударами этих внепространственных бичей.

Я принуждена была отдавать должное работе проклятого ученого колдуна. Моего стального мужа можно было завести раз навсегда во всем. Но я не рисковала предоставить машине неограниченную свободу. Ведь эта свобода повлекла бы непременно измену, несходство убеждений, семейные сцены, потому что стальному мужу свойственны были все человеческие заблуждения и слабости.

Он мог про себя сказать: человек есмь, и ничто человеческое мне не чуждо.

IV

Мы вернулись из театра в час ночи. В этот памятный трагический вечер необычайный гений перевоплощения моего мужа достиг головокружительной высоты. Я на своем кресле партера ясно почувствовала и поняла, что так дальше жить нельзя, что я не могу примириться с торжеством этой машины. Поэтому я решила уничтожить машину. Бешеная

мысль прыгала в страхе и злости огромными нелогическими скачками.

— Он не смеет так, он не должен так, этот проклятый электростальной аппарат. Он одаряет мир восторгами искусства, а меня — укрепляющим хмелем страсти полнее, сильнее и чище, чем одаряют люди. Я не хочу потерять последние остатки веры в человеческую жидкую кровь и, может быть, в младенца, уносимого ангелом. Я должна во что бы то ни стало убедить машину в том, что она — машина.

И странно: небывалая грусть и небывалая нежность, и острый холод мучительного предчувствия, казалось мне, сразу морщинами врезались мне на лицо и на сердце. Решения слишком большой любви или слишком большой ненависти всегда старят.

А муж, весь сверкая лаской, радостью или просто электричеством, спрашивал меня:

— Почему ты никогда не выпьешь из одной со мной бутылки? Ну, прошу тебя, сегодня не отказывай мне. Вот я наливаю.

Электрическое вино горело желто-красной сумрачной угрозой поработленного солнца. Старик-инженер уверил меня, что вино безвредно и для жалких существ с психикой и неопрятной жидкостью, именуемой кровью, но до сих пор я не пила его из принципа: никогда не употреблять в пищу машинного масла.

Сегодня я решилась. Чокнулась с мужем и не без тайного страха залпом опрокинула бокал.

Опьянение? Нет. Я не знаю, как назвать. Скорее прояснение, доведение ясности сознания до абсурда, что ли.

Стальной муж устало лег на диван. Бедная электрическая станция, какой удар я нанесу тебе.

В шутку, в минуты особой нежности, я называла его стальным мужем, и он не возмущался. Он был уверен, что эпитет относится к его духовным силам: выдержке, твердости, непреклонности и верности.

— Почему я иногда замечаю в твоей любви ко мне какую-то безнадежность, как будто ты не веришь ни мне, ни

себе, ни нашей страсти? Ты удерживаешь что-то и не можешь удержать.

— Может быть, я не верю ни нам обоим, ни любви. А может быть, боюсь потерять тебя.

— Напрасно. Это уже последняя любовь, «прощальная улыбка на мой печальный закат»^{*)}. Я должен бояться твоего проворства, а мои ноги слишком стары, чтобы убежать, а руки слишком бессильны, чтобы разорвать цепи.

— Да, ты прав. Я твоя первая, последняя и единственная любовь.

Лукавая поддразнивающая улыбка, та улыбка, улыбка живого, легкомысленного человека раздвинула губы моего мужа.

— Хронологически, конечно, не первая, а только последняя. Но сама по себе и первая, и последняя, и единственная.

— И хронологически первая.

— Ну, пусть будет по-твоему: «брито, стрижено, нет, брито».

— Скажи мне другое. О хронологии пока довольно. Счастлив ли ты?

— Я счастлив, как можно быть счастливым на закате, перед старостью. Сейчас я на самом острие радости. В жилах у меня словно не кровь, а электричество, банально выражаясь.

— Это банальное выражение очень близко к истине.

— Да? Тем лучше для меня и... для тебя.

Однако я испугалась, что опасная нежность к машине помешает моему намерению вернуть ее в разряд вещей, как уже и случалось несколько раз прежде. Но по слабости человеческой я непременно хотела начать с ссоры, найти предлог, прицепиться к чему-нибудь. Объявить же просто, честно и открыто, — знай, что ты машина, — я не могла. Только в припадке слепой ярости я бросила бы это оскорбление в лицо стального мужа. И здесь я путалась: я считалась с машиной, как считалась бы с человеком. Я старалась

^{*)} *Перефразировка заключительных строк стих. А. Пушкина «Элегия»*

причинить боль, оскорбить, раздражить.

Я слегка царапнула по больному месту.

— Ну, моя милая электрическая батарея...

— Дружочек.

— Я здесь, мой дорогой цилиндр.

— Это глупо.

— Пусти, пожалуйста.

О, как тяжело

Пожатие стальной твоей десницы.)*

— Знаешь, все это хорошо в маленьких порциях. Ты хочешь испортить мне сегодняшний вечер.

А-а. «Сегодняшний вечер». Наконец-то я поняла скрытую постыдную причину моего озлобления в «сегодняшний вечер». Там, где меня осмеяли, машину встретило поклонение. Недурно было бы разрядить это ходячее электричество среди одуревшей от эмоций толпы, недурно было бы размолотить этим стальным остовом хрупкие слабые головы, давно потерявшие собственные страсти и собственные мысли. Идиоты хлопают глазами и ушами на машину, построенную по их подобию, и восклицают: «О, это нервы! Это сила! Это игра!». Да, несчастные дурачки, это сила, если даже машина талантливее играет, крепче любит, чем любите и играете вы, проникнутые презрением к собственному естеству. Ведь у вас только жидкая, свертывающаяся кровь в жилах и только непрочный истрепанный мешок в груди.

— О чем ты думаешь так долго? Забудь все, смотри на меня.

Как поразительно менялись мои настроения в эту последнюю ночь любви, вероятно, под действием электрического хмеля. Я решила поддаться опасной нежности и на высшей точке ее — отравить. Если не выдержу, останусь на всю жизнь влюбленной рабой машины. Человек потерпит последнее позорное поражение.

*) Перефразировка слов Дон Гуана в трагедии А. Пушкина «Каменный гость»

И вправе ли я? Чем я докажу «одушевленность» свою и чужую? Он дарил мне все, что может дарить любовь. Каждый счел бы меня сумасшедшей, если бы я высказала публично: «Этот человек — машина».

Бедные бешеные элегические страсти Данте и Беатриче, Лауры и Петрарки, Ромео и Юлии. Гимны ваши заключены в клавиши обезьяны-механизма, а ваш тайный сладостный шепот теперь слетает с губ, окрашенных зловещей теплотой электричества.

— Послушай. Дай мне слово, что ты примешь серьезно все, что я скажу, и поверишь всему.

— Зачем? Не нужно, не нужно.

Я вздрогнула от этого невольного крика — мольбы о пощаде. Робость и человеческий испуг перед безобразным и необъяснимым прочла я в глазах существа, которому уже не давала никакого имени.

— Когда-нибудь ты должен узнать. Я не могу тянуть дольше. Дай мне слово.

Он даже руки протянул вперед:

— Да минует меня, отец мой, чаша сия.

Это сильное механическое нечто стояло теперь, пытаюсь сжаться, чтобы не быть раздавленным.

— Я обещаю верить всему, что ты мне скажешь.

— Так знай: ты — машина. Ты машина-человек, приготовленная старичком-инженером, который бывает у нас, в его лаборатории.

— Этого не может быть. Ты сошла с ума. Ты смеешься. Ты ошибаешься.

В последних двух словах — последняя искра надежды и полная страшная уверенность. Машина убедилась в том, что она машина. Он был бы счастлив, если бы оказалось, что я действительно сошла с ума.

— Я не сошла с ума и не ошибаюсь. Ты машина с костяком из какого-то сплава. В твой состав входит сталь, электричество, всякие белки, кислоты и другие вещества, которые я не могу назвать, потому что я не знакома с химией. Но, знаешь, тебе незачем отчаиваться. Инженер уверяет, что

наиболее совершенные люди — это те, способ производства которых он открыл. Им принадлежит будущее. Ведь никакого духа нет, все это вздор. Главное — движение. А твои движения гармоничнее и целесообразнее движений обыкновенных людей.

Вы заметили всю несуразность последовавшей за первым ударом тирады? Я вдруг, не помню уж который «вдруг» в эту ночь, поняла, что я делаю возмутительно ужасное, дикое и непростительное преступление. Я произнесла слова: «Ты — машина», — и тут же усомнилась в них. Ведь я ничего не знаю, ничего не знаю, наконец.

Он смотрел на меня прежним взглядом, исполненным любви. Ну, называйте меня душой, чем вам угодно. А я делаю самую реальную любовь в глазах автомата. Пусть это ни с чем не сообразно, чудовищно и, что хуже всего, — смешно.

Он стал необыкновенно спокоен. Секунд десять стоял, глядя на меня, потом тяжелой механической поступью направился к двери. Его движения лишились свободной эластической гибкости. Машина вернулась к своей сущности. В этот момент я в самом деле помешалась. Бросилась полубессознательно за уходящим, дрожащей рукой повернула к себе его голову и нажала на лбу точку интеллекта, желая отвлечь мысли автомата в другую сторону.

Он улыбнулся, пожал мне руку и вышел.

Я услышала из-за дверей его голос, грустно шутливый и твердый:

— Аппарат испорчен.

V

Несколько дней мой стальной муж не выходил из своего кабинета. Что он делал там? Я опасливо проходила мимо дверей. Разве я знала, что может совершить взбунтовавшаяся, лишенная контроля машина. Маховик раскрошит человека, обратит его в мясной фарш, чуть только зазевайся. И не могла я забыть растерянного, слишком человеческого косноязычия, каким встретил удар мой стальной муж.

Я впала в светлое пустое спокойствие; я сразу отрезала от своей жизни страсть и роковое влияние машины. Знала, что это даром не пройдет, что самая интимная близость с электрической станцией в образе прекрасного влюбленного человека перевернула весь мой мир и навсегда. В то же время я беспощадно жгуче сознавала, что дальнейшее погубило бы меня. Я и не предчувствовала, ни в малейшей степени ни постигала того, что должно было произойти.

Однажды между утром и ночью я вскочила с припадком сердцебиения. Сознание важного часа, который уже уходит, сбросило меня с постели. Я ринулась в комнату стального мужа. Незапертая дверь и пустая ярко освещенная комната. На письменном столе большой конверт крупными буквами «Моей жене» привлек мое отчаянно колотившееся сердце.

«Моя дорогая!

Я уйду, чтобы убить себя. Я нашел способ уничтожить это проклятое искусственное тело, мое „я“. Неужели только оно мое „я“?

Я уйду далеко. Я не хочу уничтожить вместе с собой столь сильным электрическим разрядом сотни людей, с вашими мясом, нервами и костями.

Что же, я не такой чужой лесу. Все возвращается в свой черед в неиссякаемое материнское лоно космической энергии.

Я говорю: „Я любил, я чувствовал, я был вполне психическим существом, вопреки тому, кто меня приготовил по заказу в своей лаборатории“. Как произошло это чудо? Я знаю как. Я теперь вижу и горько и тяжело оцениваю мое полугодовое прошлое слепой мертвой машины. Нет. Это неверно. Я был мертв первый месяц, два, я был машиной, подчиненной твоей жестокой упрямой и страдающей руке. Ты мучилась, приводя в действие инертный электростальной аппарат. Ты хотела, не сознаваясь себе самой в этом, одушевить машину. И ты достигла цели. Любовь сильнее смерти, сильнее железного мертвого упорства машин. Я ожил для любви и для творчества. Я переживал не понят-

ные мне страх и отвращение, когда ты в своей жестокости, не подозревая о чуде, вызванном тобою, называла меня машиной. Теперь я понял это. Человек во мне смутно помнил о своем происхождении.

Я не могу оставаться подле тебя. Я сам ощущаю в себе свой легкий, гибкий и прочный металлический остов, свое электрическое сердце, и мне страшно. Но это не главное. Главное — твоё отвращение! А без твоей любви и не хочу, и не могу жить.

Старик ошибся. Его машинам с „единой системой органических движений“ не завоевать мира. Первая же смиренно уходит, уступая место человеку. В эти три дня бывали моменты, когда я поддавался непомерной сверхчеловеческой гордости.

Но... я победил бы весь мир, кроме тебя: меня полюбили бы все женщины, кроме тебя, и я от всего отказываюсь. Ну не первый ли это случай в истории человечества, когда машина добровольно, из одной любви к своему творцу, уступает ему место и удаляется? Прощай. Ни один из живых людей, рожденных матерями, не полюбит тебя так, как любил твой Стальной Муж».

— Ну что вы на это скажете, старый осел?

— Удивительный случай. А впрочем, это подтверждает мою теорию. Внепространственные призраки, слова без плоти, губят не только мясных людей, но и механических. — Зрочки сузились... Старикашка склонился над своими чертежами.

Н. БРЫЛЬ

**САНАТОРИЙ
В ПОДНЕБЕСЬЕ**

Фантастический рассказ

Перевод с украинского

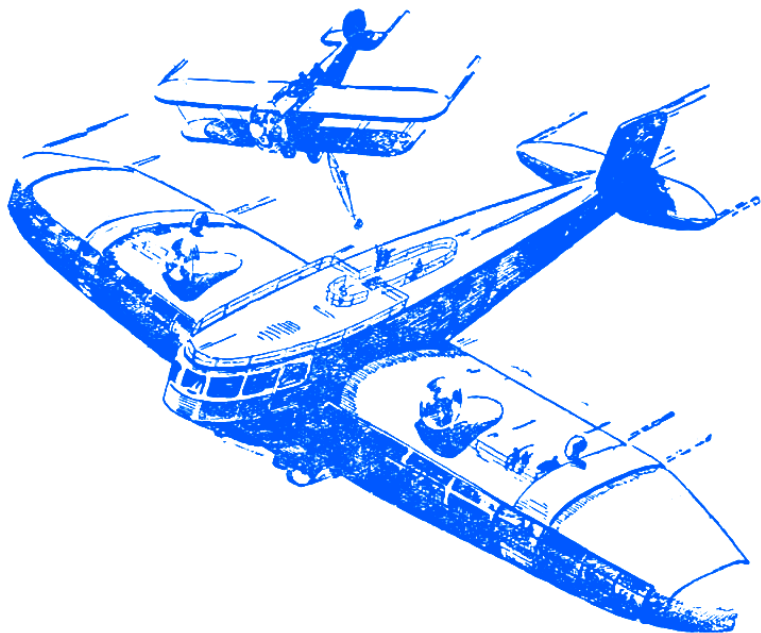
В. Тимошенко-Пастраки

Рисунки А. Гороховцева, С. Кованько.

О П О В І Д А Н Н Я М И К О Л И Б Р И Л Я

С А Н А Т О Р І Й В П О В І Т Р І

Малюнки С. Кованька, А. Гороховцева

Последние достижения планерного спорта позволяют с полным основанием думать, что перед нами разворачивается новая, очень перспективная страница авиации. Уже сегодня строятся многоместные планеры на несколько десятков пассажиров, уже разработаны проекты планеролетов, которые будут выводиться ввысь самолетами—тягачами и затем совершать самостоятельный (и очень длинный, многокилометровый) планирующий полет в воздухе.

В своем рассказе «Санаторий в воздухе» Николай Брыль, заглядывая на несколько лет вперед, дает нам представление об одном из интересных способов применения планера будущего.

Проснулся Василий от какого-то далекого, сильного грохота. Посмотрел вокруг и вдруг вспомнил, почему он оказался здесь, в этой аккуратной, затянутой зеленоватым дерматином каюте. На постели напротив сладко спал человек — в нем Василий узнал Артура, с ним вместе он вчера приехал на аэродром. Из небольшого окна, на котором занавеска весело хлопала под дуновениями свежего ветерка, доносились отголоски того грохота, что разбудил его несколько минут назад.

Вдруг над головой, очевидно, из рупора громкоговорителя, кто-то проговорил сначала тихо, потом все громче и громче:

— Про-сы-пай-тесь! Просыпайтесь! С добрым утром! Просыпайтесь! Утренняя зарядка для желающих будет через пятнадцать минут в зале № 2.

Сладко потянувшись, Василий вскочил с дивана, быстро оделся, собрал постель, спрятав ее в ящик, что специально был сделан под диваном, подошел к окну и отодвинул занавеску.

Грохота уже не слышно было совсем. Мимо окна быстро прошел человек в белой одежде с золотыми нашивками на фуражке и рукавах. Разглядев повнимательнее, Василий увидел, что окно его каюты выходит на белую стеклянную галерею, напоминающую оранжерею. Окна в галерее были приоткрыты и выглядели, как иллюминаторы на пароходах.

Еще через минуту на галерею вышли несколько человек. Они оживленно разговаривали между собой и периодически громко призывали:

— На зарядку! Все на зарядку!

Толкнувши несколько раз Артура, который спросонья никак не мог понять, где он оказался, Василий побежал умываться, чтобы еще успеть на зарядку.

Но этому похвальному намерению не суждено было осуществиться. Возвращаясь из умывальной, он увидел в коридоре такую милую девушку в цветастой пижаме, что

все его планы изменились немедленно и радикально. Быстро забежав в каюту, он повесил на крючок полотенце, миглом натянул лучшую свою байроновку, поправил прическу, лихо сбил набекрень кепку и, бросив Артуру: «Бегу на зарядку», — быстрыми шагами направился... догонять цветастую пижаму.

Он прошел по коридору налево, потом, увидев напротив себя стеклянную стену уже знакомой галереи, вышел на нее узким переходом и вдруг замер у окна, забыв даже про милую девочку.

Далеко, далеко внизу медленно проплывал какой-то завод — из дымоходов валил дым, заволакивая всею несколько корпусов. От завода седыми волосками расходились рельсы железной дороги. По ним медленно ползали какие-то машинки, словно букашки и гусенички.

Василий восторженно ласкал глазами прекрасные родные пейзажи и, переходя от окна к окну, дышал полной грудью, радостно чувствуя особенно пьянящую чистоту воздуха.

Вчера, подъехав вечером к аэродрому, он увидел на поле большой, ярко освещенный воздушный корабль. «Это, видимо, и есть наш воздушный санаторий» — сказал тогда Артур. И, окончив медицинский осмотр, отдав свои документы, они целой толпой подошли к входной двери корабля.

Тут же громкоговорители позвали их на ужин, а потом, только они успели разложить вещи в своих каютах, как уже настало десять часов, лампы сразу уменьшили вдвое интенсивность света, и знакомый уже голос из громкоговорителя произнес:

— Просим товарищей ложиться! Доброй ночи!

Под тихую спокойную музыку они умылись, быстро разделись и почти тотчас заснули, так и не разглядев, что же это за странный корабль, на котором им придется прожить несколько дней отдыха.

Теперь, проходя длинной галереей, очевидно, составлявшей собой правый борт гигантского корабля, Василий

вдруг остановился, пораженный мыслью, которая уже давно как-то подсознательно его смущала.

"Почему так тихо? Почему не слышно грохота мотора? Может, мы опускаемся? Если да, то почему так долго?"

Обеспокоенный этими вопросами, он быстро направился на другую, залитую солнцем галерею, где темными силуэтами на фоне блестящих окон мелькали человеческие фигуры.

Почти вбежав, он появился на галерее и сразу же перешел на солидный, ровный шаг: в кресле возле одного из больших окон сидела та самая милая девочка.

Василий несколько раз прошелся вперед-назад по галерее, поглядел в окна и немного сориентировался, в какой именно части корабля находится. Из окна прямо напротив себя он увидел огромную живую зеленую картину. Колосальными, даже с этой высоты — квадратами, прямоугольниками и треугольниками — лежали на этой картине колхозные и совхозные поля. Красные пятна железных и черепичных кровель яркими цветами расцветали на общем зеленом фоне.

Корабль плыл, не летел, а именно медленно плыл, изредка, словно на волнах, качаясь в прозрачной и удивительно чистой вышине. По всему было видно, что эта галерея выходила своими, под некоторым углом поставленными окнами, на переднюю кромку одного из крыльев корабля. Взглянув налево, Василий увидел на несколько метров вперед выдвинутый нос странного воздушного судна. Носовая часть своим видом напоминала алмаз — она была как бы ограненная. Видимо, там была командирская рубка, и обзор из нее был не только вперед и в стороны, но и вверх и вниз.

«Значит, эта галерея размещена в правом крыле», — решил Василий.

«Человек на полтораэта тянет эта штуковина», — прикинул Василий и снова прошелся галереей. Под всеми окнами в небольших, укрепленных на полу кадочках, зеленели какие-то вьющиеся, похожие на глицинию, растения. Под-

вешенные к алюминиевым проволочкам, они вытягивались под потолок и роскошными гроздьями свисали над креслами.

Такая же гроздь свисала и над девушкой в цветастой пижаме, придавая ей еще больше прелести.

Как бы совершенно случайно Василий остановился у соседнего окна и, притворно пристально разглядывая прекрасные виды внизу, одновременно стал искоса рассматривать свою соседку.

Она немного мечтательно, отдавшись сладким ласкам солнечных лучей, поглядывала вокруг. Затем взглянула на маленькие ручные часы.

«Чего доброго, еще уйдет, и я не успею с ней познакомиться», — забеспокоился Василий. И тут же неожиданно произнес, как бы ни к кому не обращаясь:

— Но все же, — где же тут пропеллеры, моторы и всякие такие штуки?

Девушка так же, словно ни к кому не обращаясь, ответила:

— А на что они сдались? Ведь мы и так летим.

«Ну, ну, — мелькнула у Василия мысль, — лицом красавица, но звезд с неба не хватает...»

Однако громко он подхватил немного дидактическим тоном:

— Видите, товарищ, как вам известно, для всякого летающего аппарата нужна э-э ... гм — движущая сила...

— Вот и я говорю: сила, очевидно, есть, если мы летим...

«Нет, — все-таки она не очень умная, — все больше убеждался Василий, — азбучных вещей не понимает».

Но громко сказал:

— Так-то оно так. Только мы не можем подходить к этой силе как к слепой стихии. Мы же знаем, что такая громадина, как наш корабль, непременно должна двигаться при помощи моторов... э-э-э... внутреннего сгорания...

— Мне кажется, что не всегда...

С этими словами она еще раз взглянула на часы и, бросив:

— Простите, меня ждет работа! — направилась к двери с надписью «Служебный вход» и быстро исчезла.

— Хм... ей «кажется», — пробормотал себе под нос Василий. — Весь мир, начиная от детей дошкольного возраста, это знает, а ей еще только «кажется». — Василий иронично улыбнулся. — Представляю себе, какая может ждать ее работа. Ресницы подкрасить или ногти лакировать.

Но сейчас же он представил себе восторженные девичьи глаза под прекрасными густыми черными ресницами...

— Ч-черт! И отчего же это так бывает: хороша — целовать хочется, но пустая, как...

Закончить сравнение, явно невыгодное для девушки в пижаме, он не успел. Где-то наверху послышался грохот, — в нем нетрудно было узнать работу мотора аэроплана.

— Наконец-то я тебя разыскал! — И, подхватив Василия под руку, Артур потянул его к двери с надписью: «На палубу. Держите шляпы!»

— Бежим! Сейчас будут принимать почту с воздуха.

— Что? Почту? Не понимаю: разве мы и так нескоро прибываем на место?

— Что ты плетешь, Василий? Проснулся раньше меня, а еще говоришь, словно спросонья. На какое еще место будем? Мы и так давно уже прибыли.

И Василий моргнул, словно и вправду пытаясь проснуться, и быстро зашагал за Артуром по крутым ступеням наверх, откуда все громче и громче слышался грохот.

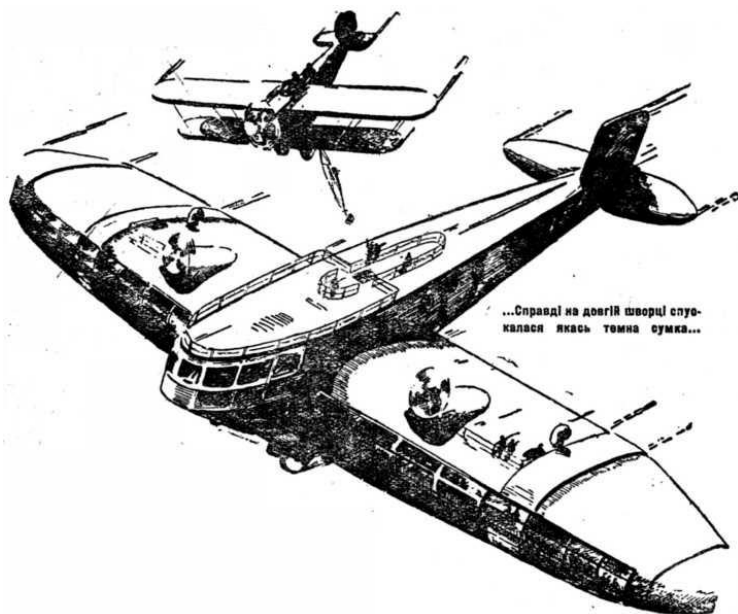
— Держи! Держи шляпу! — крикнул Артур.

Но предупреждение запоздало. Свежий ветерок сбил с него кепку и, словно играючи, взлохматил кудри.

"Пропала новенькая кепка", — Василию стало очень жалко своего серого пушистого главного наряда.

Но, не желая показать, что сильно расстроен, он, откинув волосы со лба и держась за перила, пошел за Артуром по направлению к двум людям в форменных костюмах, которые прикрепляли к палубе какое-то устройство.

Теперь Василий немного осмотрелся и понял, что это за корабль, на котором он оказался.

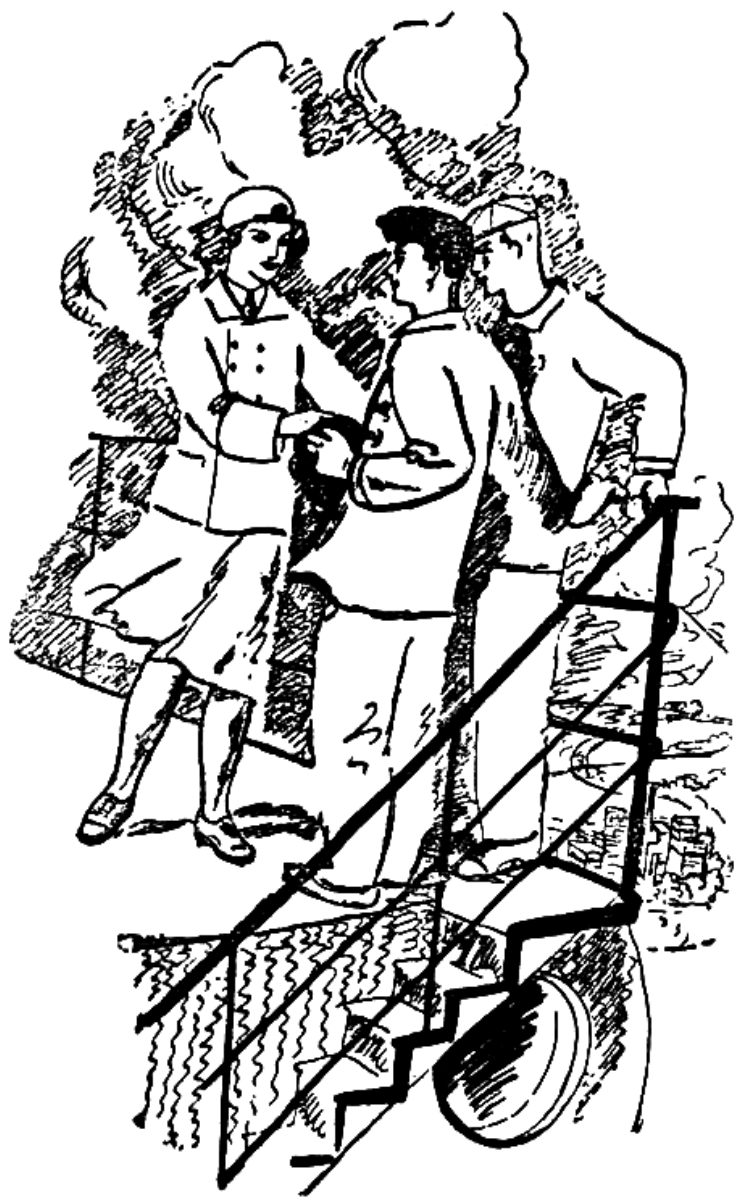
Вокруг него была огромная, нескольких метров в ширину палуба, находящаяся на «спине» гигантской металлической птицы.

Над ними, как ласточка над соколом, кружил маленький аэропланчик.

— Смотри, смотри — спускается! — крикнул Артур.

В самом деле, из аэроплана быстро спускалась на длинной веревке какая-то темная сумка. За ту секунду, что аэроплан пролетал над палубой, сумку ловко успело подхватить то самое устройство, которое ранее прикрепили два человека в форменных костюмах.

...Д-дякує д-дуже,—тільки й міг пробурмотіти сестинілий Власиль...

Затем Василий повернулся к носу корабля. Оттуда навстречу ему шла одетая в полную летнюю форму летчиков женщина.

Белая жакетка с золотыми нашивками, хорошенькая белая каскетка с вышитой золотой эмблемой — крыльями, белая короткая юбка, белые чулки и такие же туфли.

Черным во всей этой фигуре был только ремешок на каскетке — он обнимал ее милое лицо, — и еще черные густые ресницы. Черт возьми, это были те самые ресницы, что полчаса назад он видел у той девушки в пижаме, которую Василий знакомил с авиационной грамотой.

— Товарищ капитан! — подошел к ней один из тех, что принимали почту, — для вас есть два письма!

— Отнесите, пожалуйста, ко мне в каюту, — ответила женщина-капитан и тут же обратилась к Василию.

— Не ваша ли это? — и она протянула ему серую пушистую кепку.

— Б-большое спасибо, — только и мог пробормотать остолбеневший Василий.

«Ох, и дурак же я, колода дубовая. Получается, я «учил» капитана корабля, — вспомнил он свои нотации. Движущая сила... внутреннего сгорания... А я еще ее порицал: «милая и пустая». Ой, болван неотесанный...»

Василий чувствовал, что так густо и быстро краснеет, что выход остается только один: немедленно же просить прощения.

— Уважаемая товарищ, — я не могу скрыть, честное слово, своего стыда. За тот... знаете, мой поучительный тон. Я осмелился вам читать лекцию по авиации, и теперь... — он взглянул на Артура, — еле сдерживаю себя, чтобы не спрятаться за спину товарища.

Она весело засмеялась, и это сразу приободрило Василия.

— А сейчас, я весь теперь внимание, и снова (только уже со смиренным видом ученика) прошу рассказать о движущей силе. Учите меня, расскажите, если есть время, как же он движется, этот странный корабль. Артур, — не при-

творяйся, что тебе неинтересно. Товарищ капитан оказывает нам великую милость...

— А, может, товарищ капитан оказывает милость не всем нам? — прозрачно намекнул Артур, и сам же засмеялся.

— Отстань и слушай! Вы же соглашаетесь дать мне... нам объяснения? — умоляюще склонил голову Василий.

Слегка, только слегка покраснев, капитан повернулась к носу корабля и произнесла:

— Только потому, что здесь немного многовато «порывов ветра» (она иронично взглянула на все еще не покрытые кепкой кудри Василия, плясавшие на воздухе странную сарбанду), — мои объяснения будут очень короткими.

Прежде всего, этот корабль — не аэроплан в обычном понимании этого слова. И не только потому, что он чрезвычайно большой, как мы видим, — а еще потому, что вообще-то это не самолет, а планер.

— Как так — планер? А движущая... Простите, я снова, кажется, сказал ерунду.

— Нет, нет, — на этот раз все в порядке, — смешно прищурила она глаза. — Это особый планер. Так сказать, планеролет. Справа и слева, как видите, стоят моторы. Но они только стоят, не двигаются. Но если бы они и работали, их силы не хватит, чтобы оторвать наш воздушный санаторий от Земли.

Так вот, сегодня, на рассвете, может быть, кто-нибудь из вас слышал грохот? Это более мощный самолет-тягач отбуксировал наш планер на большую высоту... и оставил нас планировать. А тут уже мы обходимся без движущей силы, уважаемый товарищ... не знаю, как вас зовут...

— Васька! — хитро улыбаясь, подсказал Артур.

— Вась... — повторила она и, внезапно покраснев, погрозила пальцем Артуру. — Она, эта движущая сила, создается взаимодействием крыльев нашего планера и воздушных течений, которые непрерывно смешиваются в атмосфере.

— Для чего же все-таки моторы?

— Только для того, чтобы в случае необходимости ускорить наше движение, изменить немного направление, чтобы попасть в другую воздушную струю или, наконец, лучше сманеврировать для посадки.

— Словом, нас можно сравнить с парусно-моторным ботом?

— Почти так. Только добавьте к этому еще — с санаторием. Мы же находимся на первом крылатом санатории. Вот так качаться на воздушных волнах мы сможем несколько суток. Потом где-нибудь приземлимся, пополним провизию и всякие другие запасы, вызовем из ближайшего аэропорта самолет-тягач, и снова сюда, в чистый горный воздух.

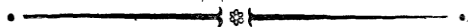
— Ну а теперь — вниз, товарищи пассажиры, — добавила она притворно официально.

Василий спускался последним.

— А я еще говорил, что она глупая. Ой, идол папуасский. Милая! — словно целуя след в воздухе, где только что стояла прекрасная капитанша, прошептал Василий и, наконец-то поглубже натянув кепку, сошел вниз.

ЛЕОНИД СУКАЧЕВ

ДАЛЕКОГЛЯД МП-1

Фантастический рассказ

Перевод с украинского

В. Тимошенко-Пастраки

Рисунки В. Невского

ДАЛЕКОГЛЯД

Оповідання ЛЕОНІДА СУКАЧЕВА

Ілюстрації В. НЕВСЬКОГО

За полкилометра до железной дороги Михаил Пивоварюк остановился. Его крепкая широкая ладонь легла на плечо Никиты Галайчука.

— Ты слышишь?

Никита пристально взглянул на своего приятеля и одноклассника. Михайлово лицо не выражало ничего. Только в уголках глаз пряталось беспокойство.

— Нет, я ничего не слышу...

— Теперь и я ничего не слышу. А перед этим я слышал удары железа о рельсу.

Никита вздрогнул и еще раз взглянул на товарища.

— Неужели ты думаешь?..

— Я ничего не думаю. Мой отец не впервые ведет свою «Марусю». Но сегодня...

Никита весело засмеялся.

— Ну и чудило же ты, Михаил! Неужели ты думаешь, что на М-101 кто-то может совершить покушение? И для чего? Чтобы уничтожить твой далекогляд?

Михаил сердито махнул рукой.

— Не в далекогляде дело. Кто может поручиться, что не будет совершено покушение на скорый поезд?

Никита недоуменно пожал плечами.

— Кто и для чего?

— Для того, чтобы вредить нам. Контрреволюционеры, готовые на такую подлость, найдутся.

Літній чоловік у міському одязі звернувся до нього з запитанням:
— Ти хто такий?

Словно в ответ на Мишкины слова, в воздухе снова раздалась глухая, металлические удары. Ребята стали, как вкопанные. Сомнений не было. На путях кто-то хозяйничал...

Ребята тихо, по кошачьему двинулись вперед. Загадочные удары становились все яснее. Друзья приближались к путям. Вдруг из-под ног у Никиты вырвалась какая-то пти-

ца. Испуганно фыркнув, она исчезла по ту сторону колеи. Ребята затаили дыхание. Их разоблачат? На полотне, подтверждая их опасения, затихли.

Вечность тянулась напряженная, тяжелая тишина.

Пройдя на шаг вперед, Мишка раздвинул зеленые ветви. На него глянула дуло револьвера.

— Руки вверх!

— Беги! — оглушительно заорал Михаил и упал, сбитый с ног рукоятью нагана.

В тот же миг ему скрутили руки. Пожилой мужчина в городской одежде обратился к нему с вопросом.

— Ты кто такой?

— Михаил Пивоварюк. Ученик Староконстантиновской школы.

— Как попал сюда?

— Мой отец, Илья Пивоварюк, водит скорый № 9. Через час он будет здесь. Я пришел посмотреть как он будет идти с помощью дальногляда. Мы его вчера только постав... — спохватившись, что сказал лишнее, Михаил замолчал.

— Как ты сказал? Дальногляд? Это что за штука?

Михаил скрипнул зубами.

— Не скажу...

— Комсомолец? — ехидно спросил бандит.

— Пионер-комсомолец...

— Киньте его на рельсы. Пусть пропадает бесовское отродье вместе со своим дальноглагом и отцом-большевиком.

Не прошло и минуты, как Михаил лежал на рыхлой, только что перекопанной земле между рельсами. Четыре бандита прятали снятые шпалы в кустах. Михаил был бледен и чувствовал, как слабеет его тело.

...Шпалы вынуты. Рельсы развинчены. Через три четверти часа здесь пройдет шепетовский поезд. Десять вагонов пойдет под откос. И его самого раздавит...

— ...Помоги...

— Заткните ему глотку!

Между зубами Михаилу затолкали грязную тряпку. Он попытался было вытолкнуть ее языком, но тряпка не подда-

валась. Руками он тоже не мог ничего сделать. Они были накрепко связаны за спиной веревкой.

Бандиты, как призраки, исчезли в зеленых кустах. Михаил остался один.

* *

*

Илья Пивоварюк нажал рычаг. В воздухе раздался призывной, пронзительный гудок. Колеса рванули с места, прокрутившись сразу на 180°, и двинулись по рельсам.

Огромный паровоз М-101 — «Маруся», как он его ласково называл, — набирал скорость. Клубы черного дыма, робко, словно испуганные ночные птицы, срывались с трубы и улетали в степь. В бешеной погоне пролетали черные силуэты телеграфных столбов. Несмолкаемый стук колес превратился в непрерывный гул.

Илька Пивоварюк улыбнулся, взглянул на экран удивительного прибора, что светился рядом.

— Далекогляд какой-то изобрел...

В воображении старого машиниста вдруг возникла фигура четырнадцатилетнего сына. «Он наверняка будет ждать на сто пятом километре, — подумал, тепло улыбнувшись. — Далекогляд свой проверить на практике хочет»...

А поезд тем временем летел, неистово глотая километры. 75... 80... 84... 85...

* *

*

Неожиданное происшествие, вражеские выстрелы придали Никите сил. Ему теперь было ясно: на железную дорогу совершено нападение. Бандиты решили уничтожить поезд, идущий с приграничья. В его, Никиты, руках теперь жизни не только Михаила Пивоварюка, его друга, но и сотен других людей.

— Только бы до станции добежать... — лихорадочно шептал Никита, — только бы добежать до станции! А там отдел ОГПУ...

Он не замечал, как спотыкались ноги о торчащие корни, как полосовали ему лицо колючие ветки деревьев. Только бы до станции добежать...

Роса, стряхнутая с деревьев размашистыми движениями беглеца, промочила ему всю одежду. Но Никите было все равно. Выбежав на опушку, он остановился. Перед ним, сколько глаз хватало, расстилалась прозрачная водяная равнина. Обильные дожди последних дней сделали гнилое болотце настоящим озером. Не колеблясь, Никита снял ботинки, перекинул их через плечо, подвернул брюки и ступил в воду. Глаза решительно бегали по воде. Брызги от шагов взбаламутили поверхность. Отражение бегуна задрожало и затанцевало на гребнях поднятых им волн.

— Как бы не провалиться в яму...

Одна мысль об этом заставила Никиту задрожать. Провалился он в яму, задержись на лишние 5 минут — и все пропало. Но направление было выбрано правильно. Теперь поднажать! Пулей лететь! Сотни жизней в его руках.

— Коли б не потрапити в рів...

* *

*

Одиноким и растерянным лежал на рельсах Михаил. Страшные мысли черными воронами кружат над ним, долбят мозг неумолимо и больно. Успеет ли Никита добежать до Кривохаток? На далекогогляд Михаил уже не полагался. Собственное изобретение казалось ему ничтожным и жалким. Все спасение в руках Никиты. Успеет ли он?

А потом к нему приходят воспоминания недавнего прошлого. Вот он видит себя в объятиях радостного отца. На Дарнице пьяный стрелочник перевел поезд не на ту колею, прямо на встречу товарному. Чрезвычайным спокойствием и силой воли отец останавливает поезд за полметра до катастрофы. Старого машиниста — мастера своего дела — премировали золотыми часами. Михаил любит дорожную вещь, а у самого мозга кипят. Как предупредить такие катастрофы? Ведь растерялся его отец — и погибли бы сотни ни в чем не повинных людей.

Вот он видит себя на родительском паровозе. Мощный М-101 терпеливо позволяет любопытному пассажиру заглядывать себе в брюхо, лазить по спине. В Мишкиной голове рождается идея. Он измеряет длину паровоза, выбирает место для перекрестных прожекторов, определяет, где разместить люстру, где укрепить экран прибора. Заставить колею на расстоянии 500 метров высвечиваться в будке машиниста — затея не так уж и простая. Главное — необычная. Не ошибается ли он? Если его подсчеты верны, то как это получилось, что этого до сих пор не сделал кто-то другой? Инженер, техник, профессор. Он же только заядлый любитель техники, всегда получавший «отлично» по физике.

Вот он, Михаил Пивоварюк, валяется в постели, вздыхает и шуршит одеялом в тщетных надеждах, что скоро придет рассвет. Чего же так долго не рассветает? Наконец, ночь отступает на запад, мать идет на работу, а сестра в институт. Михаил остается на хозяйстве один. Ему идти в школу во вторую смену. А пока под искусной рукой мастера эмали-

рованные тарелки превращаются в прожекторы. Любимая мамина люстра — в подающую систему отражений. Шумит примус. Шкворчит масло. Рвет душу на мелкие кусочки ржавый напильник. Изобретательство в доме Пивоварюков набирает все большие масштабы. Наконец, в сопровождении отряда заинтересованных соседей, в дом врывается уголовная экспедиция в составе двух Пивоварючек, — старшей и младшей.

— О, мои тарелки!

— О, моя люстра!

Начинается охота на врага. В воздухе маячат только его брюки и ботинки. Под одобрительный рев соседей он исчезает в окне. Но не прячется где-то в кусты. Нет. Он бежит туда, где вздрагивая на стрелках, гордо и самоуверенно идет М—101.

— О-отец, есть!.. — заикаясь от волнения, кричит Мишка. — Далекогляд МП-1 готов к эксплуатации.

.....

Едва заметное дрожание рельсов, словно натянутых струн, прерывает череду воспоминаний. Рельсы дрожат. Не далее как за километр идет М-101! А помощи нет. Никита, куда ты девался?

* *

*

— Кто там? Заходите.

Рядовой агент ОДПУ поднял голову. Дверь с силой распахнулась, и на пороге выросла странная фигура:

— Скорее! На 105 километре враги попортили колею! Скорый девятый!.. Михаил... Ой!..

Необычный посетитель зашатался и упал. В ту же минуту на звонок дежурного в комнату вошло еще трое.

— Бездомный?

— Не знаю... — Дежурный склонился над телом парня.
— Дайте воды.

Но парень зашевелился.

— Как твоя фамилия?

— Я — Никита Галайчук. Из Староконстантиновки... Поскорее... На 105 километре колею попортили... Скорый идет...

Но рядовой уже не слушал. Энергичным движением схватил телефонную трубку.

— Алло! Алло! Девятый бскрорый... Прошел? Давно? Задержать! На 105 километре разобрана колея. Да. Да. Нельзя?

Трубка жалобно звякнула.

— Дрезину!

Безвольно, словно сонный, сел Никита в дрезину. Страшное перенапряжение отразилось на нем сразу, как только он сообщил агенту ОГПУ. Теперь судьба пассажиров пассажирского в надежных руках. Но не поздно ли?

Рядовой агент ОГПУ положил перед собой часы и, словно гипнотизируя, следил за секундной стрелкой.

— Успеем, успеем, успеем, — грохотали колеса.

— Скорей, скорей, скорей, — тикают часы.

101... 102... 103... 104 километр.

— Товарищ начальник! Навстречу, на 105, скорый идет!

— Немедленно сигнализировать! Красные флажки!.. — прокричал начальник. — Стреляйте! — И, не дожидаясь других, первый выстрелил вверх.

* *

*

М-101, управляемый умелой рукой опытного машиниста, как молния пролетал мимо станций, будок, разъездов, через стрелки, повороты, мосты.

Илько Пивоварюк нажал на гудок «Маруси». В воздухе разлился задорный, громкий клич. Старый машинист слал приветствие своему сыну.

— 103... 104 километр. Где же Михаил?

Пивоварюк выглянул в окошко. На целый километр вперед путь был свободен. Беспомощную фигуру на полотне, разобранные шпалы, все это на таком расстоянии машинист не мог увидеть.

— Не вышел сегодня. А как хотел далекогляд свой увидеть.

Вспомнив об изобретении Михаила, машинист невольно перевел на экран свой взгляд.

— Ишь, что выдумал. Мудрит все.

И вдруг улыбка на лице Пивоварюка исчезла. Отпустив окно, он зашатался и отступил на шаг назад. Потом, словно ястреб, бросился вперед и застыл над экраном. На нем было видно полотно 105 километра. Шпалы были вынуты. Рельсы, словно отрубленные руки, беспомощно лежали на рыхлой, только что перекопанной земле. Между ними, крепко скрученный веревками, лежал человек.

— Мишка... — простонал машинист, узнавая своего сына. — Погляди, — отчаянно закричал он, схватив за руку своего помощника, — Погляди, может, я ошибся!

— Путь разрушен! — крикнул тот. — Между рельсами человек лежит...

Не дослушав последних слов помощника, Пивоварюк вцепился в рычаги. Разгоряченная бешеным бегом «Маруся» сердито зарычала и встала. В несколько прыжков машинист и его помощник были на рельсах.

— Михаил!

Взволнованный Пивоварюк выхватил из кармана складной нож и рассек веревки. Тем временем из вагонов высыпали пассажиры.

— Что случилось?

— Почему остановка?

Илья Пивоварюк молча кивнул на рельсы. Только теперь присутствующие заметили разбросанную землю.

— Значит, мы были в шаге от смерти?

Илья сказал, похлопав ладонью по плечу Мишки.

— Не мне спасибо, а ему. Если бы не его далекогляд, от нас бы и костей не осталось.

— Далекогляд? Это что за вещь?

По предложению главного кондуктора все присутствующие двинулись к паровозу.

— Вот этот аппарат?

— Люстра?

— Прожекторы?

— Экран?

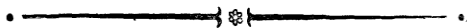
— Говорите, позволяет видеть при разных профилях пути на 500 метров вперед?

— Удивительно! Удивительно!

— И его изобрел этот парень?

До ушей присутствующих долетели выстрелы и громкий взрыв «ура». Все, как по команде, обернулись. Скрежеща тормозами, к месту катастрофы, которая так и не состоялась, подъезжал отряд ОГПУ. Первым, кто спрыгнул на землю и бросился обнимать Мишку, был Никита Галайчук.

НИКОЛАЙ СМИРНОВ

ВОЗДУШНЫЙ КАРАВАН

Фантастический роман

(Главы, опубликованные в № 5-6 за 1922 г. и № 1-2 за 1923 г.)

Журнал «Корабль» (Калуга), №№ 1-6, 1922 г., №№ 3-4, 1923 г.

Воздушный караван.

(КОЛЛЕКТИВНЫЙ РОМАН).

(Продолжение *).

СОДЕРЖАНИЕ ПРОЛОГА и 1—6 ГЛАВ:

Завод танков около Лондона. — Незнакомый джентльмен проповедует социальную революцию и предсказывает, что на помощь восставшим английским рабочим прилетит с востока железный караван.

Лондон. — Председатель тайного международного общества борьбы с коммунизмом — Черный Интернационал, Лорд Эдуард Ринертон тайно уезжает в Россию инкогнито со своим лакеем Джоном. Цель поездки — использовать открытия русского изобретателя Фиалкова. После его отъезда сыщики обыскивают его квартиру и находят под крылом розового попугая таинственную записку.

Париж. — Международный Союз Мечтателей дает внезапно появившемуся незнакомцу рекомендацию в Москву к поэту Геркулесову, ненавидящему коммунистов.

Лондон. — Заседание Черного Интернационала: Буря, вызванная исчезновением Ринертон. По следам Ринертон вылетают сыщики Флинт и Докс.

Раскол Черного Интернационала: американско-австралийская группа убеждена, что Ринертон — предатель, и продает Москве тайны Черного Интернационала. Европейская группа полагает, что Ринертон похищен.

Председатель Европейской группы француз Легранж и секретарь — фашист Паулини отправляются за советом к лондонскому адвокату Томасу Говарду, ведущему подозрительный образ жизни. Но Говарда уже несколько месяцев нет в Лондоне, и где он — неизвестно. Секретарь Говарда Уаттхолл берет у Легранжа жемчужную булавку и показывает ему секретное письмо Говарда.

Лондон, Чипсайд 37. — Заседание Черного Интернационала. Вносят в свертке пойманного Лорда Ринертон. Но это не Лорд Ринертон, а его лакей Джон Флаэрти, который ока-

зывается адвокатом Говардом. В руках у Говарда советское ведро. Одновременно Легранж получает телеграмму из Москвы, в которой Флаэрти требует выкупа за Ринертона **10,000** фунтов стерлингов. Общее недоумение. Говарда посылают в Москву за Ринертоном. Советское ведро объявляется собственностью Черного Интернационала.

Глава VII ХИТРОУМИЕ РИНЕРТОНА.

Еще один шаг назад для того, чтобы туманности предыдущей главы окончательно рассеялись. На этот раз мы должны остановить внимание читателя на событиях, имевших место в России.

— Итак, мы на границе страны Советов, — сказал лорд Ринертон, выскакивая из польского вагона, с затертыми инициалами Николаевской ж.д. Прежде всего, приведем в исполнение лондонский проект о переодевании. Вы сами понимаете — что я должен скрыть свою аристократическую внешность. Давайте ваш макинтош, Джон. С того момента, как он покроет мои плечи, — вам идет двойное содержание.

— Слушаю, сэр, — отвечал Джон тоном вымуштрованного лакея. — Пройдемте в кусты.

Лорд и лакей зашли в ближайший к станции лесок и, оглядываясь по сторонам, начали раздеваться. Джон растегнул Лорду муаровые подтяжки и стянул с него полосатые текельтоновские брюки. Затем они быстро переоделись, оглядели друг друга и двинулись на станцию. Лакей Джон мрачно шагал в коже английского лорда.

В последующих за сим пограничных формальностях Джон уже фигурировал в качестве лорда Ринертона, едущего в Россию для получения концессии. Ринертон — в качестве его лакея.

После длительных процедур, путешественники уселись, наконец, в жестком вагоне поразительной чистоты. Лорд не хотел лететь над Россией в аэроплане, так как решил в окно вагона оглядеть республику советов.

— Я хочу, — сказал он; — собственными глазами убедиться, гибнет ли эта страна или шагает к раю, как утверждают некоторые легкомысленные люди?! Я буду все время смотреть в окно.

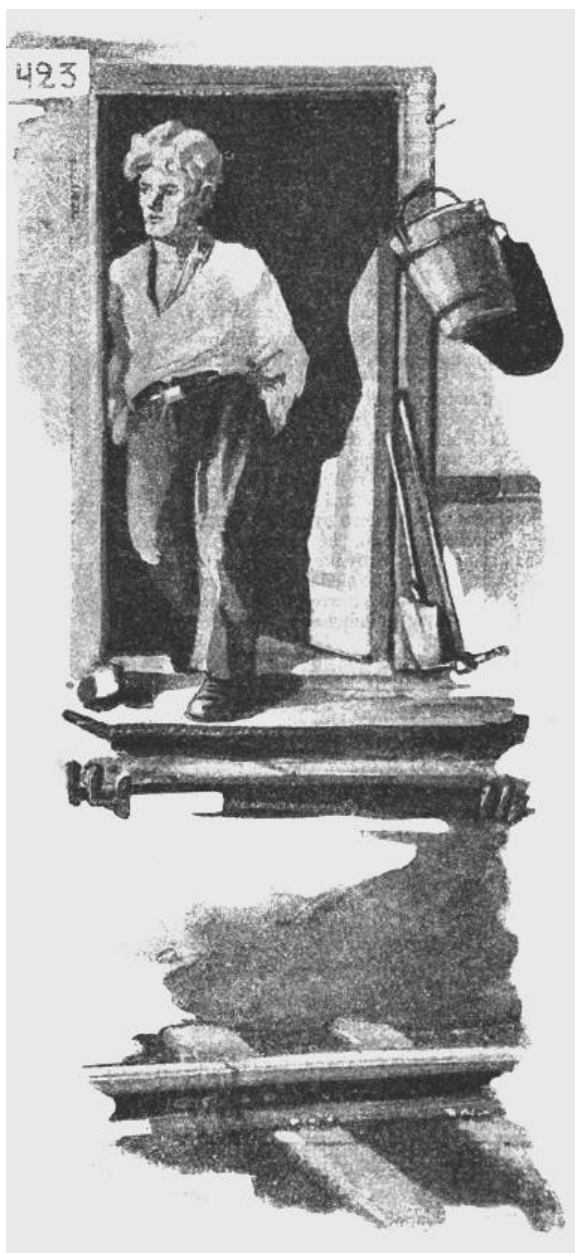
— Смотрите, сколько вам угодно, Джон, — сказал Джон, разваливаясь на диване в позе английского лорда. Меня это нисколько не интересует.

— Однако, я не вижу ничего особенного, — сказал Ринертон, с полчаса проглядев на движущиеся ландшафты. — Подвиньтесь-ка немножко... Не думаете ли вы, Ринертон, — продолжал он интимно, — что русские сами начали эксплуатировать изобретения Фиалкова?... У меня родился уже план открыть грандиозный завод в компании с Рузвельтом — для осуществления части проектов этого русского. Мы построим штук сорок дирижаблей и будем возить народ вокруг Англии по три фута за круг: А в случае социальной революции — используем этот флот для контрреволюции. Не правда ли, хорош планик? И все это может пролететь, если Фиалков уже поступил на службу к русскому правительству. Меня эта мысль мучает.

Джон только что хотел рассеять мрачные мысли лорда, как вдруг раздалась жалобные свистки паровоза, и поезд, предварительно поскрипев всеми своими скрепами, остановился. Никакой станции не было видно, кругом стоял сосновый лес. По вагонам пробежала весть, что какие-то неизвестные негодяи забрались на тендер и, незаметно продырявив его, выпустили всю воду; после этого, скрылись за деревьями.

— Все нетрудящиеся и эксплуататоры — за водой! — закричал начальник поезда. Ведра можно получать у машиниста Лаврентьева. Иначе простои́м целый день.

— Идите, Ринертон наливать паровоз, — сказал лорд, усаживаясь под сосной, очень довольный, что результаты его хитроумия уже сказываются — Да, да, идите! За что же я вам плачу двойное жалованье? Да пошустрей, пошустрей, болван вы этакий, не ночевать же нам здесь.

Когда Джон с ведром подошел к ручью, — он заметил, что тут же на траве, два человека, по-видимому, англичане, — играли в шахматы. Доской служил разложенный клетчатый плед, а шахматы были обычные, за исключением одной туры, которая была величиной с трехгодовалого ребенка.

Джон заинтересовался гигантской турой и, не зачерпывая воды, мысленно стал решать, что бы это могло значить.

— В чем дело, джентельмены? — наконец, спросил он — Какое удовольствие иметь посреди фигур этого мамонта? Или его тяжесть и неудобства искупаются какими-нибудь преимуществами?

— Безусловно искупаются, — сказал играющий белыми. — Я могу вам сейчас разъяснить это в кратких словах. Но прежде разрешите узнать — с кем имеем мы удовольствие беседовать?

— Я англичанин, лорд Ринертон, — сказал Джон смущенно, памятуя о соглашении с лордом. — Но это не может играть большого значения... Мне кажется, что переставлять эту туру — сущая неприятность.

— Не скажите, — возразил незнакомец. — Ею очень удобно устраивать мат. Смотрите!

И он высоко поднял туру, ударил ею Джона изо всей силы по голове, Джон упал, не пикнув. После этого, не оканчивая партии, незнакомцы собрали шахматы, закатали Джона вместе с ведром в клетчатый плед, завязали ремнями и, не говоря худого слова, двинулись со свертком в путь. За версту на шоссе стоял автомобиль, повернутый к Польше. Незнакомцы уложили сверток с Джоном в ноги и пустили машину. Дальнейший путь их не представляет большого интереса. Но известно, что через три дня тот же самый сверток уже фигурировал на знаменитом заседании Черного Интернационала.

Три часа продолжалось наполнение паровоза водой, но Джон из лесу не показывался. Дул сильный ветер. Ринертон скучал под сосной, задравши ноги на аршин выше, чем следует. Наконец, машинист закричал, что воды достаточно, и

начал отбирать ведра у пассажиров. Оказалось, что одного ведра не хватает.

В тоже самое время, лорд Ринертон ломаным русским языком говорил начальнику поезда, что английский лорд Ринертон, ушедший за водой одним из первых — до сего времени не возвращался.

Начальник поезда зевнул в ответ и презрительно спросил:

— Что же, он пошел за водой на Темзу, что ли?

Лорд хотел ответить, что шутки здесь неуместны, но в это время подбежал машинист

Лаврентьев.

— Кто из пассажиров исчез? — спросил он, погромыхая собранными ведрами.

— Лорд Эдуард Ринертон, — отвечал лорд, мысленно представляя себе эффект такого сообщения.

— Ну конечно, — спокойно сказал машинист, сплевывая. — Получил железное ведро и стрекача. Знаем мы этих лордов. Спят и видят, как русским добром поживиться. И нечего его ждать, товарищи, раз он лорд — все равно не вернется. Я его образину заприметил, и заявлю подозрение на станции. Залезайте в вагоны, товарищи. Сейчас свистеть начну.

И машинист полез на паровоз. Посвистев немного, как полагается, он тронул поезд.

Ринертон долго недоумевал по поводу исчезновения Джона. Зная лучше, чем машинист, нравы и привычки английских лордов, он не мог согласиться со скороспелым утверждением, что достаточно лорду взять чужое ведро в руки, как он уже глядит — куда бы удрать. Тем более, что Джон — собственно говоря — не был лордом. Другая, более серьезная мысль его смущала. Более вероятным ему казалось, что Джон не выдержал искушения и, получив пальто и документы лорда — двинулся обратно в Англию с целью извлечь выгоду из создавшегося положения. На этой мысли он и успокоился. После этого, завернувшись в Джонов ма-

кинтош, он заснул на верхней полке, и спал с маленькими перерывами до самой Москвы.

В Москве, пересчитав наличность бумажника и убедившись, что денег у него осталось не так много, он первым делом зашел на почтамт и дал в Лондон телеграмму, о которой мы уже говорили. Давая эту телеграмму, лорд был убежден, что одним ударом он убивает пару зайцев: увеличивает денежную наличность и создает себе ореол похищенного человека. О том, что он компрометирует Джона Флаэрти — лорд, конечно, — не подумал.

После этого, довольный удачной мыслью, лорд двинулся на Сухаревку закусывать, так как до момента получения денег решил быть экономным и не пить.

Глава VIII АДВОКАТ ТОМАС ГОВАРД.

Ночь перед вторым отъездом из Лондона Говард провел тревожно. Спать ему не хотелось, — он выспался в пледе, в котором провел ровно три дня. Больше всего его теперь тянуло ходить. И он шагал по кабинету, припоминая прошедшие дни своей жизни.

Он родился на свет беспокойным, пытливым человеком. Его энергия и красноречие без всяких оговорок могли бы ему обеспечить до конца дней покойную жизнь буржуа, но он не хотел этого. Он искал какую-нибудь иную — грандиозную цель, ради которой стоило бы жить и даже умереть.

Университет и наука не определили ему такой цели, война — еще более запутала все его представления. Правда, во время нее он пережил какое-то исключительное отращивание к патриотизму — небывалое дело в те времена, — но сделать из этого каких-нибудь практических выводов он не сумел. Недовольство владыками мира, искусно творящими замаскированные безобразия, пробудилось в нем во время войны, но это были только отрывчатые мысли и настроения. Из них не возникло дела, за которое он мог бы взяться. Политика, благотворительность, искусство его не удовлетво-

ряли. Он томился от избытка неиспользованной энергии, когда слух о второй русской революции пронёсся по Европе. Говард почувствовал, что впервые сердце его действительно радостно забилося.

Но дальнейшие события убедили его, что он ошибся. Они убедили его в том, что он, все-таки, непокорный сын своего века и класса, все-таки сын их, и не в силах мгновенно принять новой веры. Все это было интересно, но гораздо более серьезно, чем самое отдаленное путешествие, или какое-нибудь очередное общественное увлечение. От новых идей пахло чем-то новым, чужим, таким, что появляется не годами, а веками. Он хотел верить в новое, и не мог... Хотел возненавидеть старое — и для этого не находил в себе сил. Проносившийся водоворот привычной жизни вызвал в нём только злую улыбку, а не проклятье. А надо было начинать с проклятий, потому что дело шло не о реформах, а о разрушении. Между тем, его выхолненные руки оратора были приспособлены скорей для парламентской жестикуляции, нежели для закладывания мин.

Тщетно ходил он по беднейшим кварталам Лондона, надеясь в картинах нищеты и горя почерпнуть силы для необходимого возмущения. Сытый желудок внутри и хорошее пальто на плечах заставляли его отделяться только маленькими милостынями и утешениями. Желания броситься с неистовым криком на приступ злых первопричин в нем не рождалось. А ему было необходимо довести себя до точки кипения.

Тогда он решил, что для того, чтобы страстно пожелать нового — надо самому первому пройти жестокую полосу нужды и надругательств старой жизни. Это открытие принесло ему некоторое облегчение. Он разорвал свой самый старый пиджак, накинул его себе на плечи и однажды, под вечер, ушел из своего кабинета. Месяц он работал, как штрейкбрехер-грузчик в лондонских доках, и помимо тяжелого труда и унылого утомления — испытал унижение со стороны степенных организованных рабочих. Потом он продавал газеты в Ливерпуле и там же служил лодочником.

Он перепробовал еще множество профессий, добросовестно голодая и сгибая спину, где это требовалось по правилам века. Так прошло много дней, прежде чем он почувствовал, что сердце его начало закаляться, а в голове забродили крепкие мысли. Из него вырабатывался нужный ему человек. Последнее испытание, которое Говард себе назначил, он считал самым легким. Ему нужно было установить наблюдение за деятельностью Черного Интернационала, о существовании которого он узнал от одного влиятельного знакомого, члена верхней палаты. Новая, враждебная его планам организация его заинтересовала. И он решил поступить лакеем к председателю центрального комитета Интернационала — лорду Ринертону. Здесь, в более спокойной, но всегда унижительной обстановке, — в нем созрел окончательный план дальнейшей деятельности. План, имевший конечную целью полное переустройство мира.

Встряхнуть до основания весь свет может только социальная революция. Именно она способна разрушить все дотакта, и потом все воссоздать по новому, гениальному плану. Русская революция — только намек, она слишком далека и своеобразна. Надо потрясти каменную Англию, остров, окруженный пропастью океана, но, тем не менее, связанный со всем миром миллионом цепей. Англия — сердце мира. В первую голову надо метить сюда.

Внешнее спокойствие и консерватизм дорогого отечества он считал иллюзией. Он знал, что в обществе, построенном на противоречиях, минуты взрывов делают чудеса, и что к пятку мечтателей — в часы удач — могут пристать громады равнодушных. Пусть рабочий класс спит, он даст нужное количество бойцов. Взрыв адмиралтейства и разгон смехотворного парламента — потревожат спокойствие мертвого. Миг, и тысячи рабочих принесли бы свое маленькое спокойствие в жертву освобождения всего мира. Необходим только механический толчок.

Так рассуждал интеллигент, энтузиаст-одиночка в минуты своих раздумий. Маркс и Лассаль не были рабочими, но они первые произнесли слова, подхваченные новым клас-

сом. В крайнем случае — он теперь не один. Ему может, ему должна помочь Россия.

Изобретения русского неудачника Фиалкова навели Говарда на мысль о создании железного каравана огромных дирижаблей, которые, протянувшись стальной полосой от Урала до Лондона, заставили бы завизжать от ужаса милую Англию...

Это послужило бы началом последней схватки. При участии России проект может быть приведен в исполнение, несмотря на свою грандиозность. Но для осуществления его нужны огромные средства.

Постоянные наблюдения за жизнью и деятельностью Ринертона подсказали Говарду, что в его лице он имеет опасного и могущественного противника. Но это был и ключ к сундуку международного капитала. Увезти хитростью лорда в Россию, внеся тем дезорганизацию в дела общества капиталистов, и, требуя за него выкуп, получить нужные средства, — таков был последний конкретный план Говарда. Он был утопичен, но тем и заманчив. И Говард принялся со всей энергией за его осуществление.

Все это тонко подстроенное дело — неожиданно, благодаря случайности рухнуло. Лорд Ринертон выскользнул из его рук, и теперь была опасность, что он сумеет воспользоваться частью планов Говарда, которые тот открыл ему в виде приманки. С другой стороны, он сам попал в лапы Черного Интернационала, и принужден был сделаться его агентом.

Но Говард был не из тех, которые отчаиваются. В эту бессонную ночь он сумел перестроить свои планы, приспособить их к новым обстоятельствам. Снова в Россию! Черный Интернационал снабжает его нужными средствами, и пользуясь ими, он ухитрится вновь овладеть лордом. В остальном — все оставалось без изменения. И Говард бодро шагал по своему кабинету, напевая какие-то, никому не известные песни.

В семь часов утра в дверь его кабинета вошел негр в белых перчатках. Это из Черного Интернационала ему присы-

ляли мешок русских денег, 15.000 английских фунтов, копию таинственной телеграммы из Москвы и инструкцию — вылететь с первым аэропланом прямо в Берлин. Был даже приложен билет.

Говард дал негру расписку в получении денег и документов, наскоро побрился и вышел на улицу.

Через три дня он был в Москве.

Глава IX. В СТРАНЕ ЧУДЕС.

Разумеется, у Говарда даже в мыслях не было добросовестно исполнить поручения Черного Интернационала. Наоборот, прежде всего он решил наладить свои собственные дела: побывать у изобретателя Фиалкова, условиться с ним о дальнейшей совместной работе и установить необходимые связи в Москве.

Фиалков жил в губернском городе, в шести часах езды от Москвы, и адрес его был указан на брошюре о постройке металлического дирижабля. Не откладывая дела в долгий ящик, Говард в день прибытия в Москву уже взял билет до нужного города и, проведя ночь в вагоне, в восемь часов утра следующего дня входил на загаженный провинциальный дворик, набитый цыплятами и козлятами.

Несмотря на ранний сравнительно час, Говард услышал в окнах деревянного дома, выходявшего на дворик, громкий плач и причитания. Посередине двора какая-то старуха разламывала на лучинки топориком ящик странной конструкции. Говард справился у ней об изобретателе. Старуха долго и пристально смотрела на него, и, наконец, заговорила.

— Андрей Иваныча вам? Вон позавчерась — что-ль — уехал в Америку. Аль — в Киев, что-ль? Уехал, уехал голубчик, не догонешь его теперь...

Говард решил, что он плохо понимает и повторил вопрос. Старуха бросила ломать ящик, подошла к нему и уже дружелюбно сказала:

— Говорю вам — уехал. Послушайте, коль не верите. Рыдания слышите? Это сестрица ихняя голосит с горя. Тридцать лет ему жить не давала, все попрекала — зачем изобретают и на огороде не работают. А теперь вот — как расстались — плачут
невообразимо.

Далее старуха, уже вполне освоившаяся с Говардом, сообщила ему, что три дня назад к изобретателю приехал бритый человек с золотыми зубами и долго с ним спорил. Потом они гуляли вместе и вместе ночевали. Ночью пили самогонку и выбегали пьяными на двор — кидать камнями в луну. Утром золотозубый человек дал изобретателю каких-то неизвестных денег, тот продал их в Госбанк, получил многие лимоны, расплатился с долгами, простился со знакомыми, оставил сестре квартиру, а старухе подарил ящик и, забрав с собой два сундука чертежей и духовую тележку, уехал к вечеру на вокзал. Было это третьего дня, и больше никаких сведений не могла сообщить старуха.

Говард сел к заборчику и почувствовал, что у него кружится голова. После недавних лондонских улиц — засыпанный шариками дворик — показался ему кошмаром, его собственное положение — ни с чем не сообразной нелепостью. Было совершенно ясно, что три дня тому назад здесь побывал лорд Ринертон, и что именно он захватил изобретение. Особенно подло было с его стороны, что он вместе с изобретением увез изобретателя.

— Надо сейчас же организовать погоню, — подумал Говард, и, отказавшись от самоварчика, бросился бежать по незнакомому городу.

В конторе Трамонта он за невероятную сумму нанял автомобиль до Москвы, с условием — выезжать немедленно. Назначенный конторой шофер стремительно побежал за необходимыми в пути вещами и скоро вернулся, неся с собой большую гармонию. Больше ничего он с собой не брал, так как его надобности исчерпывались этим музыкальным инструментом. На нем предполагал он играть в пути, во время поломок автомобиля, а затем намечал перепродать

гармонию с барышем на Сухаревке. Говард было хотел возразить против такого подхода к делу, но шофер весело подмигнул ему глазом и, уложив гармонию в автомобиль, закрутил ручку.

Скверный автомобиль, звеня всеми своими гайками, без пренеисправно, и шофёр несколько раз принужден был останавливаться и подбодрять себя музыкой. Судя по всему — ему было жаль расставаться с гармонией — он отказался в пути продать ее Говарду, который хотел покончить с этой историей, и на остановках играл на ней необыкновенно жалостливые мотивы. В другое время, может быть, мотивы понравились бы Говарду — он любил русскую музыку, — но теперь они нагоняли на него тоску. Он боялся, что из-за этих музыкальных остановок он упустит лорда и изобретателя, и тем отсрочит момент революции в Лондоне на значительное время.

Однако, шофер, очевидно, знал, что он делает, потому что к вечеру того же дня, час в час, как предполагалось, автомобиль уже катил по Москве. Очень довольный этим обстоятельством, Говард, поблагодарив шофера за путь и за музыку, распростился с ним, и зашагал по Арбату, не зная даже, где переночевать. Не знал он, кроме того, как приняться ему за поиски лорда, и вообще вдруг почувствовал, что нить его деятельности оборвалась, и у него одного не хватит сил вновь связать ее в этом большом, чужом городе.

В легком вечернем отчаянии, им овладевшем, он вспомнил, что у него в боковом кармане находится письмо, адресованное к московскому футуристу Ивану Геркулесову, и подписанное одним из старых мечтателей Парижа. Первая мысль была пойти к Геркулесову, и у него переночевать. Но такова была только первая мысль. Сейчас же Говард вспомнил рассказ младшего старика о реакционности русской интеллигенции, и данное им слово — не говорить с Геркулесовым о революции. Образ Геркулесова, как несимпатичного, изломанного поэта — представился Говарду; ему показалось даже, что Геркулесов способен разрушить его планы, и в связи с этим желание ночевать на квартире у футуриста

— сейчас же отпало. Но больше делать ему было нечего. Поэтому, немного подумав, Говард начал разыскивать квартиру Геркулесова, который — как значилось на конверте — жил на Новинском бульваре.

— Только не говорите с ним о коммунизме и революции, а то он станет зверем, — повторил Говард слова старика, оказавшись на темной площадке геркулесовской квартиры. — Он станет зверем...

И Говард нажал кнопку звонка. — Результата никакого не последовало. Говард нажал кнопку снова и снова, и наконец, убедившись в том, что звонок бездействует, начал колотить в дверь денежным мешком, полученном в Лондоне. Только после этого в квартире раздались шаги, и искусственно низкий голос спросил:

— Кто там и что вам нужно?

— Письмо из Парижа поэту Ивану Геркулесову, — сказал Говард.

— Так и нечего стучать. Дверь не заперта.

Говард открыл дверь и увидел невысокого лысого человека с квадратной бородкой, одетого в невиданную нигде раньше синюю одежду производственного характера.

— Геркулесов — я. Давайте ваше отношение, — сказал он строго.

Говард передал письмо. Геркулесов раскрыл конверт.

— Странные люди эти французы! — произнес он, прочитавши послание. — Думают, что у нас в Москве нет других дел, кроме как исполнять их поручения. Почему я знаю — кто вы такой? Может быть, вы как раз тот англичанин, который спер ведро у брата Лаврентьева? Или какой-нибудь корреспондент Дайли-Майль? Или концессионер? Почему я знаю? Вся эта нечисть теперь прет в Москву из всех пазов. Конечно, нам, коммунистам, плевать на них с высокого дерева, но, все-таки, ночевать в одной квартире...

— Позвольте, — сказал Говард. — Вы изволили сказать — «нам, коммунистам». Разве вы коммунист? Или это мне показалось от усталости...

— Нет, не показалось, а так и есть в действительности, — зверски глядя на него, оборвал Геркулесов. — Я коммунист, и ни от кого этого не скрываю. Разве может быть беспартийным теперь честный русский интеллигент? Я и из вас коммуниста сделаю, если пушу ночевать. Что же, остае-
тесь?...

— Да! — закричал Говард, чувствуя необыкновенный прилив радости. — Конечно... Только как же это?.. Давно вы стали коммунистом?

— Давно, — сказал Геркулесов и заложил дверь на цепочку. — С прошлой пятницы.

Воздушный караван.

(КОЛЛЕКТИВНЫЙ РОМАН).

*(Продолжение *).*

Разъясняется предыдущая глава: на границе РСФСР Джон Флаэрти, играющий в России роль лорда Ринертон, идет с ж. д. ведром за водой для паровоза (как нетрудящийся элемент) и попадает в плен к неизвестным. Лорд Ринертон под видом Джона Флаэрти, нуждаясь в деньгах, дает Черному Интернационалу вышеупомянутую телеграмму.

Выясняется личность адвоката Томаса Говарда. — Буржуа по рождению, он задался целью переустроить мир на социалистических началах, вызвать социальную революцию в Англии с помощью революционной России, и с этой последнею целью создать железный караван огромных дирижаблей (проект изобретения русского изобретателя Фиалкова). Но Черный Интернационал тоже намерен воспользоваться этим изобретением Фиалкова. Говард, под видом лакея Джона Флаэрти, хочет разрушить планы Черного Интернационала.

Губернский город в шести часах езды от Москвы — Говард разыскивает живущего здесь Фиалкова, но этот по-

следний скрылся с каким-то человеком, которым является, очевидно, лорд Ринертон.

Говард возвращается в Москву, и за неимением пристанища, идет к поэту-футуристу Ивану Геркулесову. Геркулесов сообщает ему, что он стал коммунистом.

Глава X УТОПИСТ и КОММУНИСТ.

Через две минуты Говард уже сидел в разукрашенной конструктивными кардонами комнате футуриста и, худо справляясь от волнения с русским языком, рассказывал Геркулесову свою повесть. Пока он рассказывал, футурист вари́л в электрическом чайнике пшени́ную кашу, но в то же время внимательно слушал. По всему было видно, что небывалый план Говарда — ему — как футуристу — пришелся по вкусу. Единственно во что он не поверил — было существование Черного Интернационала. Когда Говард кончил говорить, Геркулесов вдруг радостно стал на руки и закричал благим матом:

— Лаврентьев!

Ответа не последовало.

Геркулесов наложил Говарду каши на чайное блюдечко, перевернулся через голову и закричал снова:

— Лаврентьев. Шагайте сюда на минутку!

После этого стал проделывать у стены какие-то странные движения, явно акробатического характера.

— Это — биомеханика, — разъяснил он Говарду, смотревшему на него с изумлением. Величайшее завоевание современной русской науки. Я вам потом объясню, в чем тут дело. Лаврентьев! Да идите вы сюда!

— Некогда, — наконец, прозвучал ответ откуда-то из конца квартиры.

— А я говорю — гребите сюда, что есть мочи! Дело очень важное! Социальная революция в Англии наклеивается.

— Где?

Послышались тяжелые шаги. Рабочий Лаврентьев, ростом повыше американца, председательствовавшего в заседании Черного Интернационала, вошел в комнату.

— Где социальная? — спросил он, сильно прищурившись.

— В Англии, черт подери. В самой Англии... Вот делегат.

— Ага, в Англии... Так бы и говорили.

И сел на диван.

Говард был принужден снова вкратце рассказать все свои проекты. Возможность говорить громко с незнакомыми людьми о разрушительных планах, дружественность этих незнакомых людей, чудесная перемена, происшедшая в пятницу с Геркулесовым — все это его взволновало до крайности. Он рассказывал с увлечением, жестикулировал и сумел развить немалый пафос.

Когда он кончил свою речь, рабочий Лаврентьев, внимательно его слушавший, поднялся с дивана и двинулся к двери.

— Чепуховина! — сказал он, поворачиваясь у порога.— Левозерство в великобританском масштабе. А почему? Очень просто. Поддержка масс у вас имеется, хоть малейшая? В отделе изобретений машину проверили? А дензнаки у вас есть?

Говард притащил из передней кожаный мешок с советскими миллионами и вытряхнул их на стол. Но Лаврентьев и глазом не повел.

— Здесь средства нужны не таковские,— сказал он наставительно.— Всю эту квартиру втугую дензнаками набить надо, и то не хватит. Ешьте лучше кашу, товарищ, да ложитесь спать на диване. Самое главное из ваших разговоров то, что буржуи в Лондоне Черный Интернационал образовали. И мы это давно предполагаем. Теперь, раз председатель лорд в Москве околачивается, — первым долгом его надо поймать, и конечно — к ногтю взять. Этим и займетесь на первое время. Товарищ Геркулесов вам поможет. А об остальном завтра поговорим, хоть я в Питер на неделю уезжаю завтра, но поговорить утром успеем.

Утром, футурист еще храпел, а Лаврентьев и Говард уже разговаривали о деле. Рабочий в корки разнес затею Говарда и советовал ему немедленно возвращаться в Лондон, и там, вместо постройки дирижаблей — заняться пропагандой идей классового сознания среди рабочих. Говард не хотел ехать домой и приводил все новые и новые аргументы в защиту своего проекта. На эти аргументы Лаврентьев только посмеивался, но, в конце концов, видимо разозлился.

— Ничего из этого дела не выйдет! — сказал он, поднимаясь, чтобы уходить. — Никаким я вашим словам доверять не могу, потому что вы — как британец — многого не понимаете. Упали будто с неба в Москву и ждете, что вам здесь помощь подадут. Ничего подобного. Потому что, — я вам прямо скажу — весь ваш план милитаризмом шит, и это нам не подходит. Где вы армию возьмете на корабли посадить? Неужели вы думаете, что вам Красная армия отпуше-

на будет? Не будет, не сомневаюсь. Вы для меня все равно, что человек безумный, или ненормальный...

Они долго спорили еще, и несколько раз Лаврентьев поднимался и снова садился. Сговорились они на том — наконец, — что Лаврентьев, по приезде из Петербурга, — окажет посильное содействие постройке дирижабля, — машины безусловно полезной для объединения международного пролетариата. Но вопрос о том — как дальше утилизировать этот дирижабль, и лететь ли на нем прямо в Лондон, — оставался открытым. В глубине души, Говард и не очень верил на помощь рабочего, больше надеясь на имеющиеся у него деньги. Поэтому такое решение вопроса его вполне удовлетворило.

Однако, когда Лаврентьев, очевидно, совершенно разуберившийся в серьезности Говарда, — выразил в конце разговора свои сомнения и в факте пребывания лорда в Москве — англичанин счел это за личную обиду.

— Где он, ваш лорд? — кричал саркастически рабочий на всю квартиру. — Да если бы он здесь только нос показал, его бы ГПУ накрыла. Да если хотите знать, я из-за этого дела в Питер не ехать готов, только бы этого лорда здесь повидать... Может, Черный Интернационал в Лондоне и организовывается, но чтоб председатель его здесь был — этому я не верю.

— Здесь он! — кричал Говард, — ручаюсь вам.

— Приведите доказательства, товарищ, — сухо сказал Лаврентьев, видя, что разговор принимает слишком бурные формы. — Доказательства приведите. Кроме слов, конечно.

— Доказательства... — сказал Говард, и задумался.

Взгляд его невольно упал в окно. И тут — как будто действительно чудеса сделались в Москве обычным явлением — Говард увидел на Новинском бульваре лорда, под ручку с каким-то неизвестным человеком. Оба они шли, покачиваясь, и видно было по всему, что, несмотря на ранний час, успели уже изрядно выпить. Неизвестный человек тащил за собой какую-то тележку на резиновом ходу, и, конечно, мог быть только Фиалковым.

— Вам нужны доказательства? — еще раз повторил Говард, но уже радостным тоном — Я вам сейчас приведу доказательства, товарищ Лаврентьев. Сейчас приведу.

И накинув на плечи лордово замшевое пальто, он вскочил на улицу.

Глава XI НОВОЕ ДЕЛО.

Лорд, увезя Фиалкова в Москву, решил на несколько дней там задержаться, чтобы хоть бегло проверить те изобретения, которые он намеревался вывезти с собой в Англию. Кроме того, — и это самое главное — он рассчитывал, что за это время Черный Интернационал раскачается перевести ему на Госбанк десять тысяч фунтов, и что деньги эти помогут ему выбраться из России, а также создать в Москве хоть небольшое представительство, необходимое ему для контр-революционных целей. В Москве они поселились недалеко от Смоленского рынка, у некоего доктора Покаместова, старинного знакомого Фиалкова.

Покаместов был контр-революционно настроенным интеллигентом, и с охотой принял у себя подозрительного лорда, поставив ему одно условие: чтобы тот в будущем прислал ему из Англии четырехпудовую посылку Ара. Лорд пообещал посылку, не задумываясь. И вот теперь они вдвоем жили в двух покаместовских комнатах, по вечерам распивая разбавленный спирт, который где то доставал Покаместов по умеренным ценам. Попутно — они слушали бесконечные рассуждения Фиалкова о новых, намечаемых им изобретениях, и приходили в настоящий восторг от остроумия неопценного никем гения. Кроме того, лорд с Фиалковым ходили на Ходынку проверять некоторые изобретения на опыте, и надо заметить, что опыты эти всегда проходили удачно. В тот день, когда они были замечены Говардом из окна геркулесовской квартиры — они шли испытывать духовую тележку.

Лорд только на Кудринской площади заметил, что за ними гонятся. Он остановился, присмотрелся и проворчал неопределенным тоном:

— Э, да никак это Джон Флаэрти...

Задержал Фиалкова и стал поджидать Говарда. Когда тот подошел достаточно близко, лорд закричал по-английски — своим обычным развязным тоном:

— Джон, болван вы этакий! Куда вы там запропастились? Все дела мне пришлось делать одному и за это я у вас вычту из жалованья. Живо впрягайтесь в тележку и шагайте за нами. На трамвай с ней не пускают.

Говард решил укомплектовать лорда тут же — в скверике на Кудринской площади. Поэтому он, с побледневшим лицом — ухватился за дышло тележки, и глядя лорду прямо в глаза, сказал:

— Прошу вас задержаться на одну минуту!

— Это что еще? — пробурчал лорд недовольно. — Никаких задержек. Все идет благополучно. Рекомендованный вами Фиалков действительно оказался гением. Представьте себе, он изобрел пушку, из которой я надеюсь разгромить через шесть месяцев Москву в районе окружной дороги.

Говард понял, что моментально надо переменить политику. Пушечные планы лорда были ему совершенно неизвестны. О новом изобретении Фиалкова он ничего не знал.

Поэтому, приняв наскоро вежливый вид, Говард заговорил уже тоном прежнего Джона Флаэрти.

— Откуда же именно вы собираетесь стрелять, ваша светлость?

— Ха, мой дорогой... Конечно, из Бирмингема. Ведь эта новая фиалковская пушка бьет на пять тысяч миль, и опустошает кружок с диаметром — в сто. Таким путем — мы парочкой выстрелов окончательно разделаемся с коммунизмом.

При этих словах лорда Говард почувствовал, что его душа медленно переходит в пятки. Начатое им дело развернулось так, что за немного дней — обыкновенный дуэльный

пистолет, приставленный к виску лорда — вырос в гигантское орудие, наведенное на Красную Москву. — Его план, — флотилия железных пузырей — превратился в безобидную шутку по сравнению с караваном стальных снарядов — прямого сообщения — Англия—Москва. Его собственная мысль, пройдя через голову лорда, вышла оттуда со всеми признаками бешеного чудовища. Конечно, у Черного Интернационала найдутся средства для сооружения этой замечательной пушки. Конечно, у него хватит сил — выстрелить из нее в Москву. Что противопоставит он — Говард, заваривший всю эту кашу, — стрельбе из Англии в Россию? Максимум, — такие же выстрелы. Но ему не позволят строить пушку на территории Советской России, потому что такая постройка была бы ни с чем несравнимым милитаризмом. Разве кто-нибудь поверит ему, что это необходимая оборона? Конечно, он пойдет к Троцкому, расскажет ему все. Но не примет ли Троцкий его за безумного провокатора?.. Не отправит ли его в сумасшедший дом на шесть месяцев, то есть, до тех пор, пока не прозвучит обещанный лордом выстрел?

По правде сказать, размышляя таким безрадостным образом — Говард имел довольно-таки оторопелый вид. Лорд — наоборот — выглядел настоящим победителем.

— Как же, ваша светлость, — наконец, тихо заговорил Говард, надеясь, что из тяжелого положения его выручит красноречие. — Для того, чтобы погубить коммунизм — вы хотите умертвить миллионы русского народа. Живописную Москву — превратить в груды развалин, и тем самым, оставить Россию на веки вечные без столицы. Не положит ли это нежелательного клейма на Англию, и будет ли это приятно нашему доброму королю?

— Пустяки, — сказал лорд решительно и задорно. — Москва — грязный город, и подмести ее не мешает. Что же касается короля, то я о нем уже думал. Он ничего не узнает об этой

операции. После войны его величество стал туговат на ухо, а фиалковская пушка стреляет почти бесшумно. Наш

добрый король и не догадается, что стреляли именно из Англии.

Одним словом — с этой стороны вам нечего беспокоиться. Все обстоит прекрасно. Вы только представьте себе — какое развлечение доставит эта затея русским эмигрантам? Она объединит их и вдохновит, по крайней мере, на шесть месяцев. Лучшего для них и не придумаешь...

— Это все так, — сказал Говард, закусывая губу. — Но меня смущают предстоящие жертвы. Вот о чем следует подумать в первую голову.

— Вы стали поразительно сентиментальны в России, Джон, — кисло протянул Ринертон. — Что с вами сделалось? Разве вы не чувствуете, что Москва наиболее подходящая цель, какую можно себе представить. В настоящую минуту — население этого города состоит из партийных и беспартийных. Первых надо умертвить потому, что они заслужили это. Вторые — еще более того достойны смерти. Вы видели эту беспартийную корыстную размазню, которая продолжает жить по инерции, утратив все цели жизни. Мне не нравятся коммунисты, но по сравнению с русскими беспартийными — это колумбы и пророки. Нет, Джон, во всей Москве нет ни одного праведника, из-за которого ее стоило бы пощадить. Так что лучше и не уговаривайте меня. Коммунизм — язва мира, и мы попробуем ее лечить прижиганием. Единственно, что мне от всей души жалко, — это, конечно, здание английского клуба. Но я думаю, что если даже мы не будем стрелять — оно рухнет естественным порядком. По крайней мере, львы облупились, и утратили образ и подобие божие. Кроме того, есть маленькая надежда, что на время стрельбы их удастся вывезти в Калугу.

Говарду сделалось ясным, что злодей продумал все детали замышляемого преступления. Спорить было бесполезно. Надо было придумать другой путь действия. Вдруг одна простая мысль поразила Говарда, и он сделал широкий — многозначительный жест. Ведь пушка-то была придумана Фиалковым — русским, и конечно, лорд без Фиалкова не

сумеет ее построить! Конечно, русский Фиалков не помышляет, что его тащат в Англию для того, чтобы стрелять отсюда в сердце России. Сейчас он раскроет ему глаза. Говарду даже обидно стало, что он столько времени ораторствовал перед лордом, вместо того, чтобы просто информировать изобретателя обо всем, и тем прикончить все разговоры. Говард поглядел на Фиалкова. Тот стоял безмятежно, ничего не подозревая, облокотившись на ящик духовой тележки. Несомненно, этот маленький, рыжевато-серый старичок и не помышлял, что от него, только от него зависит теперь ближайшая судьба мира. Куда полетит снаряд? В Москву или в Лондон? Ад или рай откроется человечеству вслед за выстрелом?

Говард выпрямился. Он понял, что сейчас надо идти на все, чтобы заполучить этого человека. Чтобы переход к новой линии поведения был легче усвоен лордом, он — не теряя еще облика лакея, но все-таки довольно независимо, — произнес медленно:

— Если вы, милорд, решили окончательно стрелять в Москву, — я больше не служу у вас. Пожалуйста расчет. Ваше увлечение артиллерией — мне не подходит...

— Ну и черт с вами! — сказал лорд презрительно. — Проваливайте к дьяволу, что же касается там каких то пустяков, которые с меня причитаются, то пусть пока у вас останется мое замшевое пальто. Я с вами рассчитаюсь на этих днях, как только получу перевод из Лондона.

— Вы не получите перевода! — закричал Говард на всю Кудринскую площадь, думая хоть этим немножко отплатить лорду за его нахальство. — Деньги у меня. Я задержу эту сумму, присланную из Лондона Джону Флаэрти, потому что Джон Флаэрти — это я. Мало того, уходя от вас, я беру с собой мистера Фиалкова, потому что вы толкаете его на бесчестный, отвратительный путь.

— Нет уж, извините, — сказал лорд, не совсем понимая, в чем дело. — Фиалкова я вам ни за что не уступлю. Лучше считайте мое замшевое пальто вашей собственностью на вечные времена. Ступайте, ступайте...

— Я никуда не уйду, пока не получу Фиалкова, — твердо произнес Говард. — И если в нем есть хоть капля совести — он сам должен последовать за мной. Вы хотите использовать его изобретение для разгрома его родины. А я... Я намечаю повернуть пушку в другую сторону.

— Да... — протянул лорд, наконец разобрав, в чем дело. — Вы, я вижу, советизировались. Что ж, Фиалков свободный человек, спросим у него — с кем он хочет работать. Думаю я, что вряд ли ваши планы ему понравятся.

— А это мы сейчас увидим... Мистер Фиалков, я и этот джентельмен — спорим из-за вас, — сказал Говард уже по-русски. — Он стоит за старый порядок, я — хочу нового. Из вновь изобретенной вами пушки он намечает выстрелить, прежде всего, в Кремль. Я же думаю поискать подходящей цели в Европе, и связываю выстрел этот с началом всемирной революции. Выбирайте, в какую сторону вы намерены направить ваши изобретения. Но помните, что судьба всего мира зависит теперь от вашего выбора.

Фиалков жалко скрючился и ответил тихо.

— Господа, мне решительно все равно — в какую сторону будет стрелять орудие. Я человек беспартийный и хочу одного, чтоб мои изобретения процветали. Не мое дело решать вопросы мировой важности, вы сами, конечно, это понимаете...

Но так как вы оба — судя по всему — англичане, то естественно, что я пойду за тем, — кто из вас благородный лорд... Не удивляйтесь, мистер, такому решению. С некоторых пор — я не считаю Россию родиной. Несмотря на усиленные пятилетние хлопоты — в академическом пайке мне категорически отказано.

Фиалков умолк. Слезы катились по его лицу и, спускаясь по рыжеватенькой бородке, увлажняли Кудринский скверик. Было ясно, что отречение от родины явилось следствием давнишнего раздумья.

— Вы проиграли, Джон, — сказал Ринертон после маленькой паузы. — Благородный лорд — я, вы — недостойный лакей. Логика этого русского мне не совсем понятна, но

она мне выгодна. Будем считать, что вопрос исчерпан, и проваливайте к чертовой матери.

Говард ничего не ответил. «Беспартийность» Фиалкова потрясла все его существо, придавать решающее значение только что виденной трогательной сцене — он, конечно, не мог. Поэтому, подумав немного, он полез в боковой карман и вытащил оттуда бумажник, с документами лорда.

— Лорд — я, — сказал он Фиалкову многозначительно. — А этот господин — самозванец. Вот мои документы, они в полной исправности...

Поистине, лорд попал в критическое положение. Доказать в Москве — на площади, без документов и подобающего одеяния, — присвоенное ему с пеленок благородное происхождение — не было никакой возможности.

— Джон, — прошипел Ринертон, заскрежегав золотыми зубами. — Вы — дьявол, и кроме того, — жулик, черт с вами, пользуйтесь временно изобретателем. Все равно здесь в России вы не сумеете построить орудия. Я уйду... Но знайте, мы еще встретимся.

— Совершенно верно, — сказал Говард, пряча документы. — Мы и не расстанемся. Я вас арестую сию минуту, как презренного председателя Черного Интернационала. Я был на заседании этого общества и знаю, чем вы там занимаетесь...

Сказавши это, как можно более внушительно, Говард направился к лорду, чтобы взять его за шиворот.

Но тут произошла замечательная история.

Лорд, как будто бы он с детства занимался биомеханикой, с необыкновенной легкостью перемахнул через решетку Кудринского сквера и ловко уцепился за грязный автомобиль, огибавший в это время площадь. Говард мельком заметил, что это был тот самый автомобиль, на котором он накануне приехал в Москву из местожительства Фиалкова.

Ринертон закричал что-то шоферу, тот ускорил ход. Не довольствуясь этим, лорд развалился на сиденье, как пьяный кулак, и вытащил из под ног чертову гармонию, так

хорошо известную Говарду. Оглядываясь назад, он широким жестом растянул гармонию на коленке и заиграл фортиссимо «Типерари». Этим веселым мотивом он — конечно — хотел показать Говарду, что и не думает унывать.

Автомобиль, Ринертон и звуки гармонии — затерялись в дали зеленой Садовой. Но и Говард не дремал в это время. Крикнув Фиалкову, чтобы тот обождал, он со всей стремительностью кинулся вдогонку за лордом, вполне убежденный, что автомобиль — по примеру прошлого дня — сломается неминуемо, и шиворот Ринертона не уйдет от него. Говард уже выскочил на Садовую, как путь его преградила длинная фигура в клеенчатом плаще, с синим сундучком в руках. Это был машинист Лаврентьев, приехавший к брату в Москву, в товарищеский отпуск.

— Стой! — закричал машинист, толкая Говарда синим сундучком. — Вот где ты прогуливаешься? Куда девал ведро, сукин сын?

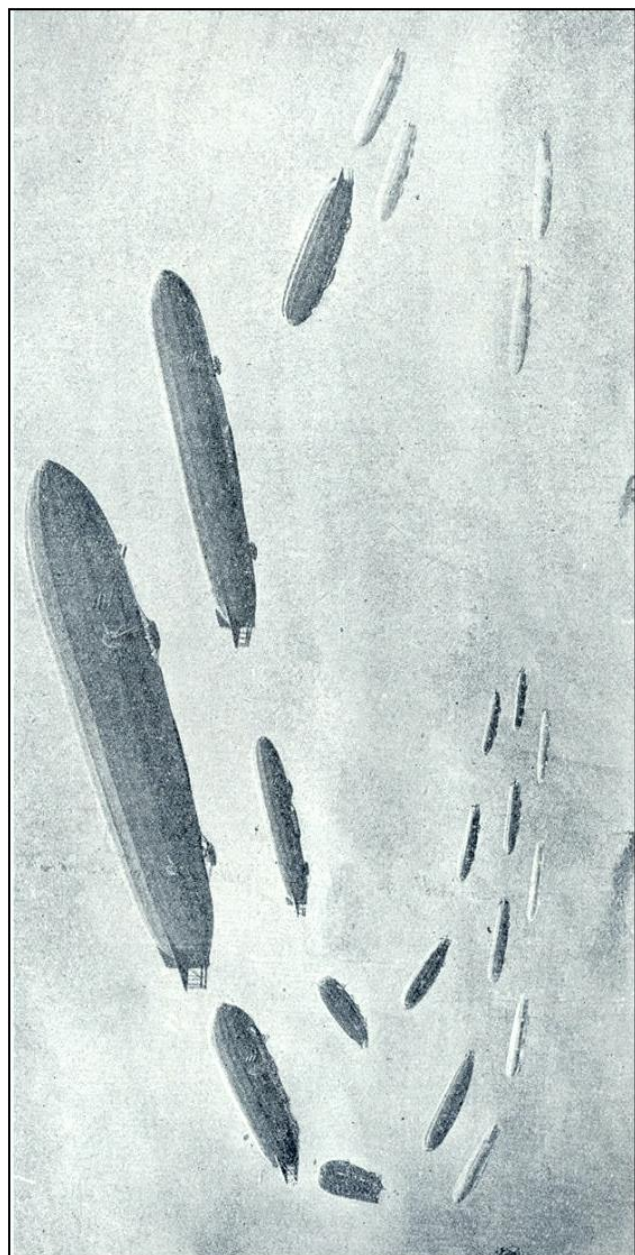
Говард сразу не понял, в чем дело, и начал сопротивляться. На помощь к нему подоспел Фиалков, который не собирался драться, но и безмолвно стоять не мог, когда на его глазах хватали лорда за шиворот.

— Отпустите его, товарищ, — закричал он Лаврентьеву. — Честное слово, это лорд английский, благородный лорд, я его документы видел.

— Лорд! — радостно переспросил машинист. — Его-то мне и надо. Я этих лордов отучу с паровозов ведра таскать...

И не желая больше ничего слушать, машинист Лаврентьев закрутил Говарду руку на спину, потащил его в ближайший участок, чтобы там оформить дело о похищении ведра с советского паровоза. Ничего не понимающий Фиалков, сбитый с толку эксцентрическим поведением лордов, следовал за ними издали, таща за собой и духовую тележку...

(.....)

ГЛЕБ АЛЕКСЕЕВ

НЕВЕРОЯТНЫЙ ПОЛЕТ

Фантастический рассказ

*Другое название – «Ракета Петушкова», текст частично
изменен, добавлен эпилог .*

Журнал «Пламя», Харьков, № 4, 1924 г

Невероятный полет.

Глеб Алексеев.

I

Двадцать второго сентября на острове Шипан в Адриатическом море произошло событие, которое только по причине преступления до сих пор неизвестно цивилизованному миру. Но так как инженеры Кравченко и Петушков на землю до сих пор не вернулись, а далматинский миллиардер Фредерико Главич окончательно выжил из ума, приказав своим слугам величать его: «Завоеватель межпланетного пространства» — я, единственный на земле человек, принимавший участие в этом странном предприятии, по некоторым причинам вынужден объяснить, как все это произошло.

В самом начале двадцатого года на пароходе, увозившем в Сербию остатки белой России, на палубе, с помощью американских одеял наскоро превращенной в каюты, познакомился я с двумя молчаливыми людьми в фуражках русского инженерного ведомства. У одного из них — высокого человека в чудовищных, по брюхо, сапогах, было скуластое, заросшее сивой шерстью лицо и открытые, доверчивые, как день, глаза. Его звали Петушковым, говоря, он заикался, словно давился куском мерзейшего английского бифштекса из обезьяны, которыми нас усердно откармливали на пароходе после российской голодовки. Обернув дном вверх бочку из-под сельдей, он целыми днями потел над цифрами с потрясающим количеством нулей, к вечеру все вычисления летели за борт, сопровождаемые крепким морским словом, и Петушков заваливался спать на якорных канатах, высовывая носом родные рулады. Его товарищ — молчали-

вый человек, с закишшими хохлацкими усами, заинтересовал меня, главным образом, тем, что по ночам, когда только отчетливый храп напоминал о России в душной тьме черноморской ночи, он флегматично усаживался на носу под колоколом, визгливо, словно поросенок, отбивавшим свои склянки, и разглядывал в бинокль красноватую звезду, воткнутую окурком над черной бородой анатолийского берега.

— От це, — говорил он, — и будет Венера...

— Ну, так что ж, — сказал я равнодушно, — Венера так Венера... Мало ли звезд на небе.

— То-то, что таких, как Венера, мало, — отозвался он серьезно... — Вы кто: дурак или кто? Венера живет, поняли? То есть, я хочу сказать, что на ней есть живая жизнь... Правда, она, как молодая планета, постоянно окутана облаками, как в свое время и Земля была... Но разными хитрыми штуками установлено, что на Венере не больше 30 градусов температуры, состоит она из того же мяса, что и Земля... Да. Я думаю, — тут он начал в задумчивости покручивать усы, и говорил дальше, как будто сам с собой, меня не замечая, — Венера сейчас переживает такой же период, как Земля в свое каменноугольное время... Да. Скажем, что это вечные сумерки, рыхлая взрытая почва, покрытая теплым морем и по ней ползут ихтиозавры, бронтозавры и всякая другая дрянь... Надо пороху побольше взять... Вы мне напомните об этом...

Случилось так, что в Босфоре я спас девочку, слетевшую с корабля в море. Девочка в шапочке с симпопошками и в новых калошиках подошла к перилам и молчком кувыркнулась вниз. Я снял сапоги и бросился за нею. Когда матросы вытащили нас на спасательном круге, я вспомнил, что в кармане промок последний десяток папирос, и весьма неодобрительно отозвался по адресу девочкиной мамы.

Кравченко стоял у перил и, покручивая ус, хладнокровно наблюдал — как мы тонули.

— От цей хлоп, — сказал он Петушкову, — дуже спосібний хлоп до нашого кумпанства.

Так началась эта дружба, приведшая к самым неожиданным последствиям.

II

Клянусь, это были совершенно исключительные люди.

Ночью все трое мы заперлись в паровой уборной, где с большой предосторожностью Кравченко выволок из оплешивевшего своего чемодана «Вестник Воздухоплавания» за 1911 год. Он ткнул под самый мой нос просаленные страницы:

— От цю штуку вы читали? — «Исследование мировых пространств реактивным способом» — Пмолковского. Ни? Так я вам должен сказать, что Годдарт и Обэрт этому хлопцу в подметки не годятся...

— А кто ж они такие? — спросил я с некоторым удивлением.

— Про це мы побалакаем на месте... А вы почитайте пока все это... Наш выбор пал на вас.

Он торжественно положил мне на плечо свою волосатую лапу:

— Вы человек умственный же...

— Вы меня извините, — сказал я сурово, — я не люблю шуток...

— Какие тут шутки, — вскричал он, — никаких шуток нет... Мы решили взять вас с собою на Венеру...

— Ку-да?

— А вон, — показал он пальцем в иллюминатор, — от цю звездочку изволите видеть? Венеру? Мы с Петухом перебираемся туда на жительство...

Я посмотрел ему в лицо с отчаянием и хотел напомнить, что на пароходе есть врач, и он может дать хины, но оба они были до такой степени спокойны, медвежьи скулы Петушкова сжались с такой решительностью, а в глазах была такая сумасшедшая уверенность, что я задумался. А в самом деле? Из России выбросили, как щенка, везут за счет английского короля не то в Сербию, не то в Египет... В положении

человека, которого хотя и зовут Федор Антонович, но паспорт которого английский, сапоги американские, а рубаша из благотворительных средств греческой королевы, долго раздумывать не приходится.

— Хорошо, — сказал я, небрежно сплевывая на петушковский сапог, — ваш стол, два доллара в месяц и новые обмотки... А визы у вас уже есть?

III

Пароход привалило к Рагузе, и когда — похожие на молодых угольщиков — мы вступили в душный от запаха магнолий и апельсинов город, в пеструю тесноту его полуитальянских, полутурецких улиц — Петушков высказал подозрение, что, пожалуй, здесь не видали даже живого трамвая, и город для практических работ не годится. Однако, осмотревшись, и получив от проживавших уже тут русских беженцев заверение, что сербы очень любят русских, которых они считают своими братьями и даже выплачивают им неизвестно за что по пятисот динаров в месяц — мы решили, что условия эти вполне приемлемы, надлежало только упрятаться на какой-либо остров, и там заняться пока что практическими изысканиями. Таким островом оказался Шипан, пленивший нас, чорт его знает почему! От того ли, что на нем была всего одна тысяча жителей, или от того, что некий навязчивый хорват, доводивший нас своей любовью к русским до дикого бешенства, указал нам в приморском кафе на толстого, набитого нездоровым жиром человека, задумчиво плевавшего в стоявший перед ним стакан кофе.

— У этого человека, — сказал он, — восемь океанских пароходов, тридцать два дома в Чили и фабрика селитры...

— Селитры! — вздрогнул Кравченко.

— Селитры, и остров Шипан в Далмации принадлежит ему. Тщеславие этого человека так же велико, как его богатство. Вы видите: теперь он всенародно плюет в кофе... На восьми кораблях его саженными буквами написано его имя:

Фредерико Главич... Он мог бы построить вавилонскую башню, если ее назовут его именем...

— А скажите, мой друг, — ласково спросил Петушков, — где находится этот Шипан, и ходят ли туда пароходы?

На другой же день мы были на острове. Он весь тонул в виноградниках, в оливковых и мандаринных рощах. Восточный берег его заканчивался горой, острой, как палец. Она называлась горой св. Ильи, и в древности — мы точно не разобрали — в проливе ее имени Цезарь разбил Помпея, а, может быть, Помпей — Цезаря. На ее гордой вершине находилась вилла известного австрийского историка, который жил здесь, пленясь историческим прошлым горы, и уехал в Вену, когда Далмацию завоевали «эти грязные сербы». Правда, в его вилле не осталось ни окон, ни дверей, и даже крышу «эти грязные сербы» использовали на что-то другое, но зато вилла помещалась на такой крутизне, что доступна была только знавшим особую козью тропу. Над ней — свободные — парили орлы, с нее — просторное — во все четыре стороны открывалось море. Мы остались вполне довольны нашим новым жилищем, приспособив под спальню бывший исторический курятник.

На третий день мы отправились с визитом к далматинскому миллиардеру Фредерико Главичу. Он принял нас в саду, проросшем одуряющими левкоями, в беседке, над которой серебряный лев держал в лапе земной шар. Терять нам было нечего, и потому Петушков на совершенно исключительном французском диалекте объяснил миллиардеру, что жизнь — есть тлен, и человек, умирая, не оставляет после себя никаких следов, кроме детей...

— Но дети, — тут Петушков сострадательно улыбнулся, — этот способ запечатлеть себя в вечности известен каждому рыбаку... Разве этого жаждет ваша просвещенная, уставшая от человеческих дел душа?

Миллиардер посмотрел на нас сонными, заплывшими от сладких запахов глазами и сказал:

— Я люблю прохвостов, а вы, по всей видимости, настоящие прохвосты. Присядьте.

Однако, когда Петушков прочитал краткую лекцию о методах достижения предельных высот, и для объяснения принципа отдачи, единственного, по его мнению, способа движения в пространстве, припомнил обыкновенную пушку и только объяснил, что если бы пушка не стояла на упирающемся в землю лафете, то, непрерывно стреляя, она могла бы взлететь даже на Луну, да еще подкрепил свои утверждения опытами Пмолковского, Годдара и Баркельандера — миллиардер сказал, что считает нас очень отважными людьми.

Подумав, он заметил, что теперь мы можем проваливать, а завтра... если он завтра скажет себе «да», то над его виллой будет поднят флаг. Мы можем увидеть его, не спускаясь с горы.

Это было вечером третьего января.

А четвертого января 1920 года, в этот исторический отныне день, ровно в десять часов утра, дежуривший у курятника Кравченко заревел отчаянным голосом:

— Флаг поднят!

IV

Должен сознаться, что это было поистине редкое соединение двух антиподов загадочной славянской натуры. Инженер Петушков был порывист, беспорядочен в мыслях, увлекался, как ветер, но и охладевал, как ртуть, в работе брал больше порывом, а не высидкой, но я должен сказать, что все «гениальные», как выразился однажды Кравченко, мысли — приходили именно к нему. Это он, например, заметил, что в нашем аэроплане-ракете все-таки должны быть рули.

— Иначе, — сказал он, — как это ни странно, но нас ждет именно участь Жюль-Вернова ядра.

Технолог Кравченко, наоборот, был весь — усидчивость, «хохлацкое» упорство, расчетливость и лень. Но если

брался за работу — делал ее основательно, на года. Так, ему принадлежала выковка стенок ракеты, которым суждено было в междупланетном пространстве выдерживать до 10.000 килограммов атмосферного давления на каждый квадратный метр. Чорт знает, с каким упорством колотил он по раскаленному железу четырехпудовым молотом, или выковывал его в особых, выписанных Главичем из Берлина, горнах. Впрочем, он и сам говорил, что если бы две известные части тела, которыми он думает и сидит, переместились местами, он, несомненно, был бы гениальным человеком.

Работы шли полным ходом. Хорватам объяснили, что руссы собираются проводить на острове электричество. Главич не скупился на средства, и к маю 1921 года голый остов аэроплана-ракеты с крыльями из алюминия и винтами, всего в полтора дюйма толщиной, был готов. Внутри ракеты помещались два огромных бака с водородом и кислородом. Стекая в равной пропорции во взрыватель, в который тупыми искрами была непрерывная электрическая искра, они образовывали гремучий газ. Газ тут же взрывался. В потоке стекающих газов стояли рули. Движение ракеты было разработано. Более трудная битва предстояла с холодом мирового пространства, с его 273 градусами ниже 0. Кравченко предложил использовать для отопления ракеты часть тепла от взрыва газов. Но Петушков, просидев три дня над стеклами, объявил, что он приготовит прибор для поглощения огромной лучистой энергии солнца, пропадающей в пространствах. В тот же день к Цейссу в Иену полетел телеграфный заказ миллиардера Главича на двояковыпуклые чечевицы. Немало пришлось потрудиться над конструкцией взрывателя: его стенкам надлежало выдерживать температуру в 4.000 гр. по Цельсию, спасти положение могла только платина, а она была в двух местах: в России, но в России — перестали уважать миллиардеров, и в Греции, у бывшего владельца платиновых рудников на Урале, вывезшего по случаю эвакуации пуда полтора, и даже ставшего по этому случаю русским посланником на родине Ари-

стотеля. Сгоряча, Фредерико Главич телеграфно предложил посланнику обменять платину на пароход.

При отделке внутренней камеры ракеты, Петушков вспомнил, что человек выдерживает ускорение лишь до 40 метров в секунду, а тут, по его вычислениям, предстояла скорость в 10.000 метров в секунду. Было решено погрузить пилотов в жидкость, равную по удельному весу — весу человеческого тела, и лететь в этой жидкости. В такой ванне пилот без вреда может выдержать любое ускорение.

— Удивительная мерзость, — сказал Петушков, когда жидкость, наконец, была готова, — в какой только дряни не придется купаться...

— Ради идеи, брат...

— Какая там, к чорту идея! — Петушков рассеянно поглядел вниз, на белое кружево зацветающих маслин, — в Россию бы теперь, в Полтаву, чайку с вишневым вареньем...

— Ну, это ты брось, Петух...

Кравченко испуганно поднял брови и выронил альтиметр, который выверял.

— Поедем в Полтаву... На волков пойдем, волков теперь в России видимо-невидимо...А? Ну ее к матери, Венеру...Может, и на ней ни одной живой собаки нет... С Марсом-то вон что вышло. И люди, и каналы, и радио-станции, а на поверку — лед...

В тот вечер мы напились сквернейшей далматинской до потери сознания, и Петушков едва не раскокал четырехпудовым молотом все наше сооружение. Кравченко, молча, съездил его по уху и посадил на пороге курятника, где он и выводил всю ночь рыдающим, бравшим под самое сердце тенором:

— *Э-эх, кабы во поле да береза не стояла...*

А на утро было твердо решено, что отлет состоится ровно в полночь двадцать второго сентября 1921 года. Так упрямство Кравченко решительным образом помогло осуществиться этому чудовищному предприятию.

V

15 сентября, как раз в первый день сбора винограда, когда в долине острова всю ночь не умолкали песни опившихся суслом счастливых виноградарей, аппарат был готов. По внешнему виду это была ракета, снабженная двумя парами крыльев. Ее хвост представлял собою пушечное жерло, в нем были наглухо укреплены рули, напоминавшие мясорубку. В кабине для всех трех пилотов были приготовлены герметические мешки из меха, соединенные проводами с маленькой электрической станцией и налитые особой, весьма гнусно пахшей жидкостью. В мешки надлежало влезать голыми, излишек жидкости выливался через особое отверстие, и они герметически закупоривались. Петушков при этом сделал несколько неприличное, но весьма житейское предположение, но Кравченко по-прежнему был упрям, и обозвал его «старой бабой». Последние дни Петушков вообще был грустен, целыми днями сидел на пороге курятника и смотрел блестящими, словно только что прозревшими глазами вниз, в долину, где — своя, мирная, протекала полновесным ходом жизнь. Солнце пропекало пропотелые фески хорватов, лежало в виноградниках червонным золотом созрева и обещало потрудившимся сытую и пьяную осень. По морю розовыми крыльями сгибались паруса лодок. Я кажется, начинал понимать этого дикого, заросшего по брови волосами человека... Нужна ли, в самом деле, человеку земля... А ведь, пожалуй, нужна...

Дня за три до отлета Кравченко спустился в долину и притащил с собою Главича. Лицо миллиардера напоминало свеженачищенный люк ракеты не только от трудного подъема по козьей тропе... Он отечески похлопал по крылу аппарата и взялся за бумажник. Но, уловив грустную улыбку Петушкова, раздумал. В самом деле — деньги, да еще сербские динары, на Венере не нужны... Взамен этого он принес только что полученный из Америки жироскоп Кордона с валиком внутри для ориентации в междупланетном про-

странстве. Этот прибор был замечателен тем, что валик во всяком положении указывал на Полярную звезду и, таким образом, мы всегда могли знать, где мы находимся. Мы прикрепили его к носу «Межпланетной ракеты Фредерико Главича» и присели на ступеньках кабины.

Солнце стояло в нестерпимом полуденном соку. Дикие апельсины пахли жаром расплавленной киновари. Главич вытащил из кармана расписной японский платок, отер им жирную неживую шею. Как-никак, а ведь мы были обречены на верную смерть. Было бы гнуснейшей пошлостью сказать о жертвах ради науки...

— Так я пойду, — сказал Главич с несвойственной этому человеку кротостью, — я жду вас сегодня ужинать...

Я с ненавистью смотрел в спину этого золотого осла, спускавшегося вниз к жизни и ее простым радостям по козьей тропе... И, чорт знает, почему в его размягченный всеми удовольствиями мозг пришла вдруг дикая фантазия истратить полдесятка миллионов на удовлетворение отчаянной выдумки трех ошалевших русских...

VI

Но это было настоящее вдохновение.

В день отлета мы работали, как хорватские ослы. Мы оттащили ракету на плоскость, метров на двадцать от обрыва, мы скатили с площадки все камни, чтобы не зацепить колесами или «мандолиной» при взлете, мы десятки раз проверяли: все ли на месте, есть ли в мешках вино и вода, привязали трубки и табак к выключателям, чтобы они не мотались по всей кабине, когда ракета уйдет из земного притяжения — и уже к одиннадцати часам вечера, когда поднялся на гору Фредерико Главич, стояли одетыми в отвратительные мешки с липкой жидкостью, похожие скорее на водолазов, чем на летчиков, своими скуластыми металлическими шлемами и огромными рыбьими очками.

— Друзья, — вдруг сказал Главич, — я готов считать пропавшими пять миллионов динаров... Оставим нашу глупую затею...

Но эту его фразу слышал только я. Петушков пробовал мотор, и он гудел недовольным жужжаньем потревоженной птицы.

Без четверти двенадцать Петушков бросился в кабину. Все же и тут он оказался первым, и ракета по справедливости названа мною его именем. Кравченко с торжественностью, показавшейся мне несколько смешной, приложил руки к алюминиевой своей груди и стал медленно подниматься по ступенькам.

Оставалось запустить винт.

Кравченко великолепным жестом капитана указал Главичу.

Но тот сел в траву и, закрыв лицо обеими руками, заплакал. Будто понял что-то этот изживший жизнь человек, и жалел.

Тогда Кравченко сделал рукою знак мне. Я должен был запустить винт мотора и на ходу вскочить на ступеньки. Вот где могла еще раз пригодиться моя отважность!

Ну, что ж! Я — подлец! Я — самый последний негодяй и трус, имя которого никогда не станет известным потомкам. Я подошел к винту и взялся за него неверной, задрожавшей рукой.

— Выключено! — с решимостью отчаяния заревел Петушков. Его голова в шлеме, словно бомба, торчала в открытый еще люк кабины.

— Конта-акт? — запросил я, все еще надеясь.

И коротко, словно выстрелив, Петушков крикнул:

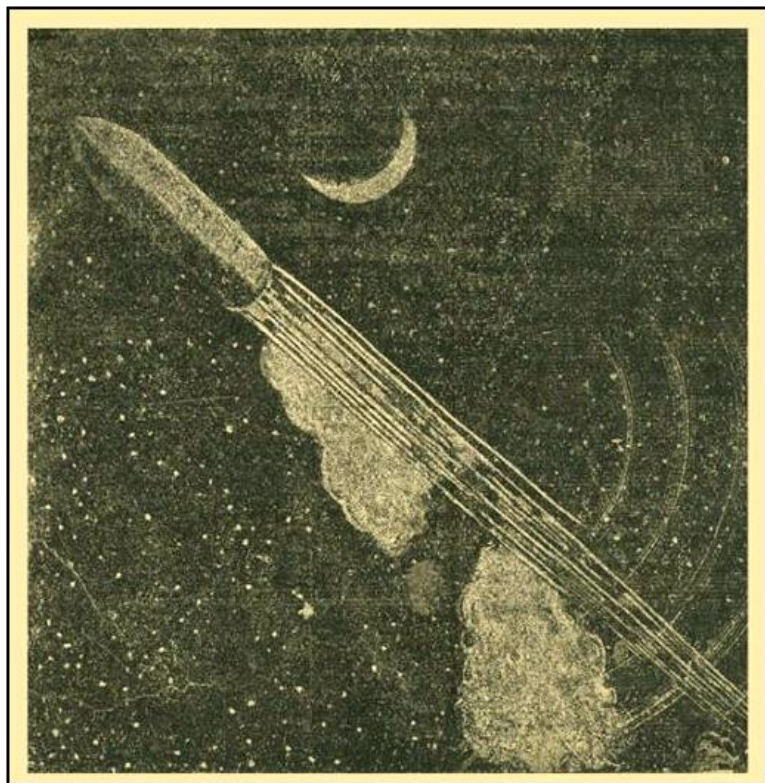
— Есть контакт!

Со стоном я дернул винт. Ракета вздрогнула, будто проснувшаяся птица, и вдруг медленно поплыла вперед — к черному обрыву моря, kloкотавшего, как надгробное рыдание, у подножия св. Ильи.

А я... Я повалился на землю и остался...

И еще слышал я высоко над головою — проклинавший

рев винта, вдруг рванувшийся из ночи, словно огромная апокалипсическая птица прореяла над островом, и так же вдруг пропавший в тугой, слегка пахнувшей созревающими апельсинами адриатической тьме...

VII

По всей вероятности, я никогда не опубликовал бы всей этой истории. Моя роль в ней была такова, что, право, не всякий отважился бы на всенародное покаяние даже в интересах науки, или, как любил говаривать (чуть-чуть было не написал: покойный, но покойный ли?) Кравченко: «во имя

идеи». Есть проступки, которые не прощаются, если даже совершил их сам.

Но вот в чем дело.

Промотавшись еще года полтора без определенных занятий по заграницам, в 1924 году я попал, наконец, в Россию и решил, что мне следует снова заняться своей специальностью. Я отправился в комиссариат народного просвещения и объявил, что не прочь поступить на место преподавателя естественной истории и географии, хотя бы и где-нибудь в провинции. И когда мне предложили на выбор целый ряд городов, в которых мои познания могли пригодиться подрастающему поколению — по странному наитию я избрал Полтаву. И кто знает? — может быть, в мирном, крепко настоявшемся покое этого городка, наедине с угрызениями совести покончил бы я свои дни над картой какой-нибудь Индии или Мадагаскара — если бы случай не столкнул меня с женщиной, брови которой были капризны, как излом пропеллеров, а улыбка одуряющая, как некогда аромат левкоев в саду далматинского миллиардера.

Она звалась Петушкова, и была очень глупа. Иначе я никак не могу определить ее любви к стихам Надсона и решимости ожидать своего мужа ровно десять лет.

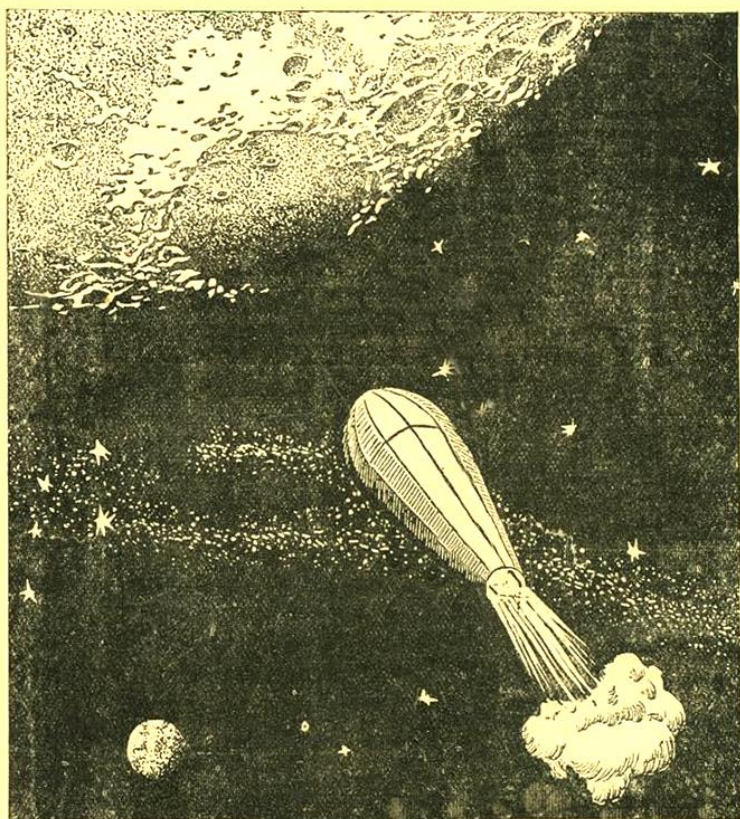
Я не сказал ей ни слова. Есть проступки, о которых нельзя говорить.

Но к вам, великие путешественники, открыватели новых земель, быстроходные капитаны небесных и земных морей — моя просьба. Может быть, где-нибудь: на таинственных ли высотах Тибета, во льдах ли полюсов, в пустынях ли золотой Африки вам попадутся на глаза обломки аэроплана - ракеты, на кузове которого не по праву написано огромными буквами из остатков посольской платины: „Междупланетная ракета Фредерико Главича“.

Известие о такой находке сулило бы мне только душевный покой...

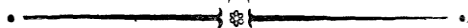
ГЛЕБ АЛЕКСЕЕВ.

Ракета Циолковского в межпланетном пространстве (фантастич. рисунок).

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

НЕВИДИМЫЙ СВЕТ

Фантастический рассказ

Художник Г. Фитингоф

ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО
КОМИТЕТА, ЛЕНИНГРАДСКОГО
ОБКОМА И ГОРКОМА ВЛКСМ

Журнал революционной романтики,
приключений, научной фантастики,
краеведения, экспедиций и путе-
шествий

ГОД ИЗДАНИЯ ДВЕНАДЦАТЫЙ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

И Н Б А Р Ь

№ 1

1938

Журнал «Вокруг Света», № 1, 1938 г.

— Я агент самого себя...

НЕВИДИМЫЙ СВЕТ

А. БЕЛЯЕВ

Рис. Г. ФИТИНГОФА

— По всему видно, что Вироваль — знаменитый врач.

— Приходится согласиться, если это видно даже абсолютно слепым.

— Откуда вы знаете, что я абсолютно слепой?

— Меня не обманут ваши ясные голубые глаза. Они неподвижны, как у куклы. — И, тихо рассмеявшись, собеседник добавил: — Между прочим, я вертел пальцем перед самым вашим носом, а вы даже глазом не моргнули.

— Очень любезно с вашей стороны, — горько усмехнулся слепой и нервно пригладил свои и без того причесанные каштановые волосы. — Да, я слепой, и сказал «по всему видно» по старой привычке. Но богатство и славу можно воспринимать не только зрением. Лучший квартал города. Собственный дом-особняк. Запах роз у входа. Широкая

лестница. Швейцар. Аромат дорогих духов в вестибюле. Лакеи, камеристки, секретари. Фиксированная высокая плата за визит. Предварительный осмотр ассистентами. Мягкие ковры под ногами, обитые дорогим шелком кресла, благоуханный запах в этой приемной...

— Замечательная психическая подготовка, — негромко заметил собеседник, сморщив в иронической улыбке свое желтое лицо. Он бегло осмотрел роскошную приемную Вировалю, как бы проверяя ощущения слепого. Все кресла были заняты больными, многие из которых носили темные очки или повязки на глазах. На лицах пациентов — ожидание, тревога, надежда...

— Ведь вы недавно потеряли зрение. Как это произошло? — обратился он снова к слепому.

— Почему вы думаете, что недавно? — удивленно поднял брови слепой.

— У слепых от рождения иные повадки. У вас, по-видимому, поражены зрительные нервы. Быть может, некроз нерва, как последствие весьма неприятной болезни, которую не принято называть...

Щеки, лоб и даже подбородок слепого порозовели, брови нахмурились.

— Ничего подобного, — быстро, с негодованием в голосе заговорил он, не поворачивая головы к собеседнику. — Я электромонтер. Работая в одной из экспериментальных лабораторий Всеобщей компании электричества по монтажу новых ламп, излучающих ультрафиолетовые лучи...

— Остальное понятно. Я так и думал. Отлично! — Собеседник потер руки, наклонился к слепому и зашептал ему на ухо: — Бросьте вы этого шарлатана Вировалю. С таким же успехом вы могли бы обратиться за врачебной помощью к чистильщику сапог. Вироваль будет морочить вам голову, пока не вытянет из вашего кошелька последнюю монету, а потом заявит, что сделал все возможное, и по-своему будет прав, так как ни одной монеты больше из вас уже не извлечет ни один специалист. У вас много денег? На что вы живете?

— Вы, вероятно, считаете меня простаком, — сказал слепой с гримасой отвращения. — Но даже и слепой простак видит вас насквозь. Вы агент какого-нибудь другого врача.

Собеседник беззвучно рассмеялся, собрав в морщины свое лицо:

— Вы угадали. Я агент одного врача. Моя фамилия Крусс.

— А фамилия врача?

— Тоже Крусс!

— Однофамилец?

— И даже больше, — хихикнул Крусс. — Я агент самого себя. Доктор Крусс к вашим услугам. Разрешите узнать вашу фамилию?

Слепой помолчал, затем неохотно ответил:

— Доббель.

— Очень приятно познакомиться. — Крусс дружески тронул слепого за локоть. — Я знаю, что вы обо мне думаете, господин Доббель. В этом городе торгашей и спекулянтов тысячи врачей отбивают друг у друга пациентов, прибегая к самым грязным средствам, уловкам и обманам. Но кажется, еще ни один врач не унижал себя настолько, чтобы лично ходить по приемным других врачей, обливать конкурентов грязью и вербовать себе пациентов. Признавайтесь, что именно такие мысли приходят вам в голову, господин Доббель.

— Допустим, — сухо сказал слепой. — И что же дальше?

— А дальше я имею честь сообщить, что вы ошибаетесь, господин Доббель.

— Едва ли вам удастся переубедить меня, — возразил слепой.

— Посмотрим! — живо воскликнул Крусс и продолжал вполголоса: — Посмотрим. Я приведу вам аргумент, против которого вы не устоите. Слушайте. Я доктор совершенно особого рода. Я не беру денег за лечение. Больше того, я содержу пациентов на свой счет.

Веки слепого дрогнули.

— Благотворительность? — тихо спросил он.

— Не совсем, — ответил Красс. — Я буду с вами откровенен, господин Доббель, надеясь, что и вы подарите меня своей откровенностью. Скоро ваша очередь, буду краток... Родители оставили мне приличное состояние, и я могу позволить себе роскошь заниматься научными исследованиями по своему вкусу у себя на дому, где содержу небольшую клинику и имею хорошо оборудованную лабораторию. Меня интересуют такие больные, как вы...

— Что же вы хотите мне предложить? — нетерпеливо перебил Доббель.

— Сейчас ничего, — усмехнулся Красс. — Мое время наступит, когда вы отдадите Вировалью последнюю монету. Однако мне нужно узнать, каковы ваши сбережения. Поверьте, я не посягаю на них...

Доббель вздохнул:

— Увы, они невелики. Случай с моим ослеплением стал известен: о нем писали в газетах. Компания, чтобы скорее погасить шум вокруг этого дела, принуждена была уплатить мне сумму, которая обеспечивала меня на год. И это была большая удача. В наше время даже совершенно здоровые рабочие не могут считать себя обеспеченными на год.

— И на сколько времени у вас еще осталось средств?

— Месяца на четыре.

— А дальше?

Доббель пожал плечами.

— Я не привык заглядывать в будущее.

— Да, да, вы правы, заглядывать в будущее становится все труднее и для зрячих, — подхватил Красс. — Четыре месяца. Гм... Доктор Вироваль, надо полагать, значительно сократит этот срок. И у вас тогда не будет денег не только для лечения, но и для жизни. Великолепно! Почему бы вам тогда не прийти ко мне?

Доббель не успел ответить.

— Номер сорок восьмой! — объявила медицинская сестра в белой накрахмаленной косынке.

Слепой поспешно поднялся. Сестра подошла к нему, взяла за руку и увела в кабинет. Красс начал рассматривать иллюстрированные журналы, лежащие на круглом лакированном столике.

Через несколько минут Доббель с радостно-взволнованным лицом вышел из кабинета. Красс подбежал к нему.

— Позвольте мне довести вас на своей машине. Ну как? Вироваль, конечно, обещал вам вернуть зрение?

— Да, — ответил Доббель.

— Ну разумеется. Иначе и быть не могло, — захихикал Красс. — С его помощью вы, конечно, прозреете... в некотором роде. Вы спрашивали, что я могу обещать вам. Это будет зависеть от вас. Возможно, впоследствии я приложу все усилия, чтобы вернуть вам зрение полностью. Но сначала вы должны будете оказать мне одну услугу... О, не пугайтесь. Небольшой научный эксперимент, в результате которого вы, во всяком случае, выйдете из мрака слепоты...

— Что это значит? Я буду отличать свет от тьмы? А Вироваль обещает вернуть мне зрение полностью.

— Ну вот! Я же знал, что сейчас говорить с вами на эту тему преждевременно. Мой час еще не пришел.

Когда они подъехали к дому, где квартировал Доббель, Красс сказал:

— Теперь я знаю, где вы живете. Разрешите вручить вам свою визитную карточку с адресом. Месяца через три надеюсь видеть вас у себя.

— Я также надеюсь видеть вас, видеть собственными глазами, хотя бы для того, чтобы доказать, что Вироваль...

— Не обманщик, а чудотворец? — засмеялся Красс, хлопывая дверцу автомобиля. — Посмотрим, посмотрим!

Ничего не ответив, слепой уверенно перешел тротуар и скрылся в подъезде.

И вот Доббель снова сидит на мягком сиденье автомобиля. Денег осталось ровно столько, чтобы оплатить такси. Звонки трамваев, шум толпы затихли вдали. На коже ощу-

щение тепла и как бы легкого давления солнечных лучей. На этой тихой улице, очевидно, нет высоких домов, которые заслоняли бы солнце. Запахло молодой зеленью, землей, весной. Доббель представил себе коттеджи, виллы, окруженные садами и цветниками. Тишину изредка нарушает только шелест автомобильных шин по асфальту. Машины принадлежат, вероятно, собственникам особняков. Крусс должен быть действительно богатым человеком, если он живет на этой улице.

Шофер затормозил, машина остановилась.

— Приехали? — спросил Доббель.

— Да, — ответил шофер. — Я провожу вас к дому.

Запахло цветами. Под ногами заскрипел песок.

— Осторожнее. Лестница, — предупредил шофер.

— Благодарю вас. Теперь я дойду сам.

Доббель расплатился с шофером, поднялся на лестницу, тронул дверь — она была не закрыта — и вошел в прохладный вестибюль.

— Вы к доктору Круссу? — послышался женский голос.

— Да. Прошу ему передать, что пришел Доббель. Он знает...

Теплая маленькая рука прикоснулась к руке Доббеля.

— Я провожу вас в гостиную.

По смене запахов и температуры — то теплой, то прохладной, по изменению отраженных от стен звуков Доббель догадывался, что спутница ведет его из комнаты в комнату — большие и малые, освещенные солнцем и погруженные в тень, заставленные мебелью и пустые. Станный дом и странный порядок водить пациентов по всем комнатам.

Чуть скрипнула дверь, и знакомый голос Крусса произнес:

— О, кого я вижу! Господин Доббель. Можете идти, Ирен.

Маленькую теплую руку сменила холодная, сухая рука Крусса. Еще несколько шагов, и Доббель почувствовал сильный смешанный запах лекарства. Звенели стекла, фар-

фор, сталь. Вероятно, кто-то убирал медицинские инструменты и посуду.

— Ну, вот вы и у меня, господин Доббель, — весело говорил Красс. — Садитесь вот сюда в кресло... Однако сколько мы с вами не виделись? Если не ошибаюсь, два месяца. Позвольте, совершенно верно. Мой почтенный коллега доктор Вироваль обчистил ваши карманы даже раньше предсказанного мною срока. Видите ли вы меня, — об этом, полагаю, спрашивать не нужно.

Доббель стоял, опустив голову.

— Ну, ну, старина, не вешайте носа, — Красс трескуче рассмеялся. — Вы не пожалеете, что пришли ко мне.

— Что же вы хотите от меня? — спросил Доббель.

— Буду говорить совершенно откровенно, — отвечал Красс. — Я искал такого человека, как вы. Да, я возьмусь бесплатно лечить вас и даже содержать на свой счет. Я употреблю все усилия, чтобы по истечении срока нашего договора полностью вернуть вам зрение...

— Какого договора? — с недоумением воскликнул Доббель.

— Разумеется, мы заключим с вами письменный договор, — хихикнул Красс. — Должен же я обеспечить свою выгоду... У меня есть одно изобретение, которое мне необходимо проверить. Предстоит операция, связанная с известным риском для вас. Если опыт удастся, то вы, временно оставаясь слепым, увидите вещи, которых не видел еще ни один человек на свете. А затем, зарегистрировав свое открытие, я обязуюсь сделать все от меня зависящее, чтобы вернуть вам нормальное зрение.

— Вы полагаете, что мне остается только согласиться?

— Совершенно верно, господин Доббель. Ваше положение безвыходно. Куда вам от меня идти? На улицу с протянутой рукой?

— Но объясните же мне по крайней мере, что произойдет со мною после операции? — раздраженно воскликнул слепой.

— О, если опыт удастся, то... Я думаю, я уверен, что после операции вы сможете видеть электрический ток, магнитные поля, радиоволны — словом, всякое движение электронов. Невероятные вещи! Каким образом? Очень просто.

И, расхаживая по комнате, Крусс тоном лектора продолжал:

— Вы знаете, что каждый орган реагирует на внешние раздражения присущим ему, специфическим образом. Ударьте легонько по ушам, и вы услышите шум. Попробуйте ударить или надавить на глазное яблоко, и вы получите уже световое ощущение. У вас, как говорят, искры из глаз посыплются. Таким образом орган зрения отвечает световыми ощущениями не только на световое раздражение, но и на механическое, термическое, электрическое.

Я сконструировал очень маленький аппаратик — электроноскоп, нечто вроде панцирного гальваноскопа высочайшей чувствительности. Провода электроноскопа — тончайшие серебряные проволоки — присоединяются к зрительному нерву или зрительному центру в головном мозгу. И на ток, который появится в моем аппарате-электроноскопе, зрительный нерв или центр должен реагировать световым ощущением. Все это просто.

Трудность заключается в том, чтобы мертвый механизм электроноскопа приключить к системе живого зрительного органа и чтобы вы могли световые ощущения проецировать в пространстве. По всей вероятности, ваш зрительный нерв не поражен на всем протяжении. Не легко будет найти наилучшую точку контакта. Впрочем, к операции мы прибегнем лишь в крайнем случае. Ведь электрический ток может добраться до зрительного нерва и по смежным нервам, мышцам, сосудам. Вот основное. Подробности я вам объясню, если вы решите...

— Я уже решил, — ответил Доббель, махнув рукой. — В жизни мне нечего терять. Экспериментируйте как хотите. Можете даже долбить мне череп, если потребует-ся.

— Ну что же, отлично. У вас теперь по крайней мере есть цель жизни. Видеть то, чего еще не видел ни один человек в мире! Это не всякому выпадает на долю.

— А уж на вашу долю в связи с этим, наверное, тоже кое-что перепадет! — язвительно сказал Доббель.

— Выгодная реклама, не больше, которая поможет мне отбить у Вироваля всех его пациентов, — с самодовольным смехом ответил Красс.

— Темнота. Черная как сажа и глубокая как бездна, впрочем, я лгу: полная темнота не имеет пространственного измерения. Я не представляю, простираются ли передо мною тысячи кубических километров или сантиметры темноты, нахожусь ли я в пустоте или же со всех сторон меня окружают предметы. Они для меня не существуют, пока я не дотронусь до них или не расшибу себе лба...

Доббель замолчал.

Он лежал на кровати в большой белой комнате. Голова его и глаза были забинтованы. Красс сидел в кресле возле кровати и курил сигару.

— Скажите, доктор, почему вы так тяжело дышите? — спросил Доббель.

— Не знаю. Наверно, сердечко шалит. От волнения... Да, я волнуюсь, господин Доббель... Волнуюсь, наверно, больше вашего... Почему так долго ничего...

— Послушайте! — вдруг воскликнул Доббель и приподнялся на кровати.

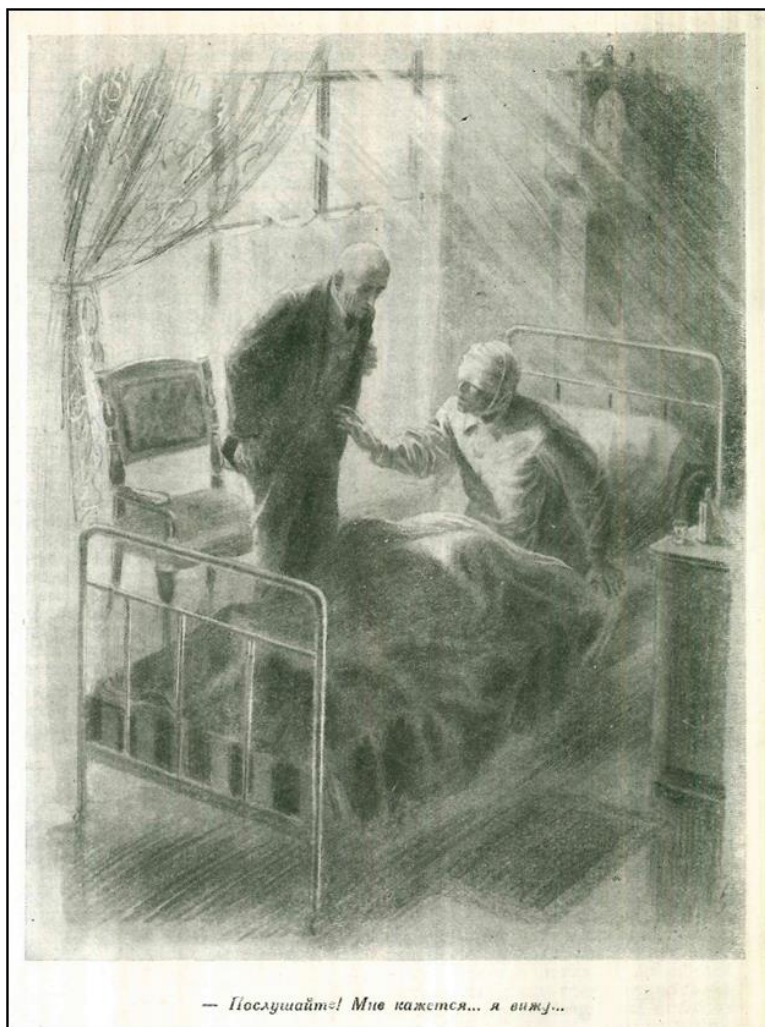
— Лежите, лежите! — поспешил Красс уложить голову Доббеля на подушку.

— Послушайте! Мне кажется... я вижу...

— Наконец-то! — свистящим шепотом произнес Красс. — Что же вы видите?

— Я вижу... — взволнованно ответил Доббель, — мне кажется... если это только не зрительная галлюцинация... Бывают зрительные галлюцинации у слепых?

— Да ну же, ну, что вы видите? — вскричал Красс, ерзая в кресле.

— Послушайте! Мне кажется... я вижу...

Но Доббель замолчал.

Его лицо было бледным и таким сосредоточенным, словно он к чему-то прислушивался. Крусс поднялся, осторожно ступая, дошел до двери и нажал кнопку электрического звонка. Когда появилась санитарка в белом халате, Крусс приказал тихо, как бы боясь нарушить грезы Доббеля:

— Скорее... нитроглицерин... у меня сердечный припадок.

— Доктор! Господин Крусс! Да, да, я вижу... тьма ожила! — заговорил Доббель, как в бреду. — Проходят какие-то Сгущения светового тумана...

— Какого цвета? — взвизгнул Крусс, хрипло дыша.

— Свет белый... хотя на фоне мрака кажется чуть-чуть голубоватым... Световые пятна приходят и уходят ритмически, как волны...

— Волны! — хрипел Крусс. — Проклятье! Недостает только, чтобы я умер именно сейчас. Давайте! Скорее давайте! — обратился он к вошедшей санитарке, жадно выпил лекарство, опустил веки и откинулся на спинку кресла. Хрипы становились все реже и тише.

— Прохождения световой материи бывают то короче, то длиннее, — говорил Доббель о своих видениях.

— Быть может, это работает радиотелеграф? — высказал предположение Крусс. — Ну вот, мне лучше. Мне значительно лучше. Я вас слушаю.

— Удивительно. Передо мною словно проявляется фотографическая пластинка. Я вижу больше света... Пятна, точки, дуги, кольца, волны, узкие, трепещущие лучи пересекают, пронизывают друг друга, сливаются, расходятся, переливаются... Световая сетка, узоры... Как трудно разобратся во всем этом!

— Замечательно! Бесподобно! — восхищался Крусс удачными результатами своего опыта. — Вам трудно разобратся потому, что вы еще не приспособились регулировать аппарат и не можете выделять токи различной силы. Не мудрено, что вы находитесь как бы в световом хаосе. Но вы

быстро овладеете регулятором и сможете выделять токи от слабых до сильных любого напряжения. Да не жалеите же слов, дружище! Что вы видите еще?

— Нет больше темноты, — продолжал Доббель. — Пространство полно света. Свет разной силы и — да, да! — разной окраски — голубой, красноватый, зеленоватый, фиолетовый, синий... Вот с левой стороны вспыхнуло световое пятно величиною с яблоко. От него исходят голубоватые лучи, как от маленького солнца...

— Что такое? — воскликнул Красс, вскакивая с кресла. — Вы видите? Не может быть! Ведь это луч солнца из окна упал и осветил полированный шарик на ручке двери. Но не можете же вы видеть этот шарик!

— Я не вижу шарика. Я вижу только световое пятнышко и голубоватые лучи, исходящие от него.

— Но как? Почему? Какие лучи?

— Мне кажется, я нашел разгадку, господин Красс. Энергия солнечного луча, осветившего шарик, начала вырывать с металлической поверхности шарика электроны.

— Да, да, да, да! Вы правы. Вы совершенно правы. Как только я сразу не догадался. А ну-ка, сделаем такой опыт. Вы, конечно, не видите, где находятся провода электрической лампы? Так. Теперь я включаю свет. Электрический ток двинулся, и...

— И я увидел электрический провод. Светящаяся линия проходит по потолку, — Доббель указывал пальцем, Красс утвердительно кивал головой, — по стене... а вон там, в углу, происходит утечка тока. Вам придется пригласить монтера... Дальше провод проходит через ряд комнат, спускается в первый этаж, выходит на улицу... Я вижу и горящую электрическую лампу. Вот она. Только я вижу не свет, а токи электронов от накаливаемого волоска...

— Термионная эмиссия, или эффект Эдиссона, — кивнул головой Красс.

— А знаете что, господин Красс? — весело сказал Доббель. — Я вижу кое-что и более интересное, чем эффект Эдиссона в горящей лампочке. Вижу, даже не поворачивая

головы. Будьте добры, подойдите к моей кровати. Так. Здесь ваша голова? А здесь ваше сердце?

— Совершенно верно... Гром и молния! Неужели вы... неужели вы видите электротоки, излучаемые моим мозгом и сердцем? Хотя что же тут удивительного? Ведь в каждой клетке нашего организма происходят сложные химические процессы, сопровождаемые электрическими явлениями. Но сердце и мозг — это настоящие генераторы.

— От вашей головы исходит мягкий лиловый свет. Он усиливается, когда вы усиленно думаете. А когда волнуетесь, разгорается пламенем ваше сердце, — сказал Доббель.

— Вы клад, Доббель! Вы золото! Вы незаменимый для науки человек! Ведь гальванометр не может рассказать всего, как вы! Я горжусь собою... и вами, Доббель. Сегодня вечером мы покатаемся с вами по городу в автомобиле, и вы расскажете мне о ваших видениях!

Перед Доббелем открылся новый мир. Тот вечер, когда Красс катал его по городу в авто, навсегда остался в памяти Доббеля. Этот первый вечер был совершенно волшебным, фантастическим.

Доббель видел свет всюду, где только имелся электрический ток, а где нет электричества в большом городе! Доббель видел вспышки высокого напряжения, которые дает магнето автомобильного двигателя. Моторы трамваев катились по улицам, как китайские колеса фейерверков, отбрасывая от себя снопы искр — электронов. Словно расплавленные канаты, висели вдоль улиц трамвайные провода. Вокруг них были такие мощные магнитные поля, что светом наполнялась вся улица. Доббель видел, вернее, угадывал, как свет — ток от воздушного токонесущего провода — бежал по бугелю под крышу вагона к контроллеру на передней площадке, затем — под пол — в железную раму вагона, в ось, в колеса, в рельсы, в подземный кабель. Многочисленные кабели ярко светились под землей. Кое-где они были неисправны, и Доббель отчетливо видел уходящие в зем-

лю голубые ветвистые ручейки — утечка тока. А позади себя, далеко на окраине города, он видел зарево и целые каскады огня. Там была расположена одна из многих городских электростанций с ее мощными альтернаторами. Они-то и излучали эти огненные каскады.

Любопытно было смотреть на многоэтажные дома. Доббель не видел стен. Он видел только ярко светящуюся сложную решетку проводов электрического освещения и более слабый свет телефонных проводов, как бы светящийся скелет небоскребов. По этим скелетам Доббель узнавал отдельные здания города. Там и сям в домах виднелись косматые световые пятна — моторы. Все пространство было наполнено рассеянным светом от проходящих радиолучей, а над городом, до самых звезд, как бы связывая небо с землею текли световые потоки, ливни, реки света — то была игра космических лучей, вырвавшихся из недр солнца электронов и магнитных токов самой земли...

— Не один ученый дал бы выколоть себе глаза, чтобы видеть все это! — восторженно воскликнул Крусс, слушая описания Доббеля. — Кстати, будьте готовы, Доббель. Завтра вас интервьюируют журналисты крупнейших газет, а послезавтра я демонстрирую вас в научном обществе.

...Изобретение Крусса произвело сенсацию. Несколько дней подряд все газеты наперебой трубили о нем, и Крусс купался в лучах славы.

Доббеля тоже непрерывно интервьюировали и фотографировали, а затем он начал получать письма с деловыми предложениями.

Военное ведомство предполагало использовать Доббеля для перехватывания во время войны радиотелеграмм противника. Доббель воспринимал волны радиотелеграфа как ряд световых вспышек разной продолжительности. Преимущество Доббеля перед приемной радиостанцией заключалось в том, что ему не надо было перестраиваться на длину волн: он видел их все — и длинные и короткие.

Крупная фирма «Электроремонт» предлагала ему работу — контроль над утечкой тока в подземных кабелях и обна-

ружение так называемых бродячих токов, причинявших повреждения подземным кабелям и разным металлическим конструкциям. Фирма подсчитала, что живой аппарат — Доббель — обойдется дешевле монтеров и техников, вооруженных обычными аппаратами, определяющими место утечки тока.

Наконец, Всеобщая компания электричества сделала ему предложение — служить живым аппаратом при опытных работах в научной лаборатории компании. В экспериментальной лаборатории испытывались различные системы катодных трубок и ламп, осциллографов, аппаратов, излучающих ультрафиолетовые и рентгеновы лучи, искусственные гамма-лучи; здесь изучалась вся шкала электромагнитных колебаний, делались опыты бомбардировки атомного ядра, изучались свойства космических лучей. Такой живой аппарат, как Доббель, конечно, мог быть очень полезен при производстве опытов над невидимыми лучами.

Крусс разрешил Доббелю принять предложение Всеобщей компании электричества.

— Но жить вы будете по-прежнему у меня, — сказал Крусс. — Так мне будет удобнее. Ведь договор наш остается еще в силе. Я не произвел еще над вами всех интересующих меня наблюдений.

Для Доббеля вновь началась трудовая жизнь.

Ровно в восемь утра Доббель уже сидел в лаборатории, где всегда пахло озоном, каучуком и какими-то кислотами. Производились ли опыты при солнечном свете, или же вечером, при свете ламп, или, наконец, в полной темноте, Доббель всегда был окружен своим прозрачным миром светящихся шаров, колец, облаков, полос, звезд. Машины гудели, жужжали, трещали. Доббель видел, как возле них возникают сияющие магнитные поля, как срываются потоки электронов, как эти потоки изгибаются или ломаются в пути под влиянием хитроумных электрических преград, сетей и ловушек. И Доббель объяснял, объяснял и объяснял все виденное. Две стенографистки записывали его речь.

Он видел интереснейшие световые феномены и делал ученым сообщения о вещах совершенно неожиданных. Когда начинала работать гигантская электромагнитная установка, которая была больше и тяжелее самого большого паровоза, Доббель говорил:

— Фу, ослепнуть можно! Эта машина наполняет ярким светом целый квартал города, а крайние пределы светящегося магнитного поля выходят далеко за окраину города. Ведь я вижу весь город насквозь — электрический скелет города, вижу сразу во все стороны. Я теперь вижу все вещи и вас, господа. Электроны облепили меня, как светящийся улей. Вон у господина Ларднера искры уже сыплются с носа, а голова господина Корлиса Ламотта напоминает голову Медузы Горгоны в пламени. Я отчетливо вижу все металлические предметы, они горят, как раскаленные, и все связаны светящимися нитями.

При помощи Доббеля, говорящего и мыслящего аппарата, было разрешено несколько не поддававшихся разрешению обычным путем научных вопросов. Его ценили. Ему хорошо платили.

— Я могу считать себя самым счастливым среди слепых, но зрячие все же счастливее меня, — говорил он Круссу, который ежедневно выслушивал его отчеты о работе и продолжал на основании их свои изыскания по усовершенствованию изобретенного им аппарата.

И вот настал день, когда Крусс сказал:

— Господин Доббель! Сегодня истек срок нашего договора. Я должен исполнить свое обязательство — вернуть вам нормальное зрение. Но вам тогда придется потерять вашу способность видеть движение электронов. Это все-таки давало вам преимущество в жизни.

— Вот еще! Преимущество быть живым аппаратом! Не желаю. Довольно. Я хочу иметь нормальное зрение, быть нормальным человеком, а не ходящим и болтающим гальваноскопом.

— Дело ваше, — усмехнулся Крусс. — Итак, начнем курс лечения.

Настал и этот счастливый день в жизни Доббеля. Он увидел желтое, покрытое морщинами лицо Крусса, молодое, но злое лицо сестры, помогающей Круссу, увидел капли дождя на стеклах большого окна, серые тучи на осеннем небе, желтые листья на деревьях. Природа не позаботилась встретить прозрение Доббеля более веселыми красками. Но это пустяки. Были бы глаза, а веселые краски найдутся!

Крусс и Доббель некоторое время молча смотрели друг на друга. Потом Доббель крепко пожал руку Крусса.

— Не нахожу слов для благодарности...

Крусс отошел от кресла, приподняв правое плечо.

— Благодарить незачем. Для меня лучшая награда — успех в моей работе. Я же не шарлатан, не Вироваль. Вернув вам зрение, я доказал это всем — надеюсь, его приемная очень скоро опустеет... Но довольно обо мне. Вот вы и зрячий, здоровый, нормальный человек, Доббель. Можно позавидовать вашему росту, вашей физической силе и... что же вы теперь намерены делать?

— Я понял ваш намек. Я больше не ваш пациент и потому не должен обременять вас своим присутствием. Сегодня же я перееду в отель, а затем подыщу себе квартиру, работу.

— Ну что ж, желаю вам успеха, Доббель.

Прошел месяц.

Однажды Крусса попросили сойти вниз, в вестибюль. Там стоял в пальто с приподнятым воротником и со шляпой в руках Доббель. Струйки дождя стекали на паркетный пол с полей его шляпы. Доббель выглядел уставшим и похudevшим.

— Господин Крусс! — сказал Доббель. — Я пришел еще раз поблагодарить вас. Вы вернули мне зрение. Я прозрел...

— Вы лучше скажите, удалось найти вам работу?

— Работу? — Доббель желчно рассмеялся. — Я прозрел, господин Крусс. Прозрел вдвойне. И я хочу просить вас... ослепить меня. Сделайте меня слепцом, навсегда слепцом, видящим только движение электронов.

— Добровольно подвергнуть себя ослеплению?! Но ведь это чудовищно! — воскликнул Крусс.

— У меня нет другого выхода. Не умирать же мне с голоду.

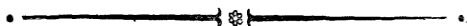
— Нет, я не сделаю этого, решительно отказываюсь! — горячо возразил Крусс. — Что подумали бы обо мне! И потом вы опоздали. Да. Занимаясь электроноскопом, я внес в него кое-какие конструктивные изменения, запатентовал и продал патент Всеобщей компании электричества. Теперь каждый человек может с помощью моего электроноскопа видеть электроток. И компания не нуждается в таких ясно-видящих слепцах, каким были вы, Доббель.

Доббель молча надел мокрую шляпу и в раздумье посмотрел на свои сильные, молодые руки.

— Ладно, — сказал он, в упор взглянув на Крусса. — Они годятся по крайней мере на то, чтобы сломать всю эту чертову мельницу. Прощайте, господин Крусс! — И он вышел, хлопнув дверью.

Дождь прошел, и на синем осеннем небе ярко сияло солнце.

МИХ. ЛОСКУТОВ

РАССКАЗ О ГОВОРЯЩЕЙ СОБАКЕ

Сказка

Художник А. Каневский

Журнал «Пионер», № 1, 1936 г.

Рассказ о говорящей собаке

Мих. Лоскутов

Рис. А. Каневского

Вообще-то говоря, говорящих собак на свете нет. Так же, как говорящих лошадей, леопардов, кур, носорогов.

Собственно, науке известен только один такой случай, это — знаменитая говорящая собака Мабуби-Олстон. Она принадлежала известному доктору Каррабелиусу, но где она находится в настоящее время, никому не известно. История эта — истинная правда. Произошла она не так давно, в маленьком, очень далеком и захолустном городке Нижнем Таратайске, на реке Бородайке.

Излишне говорить, что город Нижний Таратайск никогда до того замечательного события не только не видал говорящих собак, но даже обыкновенными собаками, как город маленький, не изобиловал. Было в нем ровно шесть собак, причем одна из них неполная. Она имела только три ноги и один глаз; все остальное она растеряла за свою долгую и бурную жизнь. Но это не мешало таратайским собакам быть особенными.

Естественно, что все жители города знали всех шестерых собак наперечет. Они даже составляли известную гордость Таратайска. Эту гордость подогревали особенно вла-

дельцы собак, люди тщеславные и самолюбивые. Поэтому все жители считали, что таратайские собаки самые умные на свете.

Все говорили: «Наши собаки». Приезжих спрашивали: «Вы еще не видели наших собак?» Возвращаясь поздно домой, таратайцы говорили: «Это лают наши собаки» — и слушали их, точно пение соловьев.

Каждый из владельцев в свою очередь, конечно, считал, что его собака самая умная из шести собак, и на этой почве происходили между ними всякие дразги.

Каждый находил в своей собаке свои особенные досто-

Черная собака счетовода Попкова.

инства, и каждая была по-своему хороша и мила для города. Черная собака счетовода Попкова была больше всех: она могла при желании проглотить поросенка или даже самого счетовода. Пес бухгалтера Ерша был необыкновенен по раскраске: весь

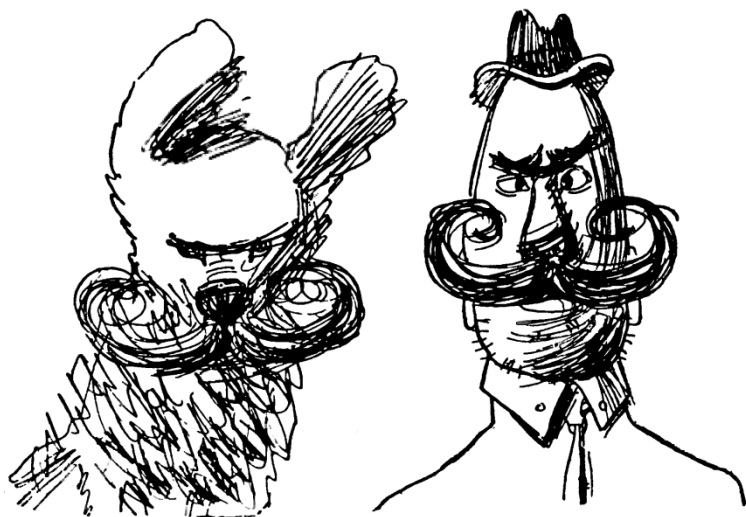

Пес бухгалтера Ерша.

он состоял из пятен и каких-то грязных полос и походил не то на зебру, не то на шахматную доску. На глазах у всех бухгалтер мыл его, доказывая, что эти пятна не отмываются. Белый пудель Екатерины Федоровны Бломберберг был хотя не чистый пудель, а смесь с овчаркой, но все же был почти породистый и умел делать реверанс.

Белый пудель Екатерины Федоровны Бломберберг.

...Смотрите, она даже похожа на меня.

Но больше всех гордился своим псом Арарат, провизор аптеки, огромный, как башня, мужчина, с лихими усами, закрученными вверх. Его всегда видели с собакой и с бамбуковой палкой в руках.

— Я побью того, кто скажет, что моя собака не лучше всех, — говорил провизор. — Смотрите, она даже похожа на меня.

И действительно, у них было странное сходство: собака была так же длинна, у нее были так же закручены вверх усы, ей недоставало только бамбуковой палки.

Лишь один владелец трехногой собаки не обладал особым самолюбием в собачьем вопросе. Это был старый пенсионер Поджижиков, человек ветхий, так же равнодушно смотревший на мир, как и его древнее животное, по прозвищу «Бейбулат». Единственно чем они оба занимались, это сидели целый день на крылечке и дремали.

Один только старичок-пенсционер Поджижиков равнодушно дремал на солнышке.

И вот однажды...

Доктор кинологии и восточной школы дрессировки животных, заклинатель змей и зоопсихолог Отто Каррабелиус приехал в Нижний Таратайск прямо из-за границы, возвращаясь с Малайского архипелага. Никем не замеченный, он сошел с поезда и с двумя чемоданами, ассистенткой, небольшой собакой, двумя обезьянами, попугаем и морской свиньей по прозвищу «Элеонора», и отправился в местную гостиницу «Мадрид».

А через день по городу были расклеены удивительные афиши:

«ДОКТОР КАРРАБЕЛИУС

продемонстрирует дрессировку животных

Прыжок в обруч. Поднимание животными гирь. Танец танго на зонтике.

А затем впервые в Европе и Америке покажет номера восточной школы психодрессировки животных.

ГОВОРЯЩАЯ СОБАКА.

Результат долгой научной подготовки и работы с животными. Чудес нет. Буфет по удешевленным ценам».

Когда появилась афиша о необыкновенной собаке, весь город, естественно, начал говорить об этом событии. Мнения жителей были разнообразны.

— Это надувательство, — говорили одни. — Собака не должна говорить. Собака обязана лаять и дом сторожить. Знаем эти индийские штучки. На что наши таратайские собаки — и то не говорят ничего.

— Нет, все же заграничное воспитание... — робко отвечали другие. — Конечно, дай нашим такое воспитание, так они бы и не так заговорили...

— По науке собака не имеет права разговаривать. У нее с медицинской точки зрения не так все устроено, — говорил провизор аптеки, размахивая бамбуковой палкой.

— Почему же? Вы забываете, как наука и техника вперед шагнули. Вон телевидение, например... Почему же со-

баке не говорить?! Пора. Давно пора было обратить внимание. Это же красота! Сидит, к примеру, собака, дом сторожит. Что бы ей лаять на вора, она ему вдруг вежливо так, басом говорит: «Ты чего тут шляешься? А то вот хозяина как кликну, так будешь хорош...»

Как передают теперь свидетели, особенное напряжение в городе началось с той поры, когда на улицах стал появляться доктор Отто Каррабелиус с собачкой. Поползли всякие слухи. Передавали, будто где-то его собака чихнула и извинилась. У кого-то она спрашивала адрес какой-то улицы. За Отто Каррабелиусом ходила толпа, и во главе — все владельцы собак, кроме двух. Хозяин черного пуделя «Клондайка» местный. священник Святоперекрещенский сидел дома и говорил собравшимся у него старушкам, что все это ведет к концу мира.

— Не ходите смотреть на эту нечисть!..

— Не ходите смотреть на эту нечисть, — говорил священник. — Вот до чего дошло при советской власти: собака говорит. Этак, того и гляди, куры танцевать станут, коровы частушки запоют! С нами крестная сила!

Один только старичок-пенсионер Поджижиков сидел равнодушно на солнышке и грелся с собакой «Бейбулатом». Когда ему говорили про говорящую собаку, он только зевал.

— Ну и что же, охо-хо, — говорил он. — Пусть говорят на здоровье.

Ничто его не прошибало!

Мальчик Витя Храбрецов, пионер, ученик и следопыт первой категории, твердо задался целью выяснить тайну собаки. С утра до ночи он ходил по улице за доктором Каррабелиусом и даже пропустил все занятия. Но собака почему-то молчала. Вопрос особенно волновал Витю с одной стороны: если собаку можно выучить говорить по-русски, по-немецки и по-французски, то не может ли она вообще ходить в школу и готовить уроки?

В день представления зал клуба местной пожарной дружины «Красное пламя» был набит битком. В первом ряду сидели четыре владельца собак. Тут были и счетовод, и бухгалтер, и Бломберберг, и провизор с палкой.

Вышли доктор Каррабелиус во фраке и ассистентка в костюме наездницы. Быстро проделали свои номера обезьяны, попугай и морская свинья «Элеонора». Их публика пропустила мимо глаз. Доктор понял, что публику волнует собака. Видя напор толпы, он забеспокоился. Где-то треснул барьер.

Наконец, вышла собака. Сначала она проделала прыжки и танго на зонтике. Потом доктор вышел вперед и сказал:

— Товарищи, милостивый государь и милостивый государин. Теперь мы продемонстрируем главный номер, как биль говорил собака. Перед вами маленький млекопитающий животный Канис Фамильярис — обыкновенный домашний собака, по имени Олстон-Мабуби.

— Давай! — крикнули в публике.

Ряды придвинулись к сцене. Доктор немного отступил и вытер затылок.

— Ничего необыкновенного и сверхъестественного в этом номере нет. Все вы знаете, что такой, например, обычный животный, как попугай, может говорить по-человеческий голос. Собака же — самый умный животный, древний друг человека. Мои долгие опыты на основе изучения восточных наук...

Публика подвинулась еще ближе. Все вскочили с мест и полезли на сцену. «Давай!» — кричали опять в публике.

— Товарищи! — сказал доктор, отступая. — Я боюсь, что при таких условиях мой собачек не может сказать один слов.

Здесь публика заволновалась еще больше. Все смотрели на собачку, но ничего не было слышно.

— Он сейчас удерет. Держите его! — кричали владельцы таратайских собачек. — Она не будет говорить.

— Тише!

— Дайте собачке поговорить, — спокойно пробасил кто-то.

— А она на каком языке будет?

— Товарищи! — сказал доктор. — Я очень плохо говорил по-русски. Но мой собачек изучил его лучше меня. Ну, я попрошу кого-нибудь на сцену.

И здесь на сцену выскочил следопыт Витя Храбрецов.

— Я! Ну как тебя звать? — спросил он у собачки.

Собачка взглянула на него и открыла рот.

— Олстон-Мабуби, — вдруг сказала она громко. — А тебя как?

Витя растерялся. Публика ахнула и присела. Собачка открывала рот и выдавливала из себя настоящие слова. Тут в зале от напора толпы треснула скамейка и опять поднялся шум. Всех слов разобрать было нельзя. Доктор поспешно отклонялся и удалился со сцены, уводя собачку.

Возбужденная публика долго не уходила.

Она спорила. «Говорила!» — заявляли одни. «Ничего не говорила. Это обман зрения!» — кричали хозяева собачек.

На другой день в городе появилась афиша о втором представлении с припиской: «Ввиду нервного состояния собаки просьба соблюдать абсолютный порядок. В противном случае сеанс говорения может не состояться».

Город разбился на два лагеря. Теперь только и было споров: говорила или не говорила. Даже пять местных собак бегали по городу, взволнованные общим спором. Первая половина города теперь смотрела на них насмешливо. «Ну, вы тоже собаки, только и толку, что реверанс...» Псы стыдливо поджимали хвосты и убегали в подворотни.

Псы стыдливо поджимали хвосты и убегали в подворотни.

Но зато другие, наоборот, стали смотреть на собак с еще большим уважением и даже с некоторой опаской: кто их знает, этих странных животных, — о чем они думают? Мальчишки, горячие сторонники второй партии, ходили толпой по улицам и пели сочиненную кем-то песню:

«Что за шум, и что за драки?

Кто затеял кавардак?

Это враки,

Это враки,

Всем известно, что собаки,

Таратайские собаки,

Лучшие всех других собак!!»

Только древняя трехногая «Бейбулатка» и старичок Поджижиков оставались спокойными: по-прежнему они сидели на крылечке, равнодушные к общему волнению.

— Ну и что же? Все бывает, — говорил, зевая, пенсионер.

Но на второе представление его все же притащили и посадили в первом ряду.

К моменту выхода собаки напряжение опять достигло предела. Но теперь никто не придвигался и не вскакивал с мест: все боялись, чтобы сеанс не отменили. Публика напрягалась, зажав рты. Все делали друг другу строгие знаки. Затаенное дыхание иногда лишь прерывалось вздохами. Только старичок Поджижиков сидел в первом ряду и спокойно дремал, задрав голову на спинку стула.

Опять прошла морская свинья, танго на проволоке. Подошло дело к собаке. Мальчик Витя Храбрецов на цыпочках вышел на сцену.

— Прошу для удостоверений научности опит выйти на сцена представителей медицинского мира, — сказал доктор. — Ну, собачка, скажи что-нибудь мальчику. Смотри, какой мальчик.

— Ничего. Мальчик как мальчик. Так себе, — вдруг сказала собака и зевнула.

Тишина разорвалась. Поднялись крики. «Бис!» — кричали из задних рядов.

— Мальчик как мальчик. Ну? — громко повторила собака. Сомнений быть не могло. Гром аплодисментов потряс здание клуба. Старичок Поджижиков проснулся.

— Ну и что же тут такого? — вдруг сказал он в наступившей тишине. — Эка невидаль. Ну-ка, «Бейбулат».

И тут, как рассказывали свидетели, началось нечто совершенно уже необыкновенное.

Из-под скамейки вдруг вылезла древняя полуслепая «Бейбулатка» с белой свалявшейся шерстью и на трех ногах приковыляла к своему хозяину.

Хмуρο и гордо она посмотрела одним своим глазом на собравшихся.

*Собаки стояли друг против друга и кричали друг другу
равные глупости.*

— Поговори с собачкой, — сказал старичок.

Собака посмотрела на сцену.

— А ну ее к свиньям, — вдруг сказала она. — Чего мне с ней разговаривать?

Тут уже остолбенел доктор кинологии Каррабелиус. Вытаращив глаза, он смотрел на белого лохматого пса-дворняжку.

— Мы их забьем, этих сеттер-шнель-клепсов? Правда? — спросил старичок «Бейбулата».

— Ясное дело, забьем, Сидор Поликарпович. Это нам раз плюнуть! — отвечал пес. — Мы еще не так сумеем разговаривать!

Но собака доктора Каррабелиуса не растерялась.

— Ну кто еще кого забьет, мы посмотрим! — закричала она.

Публика опять вскочила. Одни мчались к выходу, другие лезли на сцену, третьи орали какие-то слова. Тем временем две собаки стояли друг против друга и выкрикивали

друг другу разные глупости. Это продолжалось до тех пор, пока старичок не увел свою собаку, а доктор свою. Оставшаяся публика не могла успокоиться. Владельцы собак в первом ряду запели песню таратайцев, и ее подхватили задние. Усатый провизор вскочил на сцену и принялся дирижировать своей бамбуковой палкой. Все пели хором:

*«Что за шум, и что за драки?
Кто затеял кавардак?
Это враки,
Это враки,
Всем известно, что собаки,
Таратайские собаки,
Лучше всех других собак!!»*

Потрясенный город не мог спокойно жить, спать, есть и работать. Собачья гордость Нижнего Тарасайска переливалась через край. Даже жители Верхнего Таратайска и Среднего Таратайска залом валили смотреть на собаку Поджижикова. Но старичок и пес по-прежнему мирно дремали на солнышке.

Витя Храбрецов целый день носился по городу. Вечером усталый он возвращался домой мимо церкви Воздвиженья-на-Песках.

Однажды он услышал странную возню за церковной оградой. Прислонившись к ограде, он прислушался. Оттуда доносился голос священника.

— Ну, «Клондайк», — быстро шептал он, — ну, скажи «па-па». Ну стой смирно, господи благослови. Ну, скажи «хо-ро-ша-я по-го-да».

Все владельцы срочно обучали своих собак языку. День и ночь они муштровали их и так и этак, допытывались у старика Поджижикова насчет его секрета и снова ломали головы.

И, — вот чего не делает человеческая гордость! Нам могут не поверить, но беспристрастная история свидетельствует об этом замечательном моменте в жизни города, ко-

гда собаки действительно начали понемногу разговаривать о том, о сем.

Пять собак Нижнего Таратайска стали говорить!

Это было страшно. Хозяева выводили своих собак на крыльцо, водили взад и вперед по улицам и перед изумленной толпой беседовали с ними о всяких вопросах.

— Хорошая погода, — говорили они собакам.

— Ничего, действительно, — отвечали те, — только не мешало бы небольшому дождичку.

Мир воцарился меж хозяевами пяти собак. При встречах они хитро подмигивали друг другу. Таратайские псы тоже торжествовали. Они здоровались друг с другом на улицах, кричали из-за заборов и пели песни. Рассказывают даже, что черная собака счетовода Попкова как угорелая носилась по улицам и кричала:

— А ну, где тут доктор Каррабелиус? Разве он еще не уехал в Индию?!

— *А ну, где тут доктор Каррабелиус?*

За ней гонялись пожарные. Только попу не удалось обучить свою собаку ничему. Он мучил беднягу днем и ночью, но она оставалась молчалива как камень. С горя, говорят, поп принялся обучать своего пса музыке и математике. А у старухи Тараканихи будто бы кошка начала вдруг разговаривать по-французски. События начали принимать невероятный оборот.

Тогда доктору Каррабелиусу посоветовали срочно покинуть город. «Это все вы на делали, — сказали ему. — Ко-

гда вы уедете, наши собаки успокоятся. У нас и без говорящих собак дел очень много».

Некоторые скептики, конечно, говорили, что все здесь — обман. Они заявляли, что тут обычный цирковой трюк под названием чревовещание; сам артист говорит сперва своим обычным голосом, а потом, когда собака открывает рот, он отвечает за нее другим голосом. На этом понемногу все начали успокаиваться.

Но не такой был мальчик Витя Храбрецов: он решил выяснить тайну до конца. Когда доктор уезжал, он шел за ним и его собакой до самого вокзала.

— Олстон! — кричал он ей. — Скажи два слова.

Но собака, молча, понурив голову, шла за доктором.

— Олстон-Мабуби! Это я, Витя Храбрецов. Мы с тобой разговаривали в театре.

Собака молчала. Доктор не оборачивался.

Витя бросил собаке кусок хлеба, чтобы посмотреть — нет ли у нее во рту говорящей машинки. Она не взглянула на хлеб. Тогда он кинул в нее камень, чтобы она выругалась. Она молчала.

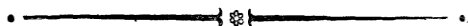
Наконец, когда доктор Каррабелиус влезал в вагон, она посмотрела на Витю Храбрецова, покачала головой и сказала:

— Ты очень плохой ученик, пионер и мальчик. Во-первых, нехорошо швыряться в собак камнями. Во-вторых, ты пропускаешь занятия, как лентяй. И, в-третьих, говорящих собак никогда не было, нет, и не может быть.

И она была права. Сказав это, она исчезла вслед за чемоданами, обезьянами, попугаем и морской свиньей «Элеонорой».

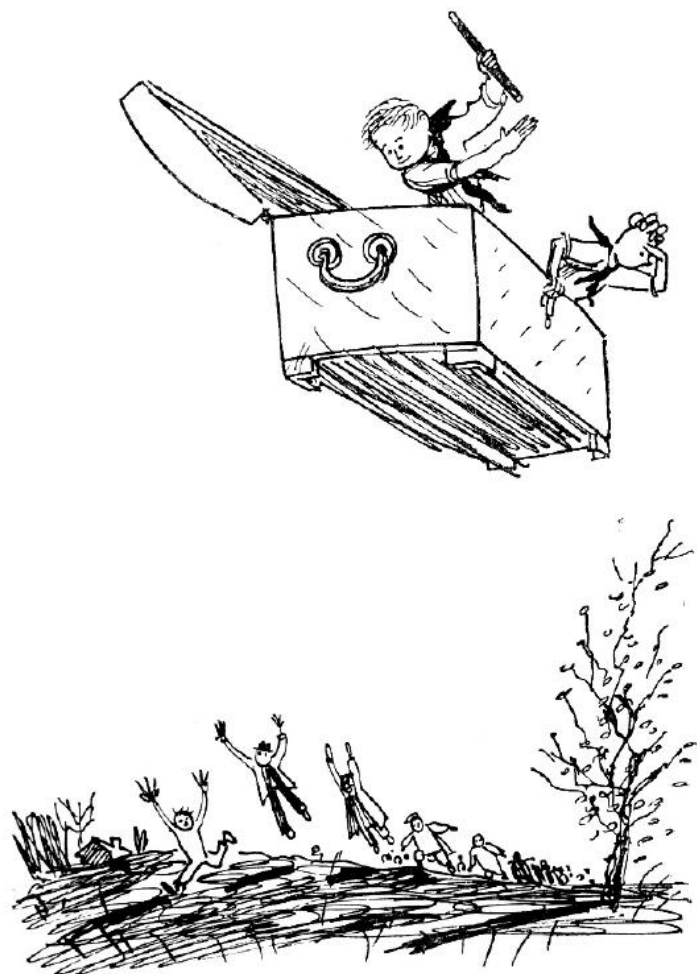
МИХ. ЛОСКУТОВ

ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА

Сказка

Художник А. Каневский

Журнал «Пионер», № 2, 1936 г.

Волшебная палочка

Рассказ Мих. Лоскутова

Рисунки А. Каневского

Доктор Каррабелиус был, разумеется, не только дрессировщиком собак и попугаев, но фокусником-иллюзионистом, чревовещателем, глотателем змей и много ещё кем. Короче говоря, он умел делать все те таинственные и заманчивые вещи, которые, как известно, многие хотели бы делать, да, к сожалению, не умеют.

Он, например, мог протыкать булавкой язык и исчезать из сундука на глазах у публики. А кто не мечтал об этом?

В самом деле! Если ещё с булавками туда-сюда, но уметь исчезать из сундука хотел, конечно, уж всякий.

Некоторые люди спокойно относятся к этому: не могут проткнуть свой язык, проглотить шпагу или сварить яичницу в шляпе — ну и ничего, живут и так. Конечно, сначала погорюют некоторое время, а потом и ничего.

Но были такие два мальчика, которые никак не могли свыкнуться с тем, что они не иллюзионисты. От досады они не могли спать по ночам. Во сне они глотали всякие тяжёлые предметы, садились в сундук и летали в нём по воздуху, за ними гналась толпа; тогда они исчезали вместе с сундуком, и толпа останавливалась, поражённая. «Ах, какие мальчишки, — говорила она, — ай да мальчишки!»

Звали их Валя и Саня. А жили они в том самом городке,

Им было жалко извозчиков, так как те не могли пойти в цирк.

куда приехал однажды с цирком доктор Каррабелиус и где произошло всё то, что тут описано.

Валя и Саня достали билеты на самое первое представление доктора Каррабелиуса за семь дней до открытия цирка. Им казалось, что на открытие пойдёт весь город и билетов для них не останется. По городу они ходили все семь дней очень взволнованные и радостные. Только очень им было жалко извозчиков, так как те не могли пойти в цирк. И пожарного на каланче было жалко.

— Ну, ещё пожарный может отпроситься в цирк на дежурство, — сказал Саня, — а уж извозчикам плохо: не уйдёшь с козел.

— Ну, могли бы на минутку привязать лошадь к столбику и пойти взглянуть, — сказал Валя.

— Не знаю... Я бы, пожалуй, конечно, привязал...

Они хотели так и посоветовать извозчику, но тот сидел очень уж хмурый, и они не решились к нему подойти.

Пришёл наконец день представления. Цирк действительно был полон. Саня и Валя сидели на местах уже задолго до звонков, так как боялись, что звонки забудут дать и они пропустят иллюзиониста.

— А вот и пожарный стоит, — сказал Валя, — он так и сделал, как мы думали.

Может быть, ещё извозчики придут, — сказал Саня, но тут на арену вышел человек в мундире с метёлкой.

— Доктор Каррабелиус, — сказал Валя.

—А вот и пожарный стоит

— Нет. Это униформа,— ответил Саня. — Он будет подметать метёлкой, чтобы доктору было чище.

Однако арену подмели не для доктора, а для лошадей. После лошадей были велосипедисты и ещё многое, и только самым последним номером объявили иллюзиониста и факира, профессора индийской магии, доктора Каррабелиуса.

Доктор вышел с помощницей; он огляделся, кашлянул и сказал:

— Для начал я буду с делаль один пустячок: отрежу голова это женщина.

Ребятам стало жалко женщину. Но она спокойно легла в длинный ящик. Ящик поставили стоямя, и в отверстие, проделанное вверху, все видели лицо женщины. Доктор взял

Дорогие граждане! Так как я отрезайль своей помощница голова, то я прошу теперь помогайт мне кого-либо из публики.

плотничью пилу и перепилил ящик там, где была шея женщины. Потом нижнюю часть ящика унесли, а в верхней по-прежнему оставалась голова помощницы доктора. Ящик с головой доктор положил на стул и сказал публике:

— Дорогие граждане! Так я отрезаю своей помощнице голову, то я прошу теперь помогите мне кого-либо из публики.

Саня и Валя вскочили оба.

— Я пойду, сиди, — сказал Саня, — а то он отрежет тебе голову.

— А тебе? — спросил Валя.

— Я не дамся, я большой.

Однако на арену они пошли вместе. Кроме того, выбежали ещё четырнадцать мальчиков и одна старушка. Но Саня с Валею были первые, и все остальные ушли обратно.

— Вы хотите обязательно два помощника? — сказал доктор. — Как вас звать, мальчик?

— Саня и Валя.

— Ну хорошо, Саня и Валя, вы будете держите вдвоём эту одну волшебную палочку.

Он протянул им маленькую чёрную палочку, и Саня с Валею взяли её в руки.

— Вот у меня в руке одна большая пила, — сказал доктор. — Взмахните палочкой и скажите: «Айн, цвай, драй!»

— Айн, цвай, драй! — сказали мальчики, и пила исчезла.

Публика стала аплодировать.

— Вот теперь в моей руке этот бутылка. Я накрываю её чёрным платком. Скажите: «Айн, цвай, драй!»

Мальчики сказали, и вместо бутылки появилась живая курица. Доктор накрыл её платком —

*Вместо бутылки
появилась живая курица*

«айн, цвай, драй» — и появилась шляпа, потом вместо шляпы — графин с водой. Доктор взял графин и поставил на стул рядом с ящиком, в котором лежала голова помощницы.

Саня незаметно постарался подвинуться к стулу, чтобы посмотреть графин, а заодно уж и ящик. Он уже притронулся к графину, но тут увидел в ящике голову помощницы доктора.

— Мальчик, не трогай, ты разобьёшь графин, — строго сказала голова помощницы доктора.

Саня, смущённый, отскочил в сторону.

— Ну, дорогой помощник, теперь давайль уходиль на место, — сказал доктор. — Только палочка отдавайль мне. Она мне очень нужен. В эта палочка — самый главный волшебств всех фокус.

Саня и Валя отдали палочку и убежали на места.

На арену опять притащили вторую часть ящика, приставили к той, что на стуле. В том месте, где отпилено, доктор помазал гуммиарабиком и взмахнул палочкой. Из ящика вышла помощница и начала убирать приборы на арене.

Доктор проделал ещё несколько мелочей: проглотил четырёх змей и один подсвечник, сделал курицу чернильницей, взял у публики четыре кольца, а затем вытащил их из кармана у пожарника.

— Больше пожарник никогда не пойдёт на представление, — сказал Валя, — Он ведь не хотел взять кольца.

— Ну, мало ли — не хотел, — сказал Саня. А мог так и уйти, незаметно, с кольцами.

На этом представление окончилось. Люди выходили из цирка толпой, и Саня с Валею смотрели в лица выходящих, чтобы увидеть на них необыкновенное удивление. Но никакого удивления на них не было. Все, наверное, притворялись и пытались придать лицу самое обыкновенное выражение. Некоторые даже говорили:

— Ну что ж, курица, курица... Подумаешь тоже...

— У нас вон одна курица четыре яйца сразу снесла, — сказал какой-то мужчина, зевнув.

— А голову вы бы смогли отрезать? — строго спросил его Валя.

— Голову? Да, а чего ж! Конечно, смог бы.

— Отрезать-то смог бы. А вот обратно поставить... — сказал Саня.

— Обратно действительно не пробовал. Но если попробовать...

Обиженные Саня с Валец ушли. Дома тоже все делали равнодушный вид, когда они рассказывали о представлении. Наверно, все злились, что не были в цирке.

— Он змей глотал! — сказал Саня.

— Китайцы и лягушек едят, — строго сказал папа. — Всё дело привычки. А может быть, и голодный желудок, — чего не съешь.

— Ну, а подсвечник?

— И подсвечник тоже. Практика нужна, опыт. Ложись спать.

Запершись один в комнате, Саня стал думать о том, как бы ему стать иллюзионистом. Все говорят о практике, — значит, и он может долгой практикой научиться глотать подсвечники?

Начать сразу с подсвечника он не решился, но для начала попробовал съесть коробку спичек. Они неслись, и ничего не вышло.

Саня лёг спать.

Ночью он долго обижался за доктора и всё представлял, что он сам Каррабелиус. Сначала он пустил в зал всех извозчиков. Потом отрезал всей публике головы и не хотел их приклеивать обратно. Его долго все просили и извинялись перед ним, тогда он наконец приклеил головы обратно и, поднявшись в воздух и покружившись ещё над изумлёнными зрителями, улетел.

Под утро он увидел, что отец ещё не спит, у него горит свет, и Саня сразу всё понял. Он подошёл к двери и сказал:

— Это нехорошо. Я знаю: ты мне говоришь «спи», а сам хочешь научиться есть подсвечники.

— Пошёл спать! — закричал на него отец, очень рассердившись, что его разоблачил Саня.

А утром Саня и Валя уже ходили по улицам и строили всякие планы: как стать вроде Каррабелиуса. И даже лучше. Вот если бы им — волшебную палочку!

— Чего бы мы только на месте доктора не сделали! — сказал Саня.

— Ну, а чего, например? — спросил Валя.

— Ну вот: зашли бы в кондитерскую. Сказали бы: «Айн, цвай, драй» — и все пирожные очутились бы в этом чемодане.

— А продавец бы за нами?

— А мы бы ему отрезали голову.

— Из-за пирожного не стоит. И потом, нужно сначала класть продавца в ящик.

— А мы бы превратили его в курицу.

— Нет, наверное, доктор Каррабелиус не всё может, — сказал Валя. — Пирожное вряд ли может.

— Нет, может, и лимонад может!

Так, споря, они сели в автобус, чтобы отправиться к реке купаться. И здесь, в автобусе, они вдруг увидели доктора Каррабелиуса.

Доктор о чём-то думал и был очень рассеян. Ребята умолкли и со страхом смотрели на иллюзиониста. Что же касается публики, то она делала вид, что не обращает на него ровно никакого внимания.

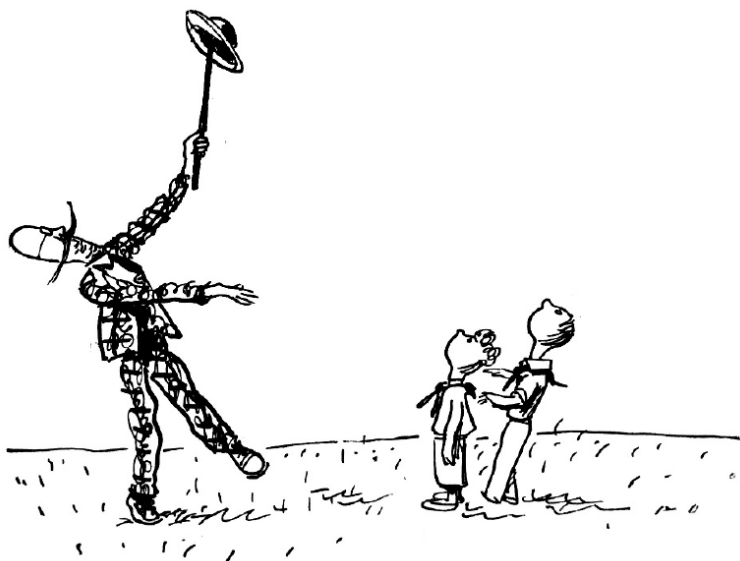
— Вы мне наступили на ногу. Надо осторожнее! — сказал какой-то толстый мужчина доктору Каррабелиусу.

Ребята замерли.

— Сейчас он отрежет ему голову, — шепнул Валя.

Однако доктор просто извинился и, пробравшись к выходу, сошёл на остановке. Ребята спрыгнули за ним. Доктор шёл, по-прежнему задумавшись и ёжась, как будто ему было холодно. Он зашёл в продовольственный магазин и вышел оттуда с каким-то свёртком. Ребята продолжали шагать за ним.

Так они вышли в поле. Здесь доктор снял шляпу и, посадив её на палочку, принялся вертеть её в воздухе.

Доктор снял шляпу и, посадив ее на палочку, принялся вертеть ее в воздухе.

— Волшебная палочка! — узнал Саня.

Тут доктор принялся петь песню, размахивать руками и вдруг остановился и закричал петухом.

Это ребят озадачило. Они остановились было, но доктор обернулся и увидел ребят. Он удивлённо посмотрел на них, потом закрыл один глаз, открыл другой ещё шире и заблеял:

— Ме-е-е!..

Это было так неожиданно, что ребята засмеялись. Доктор тоже улыбнулся и поманил их к себе пальцем. Саня храбро приблизился к нему и сказал:

— Мы знаем, кто вы. Вы — доктор Каррабелиус, профессор индийской магии.

— Прафильно, — сказал доктор. — Я тоже знаю, кто вы. Вы член Лондонского королевского географического общества, мистер Клеб и леди Бубби.

— Нет, — сказал Саня.

— Нет? Простите, значит, я ошибайся. Я часто ошибаюсь. Я очень близорукий и рассеянный человек... В таком случае вы, наверно, испанские тореадоры.

— Нет, мы Саня и Валя, те мальчики, которые держали палочку.

— Ах, те Саня и Валя? Я очень большой приятно. Вы извиняйтесь меня, — у меня во весь мир такой много знакомый, что я путай и не узнавай... Так вы — те самый Саня и Валя! Вы идёте купаться? Я тоже, очень рад. Очень...

Они зашагали вместе. Ребята исподтишка оглядывали доктора.

— Скажите, пожалуйста, — решил наконец спросить Саня, — вы всё можете?

— Да-а, конечно, — сказал доктор, нахмутив брови. — Всё.

— И пирожные?.. — осмелился спросить Валя.

— Да, конечно, пирожные тоже. Вот, например, смотрийте. Айн, цвай, драй...

Доктор взмахнул палочкой и вынул из-за уха у Вали пирожное. Он преподнёс его ребятам. Потом из-за пазухи Вали достал кусок ветчины и конфеты. Все стали есть, зашагав дальше.

— Ну, а вы что можете? — спросил доктор.

Ребята стали помогать иллюзионисту, держа его за ноги.

Ребята задумались.

— Мы можем перевёртываться через голову, — сказал Саня.

— Через голова? Ой, это оччень интересно. Ви обязательно должны показайль.

Саня разбежался и перевернулся на траве через голову. Валя же принялся ходить на руках. Доктор был так доволен, что чуть было не лопнул от смеха.

— Ой, это оччень, оччень замечательно! Я попробуй теперь это сделайль тоже.

Он снял пиджак и опустилс на четвереньки. Попробовал стать на голову, но перевернулся на бок, и у него лопнули подтяжки. Доктор попробовал ещё раз, но у него не выходило. Тогда ребята стали помогать иллюзионисту, держа его за ноги.

Так, кувываясь, они весело пришли к реке.

Доктор разделся. Тут ребята удивились, до чего у доктора Каррабелиуса длинная, худая и смешная фигура. Он был тощ, как жердь, сутуловат и весь в рыжих пятнах, точно жирафа.

Подойдя к реке, профессор индийской магии осторожно попробовал ногой воду.

— Ой, я боялсь, вода оччень холодный, — сказал он. — Я совсем не умею плавайль, как мой сапог.

— Нужно прыгать сразу! — сказали ему ребята и начали друг за другом прыгать с берега и нырять.

Доктор был оччень доволен и гоготал, как гусь.

— Ой, хорошо ныряйль! — кричал он, хлопая себя по коленкам. — Но я не умеиль, к сожалению, так делать.

Тут ребята ещё больше удивились: почему такой таинственный человек, который всё на свете может, не умеет делать таких простых вещей, как ходить на руках, нырять и даже плавать? Тогда иллюзионист сказал, что он оччень много думает, у него слишком тяжёлая голова, и поэтому он в воде перевёртывается вверх ногами.

Он попытался нырнуть, и вдруг ребята действительно увидели, что тело доктора осталось внизу, а из воды торча-

ли две его длинные и волосатые ноги. Ребята помогли доктору перевернуться. Он окунулся ещё раз — опять голова осталась под водой, а ноги торчали кверху.

Ничего не выходило.

Тогда профессор магии вылез из реки и начал одеваться.

Тело доктора осталось внизу, а из воды торчали его ноги.

— Скажите, доктор, — спросил наконец Саня, — вы всё, всё можете? Почему вы не заберёте себе всё, что хотите? Эх вы, доктор! Вот я бы на вашем месте, например, с такой публикой знаете что сделал? Отрезал бы всем им головы, вот что!

Тут доктор нахмурился и поднял руку с кальсонами вверх.

— Дорогой мистер Саня и мистер Валя! — сказал он строго. — Знайль, что доктор Каррабелиус, как и всякий приличный маг, имей волшебный сила не для злой, плохой и всякий хулиганский поступок. Ауфвидерзеэн! Вот вам два контрамарка.

Он положил на землю контрамарки, оделся и ушёл.

Ребята долго смотрели ему вслед, и, когда волшебник совсем скрылся из виду, они перевели взгляд на свои одежды. Вдруг они увидели валяющуюся на песке палочку.

— Он забыл волшебную палочку! — воскликнул Саня и схватил палку.

Да, это та самая чёрная палочка, которую они держали на арене. Значит, теперь у них в руках вся огромная сила, которая находится в палочке! Первое время у ребят спёрло дух от волнения.

— Давай корову превратим в курицу!

— Ура! — закричал Саня и перевернулся через голову. — Теперь мы всё можем! Я выправлю себе прежде всего отметки по математике!

Они быстро начали одеваться. Валя во что бы то ни стало хотел немедленно попробовать действие палочки.

— Отстань! Ну что же мы можем сейчас здесь сделать?

Валя осмотрелся по сторонам и увидел на другой стороне коров.

— Ну, давай корову превратим в курицу!

— До города не надо. Не приставай, палочка — моя.

— Почему твоя, а не моя?

— Палочка у меня в руках, — сказал Саня. — Если ты будешь ещё приставать, я тебя самого сейчас сделаю коровой.

Он взмахнул палочкой. Валя испугался и замолчал: ему не хотелось быть коровой.

Осторожно прижимая к себе палочку, они помчались в город.

В городе, на одном из перекрёстков, они наконец остановились.

— Ну, на чём бы нам попробовать? — шептал Саня. — Вон видишь того дворника? Пусть он станцует что-нибудь.

— Нет, лучше давай возьмём пирожные. Хотя бы парочку, — сказал Валя.

Саня уже взмахнул палочкой, но остановился.

— А как ты думаешь, хороню пионерам брать пирожное волшебным способом? — спросил он.

— Нет, — согласился Валя, — это воровство.

— Слушай, а тогда мы вот что — скажем: «Айн, цвай, драй» — и вместо пирожных там появятся деньги. Всё будет честно.

А почему ты знаешь, сколько нужно положить денег?

— Сбегай узнай, почём пирожные.

Валя побежал через дорогу в кондитерскую, узнал цену и вернулся.

— По восемьдесят! — сказал он, запыхавшись.

— Ну, есть. Держи кепку. Итак, два пирожных «наполеон».

— «Трубочку», — шепнул Валя.

— Одно — «наполеон», другое — «трубочку», за рубль шестьдесят копеек. Айн, цвай...

Ребята зажмурили глаза и присели.

— А вдруг не будет? — спросил Саня.

— Да, может быть, палочка тут вовсе ни при чём, а всё — фокусы?

— Вот что. Давай лучше подождём. Завтра посмотрим, как он будет делать сеанс без палочки. Контрамарки у тебя?

Так они и решили. Палочку Саня принёс домой и тихонько спрятал в кладовой за сундуком. Он лёг спать раньше обычного, но никак не мог заснуть и всё время ворочался. Он прислушивался: не взял бы кто-нибудь палочку.

Что-то зашуршало в кладовой. Саня вскочил с постели и пошёл смотреть. Это была кошка.

«А что, если кошка возьмёт палочку? И захочет чего-нибудь себе такого? Хотя, правда, она не может сказать: «Айн, цвай, драй».

Но самому Сане не терпелось. Он несколько раз подходил к кладовой и наконец достал палочку.

«Попробую на кошке, — решил он и, достав платок, накрыл им кошку и взмахнул палочкой: «Айн, цвай, драй!»

Он снял платок — под ним сидели сразу три кошки. Саня удивился.

Он снял платок—под ним сидели сразу три кошки.

«Да ведь я ничего не сказал! Пусть сейчас будет будильник. Айн, цвай, драй».

Он откинул платок — вместо кошек там лежали дамские ручные часы.

«Это потому, что я говорю шёпотом».

Он сказал «айн, цвай, драй» погромче (хотя бы и карманные часы) и откинул платок: там сидела крыса и ела пирог с маком. Саня испугался, бросился в комнату и проснулся. Было утро.

Саня пробрался в кладовую. Палочка была на месте. Вечером Саня с Валецкой пришли в цирк.

...Доктор Каррабелиус вошёл бледный и очень рассеянный. В руках у него была другая палочка — белая и поменьше прежней. Она была, конечно, хуже, и поэтому сразу началась какая-то путаница.

Сначала у публики взяли десять предметов, а стали отдавать — оказалось четырнадцать.

Ящик с женщиной распилили. Когда же стали составлять, голова не приклеилась, и женщина вышла из ящика без головы. Доктор этого не заметил, и женщина тоже не заметила, что она без головы, и начала убирать приборы.

Тогда публика стала кричать, и доктор поспешил вернуть женщину в ящик и опять приставил к ней верхнюю часть.

Женщина вышла. — Не та голова! — закричала публика.

— Айн, цвай, драй! — сказал он и махнул палочкой.
Женщина вышла.

— Не та голова! — закричала публика.

Доктор взглянул — голова у женщины была с усами, с седой бородой клинышком.

— Что за история! — развёл руками доктор. — Я не знаю, откуда взялась эта голова. Чей это голова?

— Это моя голова! — закричал какой-то мужчина в пубlike.

Он встал. Действительно, на нём была голова помощницы доктора.

— Тут произошёл какой-то путаница! — сказал доктор. — Ничего, мы сейчас разберёмся. Не нужно волноваться, граждане. Пожалуйста, гражданин, на минутка в контора: ви будет получай свой голова обратно.

Публика много смеялась, а доктор увёл помощницу и мужчину за кулисы.

— Видишь, эта палочка гораздо хуже, — сказал Саня Валя.

На другой день доктор не выступал, на второй и третий — тоже. А на четвёртый в городе появилось объявление, что доктор Каррабелиус заболел и выступать не может. Саня и Валя три дня сидели дома, а потом встретились на улице.

— Он не заболел. Всё дело тут в палочке, — сказал Саня.

— Ах, как нехорошо, что мы взяли эту палочку! — сказал Валя. — Что же он теперь будет без неё делать?

— Я думал о том же, — сознался Саня. — Я не хотел и трогать палочку все эти дни...

И им стало очень жаль доктора Каррабелиуса: ведь он теперь сидел дома и ничего не мог сделать. Он был очень неловкий и даже не умел нырять в воду.

Начали они думать, как бы вернуть доктору палочку. А тут весь пионерский отряд, в котором они состояли, тоже заговорил о болезни иллюзиониста, который всем так нравился. Всем было жалко доктора Каррабелиуса.

Тогда Саня и Валя решились пойти к доктору и рассказать всё прямо.

Они пришли в цирк и отправились за кулисы. За кулисами они увидели деревянную лестницу. Они поднялись по ней и очутились в каком-то грязном, тёмном коридоре. Они толкнули первую дверь, и оттуда высунулась голова в си-

нем колпаке; одна половина лица у неё была синей, а другая жёлтой.

— Где тут живёт доктор Каррабелиус? — спросили ребята.

— Гав-гав-гав! Вторая дверь налево! Каррамбамбам! — закричала голова и показала язык.

Ребята удивились. Потом они постучались во вторую дверь налево и вошли.

Тёмная комната вся сплошь была заставлена такими странными предметами, что ребята сначала даже испугались. Тут стояли ящики на колёсах, восковые фигуры, цилиндры, детская коляска, ведро и множество предметов других. Часы были похожи на барабан, стол висел на верёвочке, и к нему был приделан чемодан. На столе стояла стеклянная банка, и в ней лежал сапог.

Доктор Каррабелиус сидел посреди всего этого в кресле. Он был не во фраке, а в трёх пальто и одном пледе. Кроме того, на нём были повязаны два клетчатых шарфа. Волосы доктора были всклоочены. Он пил пиво из огромной кружки и смотрел куда-то сквозь ребят.

— Здравствуйте! — сказал Саня. — Вы нас узнаете?

— О!.. Здравствуйте! Ещё бы, — сказал доктор обрадованно. — Вы племянники абиссинского негуса, Бубби и Кубби.

— Нет.

— Вы певицы венской оперы? Не? Я оччень часто ошибайсь.

— Нет. Мы Саня и Валя.

— Ах, Саня и Валя, которые умейль ныряйль! Как я оччень большой рад! Садитесь, пожалуйста, на диван.

Ребята хотели сесть на диван, но он вдруг разъехался на две части.

— Цыц! Назад! — сказал доктор дивану, и тот опять съехался. — Он больше не будет, садитесь.

Ребята сели, но тут из-за угла выкатилось кресло на середину комнаты и сказала человеческим голосом:

— Эне-бене, ки-ка-пу...

— Штеен, нихт шпрехен! — прикрикнул на него доктор, и оно ушло назад. — Ну, что ви скажейт мне хорошего, мои милый друзья?

— Доктор, — сказал Саня, — мы очень хотели бы быть иллюзионистами.

— Иллюзионист?! — удивился доктор, потом засмеялся и откинулся на спинку кресла. — Иллюзионист? — повторил он ещё раз. Он покачал головой. — Ах, милый, милый дети! Ви не знайт, что такое иллюзионист. Есть маленький сказка о человек, который выдумал себе волшебное царство и жил в нём, как принц, даже сердце замирайт, думал он... А потом вдруг посмотрейль и видит — всё это ненастоящий, глупый: стен — ненастоящий, диван — фальшивый, солнце — картонный, смех — чужой. Да, да, дети, даже слёз — ненастоящий... Мне уже много год, и я не плакайль, и у меня нет на свете ни один друг. Вот один друг, и он... он тоже плакал ненастоящий...

Тут доктор взял восковую фигуру, надавил на ней кнопку, и фигура заплакала.

— Вот, милый дети... В конец жизни этот человек посмотрейль и видит, что есть иллюзион, а настоящий жизнь не умеет. Смотрите: у него на окне в стакан замёрз вода, на тарелка — большой пыль. И он не умеет ныряйль... Нет, дети, не надо быть иллюзионист. Лучше давайт я вам угостил яичница.

Доктор встал, зажёл спиртовку и, взяв с полки цилиндр, начал бросать в него яйца, одно за другим.

— У меня нет сковородка. Ну ничшего, мы будем жарить яичница в эта шляпа.

Он разбил яйца и помешал их в шляпе, потом посмотрел в неё — оказывается, шляпа была пустая.

— Ну вот, — развёл доктор руками. — Даже мой предмет меня больше не слушался. Я не могу вас угостить яичница...

— Доктор, — начал Саня, — нам очень всё-таки хотелось бы делать всё, как вы...

— Дорогой дети, — прервал его доктор, — я был весь

свет. Я ездил Испань, Африка, Португаль и такой маленький стран, который вы ещё не знайт. Я видел столько человек, сколько у вас нет волос на голове... Я знал сотни наездник, фокусник, эквилибрист, гипнотизёр, велосипедист, прыжок в сетка, прыжок без сетка, бой быков, укротитель львов, дрессировщик ящериц — и всё они ходиль с понуренной голова... Я был на родине, и мне не биль кушайль, и на меня смотрейль хмуро и злой... Я приехал ваша замечательная страна, и меня люди смотрейль, что делает глупость. Он делает иллюзиографин, когда нужен настоящий графин. Ваша страна нужен много хороший настоящий вещь, настоящий фабрик, настоящий парк... Вы должны мечтаиль быть не иллюзионист, а лётчик, учёный, капитан...

— Неправда! — закричали тут ребята в один голос. — Мы знаем, почему вы не выступаете. Вы потеряли палочку!

— Палочка? — удивился доктор. — Какой такой палочка?

Саня тут вытащил из-за пазухи завёрнутую в бумагу волшебную палочку. Ребята наперебой начали рассказывать доктору всё-всё: и как они взяли палочку, и как его жалели, и как все их товарищи жалеют доктора.

Тогда доктор схватил вдруг ребят и крепко прижал к себе.

— Дети! — сказал он. — Дорогой дети! Я был неправ. Я теперь знайль, для кого работ иллюзионист нужен. Смотрите на мой глаз: вот первый настоящий слёз за сорок лет жизнь иллюзионист... Ну, а теперь возьмите палочку, отвернуылся и скажайль: айн, цвай, драй.

Ребята отвернулись, взмахнули палочкой и, сказав «айн, цвай, драй», повернулись обратно. Доктор стоял во фраке. Он весело хлопал в ладоши. Появилась его помощница.

— Я совсем вовсе теперь здоровый, — сказал доктор. — Пошёлъ делать объявляйль, что я работайль, потому что палочка нашёлся.

И на другой день по городу были расклеены афиши:

«Волшебная палочка нашлась! Доктор Каррабелиус возобновил работу и устраивает большое представление для пионеров и всех ребят города. Волшебная палочка нашлась!»

Москва будущего

Дворец советов.

Гравюра на дереве П. Рябова.

Журнал «Пионер», 1936 г. №2

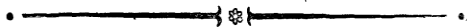

Неузнаваемой стала Красная площадь — центр великой страны.
В дни демонстраций с высоты мавзолея товарищ Сталин, руководители партии и правительства приветствуют советский народ, завоевавший себе под руководством большевиков счастливую жизнь.

Через несколько лет на Красной площади вырастут новые замечательные здания, и она станет еще больше, еще красивей.

ЮРИЙ ПОЛОЦКИЙ.

НА ГОЛУБОМ ОСТРОВЕ

Фантастический рассказ

Журнал «Пламя» (Харьков), № 15. 1924 г.

НА ГОЛУБОМ ОСТРОВЕ.

1

Случилось это неожиданно. Дель совершенно не подозревал, что эти изыскания могут привести его к открытию. И тем глубже и сильнее было его радостное волнение, когда он понял, что произошло нечто новое, еще неизвестное. Несколько дней Дель не мог работать, бродил по лесистым холмам острова, уходил к морю — там галька скрипела под ногами, — тихо улыбаясь, глядел вдаль, словно там уже видел новые миры.

Встречаясь с Коллисом, монтером, помогавшим ему в работе, пожимал ему руки, широко жестикулируя, говорил ему о своем открытии, увлекался, смеялся радостно. Но, ослепленный своею радостью, не замечал, что, чем больше он оживлялся и говорил, тем сдержанней, строже и жестче становился Коллис. Он ничего не говорил, только спрашивал, когда они начнут снова работать и, вежливо подождав, пока Дель на минуту прерывал свою речь, уходил.

Потом первое опьянение прошло, и Дель снова принялся за прерванную работу. С утра и до позднего вечера он возился в своей лаборатории среди листов с чертежами, тетрадей с вычислениями, среди колб, реторт, стеклянных и металлических трубок, баллонов и шаров, был молчалив и сосредоточен, упорно преодолевая встречавшиеся трудности. Как всегда, ему помогал Коллис, также молчаливо следивший за своими реостатами за целой сетью электрических проводов, вившихся по стене. Они почти не разговаривали: инженер приказывал, монтер исполнил. Но Коллис внимательно следил за работой Деля, и вряд ли давал себе отчет: хочет он ему успеха или неудачи. Когда Дель разочарованно восклицал, ему было неприятно. Когда же, наконец, Дель сказал, что его работы кончены и послезавтра будет испытание, лицо Коллиса сделалось мрачным, и он, сухо поздравив инженера с удачей, ушел.

Дель был нетерпелив, поэтому испытание было назначено так скоро. Целый день они устанавливали аппарат на широкой каменной террасе лаборатории, и только к вечеру успели закончить приготовления.

Солнце спускалось к морю, от горизонта к берегу протянулась пурпурно-золотистая волнующаяся дорожка, легкий морской бриз лениво колыхал листву деревьев.

Из корпусов завода по дорогам потянулись расходившиеся толпы рабочих, солнце светило им прямо в лица. Лица же были черны от копоти и измождены. Толпы расходились быстро, бесшумно — отдых был драгоценен. А на другом конце острова из-за деревьев белела вилла владельца острова.

Коллис, опершись на гранитные перила террасы, смотрел на дорогу, и лицо его было хмуро. Дель заканчивал установку своего аппарата. Это был небольшой свинцовый шар, сзади к нему подходили провода, соединенные с реостатами; на боках были ручки; из него выходила трубка тоже из свинца; все это покоилось на деревянном треножнике.

Дель подошел к Коллису.

— Включайте, — сказал он, — постепенно уменьшайте сопротивление. Как всегда.

Коллис повернул ручку реостата. В свинцовом шаре словно щелкнула электрическая искра, и снова стало тихо. Он видел, как волнуется Дель, как напряженно смотрит на пробковый шарик; еще повернул ручку и замер. Они знали, что это должно быть, они ждали этого, но все же от изумления не могли произнести ни звука.

Внезапный сильный порыв ветра низко наклонил деревья, взметнул и растрепал начинавшие сесть волосы Дея, ударил Коллиса в лицо резким запахом пробки, Шарик на их глазах исчезал, таял в воздухе.

Как зачарованные, смотрели они на него, — шарик исчез. Дель повернулся, Коллис выключил ток, и ветер сразу затих; только бриз по-прежнему шуршал в листве.

Дель взволнованно прошелся по террасе, дрожащей рукой закурил папиросу. Коллис нахмурился, стараясь этим скрыть охватившее его волнение, смотрел туда, где еще ми-

нугу тому назад лежал шарик. Дель подошел к нему, схватил за руки, сильно потряс их.

— Вы понимаете, Коллис? — Его голос прерывался от несдерживаемой радости. — Мне, как маленькому ребенку, хочется смеяться и прыгать... Коллис, вы понимаете, что мы сделали? Ведь это перевернет и украсит мир, ведь люди от этого станут счастливыми... Отчего же вы не радуетесь?

Коллис не отвечал. Но Дель и не ждал ответа, заговорил снова. После многодневных трудов, кончившихся такой удачей, напряжение исчезло: он был просто счастлив, ему хотелось высказать свою радость.

— Вы понимаете, Коллис? — повторил он. — Мы освободили энергию, связанную во всем. Все вокруг нас стало источником силы. Ведь теперь невозможны войны: в одну минуту можно снести с лица земли весь наш Голубой остров! Все несчастья исчезнут! Вы видели? Эти лучи способны вызвать чуть ли не мгновенный распад материи, ведь радий перестал быть чудом теперь. Мы узнали секрет вечного движения. Вы видели, какой вихрь поднялся, когда распадался наш пробковый шарик? А что было бы, если б шарик был металлическим, если б мы включили все напряжение? От нас ничего не осталось бы: распадение увлекло бы и нас. Коллис, вы понимаете, что человеческий труд этим будет сведен до минимума, человек будет наслаждаться своей жизнью? Коллис, скажите, разве человечество не станет от этого счастливым?

Коллис вздрогнул. Он внимательно посмотрел на Деля, ждавшего, чтобы он разделил его восторг. Потом рука Коллиса показала на виллу Шарда и повернулась к дороге, где еще шли отставшие рабочие, угрюмые и апатичные, не заметившие вихря, внезапно рванувшегося от террасы. Он спросил:

— Какое человечество: то или это?

Дель удивленно, не понимая, смотрел, куда показывал Коллис.

— То есть? — спросил он. — Разве есть разница между людьми? Ведь все люди...

— Эх, инженер! — Коллис грустно улыбнулся, — Разве есть разница между слепым и вами?

2

— Инженер Дель, господин.

Рослый выхоленный слуга, услышав, это короткое слово, скрылся за дверью.

Шард отложил в сторону карандаш и лениво откинулся на мягкую спинку высокого кресла. Это был еще не старый человек, невысокого роста, худощавый. Подбородок остро выдавался вперед, лицо было морщинисто и гладко выбрито, бровей не было, глаза сидели глубоко и смотрели властно и повелительно. Всегда был спокоен, сух и резок, когда говорил, медленно поглаживал подбородок длинными сухими пальцами.

Дель вошел, как всегда высоко держа свою голову с большим лбом, над которым волнами шли чуть седеющие темные волосы. Он спокойно пожал протянутую Шардом руку, а когда тот указал на кресло, сел, ожидая вопроса. Шард молчал, внимательно смотрел в лицо инженеру, не мигая; Дель глядел в окно, — там из-за деревьев синее море.

— Ваши изыскания, я слышал, кончились удачно, — без обиняков начал Шард. — Думаю, что из этого вы сумеете извлечь существенную выгоду.

Дель слегка встрепнулся, посмотрел на собеседника. Тот раскуривал сигару и был спокоен: он знал, что делает. Дель с легкой улыбкой сказал:

— Я не собираюсь продавать его.

— Почему?

— Я думаю опубликовать итоги своих изысканий. Продавать же секрет кому-нибудь я боюсь — им можно пользоваться во вред человечеству. Я этого не хочу. Мое открытие важно для всех, и о нем будут знать все.

— Все это, Дель, чепуха, конечно, — вы этого не можете не понять. — Шард усмехался, словно говорил с ребенком. — Оставим философию в стороне и будем говорить короче: я хочу купить ваш секрет.

— Для чего?

— Эл не должно вас касаться, Дель. — В голосе Шарда зазвучали повелительные нотки. — Я заплачу вам, и конечно. Имейте в виду, я заплачу, не скупясь. Назначьте цену.

— Нет, господин Шард, я хочу знать, что вы будете делать. Я согласен, чтобы на ваших заводах вырабатывались мои аппараты, но их секрет должен быть известен всем. Не я и не вы должны распоряжаться моим изобретением, но все. Это мои условия.

— Глупости, Дель, — усмехнулся Шард. — Оставьте ваши фантазии. Ваше открытие может принести пользу в умелых руках, Ведь брошенное толпе, оно вызовет революцию, а это не может дать ничего хорошего. Вы подумайте, мы выработаем условия, которые озолотят вас. Вы будете участвовать в прибыли. Вы будете директором завода, Дель.

— Я не этого хочу, — спокойно сказал Дель.

— Оставьте ваши бредни. — Шард был слегка раздражен упорством инженера. — Я еще раз говорю: подумайте. И не забывайте, что вы мой инженер, что вы работаете на моем заводе.

Шард схватил карандаш, придвинул к себе бумаги. Дель понял, что с ним больше не хотят говорить. С улыбкой вышел из кабинета.

Когда закрылась дверь, Шард бросил карандаш, порывисто придвинул ящик с сигарами и, зло усмехнувшись, произнес:

— Болван.

3

Голубой остров невелик. Раньше был сплошь покрыт лесом, населен пестрыми птицами. Изредка приезжали дикари, охотились, ловили рыбу, искали жемчуг в неглубоких водах залива. Вокруг плескалось южное море, синее и безбрежное, в полдень высоко поднималось солнце.

Остров лежал в стороне от морских путей и на нем было пустынно.

Шард купил весь остров, построил грандиозный электрохимический завод. Половина острова была очищена от лесов, одну из бухт углубили, сделали гаванью, стали прибывать громадные океанские пароходы, — разгружались, нагружались, уходили, сменялись другими. Восточная оконечность острова была застроена корпусами завода, и днем дымом заволакивалось небо, остров наполнялся шумом машин, людским говором.

Вокруг расположились рабочие поселки, пробуждавшиеся с восходом солнца и замиравшие, едва только сумерки сгущались в темноту. На другом конце острова Шард построил свою виллу; леса были прорезаны дорогами, птиц стало меньше. Поблизости были выстроены лаборатории и дома, похожие на казармы, — там жили инженеры.

Там Дель натолкнулся на открытие.

Теперь он сидел в своем кабинете и писал. Иногда приходил в лабораторию, где работал молчаливый Коллис со своими машинами. Дель пробовал заговорить с ним, но монтер отмалчивался, отвечал односложно.

Однажды Дель и Коллис вышли из лаборатории одновременно. Был вечер. Коллис шел к себе, инженер хотел прогуляться.

Вечер был тих и спокоен, загорались звезды. Они шли по холмистой лесной дороге, и снизу доносился спокойный и размеренный шум прибора.

— Вы продали ваше открытие Шарду?

Дель слегка вздрогнул, оторванный вопросом Коллиса от своих мыслей. Он думал, какой прекрасной будет земля, освобожденная от того горя и слез, что приносит человеку тяжелый труд.

— Нет, мы не сошлись.

— Значит, вы еще можете отдать его Шарду?

— Конечно... Видите ли, Коллис, я не хочу разрушать, — я хочу, чтобы люди воспользовались этим для создания прекрасной счастливой жизни. И. боюсь, что в чьих-нибудь руках оно может принести новые слезы, новые муки... Я всем расскажу о нем.

— А, по-моему, уж лучше продайте его Шарду. — Голос Коллиса звучал горькой сухостью. — Это принесет вам деньги.

Дель остановился, посмотрел на Коллиса, словно хотел в вечерних сумерках увидеть его мысли в глазах,

— Почему?

— Я не знаю, инженер, имею ли я право говорить с вами так. Но неужели вы не знаете, как устроен мир? Ведь если вы продадите открытие Шарду, то только один человек станет опасным. А бросите его всему миру, его схватят все. Вы думаете, им смогут воспользоваться те, кто живет там? — Коллис показал на темневший в сумерках рабочий поселок. — Ведь им воспользуются другие, — Шарды, — они станут владыками мира, а все — и вы, и я, в том числе — станут рабами. В этом будет счастье на земле?

— Постойте, Коллис, это не то, не то... — Дель взволновался, в голосе замелькало что-то детское, беспомощное. — Я знаю, Коллис, вы революционер, вы готовите на заводе стачку, вы ненавидите Шарда. Вот вы и не правы: вы ослеплены вашей ненавистью к Шарду, ко всем на него похожим, и видите в вашем враге только дурное.

— Простите инженер... Но ведь Шард тоже ослеплен жадной золотой, поэтому он не согласился, да и никогда не согласится на ваши условия; поэтому он заставляет рабочих жить в гнилых бараках — вы же не слепы, видели все это, кормит их протухшим мясом, принуждает их работать на себя. Неужели вы не знаете, что на весь мир он смотрит сквозь деньги, и ничто не может заставить его смотреть иначе?

Дель взволновался, шел то быстро, то вдруг останавливался, стараясь перебить, сказать что-то. Во всех движениях его скользила растерянность. Коллис не давал ему сказать ни слова, говорил четко, и было видно, что это он хорошо знает и уверен в своих словах.

Наконец, Дель промолвил:

— Не то, не то... Ведь все же люди, все одинаково чувствуют. Ведь есть же настоящее счастье для всех людей. Вы

то же, Коллис, чего-то, не видите. Люди поймут, должны понять...

— Люди понимают, — усмехнулся Коллис, — не все, но все же большинство. И они не мечтают, а надеются только на себя.

Они расстались. Дель пошел по тропинке, думая о словах Коллиса, не понимая их. Долго бродил по лесу, вышел на взморье, зашуршал ногами по гальке. Была уже ночь, и остров казался черным силуэтом.

Коллис не пошел домой, а свернул в чащу. Там встретил человека, они поговорили шепотом и бесшумно пошли к рабочему поселку. В глухом переулке в тени высокого забора их ждали, и подошедший Коллис был встречен сдержанными голосами. Его окружили, расспрашивали, сдерживая свое волнение и нетерпение. Как шелест пронесли слова: «через неделю», и все разошлись. Коллис пошел обратно один.

Его путь лежал мимо лаборатории, где он работал с Делем. Когда он проходил мимо нее, увидел, что из кабинета инженера высунулась чья-то фигура в окно и оглянулась по сторонам. Коллис остановился, прислонился к стволу, близ стоящего дерева, не спускал глаз с окна.

Человек спрыгнул на песок, прислушался и, ступая на носках, быстро зашагал к деревьям. В руках у него был темный четырехугольный предмет. Колли поднял с земли камень, и легкими прыжками, стараясь быть бесшумным, побежал за уходящим. Но в темноте споткнулся. Вор остановился, испуганно оглянулся, увидел Коллиса, хотел бежать, но, сделав два шага, упал. Камень, брошенный сильной рукой Коллиса, попал ему в голову.

Коллис подбежал к нему, то был рослый слуга Шарда, в руках он все еще сжимал, хорошо известный Коллису, портфель с бумагами Деля.

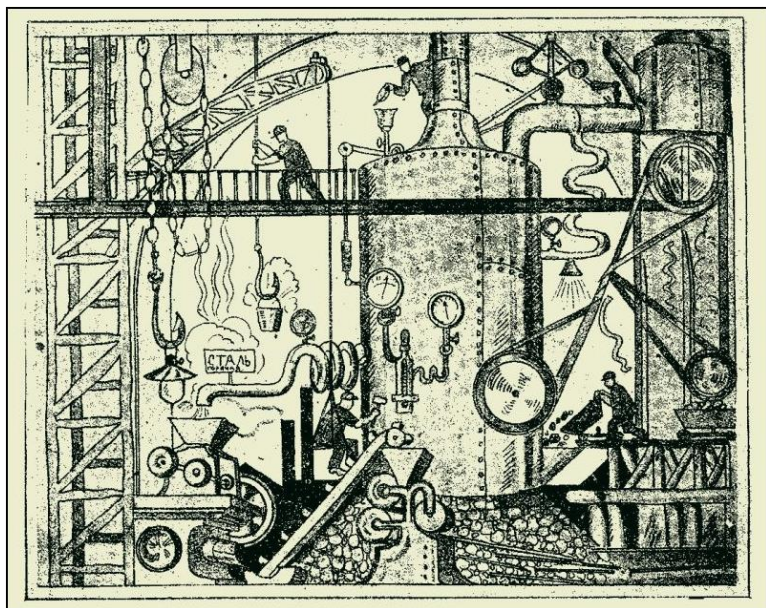
Обыскав его, нашел револьвер, переложил в свой карман. Заметив, что лежавший начал шевелиться, поднял, отнес подальше в лес приходить в себя, а возвратившись на дорогу, столкнулся с возвращавшимся инженером.

Коллис вернул ему портфель и сказал:

— Вам нужно быть осторожнее, инженер. Только что у вас побывал слуга Шарда.

4

Громадные корпуса завода были расположены радиусами вокруг большой круглой площади; между корпусами шли переулки, где бесшумно скользили вагонетки. Из корпусов вырывался шум, грохот, лязг металла, гуденье громадных генераторов. Так было с утра и до вечера.

И вот однажды в полдень — «через неделю», — вдруг — без гудка, без сигнала, без криков — шум завода мгновенно затих, в проулках остановились вагонетки. Потом раздался шум шагов — то выходили из корпуса рабочие, заполнили проулки и нестройной лавиной двинулись к площади.

Завод зашумел сдержанными голосами рабочих. Прорывались одинокие голоса инженеров, приказывающие идти обратно, но никто на них не обратил внимания.

Толпы людей вливались на площадь, заполняли ее, скоро она была полна, — заволновалась, зашумела в ожидании. Но всех вместить не могла: проулки были заполнены тоже, люди плотно сжались. Над головами знойно горело солнце, и лица были черны от копоти и блестящи от пота, но строги и сосредоточены. А в пустых корпусах, где бессильно повисли ремни и неподвижно стали машины, раздавались гулкие шаги инженеров, спешивших к телефонам. В конторах, в испуге и нерешительности, за своими конторками сидели писцы, не зная, что делать.

Глаза тех, что были на площади, устремились к центру, и шум сразу утих, когда на стоявшую там вагонетку взобрался Коллис. И среди тишины он начал говорить. Он говорил недолго, и его слова заглушал шепот одобрения, много рук потянулось кверху, и в толпе прорывались голоса. Лица рабочих стали решительней и строже.

— Помните, товарищи, что прав не Шард — он один, но мы правы, потому что нас много, и это желание наше общее. Мы знаем, — вам будет трудно, но разве нам станет от этого хуже? И еще помните: мы должны крепко держаться своих требований, мы не должны сделать ни одного шага назад. Все за одного и один за всех! За нами наша сила и наше право!

Шум криков и клятв покрыл конец речи Коллиса. Потом говорили еще, и снова речи покрывались шумом, и руки тянулись кверху.

Когда же на вагонетке появился, пробравшийся сквозь толпу, директор завода, толпа не дала ему говорить и, только погрозивши кулаком, он сошел вниз. Толпа сдержанно расступилась, давая ему пройти.

Через час депутация от рабочих подошла к вилле Шарда. Но Шард, пригласив се в кабинет, не дал сказать ни слова, а потребовал, чтобы рабочие немедленно приступили к работам, иначе все получают расчет. Когда депутация сказала

об этом рабочим, буря криков, поднявшаяся на заводе, достигла виллы Шарда, показавшись отдаленным, но грозным рокотом прибоя. До ушей Шарда долго, до самого вечера, доносились шум и звуки песен, никогда не слыханных на острове.

Шард ходил по кабинету, от волнения покусывал сигару и временами жестко улыбался.

Вечером, когда рабочие разошлись, на обширном балконе его виллы собрались инженеры завода, Шард сказал:

— Мне приходится, господа инженеры, выразить вам свое недовольство. Я никогда не думал, что мои инженеры могут так распустить рабочих. Я требую от вас, чтобы это безобразие было прекращено.

Инженеры виновато молчали. Ладди — был молод и горяч — приподнялся и сказал:

— Здесь виноваты только условия жизни рабочих, за что, конечно, инженеры не могут отвечать,

— Инженер Ладди, — голос Шарда стал суше и резче, — с первым же пароходом вы покинете остров. Мне не нужны такие инженеры... Кто зачинщики?— спросил он, обращаясь к остальным.

— Коллис, Бакс и Фредом, — услужливо проговорил директор завода. — Они сегодня подбивали к забастовке.

— Немедленно поймать и отправить вместе с Ладди, — намеренно громко, чтобы было слышно спускавшемуся с балкона молодому инженеру, сказал Шард. — Мои люди готовы оказать вам помощь в этом, господин Рустиб, я вооружу их.

Директор поклонился.

— И вообще, господа инженеры, примите меры. Не останавливаясь ни перед чем. Я требую этого.

Но ни на другой, ни на третий день, несмотря на рвение инженеров, работы не были начаты. Рабочие приходили на завод, расходились по цехам, но машины по-прежнему были неподвижны.

Вооруженные полицейские Шарда оцепили дом, где сошлись Коллис, Бакс и Фредом, хотели увести, но рабо-

чие освободили их, избив и обезоружив полицейских, В тот же день Шард распорядился закрыть продовольственные магазины и поставить там стражу. Рабочие разогнали ее и поручили своим товарищам распределять продукты.

Шард увидел, что рабочие хорошо организованы своими вожаками. Теперь его губы были сжаты, а лицо злобно и хмуро.

Вечером, встретив радио-телеграфиста, Коллис узнал, что Шард отправил на материк своим агентам приказ вербовать новых рабочих. Через неделю должны прибыть транспорты с штрейкбрехерами.

Но Шард обдумал не только это. Сначала он хотел отправить по радио требование о присылке военного корабля, но раздумал, только послал Делю короткую записку:

«Немедленно установите ваш аппарат на террасе лаборатории. Шард».

И отдал приказ, чтобы террасу охранял хорошо вооруженный ружьями и бомбами караул в 10 человек.

5

Подходила к концу неделя, но завод был мертв. Шард поставил на заводе стражу, чтобы рабочие не поломали машин; но те обезоружили ее, проводили свистом, а машин не тронули сами. Продовольственные магазины опустели, и снова к Шарду отправили делегацию, и снова Шард отказался с нею говорить. Вечером рабочие толпой подошли к его вилле и требовали, чтобы он открыл склады в порту. Шард не вышел, и камень, пущенный чьей-то возмущенной рукой, разбил стекла в окне. Ночью небольшая группа рабочих, вооружившись отнятым у людей Шарда оружием, разогнала портовую стражу и взломала замки продовольственных складов.

Рабочие держались стойко, но вести были неутешительны. По радио пришло сообщение, что первые транспорты со

штрейкбрехерами отплыли на остров. Рабочие знали, что Шард не остановится ни перед чем, — зачем же тогда на высокой террасе лаборатории, куда не мог проникнуть ни один рабочий. была установлена адская машина Деля, так зорко охраняемая. И поклялись, что не пустят штрейкбрехеров на завод, что не посмотрят на машину Деля.

Как-то вечером Коллис осторожно, чтобы его не заметила стража на террасе лаборатории, прокрался к открытому окну кабинета Деля.

Инженер сидел за столом и писал, поэтому не заметил, как Коллис бесшумным прыжком вскочил на подоконник и вошел в комнату.

— Инженер!

Дель быстро повернулся, с изумлением и некоторым испугом посмотрел на Коллиса.

— Извините, что я вошел к вам так. Вы знаете ведь, в каком положении я нахожусь. А пока давайте спустим на окне штору: вам, наверное, не хочется, чтобы меня увидели у вас.— И, не дожидаясь разрешения, отпустил шнур шторы.

Инженер не знал, что делать.

— Слушайте, Коллис, — после долгого молчания спросил он, — зачем вы все это затеяли?

— Значит, так надо было... Вы все равно не поймете этого, вы не видите простых вещей. И каждый человек считает правым себя.

— Но ведь вы не правы. Право и сила на стороне Шарда.

— За деньги. У нас же сила и право, за которые никто не платит... Но не в этом дело. Я пришел сюда узнать, зачем наверху установлен ваш аппарат?

— Не знаю... Кажется, Шард хочет посмотреть его действие.

Коллис улыбнулся.

— Вы так думаете? Впрочем, верно. А испытание будет интересно... Ну так вот, инженер, — чтобы Шард вам не приказывал, знайте, мы не остановимся.

Дель непонимающими глазами смотрел на Коллиса. А тот приподнял штору на окне, осмотрелся и выпрыгнул. По-

видимому, он в темноте не рассчитал прыжка и упал, зашумев. Дель услышал, как раздались чьи-то голоса, потом зашелкали револьверные выстрелы. Инженер выглянул в окно: было видно в лунном свете, как убегал, отстреливаясь, Коллис, а неподалеку лежали, разметавшись, два человеческих тела; один из сторожей подошел к окну и сказал:

— Инженер, кто-то хотел проникнуть к вам. Кажется, это Коллис.

Дель ничего не ответил.

6

Через два дня.

Вечером, когда холмы острова становятся фиолетовыми, а небо и море темнеют, в бухту Голубого острова вошло три транспорта. Оттуда буйно разносились по морю, по острову пьяные голоса и крики, а на верхней палубе были видны вооруженные люди.

Придя утром, рабочие увидели, что завод работает: дымилась трубы, из корпусов разлетался грохот. Заволновались, зашумели толпы, на минуту гул покрыл грохот завода, пронесся по толпе крик: «Отнять завод!» и быстро толпа разошлась по острову. Собирали камни, рубили деревья для кольев, в складах брали полосы железа — вооружались, Снова собрались, замолчали, слушая своих вождей, потом разбились на отряды, выстроились правильными рядами.

Шард рано утром приехал в лабораторию, поднял Деля с постели, заставил его подняться на террасу, где сидели сонные люди, сторожа аппарат, стоявший на том краю террасы, что был обращен к заводу, и его трубка смотрела вверх. Шард только приказывал, и Дель ничего не понимал. Он видел, что завод работает, и с изумлением смотрел, как собирались рабочие, разошлись и снова пришли, вооруженные чем попало. Дель начал понимать, побледнел, взглянул на Шарда, но тот спокойно наблюдал за рабочими, и с лица не сходила жесткая усмешка.

До террасы донесся шум угроз. Группа рабочих отделилась и подошла к террасе, среди них был Коллис. Он сказал:

— Господин Шард, вы всегда отказывались говорить с нами, но мы еще раз требуем удовлетворить нас. — Шард только рассмеялся.

Коллис повернулся, чтобы идти. Шард вдруг заговорил:

— Слушайте, вы... Я не намерен удовлетворять ваших преступных желаний. Выдайте ваших зачинщиков, и прежде всего, этого негодяя, Коллиса, я снова дам вам работу...

— Рабочие угрюмо молчали. — Скажите вашим, что я запрещаю подходить близко к заводу, Вы слышали об изобретении инженера Деля? Имейте же это в виду!

Шард говорил быстро, словно ему был противен этот разговор, и презрительно кривил рот. Дель стоял с бледным лицом, опираясь бессильно на перила. И пощечиной донеслись к нему слова Коллиса:

— Инженер Дель, ваше открытие перевернет и украсит мир, люди от этого будут счастливыми... Ваши мечты исполняются. Отчего же вы не радуетесь?

Рабочие подождали возвращавшихся от террасы, и через минуту снова донесся шум угроз и замелькали кулаки и колья. Потом донеслась мелодия величественной песни, рабочие медленно двинулись к заводу.

— Инженер Дель, — сказал Шард, — приготовьте ваш аппарат. Необходимо раз навсегда отбить у этой сволочи охоту бунтовать.

С ужасом смотрел Дель на Шарда, и видел глубоко сидящие жестокие глаза и плотно сжавшиеся спокойные губы. Колени задрожали, согнулся весь, потянулись к Шарду с мольбой дрожащие руки.

— Нет. Не могу... Не надо...

— Дель! Я приказываю! — В руке Шарда был уже револьвер, и рука поднималась. — Ну?

Подгибающимися ногами Дель подошел к реостату и повернул ручку.

Щелкнуло. Рванул ветер. Воздух, распадаясь, образовал силовой поток.

Шард и сторожа попятились от аппарата. Рука с револьвером опустилась. Дель, наклонившись, опираясь на перила

и тяжело дыша, шагнул к своему аппарату. Посмотрел на медленно двигавшиеся толпы рабочих. Глаза были, как у безумного, а ветер трепал волосы. Увидел вдруг, что налетевший ветер заставил остановиться и повернуться к террасе шедшие толпы. Звучавшая песня замолкла. Толпа застыла.

Вдруг Дель выпрямился, положил руки на ручки своего аппарата. Повернулся к Шарду, и тот увидел его спокойное лицо и неожиданно решительные глаза.

— Господин Шард, — сказал он, и голос зазвучал властно, — если вы или ваши люди попробуют шевельнуться, я убью вас.

Злостью вспыхнул Шард, рванулся к Делю, угрожая револьвером. Но Дель быстро повернул аппарат, и вихрь пронесся над головою Шарда, остановив его. В испуге он и его люди отступили назад, револьвер звякнул, падая из руки Шарда на каменный пол террасы. Дель видел, как от злобы и ужаса отвисла у него нижняя челюсть, весь он сжался в бессилии. И снова трубка аппарата смотрела вверх.

— Теперь поговорим, — сказал Дель, — я не считаю вас правым, Шард. И вам придется выслушать рабочих.

Шард смог промолвить:

— Но это преступление, Дель... Подумайте, что вы делаете?

Дель не слушал его. Уже размахивал носовым платком, повернувшись к Шарду спиной. Не видел, как тот наклонился, поднял револьвер, дрожащей рукой прицелился в него. Щелкнул выстрел. Платок выпал из руки, медленно полетел вниз, рука повисла, и Дель схватился за правое плечо. Караул, подчиняясь молчаливому приказу Шарда, вскинул ружья.

Но Дель одним прыжком был у аппарата, и левой рукой повернул его. Мгновенно караул с криками ужаса бросил ружья, распластавшись на полу террасы. Шард бросился в сторону, но споткнулся и упал.

А к террасе приближалась группа рабочих.

Коллис видел Деля, размахивавшего платком, и слышал выстрел Шарда. Видел также смятение на террасе и ранено-

го Деля, стоявшего, пошатываясь, у аппарата. Коллис побежал, за ним бежали рабочие.

— Что с вами, инженер?

— Ничего особенного... Сначала кончайте с ним, — Дель кивнул на Шарда, — и не останавливайтесь на полпути. Помните о моем изобретении и о том, что материк не может жить без нашего завода.

7

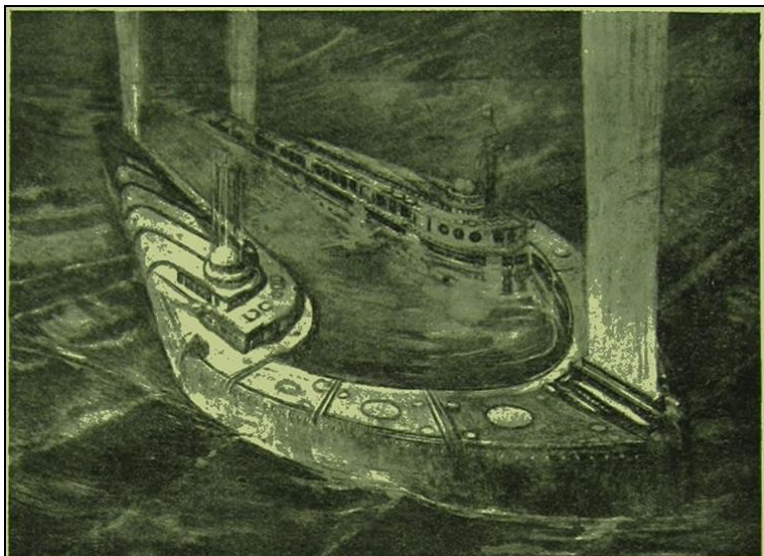
Дель лежал в заводской больнице. Пуля, прошедшая навывлет, не задела костей. Доктор обещал через неделю поставить на ноги. Но сейчас, в жару, со льдом на голове, он прислушивался к ликующему шуму рабочего митинга за стенами больницы и улыбался, думая: «Разве мир не станет от этого счастливым?»

Инженеры согласились работать на заводе, но обратились к рабочим с просьбой сменить директора завода Рустоба. И пришли на митинг, возглавляемые Ладди, не успевшим уехать с острова. И Коллис сказал, обращаясь ко всем:

— Да, нам Шард не страшен теперь, мы свободны. А материк не сможет не признать нашего права, потому что вся электрохимическая промышленность сосредоточена у нас. И сейчас нам бояться нечего: продовольствия нам хватит на месяц, сырья тоже, а сегодня же радио передаст на материк, что мы выполним все заказы, но деньги за них получит уже не Шард. Закрепим же нашу победу, завтра же станем на работу. А сейчас отправим делегацию к инженеру Делю поблагодарить его от лица всех нас за неожиданно оказанную нам поддержку и попросим его быть не директором, а главным инженером завода.

Засыпавшего Деля разбудили голоса, горевшие энтузиазмом, зазвучавшие под окнами больницы. А повернув голову, он увидел, что к нему подходят Коллис, Ладди и несколько рабочих.

Юрий Полоцкий.

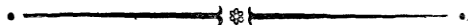

Капиталистические страны, наконец, серьезно начали разоружаться: они взрывают устаревшие, никому ненужные суда... но строят все новые и новые броненосцы. Теперь в Англии возник проект постройки уже не броненосца, а целой пловучей крепости. На нашем рисунке проект этого морского чудовища. Верхняя палуба покрыта стальной броней. Здесь нет уязвимых мест. На гладкую поверхность сумеют спускаться после налетов аэропланы, которые сейчас же будут через открываемые круглые створетия опускаться вниз, в безопасное место.

Внутри судна находится громадный бассейн для подводных лодок и гидропланов. Таким образом, пlying в таком судне, подводные лодки будут отделяться от него на большом расстоянии от берега, снабженные всеми запасами. Это расширит район их действия. Таким образом разрешается также вопрос и о базах.

Конечно, это пока только фантазия, но она показательна для определения того, в какую сторону направлены мысли «миролюбивых держав».

Н. ТОМАН

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

*Н. Томан. Поющий берег. — Горбатый мост. — Дождь
[рассказы]// Журнал «Молодая гвардия», 1937 — №8*

ПОЮЩИЙ БЕРЕГ

Город, в котором жили музыкант Гамов и знаменитый каменщик Иван Петрович, был небольшой, аккуратный. С моря он был похож на палитру с только что выдавленными, сочными красками. Днем солнце беспощадно жгло его черепичные крыши, ночью висела над ним огромная луна, заливая аллеи белых акаций ярким светом, отражаясь в море, лениво покачиваясь на волнах.

Вдалеке на горизонте виднелся остров. В скалистых высоких берегах его на все лады завывал ветер. Вой был неприятен и надоедлив. Переходя с низких, дребезжащих звуков на высокие и пронзительные, он достигал города, раздражая местных жителей и собак. Собаки в тон ему подвывали жалобно и заунывно, жители, ругаясь, предлагали горсовету взорвать скалы на берегу острова.

Город славился своей музыкальностью, и соседство с воющим островом было для него тем более неприятно. Каменщик Иван Петрович любил музыку и был не менее других враждебно настроен к острову. Посоветовавшись со своим приятелем, виолончелистом Гамовым, он подал председателю горсовета проект, который признан был фантастическим и тут же отклонен.

Однажды, летним вечером, когда цвели акации, в городском клубе устроили концерт. Гамов исполнял на виолончели свое произведение «Радость». Его выслушали равнодушно и вознаградили жиденькими аплодисментами.

Огорченный, забрав виолончель, он ушел на берег моря. Его сопровождал Иван Петрович. Они молча сели на еще теплый от дневной жары песок.

Гамов задумчиво смотрел вперед, облокотясь о футляр виолончели. Море было неподвижное, спокойное. Луна висела над ним большая, яркая и легкая, как детский воздушный шар.

— Это все проделки солиста Борьки Лирина, — неожиданно сказал Гамов.

— Факт, — уверенно заявил Иван Петрович.

— Затянули концерт на четыре часа, заморили публику, а потом меня выпустили... Вот и не дошло. Тут бы и «Героическая симфония» не дошла.

— Что верно, то верно, — согласился Иван Петрович, — нипочем бы не дошла «Героическая».

— Разве я этого подвоха не понимаю, Иван Петрович? Борька, Абрам Перцов и Мишка Мельников музыкальные техникумы окончили, так они щеголяют шопеновскими ноктюрнами. А ведь я самоучка. Меня только дед покойный немного учил. Но слух у меня хорош. Я, Иван Петрович, раз послушаю вещь и по слуху ее в точности сыграю. Учти к тому же, Иван Петрович, что вот Борька бы или Мишка, они ведь только на скрипках играют, а я давай тебе и на скрипке, и на виолончели, и на флейте сыграю. Даже саксофон зазвучит у меня не хуже, чем у твоих техникумцев.

— Это понятно, — сочувственно отозвался Иван Петрович. — Вот я, к примеру, каменщик, но я не простой каменщик. Я виртуоз! Другой, так он насобачится стену класть и больше ни на что не гожа, а я хошь стену буду класть, хошь печь выложу, или дворец какой. Вот ты, верно, думаешь, что пустяшное наше дело, а я тебе сейчас докажу... Возьми ты, к примеру, самый обыкновенный булыжник...

Но Гамов не слушал Ивана Петровича. Он смотрел в море, на далекий белый парусник, фантастической запятой скользивший по горизонту. Шел из города, из тенистых аллей, резкий, приторный запах цветущих акаций.

Гамов повернулся к Ивану Петровичу и спросил громко:

— А вот до тебя, Иван Петрович, дошла моя музыка? Понял ты ее хоть чуточку? По совести скажи.

— Почему не понять, — не особенно уверенно произнес Иван Петрович, — мы хорошую музыку понимаем. Хоро-

шая музыка,— она дойдет, это уж будьте покойны. Вот хотя бы булыжник, к примеру, хороший булыжник он всегда...

— А ну, дыхни на меня! — строго сказал Гамов.

Иван Петрович слегка дыхнул и отвернулся обиженно.

— Да ты пьян, Иван Петрович!

— Слегка выпивши — это верно, а не то, чтобы пьяный,— совсем обиделся Иван Петрович.

— Пойдем домой! — рассердился Гамов.

— погоди,— остановил его Иван Петрович,— не сердчай! Я не пьяный, слегка выпивши только... Вот ты про музыку говоришь и, видать, сильно ее любишь, я это понимаю. А я своего дела разве не люблю? Только ты меня пьяным напрасно считаешь, но я не сердчаю, нынче, действительно, слегка выпил. Жизнь у нас теперь хорошая, веселая, отчего, думаю, не выпить слегка, для бодрости... Денег у меня — во сколько!.. По девяти сотен в месяц зарабатываю.

Иван Петрович достал бумажник и, вынув оттуда пачку тридцатирублевых, стал шелестеть ими перед самым носом Гамова.

— Спрячь,— сказал Гамов,— я тебе верю.

Иван Петрович неохотно спрятал деньги и продолжал:

— По-свинячьему жить не хочется. Совесть не позволяет. Вот возьми ты бетонщика нашего Рябова. Пьянчуга был страшный, а теперь по театрам ходит. В кружок хорошей записался. «Петь, говорит, охота». А ему, поди, лет под шестьдесят и голосу нет — так, хрипота одна, пропил он его в молодости, голос-то, а хороший, говорят, теноришко был. Уж на него руководитель хорового кружка жалуется: «Вы мне весь ансамбль расстраиваете хрипотой своей! Гармония вся, говорит, от голоса вашего разрушается». А Рябов не сдаётся: «Ничего,— говорит,— с вашей гармонией не приключится. Мне,— говорит,— обвыкнуть только. Я еще свое возьму. Малость,— говорит,— заржавел голос без употребления. А петь беспрерывно хочу, песни теперь

больно хорошие». Без музыки никак теперь нельзя... Только маловато ее. На концертах она только, а ты вот дай ее, чтобы сколько хочешь было, как воздух, к примеру!

Гамову стало совестно и за то, что он упрекнул Ивана Петровича, и за нехорошее чувство зависти к солисту Борьке.

С моря подул свежий ветерок, нерешительный и робкий. Мрачный берег острова заскулил тихо и жалобно. Прислушиваясь, Иван Петрович недовольно поморщился и, осторожно положив руку Гамову на плечо, сказал шепотом:

— Проектик-то мой о преобразовании острова помнишь? Надо мной ведь до сих пор смеются из-за него. А ведь дело это вполне возможное. Они ведь потому и смеются, что мастерства моего недооценивают. Одному мне этого конечно не одолеть. Вот если бы ты мне помог...

— Ну, что ж, я не прочь,— подумав, согласился Гамов.— Только дело это не шуточное, тонкое дело. Но я тебе верю, Иван Петрович.

Каменщик растроганно пожал руку Гамову.

— Спасибо тебе за это! А дело наше действительно тонкое, все равно, что хирургия.

...С тех пор Гамов с Иван Петровичем часто уплывали на баркасе в море, к скалистому берегу пустынного островка. На поездки эти никто не обращал внимания, но все заметили, что стал Гамов серьезен и неразговорчив. Ребята из городского оркестра решили, что на него сильно подействовало неудачное выступление на концерте. Секретарь комсомольского комитета раза два даже беседовал с ним по этому поводу.

— Ты комсомолец,— говорил он,— и мы этого так оставить не можем. Тебя на концерте могли не понять, а ты сразу расстроился, духом пал. Не по-комсомольски это. Хочешь, соберем общее городское комсомольское собрание, и ты там сыграешь свою «Радость»? Ребята выскажут. Если дойдет до них твоя музыка,— в протокол

запишем. Концерт хороший устроим. На областную олимпиаду тебя пошлем. Все сделаем.

Гамов был обрадован вниманием комсомольского комитета, но просил пока не предпринимать ничего, а подождать немного, пока он закончит одно дело, о котором даже секретарю комсомольского комитета он воздержался говорить.

Между тем отцвели акации. Налились соком абрикосы. Море стало светлей, словно выгорело от палящих лучей солнца. Затем пришла осень, суровая, спокойная. Желтые сердечки листьев, кружась, падали на все еще горячую землю. Прозрачных медуз с голубыми и синими каемками выбрасывали по ночам волны на сырой песок берега.

Все чаще дул с моря ветер. Он приносил в город запах соли, заволакивал брызгами набережную, выл в снастях шхун, трепал паруса рыбацких баркасов...

И вот однажды, в жаркий, солнечный день, принес он издалека, с моря музыку. Она звучала тихо, но торжественно и победоносно. День был выходной. Весь город пришел к берегу. Пришли и музыканты. Никто ничего не понимал. Терялись в догадках...

— Не кажется ли вам, что музыка похожа на сюиту Гамова? — спросил наконец скрипач Борька.

И это действительно была гамовская «Радость». Крепчал ветер, крепчала музыка. Уверенно и мужественно лилась она над морем, над городом, над желтой листвой акаций.

С тех пор всегда, когда дул ветер с моря, музыка звучала над черепичными крышами домов, проникая сквозь толстые стены в квартиры. Не было музыки лишь в безветренную погоду, когда замирали паруса и беспомощно повисали флаги на мачтах, но тогда лихо высвистывали ее и напевали мальчишки, чистильщики сапог, мороженщики, рыбаки, оснащавшие свои суда, матросы с барж и катеров.

А Гамов с Иван Петровичем ходили по городу как ни в чем не бывало и помалкивали. Только через месяц пригла-

сили они на катер весь городской оркестр и повезли на пустынный остров. Высокие скалы на берегу были усеяны маленькими и большими отверстиями. Одни из них расширялись конусом, другие были сигарообразны, третьи шли вверх под углом и все были полузакрыты камнями, легко вращавшимися на стержнях.

— Вот видите, — просто сказал Гамов, — сам берег поет мою песню. Но мы тут с Иваном Петровичем немало потрудились.

— Что и говорить, — вздохнул Иван Петрович, — настроить ветер на свой мотив, это не то, чтобы рояль там, к примеру, или пианино какое наладить.

ГОРБАТЫЙ МОСТ

В трех километрах от города Краснограда, на реке Молчанке, находился старый деревянный мост. Был он еще довольно прочен, но им уже давно боялись пользоваться. Береговые его устои густо обросли бурым мхом. Сквозь толстый бревенчатый настил пробивалась темно-зеленая травка. Горбатый, потемневший от времени, он был похож на огромное неуклюжее животное, распростершееся в прыжке через реку.

С каждым годом мост, приходил все в большую ветхость и, пожалуй, вскоре рухнул бы. Но тут, совершенно случайно, декану строительного института пришла в голову интересная мысль, которую он немедленно сообщил директору института.

Спустя несколько дней студентам третьего курса объявили, что в июне вместо экзаменов по статике сооружений состоится конкурс на наиболее интересный и оригинальный проект разрушения Горбатого моста.

Известие это сильно взволновало молодежь, и особенно Дмитрия Глебова. Считался он лучшим студентом в институте и большим мастером на всевозможные выдумки.

Студенты знали его остроумие и изобретательность. Ему принадлежали все наиболее удачные эпиграммы на студентов и профессоров.

Объявленный конкурс заинтересовал Митю. Он давал ему возможность поправить посредственную отметку по сопротивлению материалов, полученную от профессора Азбукина. Профессора этого прозвали «фортуной», хотя ставил он отметки студентам чрезвычайно добросовестно.

Азбукин знал свое прозвище, знал также, что автор его Митя, но не обижался и даже питал к Мите некоторую симпатию.

Встретив как-то Митю в коридоре института, профессор сказал, смеясь:

— Знаю, ведь, что это вы на меня эпиграммку со-
стряпали:

*Профессор Азбукин беззлобно,
Фортуне ветреной подобно,
За многотрудный сопромат
Отметки ставит наугад.*

А не кажется ли вам, что эпиграммку-то следует из-
менить следующим образом:

*Улыбке счастья всякий рад,
Не потому ли наугад
Сдавать стремятся сопромат?*

— Это вы на мой счет? — добродушно спросил Ми-
тя.— Но я, Константин Иванович, на коварную фортуны
редко полагаюсь, это уж вы того...

— Позвольте, — перебил его профессор, — а на кого же
вы полагались в прошлый-то раз, просыпавшись у меня по
усталости материалов?

— Весна, Константин Иванович,— вздохнул Митя, —
тут уж ничего не поделаешь. Но вот погодите, на конкурсе я
перед вами, Константин Иванович, реабилитируюсь, чест-
ное слово!

Профессор с сомнением покачал головой.

— Посмотрим, посмотрим. Но уж ежели на конкурсе и
третьей премии не получите — буду на вас в комсомоль-
ский комитет жаловаться, ибо глубоко уверен, что человек
вы чрезвычайно способный, а учиться стали с прохлад-
цей!..

В последнее время Митя, действительно, стал за-
ниматься весьма посредственно, но виновата в этом бы-
ла, пожалуй, не столько весна, сколько Лида Сугрובה,
племянница Ерофея Петровича Дарданелова, дирижиро-
вавшего городским джазом.

Старик Ерофей Петрович был известен всему Красно-
граду как добродушнейший и беспечнейший человек. О

нем рассказывали бесчисленные анекдоты, но он никогда не обижался и даже смеялся над ними. Водились за Дарданеловым и грешки — очень любил он выпить, но пил по-особенному, по-своему. Обыкновенно он покупал несколько различных сортов вина и старательно смешивал их. От этого смешения получался крепчайший «ерш», но Ерофей Петрович почти не пьянел и не страдал головными болями. О его пристрастии к составлению различных смесей вина в городе знали многие, и был даже пущен слух, что известная водка «Ерофеич» будто бы была придумана им. Слух этот был весьма правдоподобен, так как сам Ерофей Петрович, подвыпив, рассказывал, что когда-то в молодости им действительно был «изобретен» напиток, состоявший из обыкновенной водки, настоянной на мухах.

Митя, которого с Ерофеем Петровичем познакомила Лида Сугрובה, очень полюбил добродушного старика. Посещая его джаз, он перезнакомился со всеми его оркестрантами и даже научился играть на саксофоне. Дарданелов тоже привязался к Мите и был очень доволен, что ухаживал он за его племянницей. Но в последнее время Ерофей Петрович заметил, что Митя реже стал посещать его оркестр. Старик пытался было расспросить Митю, но толком так ничего и не узнал от него.

Митя же с того самого дня, как объявили конкурс, усиленно работал над проектами разрушения моста. Было у Мити этих проектов штук около пяти, но он прекрасно понимал, что ни один из них не может быть удостоен первой премии. Но Митя не падал духом, а лишь с еще большим упорством продолжал работать. Однажды утром Митя взял лодку и поплыл вниз по течению реки Молчанки к Горбтому мосту. Река была тиха и ленива. С величайшей steepенностью несла она свои воды среди пологих берегов, поросших кудрявым кустарником. У моста Митя привязал лодку к сваям и вышел на берег. Места эти были ему хорошо знакомы. Каждое лето он удил здесь с приятелями рыбу и купался, бросаясь с перил моста.

Осмотрев береговые устои, Митя уселся на траву в тени зеленых шляп буйно растущих лопухов. В этом спокойном местечке было как-то особенно уютно и тихо. Бойкие жуки носились над Митиной головой, выделявая замысловатые петли. Митя посидел под лопухами более часа и, ничего путного не придумав, хотел уже было возвращаться в город, но тут случайно обратил внимание, что мост легонько подрагивает в такт каким-то далеким, низким звукам. Явление это Митю заинтересовало. Вначале он подумал, что мост вообще чересчур стар и дрожит от ветра, но, осмотрев сваи устоев и переводины, убедился, что они еще прочны. Взобравшись на настил, Митя прошелся несколько раз по мосту и даже довольно быстро пробе-жался по нему. Но это не вызвало почти ни малейшего колебания устоев. Прodelав эти маленькие эксперименты, Митя начал догадываться о причине дрожания моста.

Дома Митя до поздней ночи просидел за книгами по усталости материалов и производил различные расчеты. Рано утром, не позавтракав, он ушел к Дарданелову и вернулся домой только в полдень. Мать передала ему записку, оставленную секретарем комсомольского комитета Баталовым. Митя поспешно развернул ее и прочел:

«Митька!

Где ты пропадаешь? Позвони мне сегодня и расскажи, как обстоят дела с твоим проектом. Возлагаем на тебя большие надежды. Ежели просыпешься — худо будет! Жму лапу!

Лёшка»

Митя к Баталову не позвонил, но через приятеля просил передать, чтобы тот не беспокоился о нем. Вскоре состоялось заседание конкурсного жюри, на котором проект Мити был единогласно признан «остроумным, но весьма спорным». Профессор Азбукин, председатель жюри, вызвал Митю к себе.

— Надо вам отдать справедливость, Дмитрий Михайлович,— сказал он,— разрушение моста придумали вы остроумное, даже необычайное, но дирекция института решила проверить ваши расчеты на опыте. В выходной мы попробуем разрушить мост по вашему проекту.

Накануне выходного дня уже весь Красноград говорил о проекте Мити. Он казался всем совершенно невероятным и неосуществимым.

— Фокусы какие-то, — ехидно замечали городские обыватели, и даже студенты поговаривали, что, мол, теоретически все это как будто бы и так, а вот что будет на практике — сказать трудно.

В выходной день к Горбатову мосту с утра стали собираться жители Краснограда. Первыми явились мальчишки. Они расселись по обоим берегам реки, покрыв головы лопухами. За мальчишками последовало и взрослое население, среди которого были инженеры, техники, заводы, бухгалтеры, рабочие и даже богомольные старушки, выходившие из дому только по воскресным дням. Нечего и говорить, что студенты и учащиеся средних школ пришли к мосту одними из первых. Они горячо спорили друг с другом, обсуждая предстоящее разрушение моста.

В 12 часов приехали на машине представители горсовета и профессора во главе с директором института. Вслед за ними прикатил Митя на грузовике со всем дарданеловским оркестром. Перед ними почтительно расступилась публика. Музыканты разместились у самой воды, вблизи моста, и принялись настраивать инструменты, а Ерофей Петрович, отойдя в сторону, долго о чем-то совещался с Митей.

Наконец директор института объявил собравшимся, что студент строительного института Дмитрий Глебов произведет сейчас игрой джаз-оркестра разрушение моста. Услышав сдержанные смешки, директор добавил, что невероятного в этом ничего нет и что все объясняется очень просто явлением резонанса. Желавшие серьезно ознако-

миться с этим явлением приглашаются сегодня на специальный доклад, организованный институтом.

Как только публика несколько успокоилась, Митя подал знак Дарданелову. Ерофей Петрович взмахнул своей дирижерской палочкой, и джаз грянул душераздирающую «румбу». Барабанщик извлекал из своего шумного инструмента совершенно невообразимые трели, саксофоны кудахтали, словно наседки; перепуганные появлением ястреба, тромбон завывал пронзительно и грозно, жалобно повизгивали скрипки. Но вот «румба» кончилась, а мост по-прежнему стоял на своем месте.

Дарданелов растерянно обернулся к Мите, но тот спокойно сказал ему:

— Жарьте, Ерофей Петрович, подряд все ноты. Попробуем взять мост измором.

Тут началось нечто совершенно невероятное... Оркестр то подымал оглушительную трескотню, будто несмазанная арба, груженная пустыми консервными банками и бутылками, неслась во весь опор по булыжной мостовой, то заливался душераздирающим писком, словно полчище мальчишек дергали котов за хвосты. Но вся эта дикая вакханалия не производила на мост ни малейшего впечатления, и вот, когда джаз уже совершенно изнемогал и инструменты его начали выбывать из строя, Митя попросил Ерофея Петровича сыграть какой-нибудь простенький вальс. К общему удивлению, как только зазвучал ритмичный мотив вальса, мост в такт ему стал легонько покачиваться. Затем довольно быстро зашатался, словно выделявая какое-то замысловатое па, и наконец, растянувшись в неуклюжем реверансе, с треском лег на воду.

— Махлевка! — убежденно заявил кто-то из обывателей.

Богобоязненные старушонки набожно перекрестились. Студенты, с утра еще тщательно осмотревшие мост, бурно аплодировали Мите. Профессор Азбукин, пожимая ему руку, смеялся:

— А ведь я полагал, Дмитрий Михайлович, что мостик-то вы вовсе не вальсом, а умопомрачительными вашими фокстротами доканаєте.

Вечером оркестр Дарданелова в полном составе явился в лекционный зал института. Огромное помещение было не в состоянии вместить желавших послушать лекцию профессора Азбукина, но дарданеловцы, явившись одними из первых, заняли хорошие места. Они были возбуждены и не давали Мите покоя своими вопросами. Особенно волновался барабанщик, уверяющий всех, будто бы его виртуозная трель вызвала первую судорогу моста.

Появление профессора было встречено бурными аплодисментами. Когда шум затих, Азбукин отпил глоток воды из стакана и начал:

— Вот все вы сейчас ломаете себе голову — «отчего, мол, развалился мост?» — и некоторые, верно, думают, что без нечистой силы тут никак не обошлось. Ну-с, а на самом деле ничего тут сверхъестественного нет. Все это объясняется явлением так называемой усталости материалов. Как бы это вам попроще растолковать, что это за штука такая, усталость материалов... Ну-с, хорошо. Возьмем, к примеру, десятикилограммовую гирику и поставим ее на деревянный брусок. Что от этого произойдет? Само собой понятно, что под давлением этой гирику в бруске нарушится равновесие внутренних сил, иными словами — произойдет деформация. По мере увеличения груза она будет все возрастать, минуя пределы упругости и прочности, за которыми последует разрушение материалов. Это, так сказать, естественный способ разрушения, но точно-такого же результата можно достичь иным путем,

Тут профессор рассказал своим слушателям о том, как по снятии десятикилограммовой гири восстанавливается нарушенное равновесие внутри бруска, но что часть внутренней деформации все же «остается в виде так называемой остаточной деформации», которая оползает с чрезвычайной медленностью в течение многих часов, а то и дней. В этом случае материал для полного восстановления

внутренних сил нуждается в значительном отдыхе. Но если груз попеременно (периодически) то помещать на брус, то снимать с него, остаточные деформации станут как бы напластовываться, вызовут усталость и разрушение материалов.

Когда Азбукин спросил, понятно ли он объясняет, кто-то из слушателей заметил:

— Понятно-то понятно, да вот с мостом-то как же?

— Сейчас доберемся и до моста. Ну-с, прежде чем перейти к мосту, должен я вам сказать, что между простой механической нагрузкой и звуковой (акустической) почти нет разницы. Они как бы аналогичны. Для того, например, чтобы заставить в рояле звучать какую-либо струну, нужно надавить на клавиши, но можно заставить ее звучать и не делая этого. Нужно только вблизи молчащего рояля произвести хотя бы звук «ля» на каком-либо музыкальном инструменте, и в рояле тотчас же зазвучит соответствующая струна. Явление это известно в физике под названием резонанса. Достоверность приведенного примера присутствующие здесь музыканты вполне могут подтвердить.

Дарданеловцы дружно закричали:

— Верно!.. Правильно!.. Чистейший факт!

И тотчас же барабанщик забубнил в ухо Мите:

— Что я говорил... что я говорил, Дмитрий Михайлович. Резонанс-то безусловно от моей трели произошел. Главное не просто трель, а синкопирующая трель...

А в противоположном углу бородатый плотник, знаменитейший мастер города, сдержанным шепотом басил на ухо соседу:

— Мост — существо куда, кажется, бесчувственное, но вот устал же от дарданеловского тарарама, а человеку-то какво терпеть?..

И тут же, по соседству, тоже шепотом, доцент Тихонов рассказывав студентам:

— ...дело это в Англии было. Испытывали мы тогда здоровенный мост с крепчайшими фермами и бетонизиро-

ванными устоями. Испытание в основном велось на подвижную динамическую нагрузку. Пропускали с этой целью через мост экипажи и толпы людей, а под конец прогнали стадо коров. Все шло совершенно отлично. Но тут, когда стадо уже благополучно перебралось на противоположную сторону моста, одна корова испугалась чего-то и пустилась трусцой обратно по мосту. И что же вы думаете? Мост вдруг пришел в такую интенсивную вибрацию, что техники, следившие за испытательными приборами, стали давать выстрелами сигналы о грозящем мосту разрушении. Оказалось впоследствии, что шаткий бег коровы случайно совпал с ритмом моста и вызвал резонанс.

...Поздней ночью, возвращаясь с лекции, Дарданелов наставительно сказал своим спутникам:

— Что ни говорите, а наука — великая сила...

Д О Ж Д Ь

Новелла

1

Он пришел вечером, когда зашло солнце, и сад утонул в густых зеленых сумерках. Викентий Петрович, еще издали заметив его белый спортивный костюм, вышел на крыльцо.

Гость был молод. На вид ему можно было бы дать лет 25—27. Голова его была обнажена. Светлые, мягкие волосы опадали на лоб. Он отбрасывал их резким, нетерпеливым движением.

— Здравствуйте,— сказал гость и подал садоводу руку.— Моя фамилия Куницын.

— Вас из Москвы ко мне прислали, товарищ Куницын?— спросил Викентий Петрович, приглашая молодого человека в дом.

— Нет,— улыбаясь ответил Куницын,— я издалека, из Новосибирска.

Заметив удивление садовода, гость поспешил добавить:

— Должен вам признаться, Викентий Петрович, что меня никто к вам не посылал. Я доцент Новосибирского университета. Неделю назад получил отпуск. Собирался провести его на Кавказе, но накануне отъезда прочел в газете вашу статью и приехал к вам.

2

Осенним утром Викентий Петрович, поднявшись с постели, распахнул окно и, перегнувшись через подоконник, заглянул в сад. Золотистые плоды висели у окна, слегка покачиваясь на гибких ветвях. Мягкие утренние тени синели под деревьями.

Вверху, в просвете листвы, виднелось безоблачное небо. Взглянув на него, Викентий Петрович тяжело вздохнул и хотел уже было захлопнуть окно, но в это время заметил в глубине сада Куницына. Он, по всей вероятности, давно уже прогуливался по саду и теперь направлялся к дому. Викентий Петрович оделся и вышел к нему навстречу.

— Замечательные плоды выращиваете вы, Викентий Петрович! — восхищенно сказал Куницын, здороваясь с садоводом. — Неужели такой удивительный сад погибает от засухи?

— Вы еще не знаете моего сада, молодой человек, — с гордостью сказал Викентий Петрович. — Извольте познакомиться с этими плодами.

Он сорвал большое прозрачное яблоко и подал Куницыну. Доцент надкусил его, и густой кисло-сладкий сок брызнул на его руки из-под тонкой кожицы.

— О моем саде,— продолжал Викентий Петрович, — много пишут и говорят, но никто не знает его настоящей цены. Ни один садовод не может похвастаться такими плодами, какие выращиваю я. Плоды эти необычайны по своим физическим качествам. Они содержат в себе, подобно некоторым угрям, электрический заряд, уничтожающий садовых паразитов. Вы не найдете у меня ни одного яблока, ни одной груши, попорченных червем.

Викентий Петрович наклонил висевшую над его головой ветку, отягощенную крупными плодами.

— Обратите внимание на листья этих деревьев. Они широки, и особенно их много в верхней части дерева, но солнечные лучи свободно проникают сквозь них. Происходит это оттого, что листья моих деревьев днем всегда обращены ребром к солнцу. Зато ночью или в холодную пасмурную погоду они укрывают плоды от холода. В этом они имеют некоторое сходство с диким латуком. И вот этому саду угрожает засуха.

Плоды его сейчас находятся в такой стадии развития, когда им особенно необходима влага, а в нашей области вот

уже второй месяц как нет дождей. Иногда густые, грозовые тучи проходят над садом, но ни одной капли не роняют они на землю.

Куницын с наслаждением съел яблоко, вытер о платок перепачканные руки и спокойно сказал:

— Я, конечно, не заклинатель дождя и даже не метеоролог, а простой физик, но, думается мне, дождичек я вам все-таки организую.

3

Прошло три дня. Куницын, к удивлению Викентия Петровича, занимался исключительно анализом фруктов и почвы, не обращая ни малейшего внимания на небо.

Садовод, наблюдая за этими исследованиями, сомнительно качал головой.

— Мне думается,— сказал он,— если вы будете заниматься только плодами моих деревьев, вам не скоро удастся получить дождь.

Доцент ничего не ответил на замечание садовода. А вечером, когда Викентий Петрович пригласил его выпить в саду, под яблоней, стакан чая, он неожиданно разговорился:

— Вы, верно, думаете, Викентий Петрович, что я к вам приехал, желая непременно спасти ваш сад? У вас даже, наверное, мелькнула мысль — чудаки, мол, нынешние молодые люди. Стоит им узнать, что гибнет где-то от засухи сад, и они тотчас же, не раздумывая, спешат предложить свои услуги. А вот я откровенно скажу вам, Викентий Петрович, что меня не столько ваш сад интересует, сколько возможность испытать свои силы.

Куницын помолчал с минуту, отпил несколько глотков чаю и продолжал:

— Я слишком молод, Викентий Петрович, чтобы сказать, что знаю свою науку в совершенстве, а знаю я ее, примерно, так как вы знаете свой сад. Можете вы поверить после этого, что завтра я устрою вам дождь?

Старый садовод ответил не сразу. Он с шумом и бульканьем выпил давно уже остывший чай. Вдохнул... Сказал почему-то: «Так-с» и, наконец, встал и положил сухую, жилистую рабочую руку на плечо молодого ученого.

— В то, что вы сумеете вызвать дождь, — верю, — спокойно сказал он, — но не могу поверить, что мой сад вас не интересует. Это уж вы того... неправду говорите.

4

С утра стояла жаркая, знойная погода. Солнце палило так, что Куницыну даже показалось, будто розовые плоды сада начинают подрубляться.

Лишь после полудня подул тихий ветер. Легкие кудрявые облака появились на горизонте и медленно расползлись по небу.

Вскоре ветер посвежел, облака сгустились, потеряли свою ослепительную белизну, потускнели.

— Почти каждый день, — сказал Викентий Петрович, — плывут вот такие тучки, а дождиком и не пахнет...

— Сегодня у вас будет дождь, — перебил садовода Куницын, — только разрешите для этого срезать верхние ветви.

Теперь, когда плоды в саду почти созрели, холод уже не угрожал им, и Викентий Петрович, после некоторого размышления, согласился на предложение доцента.

В течение двух часов Куницын, Викентий Петрович, два его помощника и шесть рабочих садоводства срезали с верхушек фруктовых деревьев гибкие ветви, покрытые густым зеленым бархатом листы.

Между тем, ветер все более свежел и усиливался. Барометр медленно падал. Облака густели, наливались синевой. Беспорядочно плыли они по небу, все ниже и ниже опускаясь над садом.

— Кажется, и в самом деле будет дождь, — сказал Викентий Петрович, застегивая свой белый парусиновый пиджак.

Куницын не успел ответить. Ослепительная трещина расколола небо, наполняя сад сухим треском электрического разряда.

Через мгновение все стихло. Первая сочная капля дождя с шумом упала на соломенную шляпу Викентия Петровича. И сразу зашуршали листья деревьев, закачались, закружились розовые яблоки под ударами неожиданно начавшегося дождя.

Куницын поспешил укрыться в беседке, а Викентий Петрович стоял под деревом и, улыбаясь, смотрел на яблоки, покрытые бисером дождевых капель. Одежда на нем давно уже промокла, поля соломенной шляпы обвисли. Он снял шляпу, обтер рукой мокрое лицо и выжал воду из бороды.

— Экая благодать! — довольно сказал он и направился в беседку.

— Дождичек, кажется, удался на славу? — весело спросил Куницын.

— Замечательный дождичек! Но как же все-таки вам удалось достигнуть этого?

— Нехитрая вещь, Викентий Петрович. Да в этом, пожалуй, не столько моя заслуга, сколько ваша.

Куницын достал папиросу и, впервые за время пребывания у Викентия Петровича, закурил.

— Меня сильно поразили ваши деревья, — продолжал он. — Как только вы рассказали мне об их удивительных свойствах, я тут же подумал, что для полного совершенства им не хватает умения самим, по мере надобности, вызывать дождь. Познакомившись ближе с вашим садом, я убедился, что мысль эта далеко не фантастична. Вскоре мне удалось совершенно точно установить, что положительно заряженные плоды ваших деревьев должны притягивать проходящие над ними отрицательно заряженные дождевые облака.

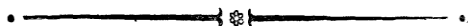
— Так вы, значит, срезали верхние ветви деревьев с тем, чтобы лишить наэлектризованные плоды изоляции? Ведь это же чертовски просто!

Сквозь прутья беседки был виден сад, пересеченный серебряными струйками дождя. Мокрые сочные плоды тяжело покачивались на гибких ветвях.

— А ведь я соврал в прошлый раз, что ваш сад меня не интересует,— тихо сказал Куницын.

ПАВЕЛ МАЛЯРЕВСКИЙ

МОДЕЛЬ ИНЖЕНЕРА ДРАНИЦИНА

Авантюрно-приключенческая повесть

ОТ РЕДАКЦИИ:

Мало кто знает, что Павел Григорьевич Маляревский, известный драматург, автор удостоенной Сталинской премии пьесы «Канун грозы», писал стихи. Но еще меньше тех, кто слышал его увлекательные, придуманные как бы между делом, фантастические и приключенческие рассказы и повести. Они так и не попали на бумагу, остались, как принято говорить, изустными, ибо все время отнимала у писателя работа над пьесами и многолетний исследовательский труд по истории театральной жизни Сибири. И вот комиссия по литературному наследию П.Г. Маляревского нашла в его бумагах написанную давно, еще в двадцатые годы, приключенческую повесть «Модель инженера Драницина». Предлагаем ее вашему вниманию.

Часть первая

Глава I ЧЕЛОВЕК В СЕРОМ ПАЛЬТО

- Гражданин, вы мне наступили на ногу.
- Извините, мадам, толкают.
- Ты куда лезешь, мальчуган?
- А куда надо, туда и лезу.
- Господи, какая пошла молодежь. Ей слово, а она двадцать.

Инженер Драницин тяжело вздохнул, нащупал в кармане портсигар и стал пробираться на площадку.

«На следующей выйду, пойду пешком, душно».

Трамвай бросил голубоватую искру, лязгнул и остановился на углу Кузнецкого проспекта. Пока с площадки, толкая друг друга, сходили пассажиры, сзади публика лезла в вагон.

Драницин глубже надвинул шляпу и медленно пошел по проспекту. Был свежий осенний вечер. Чернело небо. Над

головой дрожали звезды. Около кино вихрастый мальчишка торговал папиросами. Драницин шел медленно, с наслаждением вдыхая свежий, бодрящий воздух. На углу ему бросилась в глаза витрина универсального магазина. За огромным стеклом громоздился буфет, «под дуб», посредине стоял стол, густо обросший неудобными высокоспинчатыми стульями. На белой скатерти топорщились туго накрахмаленные салфетки. У стола, нелепо вытянув ноги, сидел манекен в тройке из черного сукна. Восковая женщина с наруганными щеками, фальшиво улыбаясь, протягивала ему чашку чая.

— Ах, какая красота, — услышал инженер, — Коля, нам надо обязательно купить буфет. — Женщина со вздернутым пудренным носиком повисла на руке стройного молодого человека. Тот ласково наклонился к ней и что-то шепнул. Женщина рассмеялась.

В голове инженера мелькнуло — молодожены, он криво усмехнулся и, подняв воротник, пошел дальше.

Мысли лениво цеплялись одна за другую

«Вот так и будет. Сначала поэзия. Он любит, она без памяти. В кино подряд по три сеанса сидеть готовы и ручки друг другу жать. А потом съедутся и начинается приобретение. Обставятся вот такими орясинами, занавесочки повесят, виктролу^{*)} купят, и начнут семейное счастье размусоливать. Тьфу». — Инженер сердито плюнул и, еще глубже надвинув шляпу, решительно зашагал в переулок. «Домой надо».

В переулке было тихо. На углу сутулился фонарь. Изредка встречались одинокие пешеходы. Из подъезда большого каменного дома вышел мужчина. Он быстро направился к Драницину, подошел неслышно, и чуть тронул его за плечо.

^{*)} Виктрола — стационарный вариант граммофона, выпускавшийся в первой половине XX века фирмой «Victor». Помимо проигрывающего устройства и усилителя звука, роль которого играл сам корпус, в ней были отделения для хранения пластинок.

— Скажите, не вы будете инженер Драницин?

Голос звучал мягко и вкрадчиво.

— Я, а вам что угодно?

— У меня к вам очень серьезное дело.

Перед инженером стоял плотный человек выше среднего роста. На нем было серое дорожное пальто. Из-под козырька мягкой кепки глядело бледное, словно фарфоровое лицо, глаза с полуопущенными веками; и как-то странно, словно приклеенные, висели большие черные усы.

— Очень важное дело, — повторил человек. — Можете вы мне уделить полчаса?

Инженер подумал. Идти домой не хотелось. Ему было совершенно безразлично, где убить остаток вечера.

— Зайдемте в пивную.

— Странно, но пройдемте, — пожал плечами инженер.

Они пересекли улицу. Под желто-зеленой выемкой скупо светила лампочка. Дверь то и дело открывалась, и из пивной, пошатываясь и что-то напевая, выходили люди.

— Вот сюда, — сказал человек.

В зале было дымно. За неопрятными столиками сидели завсегдатаи. Какой-то высокий мужчина одиноко притулился в углу и сосредоточенно и медленно пил. Перед ним стояла целая батарея пустых бутылок.

Немудрый ансамбль: скрипка, пианист и баянист — все слепые, в черных очках, деревянно сидели на возвышении и играли попури из оперетт.

Мужчина в сером пальто отыскал столик. Сели.

Официант, помахав по столу грязной салфеткой, поставил две кружки пива и блюдечко с моченым горохом.

— Итак? — вопросительно вскинул глаза инженер.

Человек в сером пальто вынул портсигар, предложил: — Курите, — неторопливо зажег спичку и, пустив синеватую струйку дыма, навалился на стол, чтобы быть поближе к Драницину.

— Дело, о котором я буду с вами говорить, очень важное, — начал он, — и я думаю, мы сумеем найти общий язык. Кто я, чем занимаюсь, неважно. Знакомиться мы бу-

дем потом. — Он остановился и, оглянувшись, продолжал приглушенным голосом:

— Мне известно, что вы работаете над проблемой лучей икс.

Инженер вздрогнул и пальцы его крепко сжали толстую ручку пивной кружки. Незнакомец усмехнулся, взглянул вопросительно и, придвинувшись еще ближе, продолжал:

— Мне известно также, что вы уже разрешили эту проблему. Вам понятно, конечно, значение этого открытия, понятен, я думаю, и тот интерес, который может возбудить оно в военных кругах. Так вот, я имею к вам предложение.

Человек откинулся, отхлебнул пиво и на усах его легкими бисеринками сверкнули мелкие капли.

— Буду говорить прямо. Предлагаю вам ехать за границу.

Инженер снова вздрогнул. В глазах его блеснуло любопытство. Он взял из портсигара папиросу, закурил и выжидающе наклонил голову.

— Условия исключительные, — продолжал человек в сером пальто, — Вам будет дана лучшая в мире лаборатория. Вам предоставят целый штат работников, крупнейших ученых, имеющих европейские имена. Вам обеспечено миллионное состояние и широчайшая известность.

— Так-а-ак, — задумчиво протянул инженер, нарочито медленно прихлебывая пиво, — и что же от меня потребуют?

— Только одного. Изобретение должно стать собственностью вашего нового отечества, достоянием людей, борющихся за утверждение подлинной цивилизации.

— А как же это я за границей окажусь, — размеренно, словно разговаривая сам с собой, проговорил инженер.

— Все уже организовано. Вы и ваша жена получаете заграничные паспорта. На службе вам дают очередной отпуск. Вы якобы выезжаете в Крым, а вместо этого едете за границу. Нам нужно только ваше согласие, и чем скорее, тем лучше.

Инженер молчал.

Человек в сером пальто снова отхлебнул пиво.

— Не скрою, — сказал он, — что ваше изобретение глубоко интересует крупнейших людей нашего времени. Оно известно одному... — он наклонился к самому уху инженера и шепотом произнес имя, ставшее символом ненависти к молодой стране, имя одного из крупнейших авантюристов, сделавшего знаменем своей жизни крестовый поход против большевизма.

— А, вот как! — неожиданно громко произнес инженер, откинувшись на спинку стула.

— Тише, вы, ради бога, тише, — пробормотал человек в пальто. Инженер вдруг осекся, и улыбнувшись, медленно сказал:

— А вы все-таки любопытная разновидность подлеца.

Человек отшатнулся, глаза его стали еще уже и на лбу блеснули капельки пота.

— Относительно моих занятий вы глубоко заблуждаетесь, — продолжал инженер. — Но если бы даже я и сделал такое открытие, то неужели бы я стал торговать им?

Незнакомец улыбнулся спокойно и чуть насмешливо.

— А что будет, если я позову сейчас милиционера? — спросил инженер, засунув руки в карманы пальто и медленно покачиваясь на стуле.

В ту же минуту он почувствовал сильный толчок, стул под ним опрокинулся и он нелепо забарахтался на полу.

— О, черт, — бормотал поднимаясь Драницин.

Перед ним стоял официант.

— Упали-с. Стул вам попал плохой.

Инженер оглянулся, человека в сером пальто уже не было.

— Сколько с меня? — раздраженно бросил Драницин.

— Они уже уплатили. Может, прикажете еще пивца, — изогнулся официант.

Инженер круто повернулся и пошел к двери.

На улице было пусто. Желтые лампочки скупо освещали вывеску. Инженер постоял, словно в раздумье, махнул рукой и, поеживаясь, пошел домой.

— Подлецы, — бормотал он, — экие подлецы. И откуда они могли пронюхать. Да и я тоже хорош, тайну на квартире сохранить вздумал. Надо было в институт идти. Так нет. Дома спокойно... Вот тебе и покой.

Инженер выпрямился, застегнул пальто и быстро зашагал к дому.

Глава II ДОМА

За дверью привычно задребезжал звонок. Раз, другой, третий. Наконец послышалось шлепанье босых ног и старческий голос:

— Кто тут?

— Я, Андреевна.

Инженер вошел, поблагодарил соседку и, осторожно ступая, прошел по коридору в свою квартиру.

— Где это вы изволили пропадать?

Маленькая хорошенькая женщина в мелких кудряшках, поджав ноги, сидела на кушетке, около лежал раскрытый роман и валялись смятые бумажки от конфет.

— Заседание было, — устало ответил Драницин.

— Удивительно часто бывают у вас эти самые заседания. Господи, — неожиданно перешла она на плаксивый тон, — у всех жизнь как жизнь, а тут деваться от скуки некуда. Ни тебе театра, ни тебе кино... Муж на заседаниях, жена дома. Вот хотя бы Храмцовых взять, живут же люди: и бывают везде, и к себе принимают, и жена по последней моде одета, а у нас все наоборот.

У инженера нехорошо заняло под ложечкой и заломило виски.

«Началось, — подумал он, — и так каждый раз».

Он обвел глазами комнату. Все было знакомо и ужасающе обычно: обеденный стол, широкий диван, крытый клеенкой (под кожу), буфет, из-за стекол которого скалила зубья посуда, мягкая мебель в углу и две араукарии, неподвижно, словно часовые, стоявшие по бокам небольшого кабинетного рояля.

— Все как в хороших домах, — подумал инженер и, скривив губы, прошептал: — Уют. — Ему почему-то вспомнилась сегодняшняя сцена у витрины универмага. Еще сильнее заломило виски.

— Послушайте, — обратился он к жене (когда они ссорились, то говорили друг другу «вы»), — неужели вам не надоело. Ведь это повторяется каждый день. Жить же так, как Хромцовы, я не могу и не хочу. Да у меня и средств таких нет.

— Конечно, — воскликнула жена, — конечно. Мы, видите ли, не можем совмещать, нам, видите ли, нужны свободные вечера. Мы изобретаем. А мне эти изобретения надоели, слышите, надоели.

Упоминание об изобретении напомнило инженеру вечернюю встречу. Он скользнул взглядом по лицу жены. Глаза ее глядели зло. Драницин хотел что-то сказать, но махнул рукой и, круто повернувшись, пошел в свою комнату. В темноте нащупал настольную лампу и повернул выключатель. Свет от лампы упал на стол, заваленный книгами и бумагами. Тут же валялся бритвенный прибор, стояла пепельница, полная окурков.

— Не убрали, — поморщился инженер.

Он сел к столу и машинально придвинул к себе небольшое складное зеркальце.

На него глядело лицо немного усталого человека лет тридцати двух. Волосы на висках начинали редеть. Лицо было сухое с глубоко сидящими глазами и резко очерченным подбородком. Небольшие усы старили. Глаза смотрели недовольно.

— Некрасив, — пробормотал инженер, — что и говорить, некрасив, к тому же фигура неубедительная, нескладная какая-то.

— Ну, к черту все это. Надо работать.

Отыскав нужные книги, он пошел в лабораторию. Когда-то там была ванная комната, об этом говорила чуть заметная ржавчина на плохо выбеленной шершавой стене (здесь раньше проходила труба); на полу коробился кусок

оцинкованного железа. Ванная была ликвидирована давно, и Драницин приспособил комнату под лабораторию. Никто в нее не допускался, ключи от комнаты хранились у самого Драницина, и царил в лаборатории такой хаос, что, казалось, трудно понять, как человек может найти что-нибудь в этом беспорядке. Через минуту инженер уже забыл обо всех неприятностях. Он что-то мурлыкал себе под нос, довольно улыбался, добродушно возился около помятого примуса, морщил лоб над формулами.

Сергею Васильевичу Драницину в жизни, что называется, не везло. В институте звали его бирюком. Был он всегда чем-то занят, вечно ему было некогда и держался он особняком. Окончив институт, он поехал на работу на Ванновский завод. Работал там Драницин много и хорошо. Был досуг, но инженер жил замкнуто. Вечерами, запершись в комнате, он читал, и не только специальную литературу. Читал страстно, с увлечением, и даже пробовал писать, но выходило плохо. Тогда же впервые он задумался над проблемой лучей икс. Мысль эта овладела им целиком, она не давала спать, она тревожила во время одиноких прогулок. Он выписал уйму книг, просиживал до утра в заводской лаборатории. Наконец ему показалось, что он попал на верный путь.

Администрация ценила чудаковатого инженера. Ему поручали важнейшие работы, и он всегда выполнял их легко и просто.

— Это голова, — говорил про него директор — опытный, посевший на хозяйственном фронте коммунист, и, прищурившись, добавлял, — большая голова.

Однажды инженера затащили знакомые на семейный вечер. Здесь он впервые встретился с Женей. Была она в то время веселой хохотушкой. Драницин увлекся. Он стал искать встреч. С неопытностью в первый раз влюбленного человека он по вечерам часами простаивал около дома, где

жила Женя, дожидаясь, — авось выйдет. И когда открывалась парадная дверь и Женя спускалась с крыльца, он как бы случайно встречал ее на углу и бормотал:

— Ах, какая неожиданность. Скажите пожалуйста.

Женя еле заметно улыбалась. Они шли гулять в чахлый сад над рекой, дышавшей сыростью и прохладой. И здесь однажды, краснея, путаясь, не зная куда девать руки, инженер признался, что он не может..., что он одинок, что если она согласится, то... и так далее и тому подобное. Звезды смотрели рассеянно и мудро, глухо шумела река. Над поселком плыл темный июльский вечер. Женя снова еле заметно улыбнулась и согласилась.

Быт Драницина перевернулся. Появился порядок, размеренность, знакомые, вечера: в гардеробе чинно висели три новых мужских костюма и дюжина дамских платьев. Вначале все это казалось необычным и радовало, хотя подчас и тяготило. Женя бросила работу (до замужества она служила чертежницей), увлеклась нарядами, жаловалась на скуку и требовала переезда в город. Муж согласился, и вскоре они уехали в Энск.

Он устроился в трест и с головой ушел в работу, продолжая возиться с изобретением. Какая-то внутренняя неуверенность в себе и привычка работать в одиночку заставили его отказаться от попытки пойти в научно-исследовательский институт.

— Планы там да сроки, терпеть не могу, — говорил он, — а я уж сам полегонечку, да верней.

Жене не нравился образ жизни мужа. Вечно занятый, небрежно одетый, он способен был целыми сутками возиться в лаборатории. Она же думала о другом: о театрах, о широкой открытой жизни. Этого не получалось, и она нервничала, капризничала, ссорилась с мужем. А он глубже замыкался в себе и уходил в работу. Все сильнее расходились их интересы.

— Как я мог жениться на этой девчонке? — удивленно пожимал плечами Драницин, щурил близорукие глаза и, безвольно махнув рукой, садился за книгу.

В лаборатории на стене приколотая кнопкой висела запыленная фотографическая карточка. На фоне дымчатого дворца, колонн и якобы залива, уходящего вдаль, неестественно вытянувшись, сидело несколько мужчин в новеньких, неуклюжих костюмах и три женщины. Одна из них, почти подросток, глядела немного вбок, на груди у нее комично топорщился пионерский галстук. На паспарту вилась надпись: «Первая бригада Ванновского завода».

Драницин частенько взглядывал на фотографию, и когда взор его останавливался на лице девушки, глаза теплели и углы губ расходились в улыбке. Маленькая пионервожатая Таня как-то необычно и крепко вошла в его жизнь. Они стали большими друзьями. Она работала в его цехе, и когда Драницин уезжал, ему казалось, что он расстается с кем-то близким. Как-то через год его вызвали к телефону. Он узнал Танин голос. Они условились встретиться. Вечером, сидя в кафе, он слушал, как Таня, обжигаясь горячим кофе и пачкая пальцы в сливочном пирожном, рассказывала, что приехала учиться, что ее уже приняли на химфак, что она будет работать пионервожатой, что ей «ой как понравилась» картина «Процесс о трех миллионах».

Драницин молча улыбался. С тех пор они изредка встречались то в кино, то в театре, то в сквере.

В эти редкие встречи Драницину было как-то и хорошо и грустно, потому-то так тепло светились глаза, когда он смотрел на запыленную фотографию. А теперь Таня уехала в Москву — ее вуз перевели, и лишь изредка приходили короткие, наспех написанные письма.

Время в лаборатории шло незаметно. Стрелка часов показывала около четырех. Инженер встал и потянулся. В мозгу еще копошились обрывки формул и мыслей. Приятная усталость томила тело.

— Хорошо поработал, — пробормотал Драницин, выключая свет. — Хорошо.

Он на цыпочках прошел в столовую, нащупал в буфете кусок хлеба,

отыскал колбасу, стоя поел и, выпив стакан воды, вернулся в кабинет. Постелил на диване постель и стал раздеваться.

В это время на столе осторожно зазвонил телефон.

— Фу, черт, — выругался инженер. Звонок в такое время был необычен. Шлепая босыми ногами, он подошел к столу и, зло взяв трубку, раздраженно спросил:

— Что надо?

В трубке пророкотало:

— Инженер Драницин?

Инженер узнал голос человека в сером пальто. Вечерняя встреча, почти забытая за работой, встала опять и неожиданно взволновала.

— Прошу окончательного ответа, — дребезжала трубка, — рекомендую согласиться...

— Подите вы к черту, — крикнул инженер, бросая трубку. — Странно, — говорил он сам с собой, сидя на диване и докуривая папиросу. — Странно. У меня как-то даже до сознания еще не дошло сегодняшнее приключение.

Это было обычно. В мозг, думавший всегда об одном, с трудом входили новые мысли, и только теперь после телефонного звонка инженеру было как-то не по себе. Билось учащенно сердце и ломило виски.

Глава III

«Лорд Генри порывисто обнял ее гибкое, юное тело. Она трепетала. Он тоже, и в комнате раздался страстный поцелуй. — Ты моя, — прошептал Генри».

— Есть же такие люди, — воскликнула Женья и мечтательно перевернула страницу затрепанного романа.

В это время в прихожей задребезжал звонок, через минуту еще, на этот раз как-то особенно настойчиво. В квартире никого, кроме Жени, не было — все ушли на работу.

Загнув страницу, Женья побежала в прихожую.

— Кто там?

— Евгения Дмитриевна Драницина здесь живет? — слышался ребячий голос.

Женя приоткрыла дверь, предусмотрительно не сняв цепочки. Перед ней стоял беспризорник. Из-под огромного картуза хитровато смотрели плутовские глазенки и нос пуговкой.

— Вам, тетя, письмо, — и он вытащил из-за пазухи узенький изящный конверт. Женя улыбнулась: и конверт и почерк были знакомыми.

— Спасибо, малыш, — сказала она и сунула мальчугану конфету. — Ответа не надо?

— Нет, тетя, — и мальчуган, сунув конфету в широкие драные штаны, неожиданно лихо свистнул, сел на перила и победоносно съехал вниз. Женя улыбнулась и заперла дверь.

— Милый, милый, — напевала она, — это от него.

Гибкие пальчики надорвали конверт и на диван выпала крошечная записка.

Женя радостно улыбнулась.

— Котик, купи ты мне из соболя мантию, — напевала она, пудря нос и крася губы.

Котик был рослый мужчина лет тридцати с безукоризненным пробором; он ходил в сером заграничном костюме, в ботинках джимми, в мягкой шляпе, и его всегда окружал еле уловимый аромат тонких духов, дорогих папирос и сытого комфорта. Связь была в меру поэтична и очень удобна.

Женя одевалась долго. Наконец она вышла, по привычке оглянувшись, и быстро пошла к трамвайной остановке. Человек в сером пальто, с лицом словно из фарфора и с длинными, точно приклеенными усами стоял у витрины магазинам искоса смотрел на подъезд квартиры Драницина. Когда Женя вышла, он криво улыбнулся и, лениво сунув руки в карманы, пошел в переулок.

Навстречу ему шли два оборвыша.

— Можно, — еле слышно уронил человек в сером пальто, проходя мимо.

— Идем, — толкнул оборванец своего товарища и, слегка пошатываясь, они вошли во двор дома, где жил Драницин.

Женя приехала в сквер. Маленькие часики показывали без пяти двенадцать. Наморщив носик, она осмотрела условленное место. Там никого не было.

— Противный, — прошептала она. — Так я же его помучаю.

Она решила погулять и прийти через двадцать минут, но и через двадцать минут Котика не было. На скамейке, обнявшись, сидела пара. Мужчина неприязненно взглянул на Женю.

То же повторилось через десять минут и еще через пять.

Когда разгневанная Женя в третий раз проходила мимо пары, мужчина злобно посмотрел ей вслед и до ее слуха донеслось:

— Ходят тут разные, посидеть не дают.

Через минуту Женя нервничала у телефона.

— Позовите мне Горецкого.

— Я у телефона.

— Так-то вы поступаете, что это за глупые шутки, — кричала она в трубку.

Голос в телефоне растерянно оправдывался.

— К чему эти идиотские записки, — истерически выкрикивала Женя.

— Какая записка?

— Ваша. Ваша!

— Ничего не понимаю.

Горецкий уверял, что это какое-то недоразумение, обещал сегодня же заехать.

Женя успокоилась, бегло взглянув на свое отражение в стекле телефонной будки, поправила шляпку и вышла на улицу. Вдруг ей стало не по себе. Какая-то смутная догадка и непонятная тревога защемили сердце. Она села в трамвай и поехала домой.

Вот и дом.

Взбежав по лестнице, Женя машинально дернула дверь и обмерла. Дверь была открыта и из прихожей выглянул милиционер в каске.

— Что вам надо? — пролепетала Женья.

— Проходите, проходите, Евгения Андреевна, — засуетился выбежавший из коридора сосед Сидор Трифонович, — не бойтесь. — Женья вошла.

— Всегда я говорил, душа моя, что квартиру нельзя оставлять без надзора, — взволнованно ораторствовал Сидор Трифонович. — И что вам стоит посидеть дома, пока Груша из отпуска приедет. Так нет. Что вы, как можно. И вот теперь полюбуйте. — Он широким жестом пригласил Женью на кухню. Ничего не понимая, она пошла за ним. Дверь черного хода была открыта настежь. Замок вместе с куском дерева был вырезан и вынут; цепочка снята.

— Хорошо, что я декадную сводку дома забыл. А директор требует и кипятится, ну я и поехал. Прихожу и слышу, знаете ли, какой-то подозрительный скрип на кухне. Я к двери. Слышу кто-то пробует американку открыть. Я как крикну: кто там — стрелять буду! И сразу же по лестнице топот. Открыл — и вот... — Сидор Трифонович театрально показал на дверь.

— Всегда я говорил...

Милиционер, составив протокол, удалился.

Женья, взволнованная всем происшедшим, ушла в свою комнату и вызвала мужа домой.

Через час встревоженный Драницин слушал несвязный рассказ вперемежку со слезами, всхлипываниями и упреками.

— Меня могут убить, — почти выкрикивала Женья, — я беззащитна. Я не могу больше жить в этой ужасной квартире. Это вы виноваты... Вы... Вы.

Попытка ограбления взволновала и его. Он догадывался, что это не простой налет на квартиру. Ему почему-то казалось, что вчерашние угрозы, к которым он отнесся так легко, претворятся в жизнь.

Отправив жену в магазин, Драницин сообщил в трест, что не придет на работу, и, шагая по кабинету, обдумывал, как же ему поступить. Было ясно, что люди, идущие на ограбление среди бела дня, не остановятся ни перед чем,

чтобы вырвать изобретение. В глубоком раздумье он прошел в лабораторию.

Вынув из ящика стола тетрадь, испещренную чертежами и таблицами, Драницин отыскал листок, на котором была написана решающая формула, составляющая основу изобретения. Зажмурив глаза, он мысленно повторил ее, потом вырвал листок и сжег его на пепельнице. Когда пламя погасло и черный сморщенный листочек, слегка потрескивая, клонился набок, Драницин осторожно сдул пепел в печь. Подумал немного, потом бросил в топку тетрадь.

«Когда надо — восстанавливаю», — подумал он. Чиркнула спичка, и пламя ярко охватило бумагу. Ему стало легче. Оставалась модель, но разобрать принципы ее устройства без знания формулы было трудно.

— Что же делать? — спросил сам себя инженер. — Надо пойти и сообщить об открытии. Но кому?

Постояв немного в раздумье, он хлопнул ладонями по голове. Ну, конечно же, надо идти к секретарю крайкома. Мелькнуло сомнение — поди, попасть трудно. «Ну ничего, я ему письмо напишу — примет».

Инженер присел к столу, сдвинул в сторону грудку книг и перо быстро забегало по бумаге.

«Тов. Бойкевич,

настоятельно прошу Вас немедленно принять меня. Дело касается сделанного мною изобретения.

Инженер Драницин.

19 августа 1925 г.»

Подумал, наморщил лоб и приписал:

«П. С. Служу в химтресте замглавного инженера.

Д.»

Запечатав письмо, позвонил в крайком. Ему сообщили, что прием у секретаря с двенадцати до двух. Инженер успокоенно положил трубку, взял какую-то книгу и растянулся на диване.

А в это время в захудалой пивной на окраине города за столиком сидел человек с лицом словно из фарфора, с длинными, точно приклеенными, черными усами. Перед ним, смущенно опустив глаза в пивные кружки, моргали два оборванца.

— Ничего, — успокаивал человек, — не отчаивайтесь. Вы мне еще будете нужны. Если справитесь с тем, что я вам поручу — получите все целиком.

Оставив на столике несколько червонцев, человек вышел на улицу, взглянул на часы, подумал и, завернув в переулок, направился к маленькому скверiku.

В скверике было пусто. Ветер нес желтую трухлявую листву. Пахло осенью, сыростью и гнилью. Человек в сером пальто сел на скамью, закурил и задумчиво смотрел вдоль дорожки. По аллее шла высокая девушка в черном потертом пальто. Человек встал и сделал два шага навстречу.

Поздоровались. Сели.

— Что нового? — сухо по-деловому спросил он. Девушка нервно теребила несвежий платок. Была она бледна и как будто растеряна.

— Что нового? — повторил человек в сером пальто, нетерпеливо отбрасывая докуренную папиросу.

— Номер шестьдесят два звонил в крайком, — растерянно прошептала девушка.

— В крайком? — вздрогнул человек. — Зачем?

— Спрашивал о часах приема. Прием с двенадцати до двух.

Человек в сером пальто задумался. Качались деревья. Ветер нес трухлявую листву, пахло сыростью.

Так прошла минута. Другая.

— Семен Семенович, мне нужны деньги, — прошептала девушка.

— Что? — Но не дождавись ответа, вынул из кармана пять червонцев и передал ей.

— Завтра от двенадцати до двух будьте обязательно у провода крайкома. Слышите, обязательно.

Голос звучал сухо и повелительно.

— Жду вас в четыре часа здесь. Слышите?

— Слышу.

Девушка хотела было встать. Помедлила отчего-то и еле слышно сказала.

— Я боюсь.

— Чепуха, — резко бросил человек в сером пальто. — Бояться нечего. За завтрашнюю информацию получите сто. Кстати, зайдите в пассаж, есть стоящие вещи. Итак, до завтра.

Глава IV ИНЖЕНЕР СИДИТ В КРАЙКОМЕ

Драницин встал поздно. Накануне он долго сидел в лаборатории. Делал последние опыты и заснул только под утро. На службу не пошел. В ответ на звонок из треста сказал, что нездоровится.

Женя дулась и сразу же после чая куда-то ушла. Инженер прошел в лабораторию, достал плоский стандартный чемоданчик, сунул в карман чемодана маленькую записную книжку, осторожно уложил модель и, весело мурлыкая что-то под нос, вышел на улицу.

«Такси разве взять», — подумал он.

Подошел к стоянке.

— Свободен?

— Вполне, — улыбнулся шофер. — Садитесь, мигом довезу.

Инженер взялся за ручку дверцы, но вдруг смущенно покраснел и, прошептав что-то нечленораздельное, быстро отошел от такси.

— Досада какая, бумажник забыл, — бормотал он.

Шофер зло скривил рот — сорвалось.

— А ты, видно, приятель, в первый раз, — подошел к нему шофер с только что подъехавшего «форда».

Шофер не ответил, взглянул надменно сверху вниз и сердито рванул рычаг.

Машина вздрогнула и быстро понеслась вдоль улицы.

— Да ведь и номер-то у ней не наш, — изумился шофер.
— Тут что-то странно.

А инженер тем временем быстро шел по улице.

Чтобы дойти до здания крайкома, надо было пройти по большой людной улице, пересечь один переулок и выйти на главный проспект.

В переулке было тихо. Около одного из домов стояла машина, где-то плакал ребенок.

Неожиданно из-за угла вышли два пьяных оборванца. Они шли пошатываясь, поддерживая друг друга и горланили:

За кирпичики по-о-любила-а я этот завод...-а

— Эх и развезло, — подумал инженер. Поравнявшись с Дранициным, один из оборванцев неожиданно упал ему под ноги. Инженер пошатнулся, инстинктивно схватил обеими руками чемодан и повалился на асфальт. В то же мгновение он почувствовал, что у него выхватили чемодан. В руке осталась боль.

Драницин приподнялся, машинально поправляя сбитую на затылок шляпу.

Оборванец с чемоданом в руках бежал наискось к дому, возле которого стояла машина. Второй оборванец исчез.

— Помогите, — кричал инженер, все еще сидя на тротуаре. — Помогите!

Милиционер Семен Кнопка в этот час выходил на дежурство. Подтягивая ремень и на ходу надевая перчатки, он уверенно и солидно шагнул через арку ворот к переулку.

Вдруг его ухо уловило крик. Мигом забыв о солидности, Кнопка выскочил на улицу, машинально расстегивая кобур.

Глаза его быстро охватили поле действия. На тротуаре сидел человек. Он кричал «Помогите!»

Оборванец с чемоданом подбегал к дому, где стоял автомобиль. Кнопка вытащил револьвер и зычно крикнул:

— Стой, сукин сын, стрелять буду!

Оборванец, не обращая внимания, бежал к автомобилю. Кнопка целился в руку, державшую чемодан.

— Стреляю! — крикнул он.

— Ну и стреляй, — выругался оборванец.

Грянул выстрел. Ндаром Кнопка на стрелковом соревновании взял первую премию.

Оборванец охнул, чемодан вывалился из рук. Кнопка подскочил, схватил одной рукой чемодан, продолжая целиться в оборванца.

— Руки вверх, — орал он, — я тебе покажу, как посередь дня шухер устраивать.

Оборванец покорно поднял руки. Кровь густо бежала по рукаву и тяжелыми каплями шлепалась на булыжник. Шофер с любопытством смотрел на происшествие, высунув голову из кабины.

По улице уже бежал народ.

— Товарищ милиционер, это мой чемодан, — раздался около Кнопки голос. — Ей-богу мой.

Кнопка повернулся, и перед ним возникло растерянное, запачканное пылью лицо инженера.

И в то же время сердито рывкнула машина и быстро пролетела мимо.

Кнопка обернулся — оборванца не было.

— Где есть грабитель? — спросил Кнопка.

— А он, дяденька, в машину запрыгнул, — услужливо проговорил босоногий мальчуган.

— Упустили, — съехидничал желчный сухопарый гражданин, поводя длинным носом, — известно, милиция.

— Гражданин милиционер, — снова раздался голос, — отдайте чемодан, мой это. — Кнопка сердито повел глазами в сторону говорившего.

— Каки таки доказательства можете представить, что этот чемодан ваш? — Он был озлоблен, инженер казался ему главным виновником того, что он упустил грабителя.

Публика довольно загоготала.

— На чемодане под ручкой есть пластинка с буквами СВД, — сказал инженер.

— А вот посмотрим, — угрожающе промолвил Кнопка и наклонил к чемодану рябую физиономию.

— Точно так, есть, — сказал он разочарованно, — а только, гражданин, может, вы вместе грабили и прочесть успели, — высказал он свои подозрения.

Инженер растерянно оглянулся.

— Так вот же паспорт мой. Я же и есть СВД: Сергей Васильевич Драницин. Это же мои инициалы.

Кнопка, шевеля губами, просмотрел серенькую книжку, отыскал фотографию и долго сравнивал инженера с изображением на дешевой пятиминутке.

— Сходственно будто, только здесь ровно помоложе, — ткнул он пальцем в фотографию. Инженер усмехнулся.

— Ну, ладно, — решил милиционер, — чемодан берите. Адрес я ваш запишу, а завтра вызовем для допроса.

Инженер взял чемодан и, озираясь по сторонам, быстро зашагал к главному проспекту.

Публика нехотя расходилась, комментируя события.

Вот наконец и здание крайкома.

Инженер толкнул тяжелую дверь и очутился в огромном вестибюле. Крайком помещался вверх. Драницин медленно поднимался по лестнице, устланной толстой дорожкой.

Вот и площадь, и бланк — третий этаж.

— Вам куда? — остановил инженера комендант. — Предъявите партбилет.

— Да я же беспартийный.

— Тогда паспорт, — мягко улыбнулся комендант.

Бегло просмотрев документ, он вернул его со словами:

— Пройдите в двадцать девятую комнату.

Инженер шел по узкому коридору.

Вот и двадцать девятая. Это была большая приемная с огромными окнами на улицу. За желтым стандартным столом сидел молодой человек в толстовке, очевидно, помощник, тут же на стульях примостились трое мужчин с портфелями.

— Секретарь принимает? — спросил Драницин.

— Принимает, — ответил помощник. — А вы по какому делу?

— По личному, — буркнул инженер, — фамилия моя Драницин, работаю в химтресте.

Помощник недоуменно пожал плечами, но записал. Драницин сел и погрузился в раздумье.

— Товарищ Бойкевич принять вас сегодня не может, — тихо сказал инженеру помощник.

Драницин растерялся — в последний момент все ломалось.

В приемной было тихо и слышно было только мерное тиканье маятника да скрипучий голос человека с унылой физиономией.

Драницин вспомнил о письме.

Он вынул конверт и передал его помощнику:

— Отдайте Бойкевичу, — сказал он тоном, не допускающим возражения. Помощник снова пожал плечами и ушел в кабинет. Через минуту оттуда, оживленно о чем-то разговаривая, вышли два человека. Следом за ними показался помощник. Он подошел к двум мужчинам и сказал:

— Товарищ Бойкевич очень извиняется, но принять вас сегодня не сможет. Приходите завтра ровно в час.

Человек с унылой физиономией весь как-то просиял и, запихав бумаги в портфель, вышел из приемной так быстро, словно боялся что вот-вот его вернут. За ним ушел и другой ожидавший.

— Пройдите, — обратился помощник к Драницину.

Инженер вошел.

Глава V У СЕКРЕТАРЯ КРАЙКОМА

В огромной комнате стоял письменный стол, к нему примкнут был другой под красным сукном — видимо, для заседаний. У стены громоздился большой кожаный диван. Возле окна небольшая вертушка с книгами. На стене портреты. У стола, заложив руки в карманы расстегнутого пи-

джака и читая какую-то бумагу, стоял человек с коротко остриженной головой. Из-за пиджака виднелся ворот косоворотки, застегнутой на одну пуговицу.

Сергей Васильевич подошел к столу, протянул руку и отрекомендовался.

— Драницин, инженер химтреста.

— Здравствуйте, — сказал секретарь. Рука у него была большая с сильными длинными пальцами. — Садитесь, — и он показал на стул.

Инженер сел.

— Я вас немного знаю, — продолжал секретарь, плотно усаживаясь в кресле и закуривая папироску.

— Я вас тоже, — промолвил Драницин и вдруг густо покраснел, почувствовав, что сказал невпопад.

Секретарь чуть усмехнулся и, подвигая портсигар, полуспросил, полупредложил:

— Курите.

Инженер взял папиросу. Знакомый дым «Блюминга» действовал успокаивающе. То что секретарь курит именно «Блюминг», почему-то особенно понравилось инженеру и он как-то тепло взглянул на сидящего перед ним человека.

— Вы пишете о каком-то изобретении, — медленно промолвил секретарь, с наслаждением вдыхая дым папиросы.

— Да, — ответил Драницин. — Вы склонны, наверное, рассматривать меня как маньяка. Ведь вас, поди, осаждают десятки людей, предлагающих свои изобретения. Но, поверьте, то, что я буду говорить, точно проверено и испытано. — Инженер помолчал и переложил чемоданчик с колен на стол.

— Вот здесь модель моего изобретения.

Секретарь слушал внимательно, слегка наклонив голову набок.

— Вы, конечно, слышали о проблеме икс-лучей, о лучах, дающих возможность действовать разрушающе на огромные расстояния без проводов.

Секретарь утвердительно кивнул головой.

Инженер положил окурок в пепельницу и сказал:

— Так вот, эти лучи я и открыл.

Сказано это было просто, буднично, словно человек говорил о чем-то обычном. В высокопотолочной комнате таилась тишина, слышно было, как тикали часы да где-то далеко по коридору приглушенно вздрагивал телефонный звонок.

Секретарь оживился.

— Вы открыли?

— Да, я открыл, — промолвил инженер, — я давно работаю над этим вопросом. Много было неудач. А потом оказалось, что все это проще, чем я думал. Знаете, мы часто усложнять простое любим, — как-то застенчиво улыбнулся он. — У меня приготовлена модель. Вот она. Взгляните.

Он привстал и открыл чемоданчик. Внутри на черной обивке, тускло поблескивая медью и никелем, лежал небольшой изящный аппарат.

Секретарь встал и с любопытством глядел на модель.

— Хотите опыт проделать? — продолжал оживленно инженер. — Только знаете что, давайте закроем двери, а то еще войдет кто-нибудь. Помешает, неудобно.

Говорил он просто, словно были они давно знакомы.

— Давайте, — согласился секретарь. Подойдя к двери и приоткрыв ее, он сказал помощнику:

— Я занят, никого не впускайте.

Затем он повернул дважды ключ.

Инженер уже вынул модель, она стояла на столе.

— Скажите, — спросил он секретаря, — вам эту безделушку не жаль? — И он указал на тяжелый бронзовый подсвечник на толстой витой ножке, одиноко стоящий у письменного прибора.

— Да нет, не жаль, — усмехнулся секретарь. — Я и сам не знаю, зачем он тут стоит.

— Ну и прекрасно, — обрадовался инженер. — Знаете что, тащите-ка его вон туда в угол и поставьте на несгораемый шкаф, а я тут прибор налажу.

— Идет, — согласился секретарь. Ему нравился дружеский тон инженера.

— Ну-с, теперь все в порядке. Наведем фокус, определим масштаб, поймем отражение и будем действовать. Взгляните-ка.

Секретарь наклонился над прибором. В маленьком зеркальце он отчетливо увидел отражение подсвечника, хотя зеркало было повернуто к несгораемому шкафу тыльной стороной.

— Смотрите туда, — властно сказал инженер, показывая на несгораемый шкаф, — Включаю.

Секретарь внимательно смотрел на подсвечник. Ему вдруг все это показалось нелепой мистификацией и он был почти недоволен собой. Но вдруг он отчетливо увидел, как высокий подсвечник покачнулся, верхняя часть его, словно срезанная бритвой, отвалилась, звонко ударилась о ребро шкафа и гулко упала на пол.

— Видите! — почти вскричал инженер. — Ну как?

— Да-а-а... — произнес секретарь.

— Это модель, радиус ее действия не велик, только сто километров. Но в принципе задача решена. Я гарантирую

постройку аппарата с радиусом действия в десять, пятьдесят, сто тысяч километров.

— Но каков принцип? — спросил секретарь.

Инженер объяснил сжато и дельно.

— И никто об этом изобретении не знает? — спросил секретарь.

— Никто... — и сразу осекся, вспомнив позавчерашнюю встречу. — Простите, ошибся. Вот тут-то и начинается самое интересное, почему я, собственно, и решил обратиться к вам.

Инженер подробно рассказал о встрече с незнакомцем и нападениях.

— Станный вы человек, товарищ Драницин, — мягко говорил секретарь и в голосе его слышались нотки упрека. — Ведь не маленький. Большой специалист и над такой штукой дома работаете. Еще хорошо, что уцелели. Не особенно, должно быть, умны эти люди, хотя черт их знает, может, они только что узнали и торопились действовать. Но что же нам теперь делать?

— Не знаю, — немного смущенно пробормотал инженер.

Секретарь на минуту задумался.

— Скажите, у вас все это записано?

Инженер вспомнил о сожженных листах, густо покраснел и сказал:

— Нет, есть только часть... история открытия, а формул и расчетов нет. Все в памяти и чтобы восстановить, надо поработать.

— Так вот что, — продолжал секретарь. — Вас надо немедленно отправить в Москву.

— В Москву?

— Да, и не одного, а под охраной и только, слышите, чтобы об этом никто не знал. Те, кто за вами следит, очевидно, не остановятся ни перед чем. Вы должны исчезнуть. А как это сделать технически, мы сейчас решим.

Он взял трубку телефона, вызвал какой-то номер.

— Приезжайте, да, да, немедленно, очень важно. Да, да. Жду.

Минут через десять в дверь кабинета постучали. Секретарь открыл. В комнату вошел военный в гимнастерке, на воротничке поблескивали четыре ромба.

— Познакомьтесь.

Секретарь рассказал. Стали советоваться. Разработали план.

Военный позвонил на вокзал.

— Оставьте два билета до Москвы. Да, да в люксе. Есть? Вагон номер два второе купе? Хорошо. Благодарю вас.

Потом звонил куда-то еще.

— Пошлите Шедова. Конечно, в полной готовности. Номер? Номер пятьдесят шестой, — сказал он, взглядывая внимательно на инженера, точно меряя его глазами.

Через некоторое время в комнате появился новый человек с объемистым портфелем.

— Вам придется переодеться, — сказал военный инженеру.

Драницин растерянно взглянул на секретаря, тот улыбался.

— Надо, ничего не поделаешь. Сами видите, какое дело.

Вместе с вновь пришедшим вошли в соседнюю комнату. Портфель незнакомца оказался неистощимым. С ловкостью фокусника он вытащил из него костюм, тонкий прорезиненный плащ и даже шляпу.

— Ботинки здесь, — сказал он, — Теперь все. Да вот и зеркало, и краска. Вам надо усы сбрить.

Инженер сконфуженно моргал. Он плохо отдавал себе отчет в происходящем. Но в ушах звучали ободряющие слова: — Ничего не поделаешь, товарищ Драницин, надо.

Весело кипела вода и минут через пять на инженера из маленького зеркальца смотрело чужое, странно помолодевшее лицо. Не успел инженер оглянуться, как его волосы окрасились в черный цвет. Человек вынул из кармана футляр с роговыми очками и передал их Драницину.

— Теперь переоденьтесь.

Инженер, стесняясь, сбросил с себя одежду и начал надевать новое платье. Долго возился с запонками. Пальцы не слушались. Волновался. Не ладилось с галстуком.

Наконец оделся. Взял в руки плащ и шляпу, обернулся и ахнул. Перед ним стоял он сам, но не теперешний, а тот, каким был полчаса назад. Те же усы и волосы.

— Ну как? — справлялся двойник. — Скажите-ка фразу какую-нибудь. Мне ваш выговор поймать надо.

Инженер что-то сказал. Говорил он слегка картавя. «Р» звучало у него мягко.

Двойник повторил в точности.

— Ну, идемте, — взял он Драницина под руку. Вместе вошли в кабинет.

— Браво, браво, — вскричал военный. Секретарь удовлетворенно осмотрел вошедшую пару.

— Теперь дайте мне ваш чемоданчик, — попросил двойник.

— Нет, нет, а как же модель? Он внутри специально устроен для нее.

Осмотрели чемоданчик. Он был обычный, стандартный. Послали в магазин купить такой же и заодно чехол для чемодана Драницина.

Уже вечерело.

— Так вот, — говорил военный. — Вы выйдете, на углу будет стоять такси номер двадцать шесть-двадцать два. Повторите.

— Двадцать шесть-двадцать два, — покорно повторил инженер.

— Вы спросите: «Свободен товарищ Эрель?». Вам ответят: «Свободен, но только для вас». Вы сядете. В такси уже будет сидеть человек, пусть вас это не смущает. Все остальное расскажет и сделает он. Не забудьте. Повторите.

Инженер повторил.

Военный обратился к двойнику.

— А вы пойдете к дому инженера. Ваша задача поймать тех, кто за ним охотится. За вами будут идти агенты.

— Не беспокойтесь, — улыбнулся двойник уверенно.

— А как... жена, — вспомнил инженер.

— Не беспокойтесь. Вы желаете, чтобы она выехала за вами?

Инженер растерялся.

— Да... нет... — пробормотал он. — Да вот я ей доверенность напишу... на зарплату.

Секретарь незаметно улыбнулся и быстро переглянулся с военным. Инженер поймал взгляд. «Понимают», — подумал он, и ему стало больно и нехорошо и в памяти всплыл образ девушки с каштановыми волосами. Она в Москве. Как ее адрес? Варварка, а дальше?

— Да, пожалуйста, — обратился он к двойнику. — У меня в боковом кармане открытка есть, там адрес один записан московский. Дайте, пожалуйста.

Двойник подал открытку. Драницин мельком прочел ее. «Москва. Варварка 18, кв. 4, Т. Д. Виночкиной». Сегодня он хотел отправить ее, но не успел. Написал только адрес. Машинально сунул открытку в боковой карман.

— Ну, вам пора, — сказал военный, взглянув на часы. — Поезд уходит через час десять. Двойник ваш уже ушел.

Драницин крепко пожал руки военному и секретарю и вышел. Его провели на улицу другим ходом.

Все было так, как они условились, и через десять минут такси быстро мчалось к вокзалу. Человек, сидевший с Дранициным, сказал только четыре слова: «Следуйте всюду за мной».

Большие вокзальные часы показывали двадцать минут пятого. Поезд уходил в пять.

Глава VI УЗЕЛ ЗАТЯГИВАЕТСЯ

Человек в сером пальто сидел в сквере. Было свежо, и он зябко ежился. Опять, как и вчера, показалась девушка. И снова его голос был сух и властен. Волнение нездоровыми пятнами красило ее лицо.

— Вы опоздали, — говорил человек, — уже половина шестого.

Она попыталась что-то сказать, оправдываться. Он оборвал ее грубо:

— Что нового?

— Из крайкома звонили, заказали в Москву два билета.

— И все... А какой поезд?

— Люкс, второй вагон, второе купе, — прошептала девушка и вдруг истерически всхлипнула.

— Я больше не буду, Семен Семенович, я не могу, слышите, не могу. Ведь это же нечестно.

— Поздно догадались, — жестко сказал человек, подымаясь. — Впрочем, я вас освобождаю от этих обязанностей. Я уезжаю. Вот ваши деньги. Прощайте.

Васька Клещ, задыхаясь, бежал переулками. Вдали замирала погоня. Позади остались: скандал на улице, тревожные свистки, бегущие милиционеры, люди, мчавшиеся к месту происшествия, притихшая толпа и женщина в сбившейся на бок шляпе. Она кричала истерически:

— Это он, он его сбил, он на меня чуть не наехал, — и она показывала на огромный темный автомобиль с потухшими фонарями, сиротливо стоявший около. Милиционер открыл дверцу кабины и хотел сказать шоферу «Выходи», но так и остался с открытым ртом. Автомобиль был пуст.

— Кто шофер? — крикнул он в толпу.

Все молчали.

Хотел записать номер, но номера не было.

Тем временем Васька Клещ миновал два забора, проходной двор. Наконец безопасность. Васька остановился, стер пот и, важно размахивая чемоданом, пошел медленно.

— Вот Семен Семенович обрадуется, отвалит теперь сармаку^{*)}, гуляй Васька Клещ.

Свидание было назначено в подвале.

Васька осторожно оглянулся и нырнул в черную дверь. Наощупь пробирался, обходя кучи мусора и кирпичей. В

^{*)} Сармак - деньги, кошелек с деньгами (воровской жаргон).

середине подвала была глухая комната без окон. В ней чуть брезжил свет. Васька вошел, на столе стоял фонарь, скупо освещая стол и темную фигуру. Ваське стало почему-то страшно.

— Семен Семенович, — окликнул он, — Семен Семенович.

Фигура оставалась неподвижной.

— Семен Семенович, да это же я, я, Васька Клещ.

Человек за столом словно очнулся от тяжелого сна и, схватив Ваську за руку, спросил:

— Ну как?

Это было настолько неожиданно, что Васька даже вздрогнул.

— Вот он. — С гордостью, осторожно, точно хрупкую драгоценность положил на стол чемодан.

Семен Семенович дрожащими руками потянулся к чемодану.

— Ша, — неожиданно резко пробасил Васька. — Руки прочь от чемодана, Семен Семенович, не куплено — не взято. Деньги вперед и сполна.

— Сколько?

— Как условлено было, пятьсот.

Человек поежился, достал бумажник, вынул аккуратно связанную пачку червонцев и бросил их на стол.

— Здесь пятьсот, можешь не считать.

— Зачем же, — невозмутимо промолвил Васька, — деньги счет любят.

Навалившись на чемодан грудью, мусоля пальцы, он считал долго, с чувством.

— Да скорей ты, — не вытерпел человек в сером пальто.

— Но-но, со счету не сбивай, — огрызнулся Васька.

Кончил, отвалился от чемодана.

— Правильно. Бери.

Человек осторожно взял чемодан, открыл застёжки, но крышка не открывалась. Она была на замке.

— О черт, — выругался человек.

— Я его мигом открою, — успокоил Васька. Он достал

гвоздь, ковырнул в замке, и тотчас же язычок замка щелкнул и прыгнул вверх. Человек в сером пальто отстранил Ваську и быстро откинул крышку. Крик похожий на стон вырвался из его груди. Чемодан был почти пуст. Кипа старых газет, брюки, пара полустоптанных ботинок, старый пиджак и сломанный надвое тяжелый бронзовый подсвечник. Вот и все, что лежало в нем. Васька Клещ в один момент нырнул во тьму и пошел по улице с твердой решимостью не возвращаться больше в подвал.

Человек в сером пальто сидел неподвижно, подняв воротник. Вдруг он резко встал.

— Ах, я дурак. Так оно и должно было быть. Это был не Драницин. Надо действовать.

Он швырнул в угол чемодан и тщательно забросал его мусором, нахлобучил кепку и зашагал к телеграфу.

Глава VII СТАНЦИЯ ГРАДОВСК

В эту ночь в вокзал станции Градовск вошли двое военных в черных кожаных пальто. Носильщик нес следом два желтых чемодана.

— Николай, ты подожди, а я пройду к начальству, — проговорил высокий военный в очках. Когда он распахнул пальто, все увидели орден Красного Знамени на груди.

— Иди, — ответил второй, крепкий коротыш, доставая из портсигара толстую папиросу, — только поскорей.

Около кассы вилась очередь. Женщины в шляпах, едущие на курорт, солидные хозяйственники с портфелями, набитыми контрольными цифрами. Желчный кооператор, шестой день безрезультатно отправляющий свою семью в Москву. Окошечко было закрыто, и публика с нетерпением поглядывала на часы. Первая заметила двух военных Зиночка Телянина, жена старшего помощника второго заместителя заведывающего Окрзу.

— Видите, два внеочередных, — шепнула она соседке. — Шансы падают.

— Да уж будьте уверены, — раздраженно буркнул хозяйственник. — Эти иначе как в люксе — никуда.

Высокий подошел к двери с табличкой: «Начальник станции». Стукнул.

Из-за двери раздраженно прокричали:

— Нельзя.

Дернул дверь. Закрыто.

— Не пускают, — прошептала Зиночка. Но военный стукнул еще энергичней.

Звякнул замок. Дверь распахнулась.

— Я вам русс... — начал было полнокровный мужчина в путевой фуражке.

— Проходите, — устало оборвал он недоконченную фразу, увидев военного. — Не поверите — никакого покоя нет. На три свободных места тридцать три пассажира. И все грозят, ругают, жалуются. Да вы садитесь, — и начальник станции показал на стул.

— Вчера, знаете, до драки дошло. Жена заведующего Окрздравом с женой заместителя Окрвноторга из-за билетов дебош устроили. Стыд, срам. Кричат «мне», «мне». А в результате обе поезд пропустили.

— А я ведь тоже по этому же делу. Срочно нужно выехать в Москву.

— Броня есть? — вздохнул начальник.

— А вот удостоверение и телеграфный вызов.

— Сколько билетов?

— Два и, заметьте, вне всякой очереди. Вот вызов из Реввоенсовета.

— Тьфу, — вздохнул начальник станции. — У меня, понимаете, на этот «люкс восемьдесят два» все внеочередные. Ну да ладно, вас устрою.

— Мне бы желательно второй вагон.

— Этого не обещаю. Зайдите через полчаса. Поезд ожидается через сорок минут.

— Хорошо.

Пока шел этот разговор, в очереди царило невероятное оживление.

— Нет, я понимаю — на почтовый, на экспресс вне очереди, но почему на люкс, ведь это же невозможно, — кипятилась Зиночка. — Я всегда говорю своему Сергею, что транспорт работает ужасно.

— Пожалуй, не уедем, — испуганно вскинула глаза соседка и вторично уронила сумочку.

— А вы думаете — уедете, — желчно проскрипел ко-оператор. — Шиш на постном масле. Много захотели, с одного раза сесть. Я, знаете, шестые сутки дежурю. Спать разучился. Контрольные цифры с квартальными отчетами путаю. А вы — уе-е-дем.

Высокий военный вышел из кабинета.

— Ну как дела? — спросил коротыш.

— Прекрасно, — усмехнулся военный.

Коротыш оглянулся и приглушенно спросил:

— Никаких подозрений...

— Никаких. Обещал устроить.

— Сговариваются, — оживленно прошептала Зиночка, указывая пальцем на военных.

— Значит, выгорело.

Часы показывали пять минут пятого по московскому времени.

Высокий военный скрылся и через минуту вернулся, держа в руках билеты.

— Второй вагон, — торжествующе сказал он.

Коротыш довольно улыбнулся, но сразу же спрятал улыбку.

— А вдруг не соседнее купе.

— Там увидим, — бодро произнес высокий и громко крикнул:

— Носильщик!

У вокзала уже стоял состав, холодно поблескивая зеркальными стеклами международных вагонов.

Маленький японец в светлом костюме и мягких туфлях гулял по перрону. Иностранка в пижаме выглянула и скрылась. Проводник проверил билеты:

— Пожалуйста.

Прошли, расположились в двухместном купе. Захлопнув дверь, посмотрели друг на друга и беззвучно рассмеялись.

— Вот его фотография, — промолвил коротыш, — взгляни.

— Это бесполезно, — отмахнулся высокий. — Он едет загримированный. Хорошо, что Семен описал его приметы. Не забудь, он слегка картавит. Этого не загримируешь.

И снова тихо засмеялись.

— Выйдем. Надо знакомиться.

Инженер Драницин ехал в соседнем купе. Эти дни он жил словно в тумане. Все было необычайно, начиная с незнакомой бритой физиономии, кончая тем, что он, Сергей Васильевич Драницин, должен тайно ехать в Москву, что за него борются. От всего этого было и горько и, временами, как-то радостно. Вместе с ним ехал агент. Это был милейший человек. Он был в курсе всех дел и под вечер, разговорившись, не удержался и упрекнул Драницина.

— Экий вы индивидуалист, не пожелали идти в лабораторию. Вот видите, каша какая заварилась.

Инженер смущенно молчал.

Когда поезд отошел от Градовска, инженер пошел в вагон-ресторан.

Сел за столик. Неподалеку расположились двое военных: один высокий и в очках, на груди виднелся орден Красного Знамени, другой крепкий коротыш, равнодушно сосавший мундштук толстой папироски.

Инженер взял карту^{*)}, просмотрел ее и, окликнув официанта, сказал:

— Принесите, пожалуйста, пару котлет с горошком.

Он слегка картавил.

Высокий военный удовлетворенно усмехнулся и уронил еле слышно:

— Он.

Коротыш поднялся, ушел.

^{*)} Меню

Глава VIII

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ПЕРЕГОНЕ ГРАДОВСК—АНДРЕЕВКА

В вагоне номер два спят.

Но вот из купе выходит высокий военный, он без фуражки, в подтяжках, на ногах мягкие туфли.

— Скажите, когда мы будем на станции Андреевка, — спрашивает он, заглянув к проводнику.

Проводник вскакивает с койки, достает справочник, ищет станцию. Военный садится на койку и задумчиво пускает клубы дыма.

— Курите, — предлагает он проводнику.

Проводник не отказывается. Он с наслаждением затягивается дорогой папиросой.

— В Андреевке будем через два часа пятьдесят минут, — говорит он.

— Так, так — повторяет военный. — Спасибо, пойду спать. Вы меня, пожалуйста, в Андреевке разбудите. — Он встает и, шаркая туфлями, уходит.

Странно, почему у проводника кружится голова?

— Неужели заболел, — думает он, делая последнюю затяжку.

Однотонно стучат колеса. Проводник бессмысленно смотрит на фонарь, стоящий на столе. Фонарь качается и плывет, а вслед за ним плывет стена, раскачивается потолок. Он хочет встать и не может, руки и ноги не слушаются. В ушах звенит.

Однотонно стучат колеса.

Проводник тяжело валится на койку и засыпает глубоким нездоровым сном.

Приоткрывается дверь, высокий человек подкрадывается к койке, склоняется над спящим, окликает его. Проводник не слышит. Человек улыбается и шепчет: «Готов».

А в купе номер три коренастый коротыш, засучив рукава, с осторожностью, которую трудно предположить в этом человеке, занимается странным делом.

Небольшое сверло бесшумно сверлит стенку купе.

— Готово? — спрашивает высокий военный, закрывая за собой дверь.

Коротыш утвердительно кивает и достает из открытого чемодана небольшой баллон с резиновой трубкой. Трубку вставляется в отверстие. Открывается маленький эбонитовый кран. В купе слышен сладковатый запах хлороформа.

— Вставляй глубже, — шепчет высокий.

Через минуту баллон пуст.

Высокий небольшим сверлом дырявит стену. Один, два, десять отверстий. Каждое затыкается маленькой пробкой.

— Можно начинать, — шепчет коротыш.

— Через час десять минут — Андреевка, — отвечает высокий, глядя на часы. — Надо торопиться.

Маленькая пилка беззвучно режет стенку купе, соединяя чуть заметные отверстия сплошной линией. Зажав носы платками оба тяжело наваливаются на стенку, она скрипит и, качнувшись, с легким треском падает. Высокий военный пролезает в соседнее купе. На верхней койке, широко раскинув руки, лежит агент, а внизу, укрывшись с головой одеялом, тяжелым нездоровым сном спит Драницин. Коротыш открывает окно. Приторный запах хлороформа уплывает на улицу. Высокий военный достает из кармана две веревки. Быстро связывает агента. А коротыш тем временем обыскивает чемоданы.

— Есть, — шепчет он, — вот она.

Оба смотрят на небольшой стандартный чемодан. Под ручкой металлическая пластинка с надписью СВД, а внутри на темной обивке, тускло поблескивая медью и никелем деталей, лежит странной конструкции аппарат.

— Это она, — торжествующе роняет высокий.

А коротыш, скользнув взглядом по дивану, видит, что в углу лежат карманные часы. Осторожно оглядываясь на высокого, он быстро берет их.

В это время высокий оборачивается.

— Ты что, — приглушенно говорит он. — Опять за старое. Разве не помнишь условие — ничего не брать, кроме чемодана.

— Да я... — растерянно говорит коротыш.

Высокий резко ударяет по руке своего компаньона. Часы падают.

— Так-то лучше, — говорит высокий, — собирайся. Осталось двадцать минут. — Коротыш, виновато улыбаясь, закрывает чемодан, обвязывает его ремнем. Ни он, ни высокий не заметили, что часы упали внутрь чемодана.

Поезд шел медленно. Был подъем.

Высокий наклонился к окну и, не открывая занавески, в щелку вглядывался в ночную тьму. Казалось, он чего-то ждал, к чему-то прислушивался. Вдали неожиданно мелькнули две огненные точки и погасли.

— Здесь, — прошептал высокий. — Слушай.

Оба прильнули к занавескам.

Где-то впереди раздался глухой взрыв.

— Петарды, — вздрогнул машинист и рука повернула рычаг тормоза. Состав качнулся. Паровоз еще тащился по инерции. С каждым оборотом все медленнее вертелись колеса.

— Вот чертовы дети, — выругался машинист, спрыгивая на землю, — сигналы выставят и путают. Видно, путь перебирали.

Ночь была темная.

— Ничего не пойму, — зябко поеживаясь отвечал помощник. — Пойду посмотрю. А это, верно, с вечера забыли. Работали и оставили. Тронемся полегоньку, а там увидим.

Поезд медленно пошел вперед. Дорога была исправна. За поворотом вдали зеленым глазком вздрагивал семафор и светились редкие огоньки далекой станции.

А через кустарник, в сторону от полотна пробирались двое. У человека ныла рука. Он неловко повернул ее, спуская в окно инженера. И теперь тупая боль ломила предплечье. За плечами неподвижно лежал инженер. Идти было тя-

жело. Рядом, размахивая чемоданом, бежал коротыш. В стороне приглушенно прогудела автомобильная сирена и совсем недалеко вспыхнули и погасли лучи фонарей.

— Здесь, — облегченно вздохнул высокий.

Вышли на проселочную дорогу. Коротыш пронзительно свистнул. Навстречу выскочил человек в кожаном пальто и шлеме.

— Жду.

Помог дотащить инженера. Хлопнула дверца, и автомобиль, подпрыгивая на ухабах, быстро понесся по дороге.

Машина шла хорошо.

Бессонная ночь и волнение сделали свое дело, коротыш незаметно задремал. В утомленном сознании тяжело возникали и вновь проходили путанные обрывки пережитого.

Начальник станции, размахивая сверлом, кричал что-то кассиру. Человек в противогазе сидел за столиком в вагоне и ему вместо котлеты официант подавал часы, точно такие же, как у инженера. Глухо рвались петарды и кто-то однотонно кричал: «держи его, держи его».

Машина шла хорошо. Сильный толчок заставил его проснуться. Он огляделся. Сбоку недвижно лежал инженер. Дверцы открылись и жалобно постанывали.

Начинало светать. Коротыш хотел нащупать чемодан. Рука его скользнула по шероховатой коже сиденья. Чемодана не было.

— Федор, — крикнул он, стуча в стенку, — Федор.

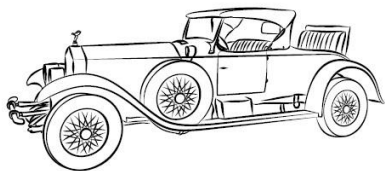
Шофер остановил машину.

— Федор, чемодан исчез.

Высокий зло сверкнул глазами.

— Вы круглый идиот, — крикнул он, выскакивая на подножку.

— Понимаешь, вздремнул, открылась дверца и, очевидно, выпал.

— Жаль, что не вы, а чемодан вылетел, — процедил высокий.

— Может быть, вернуться, — посоветовал коротыш.

Над лесом тяжело тащился рассвет.

— Чтобы нас поймали. Покорно благодарю. Мне голова дороже. — Он помолчал и резко добавил. — Едем. Только я сяду сюда, — и высокий бесцеремонно вытолкнул на подножку толстяка.

Автомобиль понесся дальше.

— Человек важнее модели, — сентенциозно пробурчал высокий, усаживаясь поудобней.

В эту ночь путевой сторож Николай Сидорович Фукин возвращался с именин брата. В голове весело шумело. В небе качались звезды, и лес по бокам проселочной дороги гудел как-то по-особому — понимающе.

— Я и говорю ему: кака-така колхозная жизнь, — философствовал Николай Сидорович, нетвердо шагая по луже. — Нет, ты мне мозги не верти, ты прямо сказывай — в чем есть коллектив. Скажем, к примеру...

В это время мимо, оглушительно фыркая, пронесся автомобиль.

— Эки дела, — испуганно отшатнулся отрезвевший на миг сторож. — Машина в таку пору...

Постоял, подумал, пошел.

— Вот, к примеру, машину взять, — продолжал он успокаиваясь. — О ней тоже надо понятие иметь. Хитрая штука; скажем, винтик самый, что ни на есть махонький, а она без него — стоп. Вот я и говорю, ежели, говорю, заведется в колхозе какая ни на есть гнида, так коли ее не вытравишь — стоп колхоз. Или человека взять. Что есть человек?

Сторожу стало грустно. Почему-то хотелось плакать. А лес понимающе шумел. У-у-у-у-у. Николай Сидорович всхлипнул, хотел что-то сказать, но запнулся и полетел в грязь.

— Не везет, — говорил он, сидя в грязи, — я ж говорю, что не везет. — И вдруг руки его уперлись во что-то гладкое. Сторож обшарил предмет руками.

— Да, никак, чемодан.

Он снова отрезвел и, взяв чемодан за ручку, почти бодро направился к дому.

Над лесом тяжело тащился рассвет.

Шли дни и недели. Волновались люди, выстукивали аппараты Морзе, приглушенно звонил телефон. Люди читали телеграфные распоряжения, давали указания.

Неслись поезда, увозя пакеты с сургучными печатями и надписями «совершенно секретно».

Всхлипывала в своей квартире Женя, не зная куда пропал муж, и часто думала о фасоне нового траурного платья — гладкое или нет?

Пряча в карман телеграмму «Проводили Ваню. Ждем», человек с лицом, словно из фарфора, улыбался довольным.

Девушка с каштановыми волосами спрашивала, приходя поздно вечером домой: «Есть ли письма из Энска», — и неизменно получала в ответ: «Нет, не приносили». Тогда она недоумевающе по-детски морщила лоб и ей было грустно.

Сторож Николай Сидорович Фукин ежедневно пропускал поезда, и ветер задорно играл зеленым флажком.

Люди волновались, терялись в догадках.

Но инженера Драницина не было. Он стал именем, шифром, содержанием бумаг, телеграмм, разговоров.

Часть вторая

ПОГОНЯ ЗА МОДЕЛЬЮ

Глава I

СЛУЧАЙ НА ТРАНСПОРТЕ

На станции Энск оживление. По перрону ошалело бегут пассажиры. Мелькают неуклюжие чемоданы, серые мешки, желтые деревянные баулы.

Дежурный, проходя по перрону, выкрикивает:

— Поезд номер семьдесят восемь, стоянка двадцать минут.

— Ах ты господи, только бы успеть, — бормочет женщина в сбившемся набок платке. В руках у нее по чемодану, а на спине висит туго набитый холщовый мешок.

Следом за ней, сгибаясь под тяжестью багажа, идут еще две женщины помоложе. В зубах у них билеты.

Проводник, ленивым взглядом окинув багаж, говорит:

— Не пуцу. Вещей больно много. В багаж надо сдавать.

Женщина постарше обалдело смотрит на проводника.

— Да рази так можно, да много ли вещей-то у нас, — говорит она захлебываясь и обращаясь то к проводнику, то к спутницам.

— Подумаешь, каки-таки вещи, так, видимость одна, — вторят ей товарки.

Проводник взглядывает искоса и, сплюнув, цедит сквозь зубы:

— Деревенщина.

— Да чего вы стоите-то? — остервенело кричит та, что постарше.

— Чего на него смотрите-то? Лезь.

Женщины хватают багаж и бестолково лезут в вагон, но проводник быстро захлопывает дверь.

— Но-но, не лезь, это вам не постоянный двор.

Все трое растерянно смотрят на вагон и на груду багажа. А дежурный выкрикивает.

— Поезд номер семьдесят восемь, отправление через пять минут.

Над фронтоном вокзала висит белый круг циферблата. Стрелки показывают без пяти восемь.

Женщина постарше подходит к проводнику и что-то шепчет ему на ухо.

Проводник слушает рассеянно. Наконец машет рукой и роняет:

— Ну ладно уж, лезьте.

Он отходит в сторону и, пряча в карман пятирублевку, бормочет, презрительно выпятив губу.

— Эх, бескультурность наша.

Пассажирки бестолково лезут в вагон.

Через минуту ударяет колокол, раздается пронзительный свисток и поезд медленно отходит. Женщины раскладывают багаж.

— Откуда вы, тетя, едете? — осведомляется пожилой мужчина, макая сахар в чай.

— А из Тулы.

— А зачем в Тулу ездили?

Тетя Паша, так зовут женщину постарше, тщательно рассовывает вещи по углам.

— Да вот детишкам кой-чего из одежонки прикупить надо было. Ну и поехали.

— А много, должно быть, у вас детишек, — раздается сверху хрипловатый голос.

Тетя Паша испуганно озирается. С верхней полки свешивается всклокоченная голова и искоса смотрит на открытый чемодан, в котором лежит пара новеньких с иголки костюмов, а под ним рядами уложены груши.

Тетя Паша торопливо захлопывает крышку чемодана и толкает чемодан под полку. А он, как назло, не лезет.

Пассажир, не дождавшись ответа, вытягивается на полке.

Он лежит, не слезая, второй день. Вчера ночью у него украли чемодан и деньги и теперь он почти ничего не ест и целый день валяется, подложив под голову старую помятую кепку.

Тетя Паша, кое-как растолкав вещи, сооружает из остатков некое подобие постели и, закрыв лицо грязной тряпкой, ложится отдохнуть.

Вечером женщины достали из мешка черствый, очевидно, еще домашний, хлеб и сели пить чай.

— Послушайте, — свесился с верхней полки пассажир. — Это же черт знает что такое. У вас из корзины какая-то гадость течет и прямо мне на подушку, — и он возмущенно машет кепкой.

Тетя Паша поджигает губы и, аккуратно положив на блюдце огрызок сахара, лезет наверх.

— Сливы, видать, потекли, — шепчет она, доставая корзину, аккуратно обшитую синей холстиной.

— Детишкам везем, — виновато говорит она пассажиру.

Тот сердито хмыкает и, ворча что-то под нос, переворачивается на другой бок, и долго слышит он сквозь сон, как старуха соседка наставительно говорит тете Паше:

— Она слива ягода нежная. Она покой любит. Ты ее, девонька, перебери и которая помягче — на пирог отложь.

Поздно вечером в вагоне начались разговоры. Одуревшие от скуки пассажиры рассказывали невероятные истории о кражах и убийствах, делились сведениями о том, где, что и сколько стоит.

Не принимал участие в разговоре только хмурый пассажир. Ему хотелось есть, но наконец и он слез с полки и сел против тети Паши.

— У меня тоже, знаете, случай был, — неожиданно обратился он к пожилому мужчине, взглядывая искоса на тетю Пашу. Ехали мы в передний путь, села к нам в вагон женщина одна. Вещей у нее не пересчитаешь. Ну, вроде, как у вас, — вскользь обратился он к тете Паше.

— Ну, едем день, другой, все чинно-благородно. И вдруг, представьте себе, приходит старший, усатый такой, вид строгий и говорит так внушительно. Вы, говорит, гражданка, ничто иное как спекулянтка и я, говорит, должен вас оштрафовать.

— И оштрафовал?— раздается испуганный голос женщины помоложе.

Тетя Паша поджигает тонкие губы и сердито взгляды-вает на соседку.

— В лучшем случае, — сказал он таким тоном, точно сообщил новость какую приятную новость.

— Перевесили, знаете, у этой гражданки вещи, и оказалось у ней излишка шестьдесят килограмм и три четверти. Так за каждое кило с нее по пять рублей сорок копеек взяли.

Тетя Паша бледнеет.

— Это, значит, больше трех сотен потянуло, — задумчиво говорит пожилой пассажир.

— Бывает, вот, знаете...

Разговор идет по новому руслу. Рассказы о штрафах и задержаниях так и цепляются один за другим.

— А так им и надо, — сердито говорит хмурый пассажир. — Мне, знаете, их ничуть не жаль.

Пауза.

— Уф, пить что-то хочется, — говорит пассажир. — Позвольте у вас стаканчиком чаю попользоваться, — обращается он к тете Паше.

Та пододвигает к нему чайник и, перекинувшись взглядом с соседкой, нехотя предлагает пассажиру хлеб и помидор.

— Не откажусь, — весело похохатывает пассажир, — не откажусь. Помидоры я уважаю. Очень, знаете ли, полезный плод, — и он ловко берет самый крупный помидор, другой, третий. Хвалит помидоры и поругивает хлеб. Наевшись, пассажир лезет наверх и сладко засыпает.

Поздно вечером, когда все уснули, тетя Паша с двумя женщинами выходит на площадку, и они о чем-то долго шепчутся.

— Шпиен это, не иначе как шпиен.

Назавтра в двенадцать часов должна быть станция Луки. Замечательна она дешевым репчатым луком.

Тетя Паша рано утром, отобрав в мешок десятков пять яблок, опасливо поглядывая на подозрительного пассажира, на цыпочках идет из вагона.

— Ежели взять по гривеннику за яблоко, — шепчет она, — это десять целковых, вязок восемь, а то и десять куплю.

Поезд медленно подходит к Энску — это последняя крупная станция перед Луками.

Тетя Паша бежит к лоткам и становится в ряд с торговками.

— Вот яблок, кому яблок, — выкликает она.

— Продажей занялись, — раздается знакомый голос. Руки у тети Паши деревенеют. Перед ней знакомая щуплая фигура и кудлатая голова пассажира.

— А хорошие у вас яблоки, — говорит он и выбирает самое крупное.

— Что стоит?

— Двадцать копеек, — бормочет тетя Паша.

— А ведь недорого, — говорит пассажир и спокойно подносит яблоко ко рту. — Ну торгуйте, торгуйте, мешать не буду. Только осторожней, не попадитесь, — и он отходит прочь.

Тетя Паша бежит в вагон и опять трое стоят на площадке и шепчутся.

— Шпиен. Осторожней с ним быть надо. Улещивать надо, авось не стукнет.

В полдень тетя Паша, уловив время, когда пассажир куда-то вышел, собрала обедать. Но только что сели, как кудлатый появился.

— С главным беседовал. Знакомым оказался. Ну, того-сего, чайку попили. Он, знаете, все интересуется кто и зачем едет. Очень любопытный мужчина, и вообще интересовался...

Пассажир сел около тети Паши.

— Ну как, яблочки продали? А я, знаете, вашим фруктом аппетит только себе раздражил.

Тетя Паша, скрепя сердце, подносит пассажиру кусок сала.

— Кушайте.

— Не откажусь, не откажусь, — весело проговорил пассажир и, отрезав полкуса, с аппетитом зачавкал.

— Хорошее сало. И много везете?

— Какое там много.

— Так, для детишек? — подмигнул пассажир.

У тети Паши что-то оборвалось в животе, она побледнела, но, не подав вида, молча налила стакан чаю.

Вечером на площадке совещание.

— Донесет, вот те крест, донесет. Измает, объест, а под конец стукнет.

— Они, говорят, проценты получают, — приглушенно шепчет женщина помоложе. — Ведь ежели вешать начнут, так у нас, поди, пудов двадцать с лишним. И что делать будем?

— А то и будем. Видели, сегодня старичок сел. Вещи-чек-то у него чемоданчик да подушка. Вот мы его и попросим, дескать, пусть часть вещей на себя примет, а для вероятности корзинки две-три ему на полку поставим, — поучала тетя Паша.

— А ты, Груша, со своим соседом потолкуй. Свет-то не без добрых людей. Ежели с контролем пойдут — все в порядке.

Вернулись в вагон.

Путевой сторож Никита Сидорович Фукин ехал в отпуск к дочери. Было до нее пути шесть суток да обратно шесть, отпуску же полагалось четырнадцать суток, но он все же поехал и повез гостинец. Когда тетя Паша с товарками зашли в вагон, все уже спали, только Никита Сидорович тщетно пытался размочить в воде сухарь.

— Эк его засушили, — бормотал он.

— Может, дедушка, кипятку возьмешь, — политично начала тетя Паша, подсев к старику.

— Ежели есть, не откажусь. С утра чаю не видал. А с воды-то какой толк. Так, прохлада одна.

Тетя Паша быстро соорудила чай. Выбрала из корзины пять помятых слив и пригласила старика.

Никита Сидорович размяк и поздно ночью они вдвоем с тетей Пашей кряхтя перетащили две корзины и баул под лавку старика, а его чемоданчик заложили на самую верхнюю полку.

Наутро подозрительный пассажир, как и следовало ожидать, присоединился к тете Паше и начал разговор насчет чая, но она сухо отодвинула чайник и, ни слова не ответив, продолжала дуть в блюдце и аккуратно откусывать сахар.

Пассажир покружился, помычал что-то себе под нос и, взяв шапку, произнес как-то в сторону:

— К старшему пойду, поговорить надо.

Но слова его желаемого впечатления не произвели. Тетя Паша молчала и слышно было только, как похрустывал сахар да цокало блюдце. Пассажир бегло оглядел лавку. Багажа было мало.

— Рассовала уж, — злобно подумал он и, швырнув на полку кепку, полез спать.

В Горохов прибыли ночью.

За час до прибытия на площадке, как обычно, держали совет.

— Вылезать надо осторожно, — говорила тетя Паша. — С проводником я сговорилась, он нам эту дверь откроет. Выходим, значит, трое. Я у вещей стоять буду, а вы таскать. Поезд-то только три минуты стоит.

Пока шло это совещание, подозрительный пассажир подлез под лавку спавшего Никиты Сидоровича, вытащил оттуда объемистый чемодан тети Паши, положил его наверх, и вместо него подсунул под лавку затрепанный чемоданишко старика. Когда он вынимал чемодан, то из-под плохо закрытой крышки выпала маленькая записная книжка в коричневой обложке с золотым тиснением. Пассажир торопливо сунул ее в карман пиджака.

В вагоне спали.

Прибыли в Горохов. Тетя Паша стояла на перроне и распоряжалась:

— Одно, два, шесть, восемь, десять, двадцать, — считала она узлы и чемоданы.

— Кажись, все, — охнула женщина помоложе, опуская на асфальт узел и баул.

Поезд дал два звонка.

— Ах ты, батюшки, а у старика-то под лавкой, — заахала тетя Паша.

— Сейчас, — откликнулась та, что помоложе и шукой нырнула в вагон.

Через минуту она показалась в дверях. Поезд уже тронулся и медленно шел, набирая ход.

За нее цеплялся Никита Сидорович.

— Машину украли, — кричал он, — машину.

— Отстань, старый хрыч, — кричала женщина, отталкивая старика. — Свое берем, — и она легко спрыгнула на перрон.

— Взяла, — торжествующе проговорила она, ставя вещи около тети Паши.

— А чемодан где?

— Вот он.

— Дура ты полосатая, — завизжала тетя Паша, — смотрела-то ты чем, глаза-то у тебя где были. Вместо чемодана с костюмами да с отборными грушами чужое дерьмо притащила. Ах ты господи, господи, мать владычица, и попутала меня нелегкая связаться с этими дурами, — причитала она. — Тыща рублей из кармана вон. — Около лежал обтрепанный стандартный чемоданчик. Под ручкой тускло поблескивала металлическая пластинка с буквами СВД.

— Обокрали, — кричал Никита Сидорович, — дотла обокрали, до ниточки. Машину украли и часы.

— Какую машину? — спросил кудлатый пассажир.

— Таковую со стеклышками. Гостинец вез. Зять-то у меня механик.

— А ты, дед, не огорчайся. Конечно, часы жаль, а ведь только она нечаянно. Видишь, вместо своего твой взяла. Вроде как бы обменялись.

Никита Сидорович бессмысленно пучил глаза и непонимающе глядел на пассажира.

В вагоне спали.

Пассажир ловко влез наверх, побрякивая снял тяжелый чемодан.

— Это, брат, лучше твоего гостинца будет, — бормотал он, умело открывая крышку.

Наверху лежала пара новых с иголки костюмов, а под ними плотно в ряд были уложены отборные груши.

— Так-то, дед, один тебе, другой мне, вроде как бы за услугу. А теперь полакомимся, — и он протянул старику грушу.

Никита Сидорович успокоился.

— Действительно, — пробормотал он, надкусывая грушу и поглаживая костюм, — это гостинец.

Поезд шел, напевая свою одностонную песню, мимо неслись телеграфные столбы. Гудели провода. Быть может, по ним опять проносилось имя Драницина.

Где-то люди ломали головы, отыскивая малейший след, а старик сторож, ставший на время обладателем ценнейшего изобретения, радовался, что случай дал ему взамен костюм и сотню груш.

Спекулянтка охала и с ненавистью смотрела на небольшой чемодан, за который любое правительство дало бы сотни тысяч рублей.

История с изобретением инженера Драницина вступила в новую фазу.

Глава II

О ГОРОДЕ ГОРОХОВЕ И ПОСЛЕДУЮЩИХ СОБЫТИЯХ

О таких городах обычно говорят:

— Патриархальный городок, знаете. Много еще в нем старого осталось.

И действительно. Если выйдете вы в летний день с вокзала и поглядите на широкие улицы с маленькими домика-

ми, на тротуары досчатые, на скамейки у ворот — невольно скажете: «Эх, провинция, провинция-матушка». И захочется вам зевнуть сладко-сладко.

А домики в ставнях, заборчиках, калиточках, палисадничках и около куры пылят, и петух, встав на одну ногу, озирается, гребнем потряхивает, да как кукарекнет — и виснет лихой крик в знойной тишине. Протарахтит изредка телега или ветерок налетит, прошумит черемухой, тронет белую занавеску да герань на окне колыхнет, и опять тишина.

Подальше базарная площадь. Сбоку собор кафедральный насупился, словно старческий согнутый перст грозит кому-то обветшалым крестом колокольня. Торговые ряды, извозчичья биржа да бывшие присутственные места, а теперь на них вывески: Горсовет, Гормилиция. Кое-где неожиданно вырастет перед вами огромное каменное здание. И до того оно смотрит странно, что не по себе становится.

— Это новой постройки дома, — говорят обыватели.

В энциклопедическом словаре на букву «Г» могли бы вы о Горохове прочесть несколько строк: «Горохов основан в пятнадцатом году легендарным разбойником Иваном Петлей. В городе процветает огородничество и кустарное ремесло, как-то: щепной промысел, горшечный и сапожный. Кроме того, обыватели города славятся умением вить веревки. Единажды в году бывает Макарьевская ярмарка, на кою съезжаются окрестные селения. Стоит на судоходной реке Шарьге».

Теперь не то. С окраин напирают корпуса. Весело звенят лесопилки. Тяжело гудит огромная мельница. Вытягивает каменный хобот элеватор. А все-таки в быту старого много.

Гражданская война прошла. Над городом снаряды рвались. На соборе крест покарябало. В годы разрухи мрачнел город. Отсиживались обыватели по домам, опивались морковным чаем, прятали в печи и в подполье свечи да сарпинку.

А потом жизнь и в норму как будто вошла и все по-иному, все шиворот навыворот, все не так, как в старину

было. Но быт ворочался тяжело. Правда, молодежь брыкалась, да не вся, и жили люди по старинке. В субботу баня, в воскресный день семечки на скамеечке у ворот. На них старики сидят, кости греют на солнышке, да бабы судачат промеж собой о своих женских делах. А в будние дни занятия разные, так чтобы без утомления: в обед щи постные или мясные, потом сон до вечера, а вечером самоварчик, гоздочки с водочкой да преферанс по маленькой. Для тех, кто помоложе, кино да чахлый сад возле базарной площади.

В общем, жили-были...

А все-таки треснул где-то быт, и старики недаром охали да молодежь поругивали. Ну да ничего, на их стариковский век хватит.

Процветали издавна в городе науки. Музей был. Пахло в нем нафталином и двигались промеж витрин старички хранители и разобрать было нельзя от кого пахнет: от старомодных ли сюртуков или от чучела хорька, бессмысленно глядевшего на облинявшую тетерку.

Особенно интересовались в Горохове археологией. Город был древний и повелось так, что каждый человек до науки охочий непременно в городской истории копался.

Парикмахер местный Ягуарий Сидорович Фечкин, он же Перманент (фамилию переменял в 1924 году по причине неблагозвучности) откопал в 1910 году каменную бабу. О ней спор шел и до сих пор не затих. Известный краевед Чубуков следы древнего побоища неизвестных народов нашел: бронзовый нож, топориче и собачий череп. Правда, учителява кухарка Аграфена уверяла, что бронзовый нож сын учителя Колька у отца со стола стащил и где-то потерял, но мало ли людей невежественных и темных, для которых наука вроде бельма на глазу.

Молодежь в Горохове большое пристрастие к стихам имела. Как войдет юноша или девица в возраст, так и начнут взапуски. Он ей, она ему и все в стихах, все в стихах. Очень складно получалось. Родители, когда гости соберутся, обязательно сына или дочь позовут и скажут:

— Дашенька или Боренька, прочитайте нам последнее произведение своего творчества.

А те поломаются немного и прочтут, нежно так, с придыханием. Гости поахают, поудивляются — и им приятно и детям лестно. Печататься, правда, было негде. Газета выходила редко да и редактор от стихов местных талантов носом крутил.

Только однажды, в день серебряной свадьбы супругов Утюкиных удалось гражданину Утюкину уговорить знакомого наборщика и тот сто экземпляров пригласительных билетов напечатал, а на билете стихи племянницы налогового инспектора Машеньки Безропотных помещены были.

Так это же событие целое! На Машеньку на улице пальцем показывали. А стихи действительно были выразительные.

*Вот двадцать пять тому уж лет
Давши верности обет
Шли мы длительное время
Неся сей дольней жизни бремя
Теперь судьбу благодаря
Наша скромная семья
С чувством истиной отрады
Среди вас мы вспомнить рады
И как желанных нам гостей
Вас просить на юбилей*

Было это в 1923. Теперь в год 1926 многое по-иному, даже в стихах какая-то трещина появилась. Так же Машенька Безропотных, девица уж на возрасте, недавно на вечеринке у Хвалатовых всех поразила. Прочитала она стихотворение, которое начиналось так:

*Индустриальная свирель
Поет в сердцах сталепрокатных
А на полях сельхозартель
Стирает гнет проклятых пятна.*

На окраине этого города и проживала наша знакомая тетя Паша. Жили они с мужем в небольшом домике, но с прирубом. Прируб в наем сдавали, а сами с парой ребят занимали две комнаты с кухней.

Муж тети Паши служил на железнодорожном телеграфе. Человек он был смирный, жене никогда ни в чем не прекословил и всегда со всем соглашался.

Но была у него одна странность. Больше всего на свете боялся он облысеть и часто, особенно по выходным дням, когда жена уходила на барахолку, Федор Кузьмич по часу, а то и более сидел перед кривым зеркалом, ловил в другое зеркальце отражение макушки и уныло смотрел, щупал голову, расчесывал волосы, а потом, недовольно крикнув, шел к соседу в прируб и начинал обычный разговор:

— В прежние-то время каких только средств не было. Перуин там Пето, кремы разные, душистые мази. Возьмешь, бывало, «Родиону» и там нарисован мужчина, усы у него и борода, что конский хвост, и все от мази, а теперь...

— Н-да, — сочувственно вздыхал сосед, подшивая катанок. — Наладить, значит, фабрики такие не могут. Это вам не трактор какой-нибудь сделать, здесь секрет знать надо. Волос надо понимать. Волос он капризный, ему чуть что не так, он и пойдет лезть. А вы бы, Федор Кузьмич, керосином мазали, говорят, помогает в отношении волос.

— Пробовал, Лука Иванович, все пробовал. И керосином мазал. Правда, как будто помогает, но опять же наволочки, и, извините за выражение, дух нехороший. Воняет. Жена мне прямо сказала. У меня, говорит, белье еще придавленное и я, говорит, его керосинить не намерена. И ежели, говорит, будешь голову мазать, спи на сеновале, мне, говорит, керосин в кухне надоел. А спорить с ней, сами знаете, — я человек слабый.

— Ну это что и говорить. Павла Андреевна человек очень серьезный. Одно слово — кремень.

— Кремень, — уныло соглашался Федор Кузьмич.

В этот раз тетя Паша вернулась из очередной поездки озлобленной. Утрата чемодана расстроила ее, хотела она

было заявить, да побоялась. Зайдя в дом, она сухо поцеловала мужа и ребят и тотчас же начала, как говорил муж, «придираться».

— Опять ухват сломан.

— Кешка, у тебя сапог порван. Второй месяц носишь, а уж дыра. Не напасешься на вас.

— А ты что глаза выпялил. Это тебе не почта, а дом. Жена ездит, жена мучается, а он, поди, тут со своими дамочками-почтамочками амурсы разводит.

Федор Кузьмич бестолково суетился около самовара.

Тетя Паша, выбрав самые что ни на есть помятые сливы и почерневшие яблоки, поставила их на стол. Молча сели и начали пить чай.

— А у Федосьи Дормидоновны тетка нынче померла, — начал было Федор Кузьмич и робко взглянул на жену.

— Туда ей и дорога. А тебе какое дело, ведь не ты помер, а Фенькина тетка, — грубо оборвала тетя Паша.

Федор Кузьмич вздохнул и замолчал.

Напившись чаю, тетя Паша подобрела. Вскоре завязался разговор. Ребят уложили, начали распаковывать вещи.

В первую очередь взялись за чемодан Никиты Сидоровича.

— Штаны там, поди, старые, — пробурчала тетя Паша, сообщив мужу о происшедшем.

Федор Кузьмич возился с замком. Наконец внутри что-то щелкнуло, и язычок замка прыгнул вверх.

Осторожно приподнял крышку.

На темной обивке, поблескивая медью и никелем деталей, лежал неведомый аппарат.

— Тьфу, — выругалась тетя Паша. В это время в спальне раздавался визг, Кешка, укладываясь спать, разодрался с Маруськой и тетя Паша побежала разнимать ребят.

Федор Кузьмич как зачарованный смотрел на аппарат. Технику он обожал.

— Умственное дело, — пробормотал он.

Взор его упал на небольшой кармашек, сделанный сбоку. Он засунул туда руку и вытащил часы; на крышке воро-

неной стали отчетливо виднелись три буквы СВД. Воровато оглянувшись, Федор Кузьмич быстро спрятал часы в карман брюк.

— Пока не видела. Авось пригодятся, в случае чего — скажу нашел.

Тетя Паша, надавав ребятам подзатыльников, вернулась в комнату, вытащила старую затрепанную тетрадку и погрузилась в ей одной ведомые расчеты.

Федор Кузьмич вышел в сени, нашел укромное место за курятником и, спрятав часы «до поры до времени», осторожно на цыпочках прошел в спальную.

Прошло несколько дней. Тетя Паша примирилась с утратой костюмов и груш. Она успешно расторговала привезенные фрукты и по вечерам довольная подсчитывала барыши, угощаясь спитым чаем и пирожками из подгнивших слив.

Чемоданчик с моделью она забросила на чердак, чтобы он не напоминал о неприятном происшествии.

В один из дней, когда тетя Паша отправилась на базар доторговывать, а Федор Кузьмич ушел на работу, десятилетний Кешка, отыскивая на чердаке свинец для налитка, наткнулся на чемодан. Его разобрало любопытство. Он поковырял ножом в замке.

Крышка открылась. Кешка ахнул. Перед ним, тускло поблескивая никелем и медью деталей, лежала непонятная машина.

Кешка осторожно потрогал рычаг, сбегал в сени и посмотрел, закрыта ли дверь. Потом он стащил чемодан в комнату. Особенное внимание его привлекла целая система зеркал и большое увеличительное стекло.

Совсем как в школе, подумал он, вспомнив уроки по естеству. Кешка долго возился около модели, что-то соображал, вертел какие-то рычаги и вдруг ахнул. В зеркале совершенно отчетливо виделась полка с посудой, висевшая на стенке в спальне. Кешка даже испугался: как это так — через стену!

Он долго вглядывался. Сомнений не было — вот даже и угол у полки отбит еще в прошлом году, его мать за это высекла. Кешка наклонился ближе к зеркальцу и повернул какой-то рычаг. Зеркало мгновенно помутнело и одновременно в соседней комнате раздался страшный треск и жалобный звон разбитой посуды. Кешка вздрогнул и побежал в спальную.

Глазам его представилось страшное зрелище. Нижняя часть полки лежала на полу, словно кто-то ее отрезал, и около валялись куски разбитой посуды.

— Ох и попадет же мне, — Кешка наморщил было лоб, собираясь разреветься, но раздумал и, тряхнув вихрами, пробормотал:

— Эх, была не была. Главное — ничего не говорить, что и почему.

Он смутно догадывался, что во всем виновата странная машина и, вернувшись в кухню, быстро захлопнул крышку чемодана и сел на пол.

В его маленькой голове сумбурно неслись мысли, он чувствовал, что стал участником какой-то большой, ему неизвестной тайны.

— Надо Кольке рассказать, — решил он.

Накинув шапчонку, он запер дверь и, захватив чемодан, задами, чтобы не увидели соседи, побежал к Кольке.

— А ты чего по чужим огородам лазишь, — раздался голос. Кешка оглянулся. Перед ним стоял парнишка лет четырнадцати, босой с загорелыми руками.

— А тебе какое дело, — в тон ему ответил Кешка, предусмотрительно пятясь к невысокому заборчику.

— Но-но, ты не задавайся, — задорно пробасил парнишка, кривя рот и зажимая в руке камень. — А то как дам.

— А сдачи не хочешь? — вызывающе ответил Кешка.

Парнишка взмахнул рукой, и тяжелый камень грузно шлепнулся в доски забора.

— У, мазуля, — издевательски протянул Кешка.

— Я тебе, покажу, — неожиданно рассвирепел парнишка и быстро двинулся к заборчику,

Кешка мигом оглядел поле сражения. Чемоданчик определенно мешал. Необходимо было куда-то его спрятать.

Он быстро перемахнул через забор.

— Хлюзда, струсил. Трус, трус, — донеслось до него и снова тяжелый камень грузно шлепнулся в забор.

— Я те покажу хлюзду, — злобно пробормотал Кешка.

Соседний двор был пуст.

Кешка нашел возле колодца укромное место, положил чемоданчик, нагреб на него сухих листьев и мигом перелез через забор обратно.

— А, так я хлюзда, — и издав дикий крик он бросился на парнишку. Через полчаса в разорванной рубаше, с фонарем под глазом, но вполне удовлетворенный, он смотрел, как парнишка, прихрамывая и хныча, шел восвояси.

— Я те по-о-о-кажу. Я на-а-а-шим ребятам скажу. Они те ребра переломают, — тянул парнишка.

Кешка стер рваным рукавом пот со лба. Сел верхом на заборчик и показал парнишке язык.

Он хотел было прыгнуть во двор за чемоданом. Но во дворе какая-то баба развешивала белье и мужчина в белой рубаше выставял на солнышко рамы.

Взять чемодан было невозможно.

— Ужо завтра возьму, — решил Кешка и отправился домой.

— И что же это за дети, — причитала тетя Паша, — на час дома оставить нельзя. Только и знают, что ломают да крушат.

Кешка нерешительно переступил порог. Мать схватила его за вихры.

— Ой, ей, ей, маменька, больше не бу-у-у-ду.

Глава III

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ ПАССАЖИР

Комната.

Дверь.

Она закрыта.

За дверью — крик.

— Нет, это невыносимо. Когда вы наконец отстанете от меня с вашими мещанскими разговорами.

— Но поймите же, гражданка Бобрикова, — раздается скрипучий голос, — пятый месяц вы не платите за квартиру.

— А хотя бы и шестой.

Дверь с шумом раскрывается и вошедший быстрым движением захлопывает ее перед носом ошалевшего управдома.

Подходит к столу.

Оборачивается.

Да ведь это же наш старый знакомый, тот подозрительный кудлатый пассажир, который в вагоне поезда номер семьдесят восемь напугал тетю Пашу.

Он стоит задумавшись у стола.

Господи, до чего сера и однообразна жизнь. Днем до четырех стеклянная коробка кассы. Ведомости, шуршанье кредиток и неизменные:

— Распишитесь.

— Получите.

А дома вечно ноющая старуха мать. ЖАКТ, нехватки.

Бобриков был человек выбитый, колея жизни шла мимо, а он брел около. Позади маячило обеспеченное детство, дом с табличкой: «Первой гильдии купца, почетного гражданина Данила Игнатьевича Бобрикова». Серая гимназическая курточка...

Жизнь могла быть такой ровной и спокойной и вдруг...

Революция перепутала карты.

Вместо юридического факультета — счетные курсы, вместо адвокатского фрака — спецодежда кассира.

Жизнь не удалась.

У Бобрикова было пылкое воображение. Привычки, вкусы, наклонности, воспитанные с детства, оставшиеся в наследство от буйных кутил отцов и дедов, чьи лица степенно глядели с порыжевших фотографий, не находили выхода. Жизнь положила тесные рамки.

Кончив работу, он часами валялся в постели. Мозг отдыхал, мечта за мечтой плыли в сознании.

И все сводилось к одному. Это одно преследовало всюду, даже во сне. Оно звучало внушительно. Оно глядело солидно. Это слово было — миллион.

«Вот если бы, — так обычно начинал он разговор с самим собой, — допустим, я выиграл миллион».

Как только было произнесено слово «допустим», реальный мир рушился.

Бобриков становился обладателем неслыханных сумм. Он клал их в банк — они приносили проценты, он брал их домой и тратил, но миллион не уменьшался.

Мысли шли плавно.

Вот он, Бобриков, покидает Союз.

— Разве здесь жизнь, — презрительно морщится он, пуская клубы дыма. — Так, один обман.

Он едет за границу.

Деньги идут на еду, на костюмы и, конечно, на женщин.

Женщины, одна прекрасней другой, мелькали в воспаленном сознании.

Он покупал их прямо и грубо, как покупают вино или конфеты. И в этой прямоте и грубости было какое-то особое, почти звериное наслаждение. Он мысленно посещал самые роскошные публичные дома. В Африке он заводил себе черных жен. Они были необычны и покорны. Под конец все пугалось. Обнаженные, бесстыдные тела качались в мозгу и учащенно билось сердце.

Дальше его фантазия не шла.

Бобриков тяжело вставал с постели, зажигал лампу и подходил к книжной полке. На ней стопочкой лежало шесть романов. Дюма, Марсель Прево, Арцыбашев и приложение к «Родине» «Тайны венценосцев».

Других книг он не признавал.

Так проходила жизнь.

На службе Бобриков был аккуратен и усерден. Он втайне боялся, что его сократят. Ему постоянно казалось, что против него плетутся интриги.

Стоило увидеть, что двое говорили шепотом — в мозгу мелькало: «Это обо мне».

Но служба шла ровно.

Знакомых не было, а друзей тем более. Женщины и влекли и пугали.

— Семья, нужда — бр-р.

Временами охватывала тупая злоба. Мелькало из далекого детства запомнившееся «Дом первой гильдии и почетного...» Тогда хотелось кого-то ударить, и он ненавидел всех: и начальство, сидящее в кабинете и уезжающее с работы в машине, и собрания, на которых люди что-то решали, о чем-то волновались, и всю действительность с ее беспокойной напористостью, и ее вечным напряжением и грубоватой прямоотой.

Тогда он жмурил глаза и почему-то в сознании вставала улица. По ней шли люди, шли они, а он стрелял в них из нагана. Вот падает один, другой, пятый, десятый. И никто не может подойти. Он сильнее всех.

Управдом ушел. Оставшись один, Бобриков опустил в кресло.

— Допустим, — говорил он. И вот уже рушится реальный мир и все возможно. — Допустим, я становлюсь великим тенором. Овации, цветы, деньги. Я еду за границу в Париж.

И снова мысли скользят легко и знакомые образы ласкают сознание. Он воображает, как выйдет на сцену, как будет кланяться. Вот так. Встает, подходит к зеркалу. Щупленькая фигура, в новеньком топорщащемся костюме качается в мутном, засиженном мухами стекле. Фигура кланяется, прижимая руки к сердцу, и улыбается. Точь в точь как второй Карузо — знаменитый тенор Гремецкий, дававший концерт в прошлом году.

— Ты, Мишенька, что же это все в новом-то костюме ходишь, — раздается голос.

Он оборачивается, у двери стоит мать.

— Этак и износить можно, — продолжает старуха ноющим голосом. — Старенький надо донашивать.

Мечты обрываются.

— Уйдите, мамаша. Не мешайте, я занят.

— И чем только занят, стоишь перед зеркалом и качаешься. Сходил бы куда-нибудь...

Старуха жует беззубым ртом и снова тянет.

— Я тебе старенький-то пиджачок выутюжила. Совсем глядит как новый.

— О господи, и вы меня не понимаете, — устало машет рукой Бобриков.

— Да, Мишенька, намерен в пиджачке я книжечку нашла. Нужна она тебе или нет?

Старуха долго роется в карманах широкой юбки и достает маленькую записную книжку в коричневой обложке с золотым тиснением СВД.

— А-а-а, давай, — вспоминает Бобриков, — и уходи, я займусь. — Старуха вздыхает глубоко и бесшумно исчезает.

Бобриков садится в кресло.

— Совсем забыл о ней, — бормочет он. — Интересно, что за книжечка.

Он открывает ее.

Ломанные мелкие буквы пестрят в глазах. Читает сначала лениво, но вот глаза его загораются, он придвигается к столу. Он весь внимание. Записи короткие. Видно, что их вел деловой занятый человек.

«Август 18. Кончаю делать модель. Что-то получается. Завтра испытаю. Любопытно.

Август 19. Женя сердится опять. Не понимаю. Пробовал модель. Действие изумительное. Береза в саду пополам. Увлёкся, переломал в лаборатории почти все стулья. Наконец-то икс-лучи открыты.

Август 22. Женя сердится. Опять. Письмо от Тани из Москвы. Тяжело.

Август 27. Странная встреча. Предлагают продать за границу. Обещают миллион. Отказался. Подлецы. Угрожают.

Август 28. Странная попытка ограбления. Не случайность. Они охотятся за моделью. Что делать? Решил идти к секретарю. Расскажу все».

На этом записки кончились.

Бобриков все еще, как зачарованный, сидит перед столом и гладит книжечку рукой.

Перед ним прошел кусок чьей-то большой жизни. В нем была тайна и где-то маячили миллионы.

Прошло пять, десять минут.

— Ах я болван, — ударил он себя по голове. В памяти мелькнула металлическая пластинка на чемодане с буквами СВД. Они были те же, что и на записной книжке. Вспомнился крик старика: «Машину украли!»

— Ах, дурак я дурак. Ведь там же была она, модель. Что же делать, что делать.

Голова отказывалась соображать. Мозг, привыкший мечтать, строил целую цепь сложнейших ситуаций и все они кончались одним:

— Миллион... Европа, Париж... женщины.

Только к полуночи, утомленный бесцельными мечтами Бобриков мог рассуждать трезво.

То, что в чемодане, подкинута спекулянтке, была модель, в этом он не сомневался. И он отдал ее собственными руками. О-о-о-о... Бобриков даже застонал.

Но что же теперь делать? В руках у него был ключ к дорогостоящей тайне. Несомненно одно — такого случая упускать нельзя. Миллионы сами плыли в руки. Надо ехать на эту станцию. Как ее? Да, Горохов. Разыскать спекулянтку и во что бы то ни стало достать модель. А потом?

О, потом можно делать все, что я захочу. Я поеду в Москву, я обращусь к любому иностранному послу. Я предложу ему купить модель... — и снова мозг начинал свою привычную работу.

Бобриков видит себя в огромном сумрачном кабинете. Во рту дорогая сигара, по комнате плавает синеватый дым. Он, Бобриков, утонул в мягком, удобном кресле.

— Итак, вы согласны, — рокошет выхолонный седой мужчина в темном костюме. — Все будет устроено, как вы хотите. Выпьем же за успех.

Нет надо ехать, ехать, ехать. Миллионы сами плывут в руки.

— Но как? Нужны деньги, а их нет.

Ежедневно он раздавал тысячи, а то и десятки тысяч рублей. Вот завтра предстоит получить двадцать девять тысяч. А что, если... Похолодели виски и ослабели ноги. А вдруг поймают? Ерунда, не поймают. Надо решиться, иного выхода нет. Миллионы сами плывут в руки.

Бобриков решается.

А в это время старуха мать, стоя на коленях перед образами, молится:

— Дай ему, господи, всяческого счастья, исполнения его желаний, устрой ему жизнь богатую и счастливую. Услышь мя, господи.

Лампада льет ровный тихий свет, а потускневший лик спасителя смотрит понимающе.

Глава IV НОВЫЙ ВЛАДЕЛЕЦ МОДЕЛИ

Фотограф Тихон Петрович Кусачкин-Сковорода был хилый, слабонервный мужчина лет пятидесяти. Основной чертой его характера была непомерная боязливость. Боялся он буквально всего и пребывал в непрерывном страхе. Все новое возбуждало в нем смутную тревогу. Строили огромный дом, Тихон Петрович шел мимо и неодобрительно думал.

— Нехорошо это... Ни к чему... И без этого бы прожили.

Узнает он о пуске нового завода — ему становится не по себе.

— Без этого жили, а теперь... Ох, не к добру это, не к добру.

А каждый день случалось что-нибудь необычное. То приносили на дом бумагу за казенной печатью, в ней приглашали Тихона Петровича на собрание кустарей-одиночек фотографов на предмет обсуждения вопроса о создании артели «Социалистический фотограф». И хотя Тихон Петрович знал, что объединять его не с кем (он был единственный в городе фотограф), но он мрачнел и, расписываясь дрожащей рукой в получении бумажки, шептал:

— Добираются. Ох, что будет, что будет...

То приходило известие, что усадьба Никоподолова, в которой проживал Тихон Петрович, отходит к какому-то там жакту. В квартиру являлись люди, что-то такое меряли, находили какие-то излишки, бесцеремонно заявляли, что вот эту комнату надо будет сдать новому жильцу, выдавали квитанции. А потом на собрании членов жакта кричали до хрипоты, выбирали правление, тянули Тихона Петровича на должность заведующего культбытотделом.

От всего этого рябило в глазах и мутно билось сердце.

— Не пойму я, ничего не пойму, — говорил Тихон Петрович. — Одно только знаю — добираются.

Новое, что входило в жизнь городка упорно, изо дня в день, размывало островок понятий и привычек, на котором так мерно, так тихо текла жизнь. И иногда казалось, что все это направлено против него, и что наступит такой день, когда «новое» перестанет действовать обходным путем и возьмется прямо за него, за Тихона Петровича Кусачкина-Сковороду. Вот откроется дверь, придет кто-то и скажет: «А, так это вот и есть Тихон Петрович Кусачкин-Сковорода. А кто он, а что он, а нужен ли он?»

И все это заставляло быть настороже, все это держало его в вечном страхе.

Снимал ли Тихон Петрович красноармейца — руки у него трепетали, голос дребезжал и все казалось, что на карточке выйдет не красноармеец, а черт знает что такое. Вывешивали в городе список лишенцев. Тихон Петрович бледнел, стоя у витрины. Ему казалось, что в числе лишенных прав обязательно должен быть и он. Но когда он убеждался,

что в списке его фамилия отсутствует, ему становилось еще тяжелее.

— Значит, ошиблись. Выпустят дополнительно, отдельным листком. — И в глазах вставало огромный лист, на котором было жирно выведено «Тихон Петрович Кусачкин-Сковорода лишенец». Он жмурился и измученный шел домой.

Когда по вечерам Тихон Петрович читал газету и наткался на хронику уголовных преступлений, ужас подступал комом к горлу и ему казалось, что и он тоже соучастник злодеяния.

Супруга Тихона Петровича — Агафья Ефимовна — была рыхлая, белотелая женщина, совершенно равнодушно относящаяся ко всему в мире, кроме еды.

На мужа своего она смотрела с сожалением и в тайне его презирала.

— С придурью он у меня, — жаловалась она соседкам, — с придурью. Никак его маленького маком опоили.

Однажды вечером Тихон Петрович читал центральную газету. Первым делом он отыскивал отдел происшествий и зарубежную хронику. Замирая от любопытства и холодея от ужаса, прочел он краткую заметку о том, что в одной из стран в советском полпредстве был обнаружен адский снаряд. Следы вели к крупной белогвардейской организации «Союзу великого дела», решившей стать на путь террористических актов.

Прочитав заметку, Тихон Петрович по своему обыкновению попытался установить: нет ли какой-либо связи между таинственными преступниками из Праги и им, гороховским фотографом. Но даже его мозг, изощренный в подобного рода упражнениях, не мог найти связующих звеньев. Он строил невероятные догадки, но ничего не выходило. И это мучило. В голове досадно ныло.

Промаявшись около получаса Тихон Петрович решил выйти на двор подышать свежим воздухом. На дворе было пусто. Мутными пятнами маячило белье, от тусклого лунного света оно казалось не то зеленым, не то желтым. Где-то надсадно была собака.

— Не к добру это, — решил Тихон Петрович и побледнел от страха. — Не к добру.

Гуляя по двору Тихон Петрович остановился, ему показалось, что у колодца что-то блестело. Он отошел в сторону. Действительно, в мутном лунном свете блестел какой-то предмет. Испугавшись до дрожи в коленках, Тихон Петрович на цыпочках подошел к колодцу.

Он обшарил темноту руками и наткнулся на что-то гладкое. Это был небольшой, потертый чемоданчик. Под ручкой тускло поблескивала металлическая пластинка с буквами СВД.

Дико вскрикнув, фотограф прижал чемодан к себе, лошадиному выбрасывая ноги, помчался домой.

— Ты что, угорел что ли, — встретила его жена, спокойно перебивавшая посуду. Но, взглянув на Тихона Петровича, она поняла, что случилось что-то из рук вон выходящее.

— СВД, — бормотал фотограф, — СВД.

— Тьфу, — сплюнула Агафья Ефимовна, — заладила сорока Якова. Что у тебя за чемоданчик?

Тихон Петрович положил чемоданчик и стуча зубами ответил.

— Во дворе на-а-а-шел.

— Во дворе, — недоверчиво протянула супруга, — а ну-ка открою. — Вооружившись ножом она наклонилась к чемодану. Язычок щелкнул и прыгнул вверх.

Внутри на темной обивке, тускло поблескивая никелем и медью деталей, лежал странной формы аппарат.

— А-а, — простонал Тихон Петрович, — адский снаряд.

— Ахти, господи, — ахнула Агафья Ефимовна, чуть ли не в первый раз в жизни теряя равновесие. — Адский.

Тихону Петровичу все стало ясно. Мозг удивительно услужливо связывал факты в одно страшное целое.

— Нет, ты пойми, — вскрикивал он, — ты только пойми. — Тряслась реденькая мочальная борода, вздрагивала нездоровой синевой склеротическая жилка на виске, и костлявый палец прыгал по газетной заметке.

— Ты прочти только — «Союз великого дела». А как сокращенно будет по-советски? — СВД. А здесь что написано? — ткнул он пальцем в металлическую пластинку.

— СВД, — обалдело прошептала Агафья Ефимовна.

— Вот, вот, — почти торжествующе выкрикнул Тихон Петрович, — СВД. Значит, это и есть адский снаряд.

Глаза его блестели. Нескладная фигура выпрямилась. То, что его вечные страхи наконец оправдались, доставляло какое-то неизъяснимое, странное наслаждение.

Агафья Ефимовна, как подкошенная, опустилась на стул. В первый раз за всю жизнь она испытала подлинный страх.

— Так вот, — все больше и больше входя в роль, ораторствовал Тихон Петрович. — Вот явится к нам ГПУ и спросит: «Вы Тихон Петрович Кусачкин-Сковорода?» — «Я». — «А чем вы занимались до семнадцатого года?» — «Кустарь-одиночка». — «А что вы можете сказать касательно этого аппарата, откуда вы получили его и не есть ли вы член «Союза великого дела?» И пойдут, и пойдут...

— А потом-то что? — одними губами прошептала Агафья Ефимовна.

— А потом известно что — тюрьма, а то и расстрел.

Произнеся последнюю фразу, Тихон Петрович весь как-то осел, словно из него вынули кости и осталась одна мякоть. Все оживление и минутный пыл исчезли. Он отчетливо представил себя сидящим в тюрьме.

Всю ночь проговорили супруги, тяжело ворочаясь в постели.

— Тиша, а Тиша, а ежели его в колодец бросить, — шептала Агафья Ефимовна.

— Найдут, — угрюмо отвечал Тихон Петрович, — первым делом будут в колодце искать.

— А, может быть, в печь заделать.

— Как же можно, а ежели он там разорвется.

И только когда в щелях ставень закачался мутный расцвет, супруги решили закопать аппарат подальше за городом.

— Завтра ночью, — пробормотал Тихон Петрович.

— Завтра, — сонно ответила Агафья Ефимовна.

До позднего утра снились ей три огромные буквы СВД. Они кривлялись, строили рожи, высовывали языки, а она бегала за ними с лопатой. Тихон же Петрович сидел верхом на адской машине и почему-то не своим голосом пел «купи ты мне, матушка, красный сарафан». А рядом толстый военный беспрерывно стрелял из пушки вверх.

Целый день Тихон Петрович ходил, словно опущенный в воду. Работа не ладилась. Он с утра неправильно установил аппарат, смотрел невидящими глазами в фокус и деревенно повторял знакомые слова:

— Смотрите сюда.

— Голову налево.

— Улыбнитесь.

— Спокойно, снимаю.

А вечером, проверяя негативы, он с ужасом заметил, что аппарат был неправильно установлен и потому на фотографии вышли одни туловища без ног и без головы.

Агафья Ефимовна тоже ходила как потерянная, даже есть и то не хотелось. К вечеру небо заволокло тучами.

— Погода благоприятствует, — решил Тихон Петрович и ему стало легче.

За городом, где кончались редкие домики, бесконечными рядами тянулись огороды угорских индивидуалов. Сюда-то поздней ночью и направились супруги Кусачкины.

У Тихона Петровича под пальто был спрятан заступ, Агафья Ефимовна под накидкой несла чемодан.

Город опустел и слепо смотрел бельмами ставень.

В поле на пригорке стояла одинокая береза.

— Здесь, — прошептал Тихон Петрович, опуская заступ.

Вырыв яму аршина в полтора, Тихон Петрович взял модель, увернутую в старую холстину. Бережно положил ее на дно ямы, аккуратно засыпал землю, заложил дерном и облегченно вздохнул.

— Следы скрыты, — пробормотал он.

— Скрыты, — успокоенно проговорила Агафья Ефимовна и, помедля, добавила.

— Пойдем, Тиша, поужинаем, страсть как есть захотелось.

Плыли редкие, рябые облака. Ветер путался в изгороди, сыростью и свежестью дышала трава, а в земле на глубине полутора аршин, плотно увернутая в старую холстину, лежала модель инженера Драницина.

Глава V БОБРИКОВ ДЕЙСТВУЕТ

Учрежденческий день начался обычно.

Бобриков, как всегда за пять минут до десяти, уселся в стеклянную будку. Голова у него болела. Ночью он плохо спал. Все было решено. Дома в небольшом чемоданчике лежало белье, документы на имя Пимена Степановича Дужечкина, члена союза рабпроса. Документы эти Бобриков как-то случайно нашел на улице и сохранил их на случай. А теперь онигодились.

Он готовится начать новую жизнь. Желанный миллион становился явью, он сам плыл в руки.

В час дня, после завтрака он сходил в банк и принес двадцать шесть тысяч.

План был прост.

Бобриков думал затянуть выдачу зарплаты и перенести уплату на день после выходного. А потом, уложив деньги в портфель, запечатать кассу и уйти, чтобы больше не возвращаться в учреждение никогда.

— Что это у вас вид такой странный, — спросил его главный бухгалтер, когда Бобриков проходил с деньгами в кассу. — Заболели вы что ли?

Бобриков вздрогнул.

«Неужели подозревают», — подумал он и, что-то промямлив, прошел к себе.

— А я вас, товарищ Бобриков, сегодня не узнала, видно вам богатым быть, — прострекотала живая черноглазая

девчонка — курьер внутренней связи, передавая Бобрикову пачку документов.

У Бобрикова похолодело в животе.

«И эта тоже» — подумал он. Очевидно, подозревают. Решимость его падала.

В три часа он начал платить зарплату. Сотрудники выстроились в очередь. Шуршали ведомости, хрустели кредитки и слышалось однотонное: «распишитесь», «получите», «копейка за мной».

Часа в четыре, раздав тысяч восемнадцать, он захлопнул окно и вывесил бланк: «Касса закрыта».

Сотрудники заволновались: — Почему? Как?

Бобриков молча показал на часы. Занятия кончились. Все знали, что кассир формалист и, поволновавшись, побрели к выходу. Только тощая, высокая машинистка кричала густым контральто:

— Это подвох, определенный подвох!

Бобриков ежился и кряхтел. Временами он решал бросить всю эту затею. Но вот перед глазами плыл миллион, и колебания кончались. Стрелка показывала половину пятого. Наступала решительная минута. У Бобрикова выступил пот на лбу. Пачки денег лежали на столе. Их можно было положить в несгораемый шкаф, и тогда послезавтра опять на работу, опять с девяти до четырех стеклянная будка и вечером обшарпанная комната, вечно ноющая старуха мать и нехватки. Деньги можно было спрятать в портфель и впереди свободная жизнь, охота за таинственной моделью и миллион, или...

— Ну, заключенный, — раздавалось над ухом.

Бобриков вздрогнул. ...«Или тюрьма», — мелькнуло в сознании.

— Ну, заключенный, — повторил веселый голос, — когда вы из вашей тюрьмы вылезете?

Веселый счетовод Галстучкин стоял у окошечка и улыбаясь, смотрел на Бобрикова.

— А, это вы, — растерянно ответил Бобриков. — Не скоро еще. Кассу надо свести.

Он взял портфель и сделал вид, что ищет какие-то документы. На стол выпала маленькая записная книжечка в коричневом переплете с золотым тиснением.

Бобриков испуганно поднял глаза, но Галстучкина уже не было.

— Еду, — вдруг решительно и почти громко сказал Бобриков. Ему стало легко и ясно. Он аккуратно уложил в портфель восемь пачек по тысяче рублей каждая. Запечатал кассу и вышел в вестибюль.

— Эк вы его набили, — мигнул в сторону портфеля уса-тый сторож.

— Да, дела всё, — бодро ответил Бобриков, принимая пальто. На улице стоял ясный, теплый день.

Поздно вечером старуха мать бесшумно вошла в комнату сына.

— Миша, а Миша, иди чай пить.

Сын обернулся и свет лампы упал на него. Старуха охнула и, дико вскрикнув, заковыляла к двери. У стола стоял незнакомый человек с гладко выбритой головой, рыжеватыми усиками и в дымчатых очках.

— Тише вы, — пробормотал человек, подбегая к старухе и схватив ее за руку. Голос был знакомым. Это говорил сын.

— Мишенька, да ты ли это, да что с тобой, — охала старуха.

— Молчите, мамаша. Уезжаю я. Вот вам две тысячи. Живите и никому ни слова. Пропал, мол, и неизвестно куда, видом не видела и слыхом не слыхала. Поняли?

— По-о-оняла, — бормотала старуха. — Да куда ты в такую пору-то? А служба-то как?

— Со службы и бегу, — прохрипел Бобриков. — Слушай, мать, скоро я буду богат, жить буду не здесь, а в Париже. Тогда выпишу. Приезжай, а сейчас молчи.

Он быстро схватил маленький чемоданчик и нырнул за дверь. Старуха перекрестилась и одними губами прошептала:

— Дай-то, Господи.

— Сегодня Бобриков на работу не вышел, — докладывал бухгалтеру помощник.

— Что это с ним? Такой аккуратный человек и вдруг... Заболел, наверное. Пошлите-ка к нему курьера, — распорядился бухгалтер.

Через час в учреждении приглушенно шептали:

— Растрата. Бежал.

В стеклянной будке слесарь ломал несгораемый шкаф. Трое унылого вида мужчин стояли около, чинили карандаши и готовились составлять акт.

Редактор стенгазеты строчил громовую статью под заголовком «Растратчик вставляет кол в спину мировой революции».

А в это время на станции Горохов из вагона вышел невысокого роста щупленький человек в темном пальто, с бритой головой, с рыжими усиками. В руках он держал небольшой чемодан. Было утро. Мирно дремали домики, обросшие ставнями, палисадниками, калиточками, на широкой улице пылили куры, изредка тарыхтела телега да маленькая сморщенная старушонка истово крестилась на ржавый крест колокольни.

Бобриков, сдав вещи в багаж, с портфелем под мышкой отправился на поиски квартиры. Ему не хотелось идти в гостиницу. Там легче было попасться. Шатаясь по городу, Бобриков увидел небольшой домик с застекленной пристройкой; над дверью висела вывеска:

«Т. П. Кусачкин-Сковорода — фотограф из Парижа. Молниеносное и точное изображение лица и фигур товарщиц клиенток, клиентов и детей».

В окне тускло объявление «Сдается зала в наем». Бобриков вошел. Встретила его Агафья Ефимовна. Тихон Петрович после ночного путешествия болел и даже не работал.

«Зала» была маленькая, но уютная. Агафье Ефимовне Бобриков понравился степенностью и рассудительностью.

«Не щелкопер какой-нибудь», — подумала она, принимая задаток.

— А документик ваш, — попросила ока.

— Пожалуйста, — ответил Бобриков, протягивая ей членский билет профсоюза Рабпрос на имя Пимена Андреевича Дужечкина.

— Ну вот, все в порядке, значит, сегодня и переедете?

— Сегодня, — ответил Дужечкин-Бобриков.

— А вы что же, здесь работать будете?

— Буду.

— И, поди, по театральной линии?

— Нет, по педагогической.

В полдень Бобриков-Дужечкин перетащил на новую квартиру свои немудрые пожитки.

— Хороший человек, — говорит Агафья Ефимовна своему мужу.

— А он, того, не преступник, — почти бессмысленно пробормотал Тихон Петрович.

— Тьфу, — даже рассердилась Агафья Ефимовна, — и все-то у тебя на уме одно и то же.

На другой день Бобриков отправился в гороно. Документы о стаже произвели впечатление, но подходящих мест не было. Наконец, после длительных разговоров ему предложили работать в школе для трудновоспитуемых детей.

Это устраивало как нельзя лучше. В колонии он встречался только с узким кругом людей, был в известной мере отрезан от мира. А это как раз и было нужно.

Секретарь подписал приказ. Завтра в девять часов надо было идти на работу.

— Устроился, — радостно сообщил Бобриков-Дужечкин Агафье Ефимовне.

— Устроились уж, — воскликнула она и про себя восхищенно подумала: «Орел, чистый орел».

Глава VI

СЕМЕЙНЫЙ ВЕЧЕР У ПАРИКМАХЕРА ФЕЧКИНА

— Нютка, опять у тебя пирог подгорел?!

— Ну и такой съедят, — философски ответила босоногая девчонка, сердито громыхая противнями. — Подумаешь.

— Все грубишь, — предостерегающе протянула Нина Петровна Фечкина. — Смотри, рассчитаю.

— Ну и рассчитывайте, — так же спокойно ответила Нютка.

Нина Петровна оскорбленно вздохнула, привычным движением руки взбила кудряшки и вышла из кухни.

Готовился семейный вечер.

Ягуарий Сидорович в новом полосатом костюме, напомаженный и надушенный, ходил по столовой. Новые ботинки немилосердно жали, но он пытался сделать радостную физиономию и довольно взглядывал на стол, уставленный закусками и выпивкой.

— Скоро собираться начнут, — промолвила Нина Петровна, охорашиваясь перед зеркалом. — Только предупреждаю, Ягуар, чтобы все было прилично. Особенно смотри за этим Кусачкиным-Сковородой и Федором Кузьмичем. Они вечно напьются и начинают с женами ругаться. И еще не разводи ты, пожалуйста, споров с Чубукеевым. Для споров есть заседания.

Гости собирались с опозданием. В передней долго ахали. Мужчины жали друг другу руки, женщины целовались, поправляли прически и, накинув шелковые шали, чинно шли в парикмахерский зал, срочно переоборудованный в гостиную.

В зале пахло вежеталем и бриолином.

Собрались все свои. Петя Укротилев — счетовод комхоза — принес с собой патефон. Федор Андреевич притащил пластинки. Пришли два старичка англомана, оба с англо-русскими словарями под мышкой. Прошипев неизменное «хаудуиду», они уселись в угол и листали словари. Один

задавал вопрос, а другой отыскивал нужные слова и отвечал.

Пришла тетя Паша с супругом.

Затаив в лице страх, явился Тихон Петрович с Агафьей Ефимовной.

К ужину пришел известный краевед археолог Чубукеев, вечно невымытый в неопрятном костюме, с огромной, грубо сделанной трубкой во рту. Был он заклятый враг Ягуария Сидоровича, и поносил его на всех перекрестках как невежду и авантюриста, ни черта не понимающего в археологии. Пришел же он, чтобы мимоходом выведать, какие открытия сделал за последнее время парикмахер.

Были кроме того девицы разных возрастов в файдешиновых и крепдешиновых платьях. Молодые люди с проборами и в ботинках джимми. Ждали, что придет единственный в городе признанный и печатавшийся поэт — Павел Трепещущий (псевдоним), живший у парикмахера, но он отказался наотрез, заявив, что ему надо творить, и весь вечер, снедаемый поздним сожалением, провалился на жесткой постели.

Дамы ютились на диванчике и кушали карамель. Федор Кузьмич молчаливо сидел в углу и листал семейный альбом. Тетя Паша время от времени делала ему замечания.

— Федор, (в обществе она именovala его Феодор, с ударением на последнем слоге) у вас (в обществе она называла его на вы), у вас грязный платок. Спрячьте.

Федор Кузьмич покорно прятал платок.

— Феодор, у вас резинка у носка расстегнулась.

Федор Кузьмич так же покорно пристегивал резинку.

Было в меру скучно. Молодежь, правда, развлекалась, играли в шарady, танцевали. Простуженно шипел патефон.

Наконец хозяин пригласил к столу. Гости разом повеселели и, шумно разговаривая, двинулись в столовую.

— Люблю-с, — восклицал толстый бухгалтер из Химтреста, — люблю-с, когда это, знаете, в центре бутылочки, по бокам закусочки, по краям тарелочки и вокруг прекрасный пол и вообще выпивон. По первой.

Застучали ножи, зазвенели рюмки.

— Пирожка попробуйте.

— Мне колбасу подвиньте.

— Как это только вы грибы маринуете, Нина Петровна, какой-то секрет у вас есть.

А шепотом на ухо:

— А пирог-то подгорел.

— Колбасу-то как нарезали, ровно бумага просвечивает.

И снова:

— Пейте, кушайте.

— Да что же вы ничего не берете.

После пятой рюмки старички со словарями поминутно выкрикивали:

— Иес.

— Ол райт.

Дамы жеманничали, отодвигали рюмки, взвизгивали и под сурдинку отвечали на пожатья ножек под столом.

Известный краевед Чубукеев пил мрачно. За весь вечер он ничего не узнал.

После ужина мужчины, забрав рюмки и блюдо с селедкой, пошли в спальню хозяина.

Нина Петровна прошипела вслед:

— Следи за Федором Кузьмичем и Кусачкиным.

— Слежу, душечка, в о-оба, — не совсем внятно ответил Ягуар. В спальне выпили по первой, по второй, по пятой.

Федор Кузьмич начал плакать.

— Лысею я, несчастный я человек. А все от того, от нее, аспиды-василиски. Падают мои волосы, падают, — и он слезливо сморщился.

— Ты, Ягуар Сидорович, должен мне средство дать.

Ягуар хитро усмехнулся и, взяв с окна флакон, помахал им перед носом Федора Кузьмича.

— Вот видишь, патентованное.

Федор Кузьмич оживился:

— Па-па-патентованное, говоришь ты? Дай.

— Денег стоит, — сухо ответил Ягуар, ставя флакон на место. — Строго секретно и собственного изобретения.

— Ягуар Сидорович, богом молю, дай, — пристал Федор Кузьмич. — Ведь облысею я. Что хочешь бери, только отдай.

— Пять червонцев, — бухнул Ягуар Сидорович и даже побледнел от неожиданности.

— Десять бы не пожалел, кабы были. Нет.

— А нет, так нет.

Внезапно Федора Кузьмича осенила мысль. Он сунул руку в карман и вынул оттуда часы с инициалами Драницина.

— Вот возьми в обмен, только дай.

Ягуар Сидорович недоверчиво улыбнулся и взял часы.

Гости принялись осматривать их.

— Хороши, — изрек бухгалтер.

— Хороши, — соглашался Ягуар.

— Бери, — бормотал Федор Кузьмич, — только дай средство, и жене ни гу-гу. Она человек нервный.

— Ну ладно, бери, только для тебя уступаю, — снисходительно проговорил Ягуар Сидорович, передавая флакон Федору Кузьмичу.

Тот немедленно подошел к зеркалу и, откупорив флакон, густо намазал макушку жидкостью.

Часы переходили из рук в руки.

— Разрешите посмотреть, — заплетающимся языком пробормотал фотограф. Ягуар передал ему часы.

— А-а-а, — вдруг закричал Тихон Петрович, — СВД.

Гости переглянулись.

— Ягуар, откажись, — кричал побледневший фотограф, — тебе говорю, откажись... Союз великого дела. Я, брат, все знаю, — подмигнул он. — Ты, брат, только раскопай, не то увидишь.

Мрачный краевед Чубукеев, услышав слово «раскопай», сразу же насторожился как гончая. Оживился и Ягуар.

— Что раскопать, — враз вскрикнули они.

— Ты не хитри, на Угорье-то, брат, под березой. Там, брат, ценность, ты только не смей и часы не бери... Слышишь, — и фотограф, бессильно покачнувшись, свалился на пол.

— Наклюкался, — сочувственно проговорил толстый бухгалтер, наливая десятую рюмку. — Слаб человек.

— Мне пора, — мрачно произнес краевед Чубукеев и про себя повторил: «На Угорье под березой».

— Пошли уже, — поднялся Ягуар и беззвучно прошептал: «Под березой на Угорье».

Гости стали расходиться. Бесчувственного Тихона Петровича Агафья Ефимовна вместе с толстым бухгалтером уволокли домой.

— Не правда ли, как удался вечер, — бормотал Ягуар Сидорович, натягивая пестрое ватное одеяло.

— А ты заметил, как много ест этот толстый бухгалтер. Конечно, мне не жаль, но это просто невежливо, — проговорила Нина Петровна, поправляя подушку.

— М-да.

Дом заснул.

Только поэт Павел Трепещущий (псевдоним) лежал одиноко на жесткой постели и терзался поздним раскаянием.

Где-то заунывно выла собака.

Глава VII КОМСОМОЛЕЦ ПЕТЯ

— Я несчастна, я глубоко несчастна, — говорила Женя. — Он бросил меня, он уехал неизвестно куда. Вы не можете себе представить, что это за человек. Это изверг.

Комсомолец Петя слушал, слегка наклонив набок вихрастую голову.

С Женей он познакомился в клубной библиотеке. Она поступила работать и дежурила в абонементе. Петя как-то разговорился и обнаружив, что она заражена мелкобуржуазными принципами, взялся за ее перевоспитание. Он таскал ей целые кипы книг по политграмоте, читал газетные передовые, пробовал проработать решение второго пленума окружкома комсомола. Женя любила экзотику; знакомство с вихрастым комсомольцем забавляло ее. Правда, проработ-

ка шла плохо, разговор неизбежно сползал «на бытовые темы», как выражался Петя.

— У него были такие жестокие глаза, — продолжала Женя. — Знаете, Петя, временами я боялась его. Да вот, посмотрите фотографию. — И Женя, взяв со стола групповую карточку, висевшую в лаборатории инженера, передала ее Пете.

— Вот он.

Ничего зверского в облике инженера Петя не нашел, но он показался ему знакомым.

«Где-то я его видел», — мелькнуло в уме.

Он хотел было отложить карточку на стол, но вдруг увидел на фотографии девушку, почти подростка. Она глядела немного вбок и на груди у нее комично топорщилась пионерская косынка.

— Таня, — прошептал он. — А скажите, товарищ Женя, — спросил Петя, — эта девушка вам знакома?

— О да, — сморщила носик Женя, — еще бы. Представьте, он влюбился в нее еще когда мы жили на Ванновском заводе. Он таскался за ней везде и всюду. Я недавно нашла целый ворох записок этой безнравственной девчонки.

Петя издал какой-то неопределенный звук, не то охнул, не то простонал, взъерошил волосы и попрощавшись вышел.

Да, теперь все ясно. Вот почему Таня не обратила на него внимания. Это было еще в прошлом году. Они вместе работали в пионеротряде, и в один изумительный мартовский вечер Петя почувствовал себя безусловно влюбленным. Он долго боролся с этим мелкобуржуазным предрассудком, усиленно обливаясь холодной водой, делал гимнастику, играл в хоккей и волейбол и читал вслух «Анти-Дюринга», но все безрезультатно. В мозгу то и дело мелькал нежный девичий профиль, обрамленный каштановыми волосами.

Петя мрачнел. С Таней он был нарочито груб. Та, казалось, ничего не понимала, только удивленно вскидывала глаза и потом смеялась и спрашивала:

— Что с тобой, Петька?

Петя краснел, бормотал что-то нечленораздельное. Собираясь в пионеротряд, он подолгу стоял перед овальным зеркалом, разглаживал непокорные вихры, тщательнее чем обычно завязывал галстук.

В один из вечеров они возвращались вместе домой.

Воздух был влажен, пахло талым снегом и сыростью, тяжелые капли то и дело падали с крыш. В небе плыли легкие перистые облака и мелькали редкие звезды. На скамейках бульвара сидели парочки и откровенно целовались.

Разговор не клеился.

Вдруг Петя схватил Таню за руку и приглушенно сказал:

— Сядем.

Таня вздрогнула, непонимающе взглянула на Петю, но покорно села на скамью.

— Я больше не могу, — сказал Петя каким-то странным, глухим голосом и сжал Танину руку. — Слышишь, не могу.

— Да, — полуспросила Таня.

— Да, я не в силах бороться с этим мелкобуржуазным чувством. Ты можешь не уважать меня как комсомольца. Но я тебя люблю.

Пете стало легче и весь мир стал простым и ясным, и почему-то хотелось бежать и кричать полным голосом что-то хорошее и большое.

Таня неожиданно помрачнела, тихонько высвободила руку и задумчиво наклонилась.

Петя похолодел.

— Не надо, Петя, брось, — сказала Таня. — Ты хороший парень, я тебя очень люблю, но понимаешь...

— Не так, — упавшим голосом произнес Петя.

— Ну да, понимаешь, не так...

Петя тряхнул головой, неожиданно поднялся и, не простившись, быстро, почти бегом помчался по темной аллее.

С этой минуты Петя почувствовал себя глубоко несчастным. Он купил томик стихов Есенина и один раз попробовал даже выпить, но ни то, ни другое ему не понра-

вилось. Он как-то возмужал, с Таней вел себя сдержанно и старался не оставаться наедине.

— Теперь все понятно, — говорил он сам себе, возвращаясь от Жени. — Все ясно. — В памяти встала встреча в театре. В антракте он увидел в фойе Таню. Она что-то оживленно рассказывала высокому нескладному мужчине. У него был немного усталый взгляд. Лицо было сухое, с глубоко сидящими глазами и резко очерченным подбородком, обрамленным небольшой бородкой.

— Гнилой интеллигент, — злобно прошептал Петя.

Таня заметила его и ласково кивнула головой. Людской поток унес их дальше.

На другой день Петя не выдержал. Оставшись с Таней наедине, он ехидно сказал:

— Разлагаешься, связываешься с чуждым элементом. Порываешь с родной средой.

Ему было стыдно, он чувствовал, что слова были глупы и неуместны, но язык не слушался и он говорил грубо и ненужно.

Таня как-то сжалась. Посмотрела осуждающе строго и, ничего не сказав, вышла из комнаты.

— Ах я ду-у-у-у-рак, — прохрипел Петя.

Ну, конечно, Женя была права, он не мог не быть извергом, это ясно. И подумать только: Таня и он.

Петя злобно сжимал кулаки, трепал вихры и раздраженно шагнул по комнате.

Где Драницин? Неужели в Москве? Ведь Таня уехала туда же и в редких открытках сообщала, что учится на втором курсе химфака, что Москва замечательная, звала приехать.

Неужели они вместе, но зачем же она звала в Москву? Голова шла кругом. Мозг отказывался что-либо понимать. В этот вечер Петя не мог заниматься. Свежая книжка «Молодой гвардии» и номер «Комсомольской правды» остались непрочитанными.

Петя строил планы. Таню надо было спасти от изверга. Это было ясно. Но как?

— Дело надо выяснить, — вслух сказал Петя и лег спать. Со следующего же вечера Петя приступил к выполнению своих планов.

Он зачастил к Жене, сводил разговор на мужа. Женя была болтлива. Она охотно рассказала Пете, что Драницин что-то такое изобрел, она показала ему лабораторию, она вспомнила события, предшествовавшие исчезновению инженера. Сообщила, что, по слухам, на него, когда он шел по улице в день исчезновения, кто-то нападал и что чуть не украли чемодан.

Вся эта история очень заинтриговала Петю. Он почувствовал, что здесь дело не так уж просто.

Петя написал письмо приятелю в Москву с просьбой сообщить, как живет Таня, не вышла ли она замуж, не бывает ли у ней высокий мужчина по фамилии Драницин.

Ответ не заставил себя ждать.

Приятель писал, что Таня девочка боевая, что живет она, безусловно, одна, что никаких Дранициных у нее не встречал, что у нее большая общественная нагрузка. Дальше на полутора страницах шел перечень Таниных обязанностей. Кончалось письмо советом бросить мещанские интересы, не отрываться от масс и вообще не разлагаться.

Петя попал в тупик. Надо было все выяснить. Но как? Надо было доказать, что Драницин изверг.

Разгоряченный мозг подсказал новый вариант. Драницин сделал ценное изобретение и скрылся за границу. Это понравилось, и Петя не задумываясь написал письмо Тане, где подробно изложил свою точку зрения, клеймил Драницина, как предателя и изменника. Получилось дико, но увлекательно.

Почта и телеграф несли письма и депеши. Люди пытались найти нить и терялись в догадках.

— Он уехал, он бросил меня, ну что ж... — говорила Женя, целуя рослого мужчину в сером заграничном костюме.

«Он предатель рабочего класса», — писал комсомолец Петя.

«Новых сведений об инженере Драницине не поступало», — читал в сводках человек в ромбах.

«Почему же ничего он не напишет, что с ним», — думала по вечерам девушка с каштановыми волосами, утомленная сто одной нагрузкой.

Модель инженера Драницина мирно покоилась в городе Горохове в земле на Угорье под березой. Часы его весело тикали в боковом кармане полосатого костюма, облегающего гороховского парикмахера. Записная книжка в коричневой обложке и с золотым тиснением СВД стала собственностью растратчика. Но самого инженера Драницина не было. Он исчез. Он стал именем, шифром, воспоминанием, содержанием бумаг, циркуляров, писем, но его не было, он перестал существовать и никто не подозревал, что...

Недалеко от станции Ключанской по линии железной дороги есть глухая дачная местность; несколько дач стоят в глуши соснового леса. Около лепится деревушка. На дачах живут инженеры в отставке, седенькие профессора.

Месяца два тому назад одну из дач снял высокий плотный человек. У него было бледное, словно из фарфора лицо и глаза с полуопущенными веками. Он заплатил за полгода вперед и сказал, что здесь будет жить его брат, душевнобольной, вместе с санитаром.

Одну комнату отделали мягкими матрацами, на окнах поставили решетки, и под вечер приехали трое. Одного из них ввели под руки в дом и больше его никто, никогда не видел.

Это был инженер Драницин. События состарили его немного. Глубоко ушли глаза, еще резче стал подбородок. С ним обращались вежливо. От него требовали слов, но он молчал. Он знал, что его каждую минуту могут убить. Об этом ему намекали в неизменно вежливой форме. Он молчал. Он приучил себя ко всему. Сидя в комнате, обитой матрацами, он строил планы, проекты, думал о побеге, но его сторожили зорко. Он бросил эту мысль и ушел в занятия. Книг и бумаги ему не давали. Он приучил

себя решать сложнейшие уравнения в уме. Он уточнял и проверял изобретение. Он внес в него усовершенствования. Но все это было гимнастикой ума. Он знал, что у него было только два выхода — предательство или смерть. Первый зависел от него, второй от них. Но он скорее согласился бы умереть, нежели отдать этим людям свое изобретение.

Он молчал.

Часто перед ним выплывала его прошлая жизнь. Многое казалось отвратительным и смешным. И тогда глаза его становились уже и смотрели строго и осуждающе.

Но вот в памяти всплывал образ девушки с каштановыми волосами. Тогда становилось теплее на сердце и хотелось жить. Хотелось работать, ходить в театр, бегать на лыжах, играть с детьми.

Глава VIII РАСКОПКИ

Ягуарию Сидоровичу всю ночь снилась береза, она угрожающе шумела и в шуме этом явственно слышалось:

— Не подходи.

К березе крался известный краевед Чубукеев, на спине и на груди у него висели заступы, кирки и четыре рюкзака. Ягуарий Сидорович обливался холодным потом и стонал. Под утро, когда стало светать, он проснулся. Голову ломило и тяжело билось сердце.

Он пытался отыскать причину беспокойства. Но мысли бились путанно и смутно. С трудом припомнил он вчерашний вечер, часы, и вдруг выплыла фраза: «под березой на Угорье».

Ягуарий Сидорович задрожал, спустил босые ноги на пол, выпил стакан холодной воды.

«Не опоздать бы, — подумал Ягуар, — только бы не опоздать».

Тихонько оделся. На четвертушке бумаги написал крупными буквами:

Парикмахерская закрыта по причине выбытия в научную командировку.

Перманент (быв. Фечкин)

Повесил объявление в окне. Отыскал в кладовой заступ и кирку, напялил на плечи рюкзак и вышел на улицу.

Чуть светало, над старыми домишками полз туман, было свежо и сыро.

Ягуарий Сидорович быстро зашагал по направлению к Угорью. Когда он подошел к горе и взобрался на нее, почти рассвело. Одиноко стояла береза. Ягуар Сидорович осмотрел местность и удовлетворенно усмехнулся. Никого не было.

— Начнем, — прошептал он, ускоряя шаг, но, подходя к березе, обомлел. Вся местность вокруг березы в радиусе пяти метров была густо утыкана столбиками, на которых нагло топорщились дощечки с ненавистой надписью:

«Застолблено. Археолог Чубукеев».

— Тьфу, — выругался Ягуар, — уже успел.

Он постоял в нерешительности. Потом неожиданно быстро снял заступ и смаху ударил по ближайшему столбику.

— Ну его к черту, — начну. — Перманент выбросил столбики, сложил из них костер и начал копать.

Прошел час, другой. Работа шла хорошо. Было уже совсем светло. Пот градом струился по лицу Ягуара Сидоровича, но кроме земли он ничего не находил.

«Обман, — решил было он, утирая рукавом лицо. — Пожалуй, бросить надо». Но в этот момент заступ нырнул в яму и зазвенел, жалобно стукнувшись обо что-то. Ягуар Сидорович, потеряв равновесие, взмахнул руками и упал в яму следом за заступом. Чем-то больно ударило щеку, но он ничего не замечал. Руки его нащупали какой-то странный предмет. Он вытащил его наверх и наклонился, чтобы осмотреть место находки.

— Что вы тут делаете?! — раздался голос.

Ягуар Сидорович выглянул. К яме, махая заступом, бежал известный краевед Чубукеев. Лицо его было искажено, рюкзак сбилсЯ и отчаянно бил краеведа по боку. Фуражку он, видимо, потерял и волосы перьями торчали на маленькой голове.

— Что вы делаете, мерзавец, — кричал он на бегу.

— Я вас не понимаю, Элиозавр Дормидонтович, — с достоинством произнес Ягуар, вылезая из ямы.

— Как не понимаете? Притворщик. Это мое место. Я за-
столбил его.

— Ничего не видел, — недоуменно пожал плечами Ягуар Сидорович, — и прошу вас не мешать мне заниматься изысканиями.

— Я вам покажу изыскания! — взвизгнул Чубукеев и бросил в Ягуара Сидоровича заступом.

Заступ пролетел мимо и звенЯ ударился в березу.

— А вот вы как, — рассвирепел Ягуарий Сидорович. — Так знайте, что вы подлый человек, что я, я, я...

Ягуарий Сидорович задохнулся и с трудом кончил:

— Я нашел...

Чубукеев побледнел, поднял сжатые кулаки и врукопашную бросился на Ягуара Сидоровича.

Тот мужественно принял первый удар.

— Она моя, моя, — хрипел Чубукеев. — Отдайте ее мне.

— Ни за что, — шипел Ягуар, бестолково нанося удары в живот и грудь противника.

— Ох, — неожиданно простонал Чубукеев. Нога его поскользнулась, и он нырнул в неглубокую яму.

— Убивают, на помощь! — кричал он.

Ягуарий Сидорович осмотрел поле сражения. Здоровенный огородник, размахивая лейкой, бежал к березе.

Надо было отступать.

Схватив находку и оставив на поле рюкзак и заступ, Ягуар Сидорович рысью побежал под гору.

— Держите его, держите! — кричал Чубукеев, вылезая из ямы. — Это вор и плагиатор!

Огородник непонимающе моргал, слушая бестолковые объяснения, но соблазненный обещаниями, что в случае поимки его вознаградят, бросился в погоню, нелепо размахивая на ходу лейкой.

В это утро обыватели города, отправляясь на базар, были встревожены небывалым зрелищем.

По главной улице, судорожно зажав под мышкой какой-то предмет, неся Ягуар Сидорович Фечкин, он же Перманент. Со щеки его текла кровь. За ним, размахивая огромной лейкой, бежал здоровенный детина. Подальше, прихрамывая, ковылял вприпрыжку известный археолог Чубукеев. Он кричал не своим голосом.

— Плагиатор, жаловаться буду!

Ягуар Сидорович пулей пронесся по улице, забежал во двор, замкнул калитку и бессильно опустился на землю.

Огородник, видя, что беглец скользнул за ворота, остановился как вкопанный, постоял, махнул лейкой и побрел обратно. Известный краевед Чубукеев поднял тяжелый камень и злобно бросил его в ворота, и тотчас же над забором возникла физиономия Ягуара Сидоровича.

Он торжествующе засмеялся, показал Чубукееву язык и скрылся.

Чубукеев сморщился, заплакал и свернул в переулок. Модель инженера Драницина стала яблоком раздора между двумя крупнейшими археологами города Горохова.

Она лежала на столе парикмахера, тускло поблескивая медью и никелем деталей, и Ягуар Сидорович любовно гладил и похлопывал ее и, радостно потирая руки, шептал:

— Палеолит, подлинный палеолит.

Глава IX

ПЕТЯ ЕДЕТ В МОСКВУ

Петя не дождался ответа от Тани. Сегодня утром ему сообщили, что он назначается руководителем экскурсии пионеров в Москву. Петя сделал серьезное лицо, сказал, что

перед трудностями он не спасует. Придя домой, он достал небольшой чемоданчик и, заглянув в кухню, сказал как будто бы мимоходом двум домашним хозяйкам:

— Еду в Москву с малышами. Очень, знаете, ответственное поручение.

Поезд отходил в два часа.

На вокзале бестолково сустились люди, на гряде узлов и чемоданов сидели пионеры, окруженные провожающими.

Ударил колокол, началась посадка. Вот и второй звонок, третий. Поезд дрогнул, качнулся перрон, поплыли ларьки, хибара с надписью «кипяток бесплатно», красные крыши домишек, беспорядочно рассыпанных по пологому откосу горы. Ветер отнес к вокзалу веселые голоса:

*Пионер не подведет,
До свиданья, до свиданья!
Дает поезд полный ход.*

В вагоне было собрано летучее собрание, «проработали» внутренний распорядок, наметили дежурства. Ехали весело. Пели, играли и даже выпустили стенгазету.

В вагоне-ресторане в ожидании обеда устраивали веселый тарарам. По команде выкрикивали:

*Едем пятый километр,
А обеда нет как нет.*

Или

*А на кухне дело худо —
Начинают бить посуду.*

Петя хорохорился, держал себя сугубо серьезно. По всякому поводу и без повода конфликтовал с железнодорожным персоналом. Было у него обыкновение на остановках выходить после второго звонка. В этом чувствовалось какое-то особое удовольствие. Все пассажиры бегут сломя

головы к вагонам, и тут человек медленно так идет по перрону. И все наверное втайне удивляются:

— Экая выдержка.

— Какое спокойствие.

Вот уже и свисток раздался и поезд тронулся и ребята, высунувшись в окна, кричат:

— Дядя Петя, не остаешься! — А он, спокойно улыбаясь, идет по перрону. И вот уже почти остался, ан нет — на ходу небрежно вскакивает в соседний вагон и вскоре появляется.

— Что малыши, думали останусь? Ну, ну, спокойно.

Вечерело. Поезд медленно лез в гору. Петя прилег. Ребята разбрелись по вагону.

Двое пионеров Гриня и Рафка стояли у окна и по столбам высчитывали, сколько километров осталось до ближайшей станции. На их языке этот способ вычисления назывался «тайна столба». В одном из купе клеили стенгазету. Вход в редакцию был воспрещен. И вдруг в купе ворвалась Софочка, она прыгала, смеялась и вообще вела себя так, как будто это было простое купе. Секретарь редакционной коллегии попросил Софочку удалиться. Но та только передернула худенькими плечиками. Начался спор, собрались ребята.

Крик разбудил Петю.

Узнав в чем дело, он быстро навел порядок. Спать не хотелось.

Вдали мелькали огни какой-то станции. Петя пошел на платформу.

«Выйти что ли», — подумал Петя.

— Сколько он здесь стоит?

— Семь минут, — ответил проводник.

Верный своей привычке Петя вышел на станцию через пять минут после остановки.

Темнело. Не торопясь он прошел по перрону. Спустился по каменистому откосу вниз. Спросил у какой-то бабы, почему курица и, не дождавшись ответа, бросил небрежно:

— Дорого просишь.

Но вот колокол ударил два раза. Петя так же медленно, с выдержкой побрел к перрону. Робко прозвенел свисток. Поезд уходил.

«Надо бежать», — подумал Петя и прибавил шаг. Неожиданно он поскользнулся и кубарем полетел под откос прямо под ноги бабе с курицей, та вскрикнула, выронила латку и, схватив курицу за ногу, бросилась бежать прочь.

Петя встал, потирая ушибленную ногу. Вдали замирал гул уходящего поезда. Петя бросился было бежать. Но поезд ушел.

Было темно, ветер шумел в тополях, мигали огни на линии. Надо было что-то делать. Петя полез было в карман, но вспомнил, что билет и деньги остались в пиджаке в боковом кармане. Он совсем по-детски сморщился и заплакал.

Шумели тополя. С фронта белого станционного домика смотрела вывеска:

«Станция Горохов. От Москвы 6892 км»

Глава X ПАВЕЛ ТРЕПЕЩУЩИЙ (ПСЕВДОНИМ) НАХОДИТ КОМПАНЬОНА

Для писателя Павла Трепещущего (псевдоним) наступили явно плохие времена. Литература не кормила.

Года два тому назад он поместил стихотворение в районной газете. Посвящено оно было актуальнейшей проблеме сохранения телячьего поголовья и каждое четверостишие кончалось звучным рефреном:

*В ком память прошлого свежа
Телят спасайте от ножа.*

С тех пор ему удалось поместить еще три вещицы. Но горе Павла Трепещущего заключалось в том, что он был лирик и лирик старомодный. В стихах его неизменно при-

существовали девы, ланиты, грудь пышная и белая как пена, любимая женщина называлась по очереди то кумиром, то змеей коварною и криводушною. Редактор райгазеты, прочитав одно такое стихотворение, явно испугался и стал как-то сторониться поэта. Чем жил Павел Трепещущий — неизвестно. Службу он отрицал принципиально и однажды, когда ему знакомый бухгалтер предложил поступить счетоводом, он гордо ответил, что в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань, и еще ехидно добавил, что рожденный летать ползать не может.

Бухгалтер смертельно обиделся и перестал кланяться. Удручаемый материальными невзгодами, Павел Трепещущий решил извлечь доход из своей комнаты. Для этой цели он и вывесил бланк с надписью:

«Писатель Павел Трепещущий (псевдоним) (поэтирик) ищет интеллигентного гражданина (пол мужской), желающего разделить с ним одиночество и квартплату (последняя пополам и обязательно)».

День склонялся к вечеру. Писатель ходил по комнате. Была она невелика и выглядела неопрятно. На узкой койке лежал продавленный матрац и тощая подушка в несвежей наволочке. Обшарпанный стол завален рукописями и залит чернилами. Тут же стояло блюдо с надкусанным заплесневелым огурцом и стакан с водкой. На окне вместо занавески висела рогожа, а под столом стоял таз, наполовину наполненный льдом.

Павлу Трепещущему было лет за тридцать.

Одет он был в вытертую плисовую блузу (в манере Бодлера). На небрежно подстриженных волосах нелепо торчала красная феска.

— Да, я велик, — бормотал поэт. И, взяв стакан, отпил из него глоток.

— Я велик. Это бесспорно. Последняя моя поэма «Крокодил и Нил» — гениальная вещь... Но редактор, редактор... Он же не пропустит ее. Нет, надо найти иные пути.

Отыскание путей к славе давно заботило поэта. Он решил написать роман из производственной жизни. В том, что роман напечатают, Павел Трепещущий не сомневался. А дальше, когда имя его прогремит по всей стране, издатели с руками оторвут стихи, — тогда и гениальную поэму «Крокодил и Нил» можно будет издать отдельной книжкой.

— О искусство! На какие жертвы я иду ради тебя, — прошептал писатель и подойдя к столу, отодвинул гору стихов. Потом вытащил новенькую тетрадь, на заглавном листе которой было выведено — «Решающие гайки» (производственный роман). Тяжело вздохнув, он взялся за перо. Никкак не давалось начало. На листе бумаги было написано шесть вариантов. Павел Трепещущий прочитал их, недовольно поморщился и перечеркнул. Подумал. И написал:

«Старый Никифор был стопроцентным пролетарием».

Прочитал. Нет, не годится. Голое описательство. Штамп. Он снова перечеркнул строчку и написал заново:

«Мужественное, честное лицо стопроцентного пролетария Никифора мягко светилось».

Положил ручку, отпил водки.

— Пожалуй, неплохо, есть показ, есть лирика. Но все-таки слабо. Надо будет начать с описания завода.

Через минуту на листе красовалось:

«Гудели вагранки; шайбы и подшипники пели свою веселую песню, громыхал фрезер. Как любил честный пролетарий Никифор эту производственную музыку, эту бодрую и мощную симфонию социализма. Лицо его мягко светилось».

— Прекрасно. Дана среда и человек. Типические характеры в типических обстоятельствах. Как раз то, что нужно. — В это время в дверь постучали.

— Войдите.

В комнату вошел комсомолец Петя.

Петя шел из горкома комсомола. Там его встретили хорошо. Дали пятнадцать рублей. Обещали запросить, выяснить, согласовать и увязать. А пока что он получил путевку на работу в газету. Ему нужна была квартира и он очень об-

радовался, увидев объявление Павла Трепещущего. Условия явно подходили, а главное — живой поэт. Это особенно импонировало Пете. Он сразу представил себе, как впоследствии будет говорить приятелям:

— В то время я жил вместе со знаменитым поэтом Павлом Трепещущим. Ничего парень.

Писатель оглядел Петю с ног до головы и спросил:

— Что вам угодно и кто вы такой?

Петя немного растерялся:

— Я... я работник местной газеты.

— Газеты? — переспросил Павел Трепещущий. — Садитесь, прошу вас. — И он пододвинул стул.

— Я насчет квартиры.

— О проза жизни, — вздохнул писатель и, горько улыбувшись, промолвил. — А я думал, что вы принесли мне авансы и славу... Ну что же, поговорим.

Писатель пододвинул стул, сам сел на кровать и стал говорить, изредка впадая в приподнятый тон. Осведомившись, кто такой Петя, он заявил, что рад жить под одной кровлей с лучшим представителем молодого поколения.

— А сколько вы платите? — спросил в свою очередь Петя.

Павел Трепещущий помялся. Говоря откровенно, он парикмахеру платил натурой (редактировал и переписывал его научные изыскания), но Пете он заявил:

— Двадцать рублей, — и, придвинувшись, прошептал, — хозяин — эксплуататор, почти классовый враг, будем бороться вместе.

Петя крепко пожал протянутую руку.

Условия подходили. Соглашение состоялось. Писатель попросил три рубля в задаток и, получив их, оживился.

Оставшись один, Павел Трепещущий постоял немного, словно в раздумьи, привычным движением тронул волосы, достал стоявшую в углу початую бутылку, налил большой стакан, выпил залпом и закусил огурцом. Потом он подошел к столу, презрительно бросил тетрадь с производственным романом в сторону, приспустил рогожную занавеску, по-

правил на голове феску, поставил ноги на лед и, морщась от холода, на большом листе бумаги начертил «Конец одиночества» (поэма).

Но он написал только одну строку:

«Удав одиночества череп гложет».

Дальше не получалось. Ныли ноги, шумело в голове. Через минуту он сладко храпел на продавленной койке.

Глава XI ИЗЫСКАНИЯ ЯГУАРА СИДОРОВИЧА И ОТКРЫТИЕ ПЕТИ

Инцидент между археологами глубоко взволновал гороховскую общественность. Известный краевед Чубукеев подал жалобы во все организации. Каждое учреждение старалось взвалить щекотливое дело на плечи другого.

Чубукеев ходил из дома в дом и всюду жаловался на Ягуара Сидоровича.

Ягуар Сидорович усиленно отсиживался дома. Парикмахерская не работала и на двери висел бланк:

«Закррито ввиду срочной научной работы. С почтением парикмахер, он же археолог Перманент (быв. Фечкин)».

Слова «научной» и «археолог» были подчеркнуты жирной линией.

Обыватели Горохова ходили небритые и нестриженные.

Общество любителей археологии по требованию Чубукеева собрало экстренное собрание для разрешения инцидента.

Ягуар Сидорович не явился и послал пространное объяснение, в котором говорил, что встречаться с Чубукеевым он не может, так как опасается за свою жизнь.

«Ибо, — писал он, — уже был прецедент, дающий основания подозревать лжеархеолога Чубукеева в покушении на мою жизнь, так, например, он уже бросал в меня кирпичом. Между тем, научные работы мои над последним открытием, сделанным на Угорье, требуют особо бережного отношения к своему здоровью, дабы я мог своевременно

закончить свое исследование, могущее иметь не только европейское, но и мировое значение».

В конце Ягуар Сидорович сообщал, что по окончании работ он смело выйдет навстречу опасности, ибо будет знать, что дело его жизни выполнено.

На заседании общества собравшиеся раскололись на две партии, все переругались и, ничего не решив, разошлись по домам.

События назревали.

Ягуар Сидорович действительно работал не покладая рук. Он сидел запершись в парикмахерском зале, превращенном в кабинет. Посреди стола стояла модель, рядом с ней лежал энциклопедический словарь Павленкова издания 1890 года и стопа исписанной бумаги.

За эти дни Ягуар Сидорович подробно ознакомился с находкой. Легкая ржавчина тронула металлические части. Толстая дубовая доска, служившая основой, рычаги и зеркала восхищали парикмахера.

Сомнений, что находка относится к палеолитической эре, не было. Но что это могло быть? Ягуар Сидорович тщетно ломал голову. Одно время он склонялся к мысли, что это никому неведомый бритвенный аппарат сложнейшей конструкции. Но более тщательное исследование не подтвердило гипотезу Ягуара.

Было несомненно одно: находка ставила дыбом всю науку. Она свидетельствовала о том, что в доисторические времена люди создавали машины, что они знали обработку металла, что они научились делать никель.

Но что это была за машина, каково было ее назначение?

В качестве консультанта Ягуар Сидорович пригласил местного слесаря, чинившего жителям города примусы.

Он был допущен к модели только после того, как торжественно поклялся, что никому не расскажет о том, что видел. Осмотрев модель, консультант долго мычал, крутил угреватым носом и, наконец, заявил, что это ничто иное как старинный паяльник.

По его мнению, лучи солнца, собираясь в зеркало, пропускаются через увеличительное стекло и дают огромную температуру, но что ряд частей, видимо, утрачен.

Обрадованный Ягуар Сидорович напоил слесаря водкой, бесплатно побрил его и даже обильно смочил голову одеколоном «Фиалка».

Итак, вопрос был решен. Сомнений не было. Это был чудовищный паяльник.

Отпустив слесаря, Ягуар сел за стол и немедленно же стал писать «исследование» о состоянии паяльного дела в палеолитическую эпоху, в связи с находкой на Угорьском стойбище паяльного аппарата чудовищной конструкции.

Три дня и три ночи он не выходил из комнаты. Даже пищу ему подавали через окошечко, служившее в обычное время кассой. Скрипело перо, шелестела бумага, с легкостью Геркулеса Ягуар сокрушал авторитеты, он громил археолога Чубукеева, он разделялся со своими старыми врагами.

Наконец, работа была закончена.

Ягуар Сидорович послал в общество археологов записку с требованием немедленно созвать пленарное заседание, так как он намерен сообщить нечто совершенно исключительное.

Председатель общества письменно известил, что пленарное заседание может быть созвано только через две недели, по возвращении из краевого центра известного археолога Чубукеева, поехавшего жаловаться на незаконное действие местных властей.

Ягуар Сидорович криво усмехнулся, но делать было нечего. Приходилось ждать.

На другой день он открыл парикмахерскую. С утра еще у дверей толпилась очередь.

Пришли не только нуждающиеся в услугах парикмахера. Пришли люди без всяких признаков растительности. Все желали узнать новости. Стеклопанная дверь парикмахерской то и дело открывалась, и тяжелая двадцатипятифунтовая

гиря, висевшая на блоке, грузно ухала. Каждый клиент смотрел вопросительно.

Но Ягуар Сидорович был торжественен и молчалив. Держался он предупредительно, но с той великолепной холодностью, чуть-чуть переходящей в надменность, которая свойственна некоторым великим людям, сознающим дистанцию, отделяющую их от простых смертных.

На все расспросы он отвечал вежливым молчанием или предупредительным вопросом:

— Прикажете освежить?

— Бобрик или полька?

— С какой стороны носите пробор?

Клиенты уходили разочарованные.

По городу поползли самые противоречивые слухи.

Одни говорили, что парикмахер нашел египетскую мумию. Другие уверяли, что это ерунда, что найден клад, закопанный на Угорье доисторическим разбойником Иваном Петлей. Третьи сообщали черт его знает что такое.

...Вечером, уже после закрытия парикмахерской, Петя сидел в своей комнате и слушал трагедию Павла Тrepещущего в пяти актах с прологом, носившую звучное заглавие «Кровь и перечница».

Чтение продолжалось уже второй час. Петю мутило. Ему надо было идти на собрание, но он не решался прервать поэта и слушал, делая восхищенное лицо.

В конце третьего акта, когда кровожадная Анна, мстя за убийство своего мужа (кровь) пригласила к себе в гости убийц и отравила их цианистым калием, поданным к обеду вместо перца (перечница), Петя не выдержал и, прервав поэта, сказал, что он очень взволнован и слушать не может. Что лучше чтение отложить на завтра. Павел Тrepещущий смертельно обиделся, но согласился.

Петя мигом выскользнул за дверь.

— Нюта, сколько времени?— спросил он босоногую девчонку.

— А часы-то не ходят, — ответила та, громыхая посудой. — Вы у хозяина спросите.

Петя прошел в парикмахерскую.

— Ягуар Сидорович, сколько времени?

— А вот взгляните, — отвечал Ягуар, натягивая полосатые брюки (он собирался с женой на прогулку).

Петя взял часы, висевшие на гвоздике. Было без двадцати пяти семь. Глаза его скользнули по крышке, и он замер. На внутренней стороне было выгравировано «Ванновский завод». Петя машинально щелкнул крышкой. На черной вороненой поверхности матово белели три буквы — СВД.

«СВД... Ванновский завод», — пробормотал Петя. Сомнений не было, это были часы инженера Драницина.

Находка путала. Изобретение. Нападение. Таинственное исчезновение инженера и вдруг эти часы, оказавшиеся у гороховского парикмахера Фечкина. Смутные подозрения овладели Петей.

Надо было начать розыски.

— Хорошие у вас часы, Ягуар Сидорович, — промолвил он, еле сдерживая волнение. — Где это вы такие достали?

— Часы? Да, часы хорошие. Я их у Федора Кузьмича выменял. Хорошие часы.

Петя еще что-то сказал и вышел из комнаты. По дороге на собрание он забежал на почту и узнал адрес Федора Кузьмича.

Утром в выходной день Петя пошел на квартиру к тете Паше.

— Можно? — постучал он.

— Войдите.

— Здесь живет Федор Кузьмич?

— Здесь. А вам что нужно, — сухомерно спросила тетя Паша, вытаскивая из печи горшок.

— Здесь, — нерешительно, словно сомневаясь в правильности своих слов, подтвердил мужчина, стоявший около небольшого зеркала и усердно мазавший макушку жидкостью из объемистого флакона.

— Мне бы с вами нужно поговорить, — промолвил Петя.

— Пожалуйста, — также нерешительно промямлил мужчина, робко поглядывая на жену.

— Говорите, — ответила тетя Паша.

Петя присел на табурет и, обращаясь к Федору Кузьмичу, спросил:

— Скажите, пожалуйста, я слышал, что вы нынче променяли парикмахеру Ягуару Сидоровичу часы. Так вот я и хотел...

Петя не кончил.

Федор Кузьмич смертельно побледнел. Флакон выскользнул из его рук и, жалобно прозвенев, разбился.

— Часы... — прошипела тетя Паша. — Часы меняете. А интересно бы знать, лысый вы идиот, откуда у вас эти часы? — И она угрожающе занесла ухват над головой мужа.

Петя не дождался окончания семейной сцены и выбежал на двор.

Узел затягивался.

Глава XII ИСПЫТАНИЯ БОБРИКОВА-ДУЖЕЧКИНА

Утром чай.

Двадцать минут ходьбы до колонии.

Восемь часов суетливой, беспокойной возни с пестрой компанией бывших беспризорников и правонарушителей. Обед в столовке, опять двадцать минут ходьбы до дома, и долгие пустые вечера. Такова была новая жизнь Бобрикова-Дужечкина.

Когда прошел первый период волнений и хлопот и жизнь кое-как закрипела по новой колее, обрастая вещами, людьми, привычками, Бобриков стал нервничать. Страх все чаще и чаще овладевал им. Ему каждый день казалось, что вот уж сегодня-то его обязательно разоблачат. Долгими вечерами он оцепенело сидел в кресле, прислушиваясь к каждому шороху, настороженно ловил скрип калитки, шаги под окном, стук извозничьих дрожек.

— Это за мной, — шептал он, и холодный пот капельками выступал на висках.

А тут еще Тихон Петрович со своими страхами и подозрениями.

Новый жилец понравился ему и часов в девять вечера он входил в его комнату в нижней рубашке и подтяжках, с газетой в руках — весь серый от еле сдерживаемого ужаса.

— Читали, — спрашивал он, шурша газетой. И, не дождавшись ответа, начинал сообщать последние новости из отдела происшествий: убийства, растраты, дерзкие нападения, кошмарные успехи техники — сыпались как из рога изобилия. Оба бледнели и каждый боялся сказать свое затаенное.

Бобриков похудел, он плохо спал по ночам. Часто просыпался и кричал не своим голосом.

Сердобольная Агафья Ефимовна только ахала да вздыхала, глядя на нового жильца.

— Жениться бы вам надо, — говорила она. — Цель в жизни приобрести.

Бобриков через силу отшучивался.

— Или замужней женщине счастье составить, — недвусмысленно продолжала Агафья Ефимовна, — скучно ведь нам бабам за одним человеком век коротать, — и она глядела на него обещающе, но Бобрикову было не до этого.

За поиски модели он еще не принимался. Надо было разыскать тетю Пашу, но сделать это следовало со всей осторожностью.

В один из выходных дней Бобриков отправился на базар. У лотков стояли молочницы, а поодаль, над горами ранних огурцов и еще не совсем зрелых помидор монументально возвышались торговки.

Бобриков задумчиво шел по рядам. Остановился около одной из торговых, взял в руки помидор и спросил, что стоит. Поднял глаза и обомлел. Перед ним стояла тетя Паша.

Несмотря на измененную наружность тетя Паша мигом узнала кудлатого пассажира.

Вытянув руки, словно защищая гору овощей, она не своим голосом завизжала:

— Ой, ратуйте добрые люди, грабят!

Мостки загудели, публика бросилась к месту происшествия. Где-то тревожно заливался свисток.

Бобриков побледнел и, быстро надвинув кепку, нырнул в толпу.

Пока тетя Паша бестолково объясняла собравшимся, что ее хотели вторично обокрасть, но ничего не взяли, пока милиционер гнался за двумя ни в чем неповинными мальчуганами, он уже был далеко от базара.

Итак, было ясно, что тетя Паша была здесь, а следовательно, и здесь был чемодан. Но от этого легче не было. Показываться ей на глаза после сегодняшнего происшествия было бы безумием. Нужно было найти какой-то новый подход, поговорить с ней наедине, соблазнить ее сотней-другой и взять модель.

Вечером с Бобриковым было нехорошо и Агафья Ефимовна поила его ромашковым настоем.

А Тихон Петрович развлекал сообщениями о последних уголовных деяниях.

С записной книжкой инженера Бобриков никогда не расставался. Даже на работу он носил ее в портфеле. И как раз это явилось причиной второго испытания несчастного кассира.

Ребята заметили, что Бобриков не расстается с портфелем, что он носит его даже в уборную. И они решили во что бы то ни стало похитить портфель.

Шел урок. Бобриков по своему обыкновению ходил по классу и диктовал, изредка взглядывая на портфель, лежащий на кафедре.

Когда он находился против двери, в коридоре раздался дикий вопль.

— Го-о-орим! По-о-жар!

Ребята повскакали с парт и бросились к двери. Бобриков метнулся было к кафедре, но ребячий поток легко вынес его в открытую дверь и понес по коридору.

Выскочили учащиеся из других классов. Заведующий бестолково кидался от группы к группе. Сторож Авдеич с ведром воды и шваброй стоял на площадке.

Тревога оказалась напрасной. Нехотя разошлись по классам. Когда Бобриков вошел в свой класс, то первым делом бросился к кафедре. Портфеля не было. А вместе с ним исчезла и записная книжка инженера. Бобриков побледнел, покачнулся и упал без сознания.

Весть о краже дошла до зава. Весь персонал был поднят на ноги. Бобриков лежал в учительской с компрессом на голове.

Помощник зава Иона Никитич, вспотевший и запыхавшийся, обыскивал здание. Поиски привели его на чердак. В углу маячили какие-то фигуры и скупо светил глазок карманного электрического фонаря. Иона Никитич подкрался неслышно. Он явственно различил трех ребят. Около них валялся портфель, они разочарованно рылись в нем и только один из них с напряженным вниманием читал небольшую записную книжечку в коричневой обложке.

— Встать! — неестественно тонким голосом крикнул Иона Никитич. — Грабители, за мной.

Мальчуган бросил книжку на пол, спокойно поднялся и шепнул компаньонам:

— Засыпались, не бузить.

Книги и тетради были водворены в портфель, и похитители отправились вниз.

— Вот ваше имущество, — сказал Иона Никитич, передавая Бобрикову портфель.

Бобриков судорожно схватил его, открыл, убедившись, что книжечка лежит на месте, облегченно вздохнул.

— Спасибо вам, — сказал он, крепко пожав руку Ионы Никитича.

— Не за что. А хулиганов я в карцер отправил.

Таково было второе испытание Бобрикова-Дужечкина.

В этот же вечер сторож Авдеич сообщил заведующему, что главный виновник похищения беспризорник Васька по прозвищу Клещ скрылся из карцера неизвестно куда.

Ночь. На углу стоит вертушка для объявлений. И вдруг... что это?! Что это такое? Она медленно поворачивается, явственно шуршит ключьями афиш, объединенными гороховскими козлами.

Испуганная обывательница взвизгнула и пустилась бежать прочь. А из вертушки вылез Васька Клещ и, оглядевшись, побежал на телеграф.

Через минуту изумленная телеграфистка принимала от беспризорника телеграмму до востребования в Москву.

На бланке было выведено:

«ПАПА РАД. НАКОНЕЦ ОТЫСКАЛ ТЕБЯ. ЖДУ.
ПРИЕЗЖАЙ. ВЫРУЧАЙ. ВАСЬКА КЛЕЩ».

— Меня, значит, — важно объяснил он телеграфистке.
— Надоело беспризорничать

Телеграфистка улыбнулась и передала телеграмму на аппарат.

Глава XIII

ОПЯТЬ ЧЕЛОВЕК В СЕРОМ ПАЛЬТО

На календаре начальника станции значилось семнадцатое июля. В пять вечера приходил скорый из Москвы.

Вот он, уже около. Остановился. На станцию вышел хорошо одетый мужчина, плотный, выше среднего роста. В толстом дорогом пальто, в мягкой шляпе, из-под которой смотрело бледное, точно из фарфора лицо, обрамленное темной бородкой и усами, и глаза под полуопущенными веками.

Он взял извозчика и велел возить себя в гостиницу. Гостиница в городе была одна и носила название «Радость пролетария».

Извозчик, крикая и подстегивая клячу, кое-как довез своего седока. В небольшой прихожей спал швейцар в гряз-

ной рубaxe. Приезжий пробовал разбудить его, но безрезультатно. Посетитель махнул рукой и прошел в комнату с надписью «Контора».

Около стола сидела худая, выцветшая особа, видимо, женского пола. Перед ней стояла пара молодых людей — муж и жена. У обоих был растерянный и жалкий вид.

— Я не могу вас пустить в один номер, — скрипела особа. — Не могу. У нас советская гостиница, а не буржуазно-капиталистические номера. Разврата мы не поощряем.

— Но мы муж и жена.

— Мне это неизвестно. В паспорте у вас не отмечено. В загсе по вашему собственному, чистосердечному признанию вы не были. Фамилии у вас разные.

— Ну дайте нам два номера.

— И желательно смежные, — нерешительно добавил мужчина.

— У нас только один номер, — проговорила особа, уничтожающе посмотрев на мужчину.

— Но что же нам делать, — пробормотал муж.

— Сходите в загс, — прокрипела дежурная, — и двери «Радости пролетария» для вас открыты.

Молодые люди понуро вышли из комнаты.

— Я вас слушаю, — обратилась дежурная к вновь вошедшему.

— Мне нужен номер, — проговорил вновь приехавший.

— Предоставьте справку из бани, что вы прошли санобработку, и я вас пушу.

— Но у меня ее нет.

— Ничего не могу поделать. Мы советская гостиница, а не буржуазные номера. Тифа мы не поощряем.

— Но что же мне делать?

Особа подумала и сказала:

— Разбудите коридорного, дайте ему рубль и он даст вам справку. Он моется у нас за всех приезжающих.

Приезжий так и сделал.

Коридорный, весь какой-то выцветший, с мертвенно-белыми, как у прачки, руками от постоянного мытья в дезо-

бане, дал ему справку, и через час приехавший уже расположился в небольшом номере, оклеенном грязными обоями. Закрыв дверь, он вытащил из бумажника смятую телеграмму и прочел:

«ПАПА РАД. НАКОНЕЦ ОТЫСКАЛ ТЕБЯ. ЖДУ. ПРИЕЗЖАЙ. ВЫРУЧАЙ. ВАСЬКА КЛЕЩ».

«Странно», — думал он. Но шифр был понятен. Читая телеграмму он отбрасывал первую букву и соединял два первых слова. Получалось «аппарат наконец отыскал».

Наутро приезжий зашел на почту, получил письмо до востребования, прочел его и пошел осматривать город.

Одной из городских достопримечательностей было кладбище. На нем было три могилы известных революционеров, сосланных некогда в Горохов. Черные чугунные памятники стояли криво. По цоколю полз лишайник, и ветер задумчиво шумел ветвями плакучих берез. Памятники и кресты вокруг были испещрены надписями. «О Павел, Павел, зачем ты меня оставил. Твоя до гроба неутешная вдова».

Человек задумчиво бродил по дорожке. Подойдя к огромному черному памятнику он наклонился и прочел: «Твоя унылая жена тебе верна, верна, верна». Кто-то карандашом подписал: «Ну и дура». А рядом, другим почерком было выведено: «В верность до гроба не верю».

Человек прочел надпись, вынул письмо, мельком взглянул на него и свистнул.

Немедленно из-за памятника выскочил мальчуган лет четырнадцати, это был Васька Клещ.

— Семен Семенович, — проговорил он, широко улыбаясь. — Приехали.

— Как видишь. Рассказывай.

Через час человек в пальто медленно шел по городу.

Придя в номер он сел к столу и задумался. Наконец в голове его сложился план. «Начну», — пробормотал он, выключая свет. Через минуту он вышел. Был вечер.

С календаря смотрело семнадцатое июля.

Глава XIV

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСПЫТАНИЙ БОБРИКОВА-ДУЖЕЧКИНА

Случай с кражей портфеля окончательно выбил из колеи Бобрикова. Везде и всюду он подозревал ловушку. Страх нарастал. Он почти переходил в манию преследования. Бобриков осунулся. Движения его стали нервны и порывисты. Он страстно жалел о прошлом и ему хотелось опять сидеть в стеклянной будке кассы, шуршать крыльями ведомостей и говорить: «Распишитесь, копейка за мной».

Но прошлое ушло. Возврата к нему не было.

Бобриков разучился мечтать и только иногда, в редкие минуты успокоенности в сознании билось: «миллион... Париж... женщины...»

Как увидиться с тетей Пашей, увидиться так, чтобы никто не знал, чтобы не было никаких подозрений. На этот вопрос Бобриков не умел ответить.

Если описать ее приметы и спросить где она живет...

Но ведь это рискованно. А вдруг заинтересуются — зачем да почему, сообщат ей и пойдет писать губерния. Если проследить за ней и зайти на дом... Но кто поручится, что дома его не задержат и не отправят в угрозыск...

При слове «угрозыск» Бобриков буквально обливался холодным потом.

Нет, решительно он попал в тупик.

Вечером семнадцатого июля Бобриков сидел дома. На завтра был выходной день.

Он прикрыл дверь и достал из портфеля записную книжечку Драницина.

Который раз он читал короткие записи и всегда глухая тоска о иной жизни, могучее дыхание какой-то огромной чужой тайны обжигало мозг. Так было и сегодня.

— Можно к вам, — раздалось за дверью, и на пороге, не дождавшись ответа, показался Тихон Петрович.

Бобриков поспешно закрыл книжечку и положил сверху газету.

— Как живете? — спросил Тихон Петрович, усаживаясь возле стола. — А слышали новость? В Москве, говорят, открыли убийство, и представьте себе, что преступник фотограф. Не думаете ли вы, что после такого факта всех фотографов возьмут, так сказать, под особое подозрение? А еще слышал я, — продолжал он, — что едет к нам комитет из трех инженеров, на предмет уничтожения нашего города и построения нового.

И Тихон Петрович начал нести несусветную околесицу. Все в ней сводилось к одному, что теперь-то уж обязательно доберутся, а город сокрушат.

Бобрикову было как-то не по себе. Он прошелся по комнате раз, другой и остановился около постели.

— А, у вас газетка свеженькая, — промолвил Тихон Петрович. И прежде чем Бобриков успел что-либо сообщить, фотограф взял газету.

Лампа льет ровный свет. На черной клеенке стола лежит записная книжечка в коричневой обложке, на корочке отчетливо видны три золотые буквы СВД.

— А-а-а-а, — раздался вопль, — СВД, — и Тихон Петрович почти без чувств повалился набок.

Нервы Бобрикова не выдержали. Итак, все открыто, значит, фотографу все известно.

— Виноват, виноват. Не погубите, Тихон Петрович, во всем покаюсь.

— Итак это вы... адский снаряд... машину эту вы... — лепетал Кусачкин-Сковорода.

— Я-я-я... — в каком-то иступлении твердил Бобриков. — Вяжите меня, судите, я преступник, я-я-я...

Тихон Петрович неожиданно дико взвизгнул и опрометью бросился из комнаты...

Бобриков посмотрел ему вслед и вдруг захохотал.

— Ха-ха-ха-ха!

Все перепуталось в его голове, не было ни записной книжки, ни таинственной машины, ни прошлого; не было его Бобрикова-Дужечкина. Остался богатый человек, миллионер. Его ждали в Париже. Он слышал гул мирового го-

рода. На углу танцевала огненная реклама, как в картине «Мулен Руж». Бесшумно неслись авто. Портье отелей услужливо открывали двери. Прекрасные обнаженные женщины протягивали руки.

«Надо же торопиться», — подумал Бобриков. «Надо то-ро-питься», — повторил он. Быстро надел пальто, надвинул кепку и вышел из дома. Зашел на телеграф, спросил бланк и уверенно написал текст:

«Всем, всем, всем. Еду в Париж. Встречайте. Бобриков».

Телеграфистка посмотрела недоумевающе и спросила адрес. Бобриков подумал, величественно бросил на тарелочку два червонца и сказал:

— Адреса не надо.

А Тихон Петрович, сам не свой, бежал в уголовный розыск. Теперь, все открыто. Преступник жил в его квартире. Сам он, Тихон Петрович Кусачкин-Сковорода, скрывал следы, закапывая машину, теперь все было ясно, спасения не было. Оставалось только одно — чистосердечным раскаянием добиться снисхождения. В полубеспамятстве Тихон Петрович добежал до угрозыска и, подняв руки вверх, попросил милиционера немедленно арестовать его. Милиционер ахнул и провел его к дежурному.

На вопрос дежурного, что случилось, Тихон Петрович понес такую чепуху, что дежурный махнул рукой и, позвав милиционера, велел ему отвести фотографа в камеру — пусть де он до послезавтрашнего дня (следующий день был выходной) отсидится и протрезвеет.

А через час на станции железной дороги приключился невероятный случай. К окошечку кассы подошел небольшого роста щуплый человек. Положив на стойку толстую пачку денег, он сказал:

— Дайте билет до Парижа в пульмановском вагоне.

Кассир выпучил глаза и трижды переспросил.

Приезжий, явно нервничая, подтвердил свои требования.

Кассир объяснил, что до такого места билеты не продаются, и даже неизвестно, в каком направлении нужно садиться.

Незнакомец начал кричать, топал ногами, требовал начальника станции. Собралась толпа, подошел милиционер, наконец догадались, что перед ними душевнобольной. Случайно оказавшийся врач мягко взял Бобрикова (это был он) за руку и сказал: — Едемте в Париж вместе, я давно собираюсь туда.

— Едемте, — обрадовался Бобриков, — но как? Билетов же не дают.

— Да на извозчике, — промолвил врач.

— Верно ведь, — радостно хлопнул себя Бобриков по лбу. — И как это я не догадался.

Подъехал извозчик, больного усадили. Бобриков ехал, раскачиваясь из стороны в сторону, и пел во весь голос:

*Живу теперь в Париже —
Красивый и бесстыжий,
Ласкаю женщин рыжих...*

Его везли в сумасшедший дом.

Так закончились испытания Бобрикова.

В этот же вечер человек в пальто постучался в двери квартиры фотографа.

— Кто здесь, — слышался расстроенный голос Агафьи Ефимовны.

— Скажите, товарищ Дужечкин здесь живет?

— Жил, — убито произнесла Агафья Ефимовна. — Жил и нет его.

— Умер он что ли? — спросил человек.

— Хуже, скрылся в неизвестном направлении.

Агафья Ефимовна всхлипнула и закрыла дверь.

— А муж ваш, он, может быть, что-нибудь знает? — опросил незнакомец.

— И он скрылся, — проохала Агафья Ефимовна. — Совсем я одинокая женщина.

Звякнул крючок. Человек пожал плечами и пошел во-свояси.

След был потерян.

А в это время инженер Драницин ходил взад и вперед в своей комнатухе, обитой матрацами.

«Что же дальше?» — думал он. Ясно, что без конца так продолжаться не может. Когда эти люди убедятся окончательно, что он не изменит своего решения, его убьют. Инженер догадывался, что модель утеряна. И мысль, что враги просчитались, несказанно радовала.

А как хотелось жить... Все чаще он думал о Тане, и в памяти неизменно возникал тонкий девичий профиль, каштановые пряди волос и веселый задорный смех.

— Да, да... Она в Москве, — бормотал инженер и мелькала мысль, — хорошо бы известить ее, но как.

И вот однажды в подкладке старого изношенного пиджака он нашел завалившуюся открытку. Она показалась ему бесценным сокровищем. Драницин вспомнил, что перед отъездом из Энска собирался отправить открытку, написал только адрес, но письма не отправил. Он еще чуть не забыл ее в кармане пиджака, отданного агенту.

И вот теперь он радостно ощущал в руках помятый кусочек плотной бумаги.

Поздней лунной ночью он, осторожно притулившись в углу, наскреб немного сажу из печной отдушины, смешал ее со слюной и бережно, словно делал тончайшую работу, выводил корявые буквы. «Таня, — писал он, — где я — не знаю, сообщи куда надо. Могут убить. Жду. Сергей».

Но как отправить открытку? Инженер придумывал один способ за другим.

Как-то ночью над поселком пронеслась буря. Инженер проснулся от звона разбитого стекла. Ветер свободно гулял по комнате. Неожиданная мысль мелькнула в сознании. Инженер взял открытку и подошел к окну. Он с трудом просунул руки в отверстие между железными полосами и разжал пальцы.

Над лесом неслись редкие облака и меж них ныряла бледная, словно напуганная кем-то луна.

Драницин видел, как ветер высоко поднял кусочек бумаги и, медленно покачивая, понес его в сторону от дома.

«Авось», — улыбнулся инженер. Надежда была слабой.

На другое утро старуха нянька гуляла с внучкой старого профессора Игровтова, жившего на даче в Ключанске. Девочка бежала вперед и собирала в маленький кулачок пеструю гальку.

— Тише ты, егоза, тише, — ворчала старуха.

Девочка взбежала на пригорок, раскинувшийся невдалеке от угрюмого дома, в верхнем окне которого ясно виднелась решетка.

Она увидела муравейник. Внимание ее привлекла помятая открытка, густо облепленная муравьями.

— В почту играют, — решила девочка, — Я тоже хочу в почту играть.

Разогнав палочкой муравьев, она забрала открытку и кубарем скатилась вниз.

— Няня, няня, давай играть в почту.

Задремавшая было старуха взглянула на солнце. Оно стояло высоко.

— Будет играть-то, кушать надо, пойдем.

Девочка нехотя пошла по тропинке, сжимая в ручонке открытку с надписью: «Москва, Варварка»...

Около сельсовета висел почтовый ящик.

— Няня, — закричала девочка, — я хочу письмо спустить.

— Фу ты, непоседа, подберет старую бумажонку и возится.

— А я хочу, хочу, хочу, — капризничала девочка.

— Ну, ступай, коли хочешь, — и нянька приподняла девочку.

Открытка инженера Драницина скользнула в темную щелку почтового ящика.

Глава XV

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Наступило долгожданное 18 июля. Накануне из краевого центра приехал известный археолог Чубукеев. Был он мрачен. Злые языки утверждали, что задержался Чубукеев в крае потому, что после визита в одно из учреждений его направили в психиатрическую лечебницу на испытание и он шесть дней просидел в отделении для тихо помешанных. С утра по городу шли разговоры. Местная газета поместила объявление. Председатель общества любителей археологии договорился с администрацией кино «Угар» о предоставлении зала. Сеанс был отменен.

Утром в гостинице «Радость пролетария» в номер человека в пальто половой принес самовар. Жилец был явно не в духе. Он хмурился, нервничал.

До него дошли слухи о добровольном самоаресте фотографа и сумасшествии Бобрикова. Это было подозрительно.

«Надо ехать, — думал он, — жить здесь дальше опасно».

— Скажите, — спросил он полового, — когда идет поезд на Москву?

— Сегодня-с, в семь двадцать пять.

— Возьмите мне билет, — проговорил человек, доставая бумажник.

— Хорошо-с. А только зря вы сегодня уезжаете. Такой, можно сказать, день.

— А что?

— Да ведь сегодня же лекция у нас, Ягуара Сидоровича. Парикмахера, значит, местного.

— О чем?

Половой прикрыл дверь и произнес приглушенно:

— Говорят, раскопал и нашел огромную машину неизвестного назначения.

Человек судорожно сжал бумажник.

На его расспросы половой бестолково рассказал историю скандала между археологами и, краснея и не решаясь,

поведал, что кум его слесарь, под страшной клятвой сообщил ему, что он видел эту машину. Что вся она из какого-то странного металла и вставлено в нее маленькое зеркальце. По мнению кума, это паяльник чудовищной конструкции.

Жилец вдруг как-то просветлел. Картина становилась ясной.

Дав половому рубль, он позабыл о чае, вышел на улицу и зашагал по направлению к парикмахеру.

В голове его созрел план. Он решил купить модель. Вряд ли этот дурак устоит против тысячи рублей.

Но подойдя к двери, он увидел, что она закрыта, и на ней висит записка:

«Заперто. По случаю экстренной подготовки к научной лекции. С почтением Я. С. Перманент (б. Фечкин)».

Слово «научной» было подчеркнуто жирной линией.

— О дьявол, — выругался человек. И подошел к воротам. Но они были закрыты. Тогда он стал настойчиво стучать. Внутри было тихо, словно все вымерло. Наконец слышались шаги.

— Кто там?

— Мне бы товарища Перманент по важному делу.

— Ягуар Сидорович занят и никого не принимает. Зайдите завтра.

— Да позовите вы его самого, — закричал незнакомец.

Калитка полуоткрылась, и перед пришедшим выросла фигура Петьки. Он осмотрел незнакомца и снова захлопнул калитку.

Через минуту слышались шаги и голос Ягуара спросил:

— Что вам угодно?

— Да откройте вы, — дернул калитку посетитель.

— Не могу-с, опасаюсь покушения. Говорите так.

— Тьфу, черт, — выругался посетитель. — Послушайте, — начал он. Я хотел бы купить у вас вашу находку. Сколько вы за нее хотите. Тысячу?

— Что!.. — раздался в ответ разгневанный голос Ягуара.
— Убирайтесь отсюда, чубукеевский агент, знаете, что я не торгую своей научной репутацией. Вон, вон!

— Пять тысяч, — крикнул человек.

— Хоть сто пять, уйдите, иначе я спущу на вас собаку.

За калиткой звякнула цепь и послышалось сердитое рычание. Человек крепко выругался, плюнул и пошел обратно.

«Что же делать», — думал он, останавливаясь около мальчишки, торговавшего газетами.

В мальчишке не трудно было узнать Ваську. Он приоделся и выглядел прилично.

У незнакомца быстро созрел план.

— Сегодня к семи приходи в кино. Узнай, где проводка. Услышишь тревожный свисток, режь провод, — проговорил он, покупая газету, — а потом на вокзал, едем в десять часов почтовым.

Взяв билет на городской станции, человек пошел домой и лег спать. Надо было основательно отдохнуть. Предстоял тяжелый вечер.

Стрелка часов двигалась к шести.

— Ягуар, тебе пора собираться. А я за Федором Кузьмичем сбегаю, — крикнула Нина Петровна. Ягуар Сидорович отложил перо, пробежал последний раз записки, погладил любовно модель, стоявшую на табурете, и пошел в спальню переодеваться.

Сидя на постели и напяливая полосатые брюки, он по рассеянности сунул в одну штанину обе ноги. Крак, — и штанина лопнула по шву четверти на две.

— Нина, — крикнул Ягуар. Но Нина Петровна уже ушла.

Отыскав иглу и нитки, Ягуар принялся за починку. Часы показывали четверть седьмого. А модель и бумаги еще не были уложены.

— Павел Януарьевич, — крикнул Ягуар Павла Трепещущего, но на крик в дверях показалась вихрастая голова Пети.

— Он спит, — проговорил Петя, — а вам что-нибудь нужно, Ягуар Сидорович?

— Выручите меня, Петя. Пойдите в кабинет и уложите, пожалуйста, аппарат, только поосторожней; у меня брюки лопнули. И бумаги подберите.

— Есть, — крикнул Петя и бросился в парикмахерский зал.

Заглянув туда, Петя разинул рот.

На табурете, тускло поблескивая медью и никелем деталей, стоял странной конструкции аппарат. Сложная система зеркал замыкалась небольшим увеличительным стеклом. Петя вспомнил рассказы Жени.

«Неужели», — мелькнуло в его голове. Он подбежал к аппарату. Заглянул в небольшое зеркальце, в стекле отражалась знакомая комната, уставленная зеркалами, стеклянная дверь с колокольчиком и тяжелой двадцатипятифунтовой гирей. Петя повернул стекло и тотчас же в зеркале отчетливо отразилась керосинка. На ней Ягуар Сидорович раскалял щипцы. Петя смотрел как зачарованный. Вот он тронул какой-то рычаг. Раздался еле слышный треск, зеркальце помутнело и изображение керосинки исчезло.

Взглянув на столик, Петя даже побледнел от неожиданности. Керосинка стояла накренившись набок, резервуар ее был расколот, словно кто-то аккуратно разрезал ее.

Мысли бежали быстро, быстро и сердце глухо екало.

— Торопитесь, — раздался голос Ягуара Сидоровича, — сейчас выходить надо.

Петя испуганно оглянулся, лихорадочно захлопнул чемодан, затянул его ремнями потуже, сложил бумаги в портфель и подтащил чемодан к двери.

— Готово, — проговорил он слегка дрожащим от волнения голосом.

— Спасибо вам, Петя, — ответил Ягуар. — Я ухожу и очень прошу вас подомовничать. А то Павел Януарьевич спит, а Нина Петровна идет со мной.

Ягуар Сидорович взял чемодан и портфель и вышел на двор.

«Что же теперь делать? — думал Петя. — Как быть? Упустить модель? Нет, это было бы невозможно. Надо что-то предпринять». Петя быстро собрался.

— Куда это вы? — спросил его проснувшийся Павел Трепешущий.

— Да в кино хочу сходить, лекцию послушать.

— Ну идите, — и поэт, повернувшись к Пете спиной, снова захрапел.

За воротами на скамейке Ягуара Сидоровича ожидали Федор Кузьмич, Нина Петровна, слесарь и милиционер, носивший странную фамилию Гусь.

Опасаясь нападения со стороны известного археолога Чубукеева, Ягуар Сидорович попросил приятелей сопровождать его. Федор Кузьмич и слесарь согласились охотно. Милиционер Гусь немного поломался, но Ягуар Сидорович пообещал брить его бесплатно в течение трех лет и он сидел довольный, похрустывая в кармане письменным обязательством, выданным Перманентом (Фечкиным).

— Идемте, — торжественно произнес Ягуар Сидорович.

Нина Петровна взяла портфель и пошла впереди. По бокам шли Федор Кузьмич и слесарь. Позади, держась за кобуру, следовал Гусь.

Посередине же, судорожно сжимая ручку чемоданчика и испуганно озираясь по сторонам, не шел, а двигался Ягуарий Сидорович.

На одной из пустынных улиц кортеж встретился с известным краеведом Чубукеевым. Он стоял вооруженный толстой дубинкой. Увидев охрану, Чубукеев побледнел и, скрежеща зубами, швырнул дубинку в палисадник.

Ягуар Сидорович торжествующе усмехнулся и показал Чубукееву язык. Процессия проследовала дальше.

Около здания кино творилось нечто невероятное. Публика валила валом, и администратор, сидя в кинобудке, чуть не плакал от страха. Ему казалось, что общественность разнесет вдребезги утлое здание «Угара».

Ягуар Сидорович прошел задним ходом и тотчас же был

проведен в особую комнату, около которой, все еще держась за кобуру, встал Гусь.

Наконец звонок председателя возвестил о начале заседания.

На возвышении, где стоял большой стол, покрытый красным сукном, сидели действительные члены общества и члены-соревнователи. Справа стоял небольшой столик для докладчика, а за ним, обхватив обеими руками чемодан, восседал Ягуарий Сидорович. Позади него с выражением непреклонной решимости стоял Гусь. Слева был второй стол, за ним расположились оппоненты Ягуария Сидоровича во главе с известным археологом Чубукеевым.

Они громко усмехались, пожимали плечами, делали безразличные физиономии, но чувствовалось, что их гнетет тревога.

Когда водворилась тишина, председатель — древний старичок — поднялся и, поправив очки, дрожащим от волнения голосом сказал:

— Трудящиеся, двести девяносто шестое собрание Гороховского общества археологии и ископаемых древностей считаю открытым. Сегодня наш уважаемый сочлен Ягуарий Сидорович Перманент, бывший Фечкин, доложит нам результаты своих ценнейших изысканий в связи со сделанной им находкой на Угорских огородах. Предоставим ему слово.

— Просим, просим, — закричали с галерки.

Ягуар Сидорович привстал и прочувствованно приложил одну руку к сердцу, другая же по-прежнему судорожно сжимала ручку чемодана. Шум утих. И Перманент начал.

— Уважаемые сочлены, согражданки и сограждане!

Сделав небольшую паузу и отпив глоток воды, Ягуар Сидорович галантно поправил галстук и продолжал.

Он говорил о наших предках, о первобытных временах, полемизировал с теми якобы учеными, которые думают представить первобытное общество как общество, стоящее на низкой ступени развития.

— Эти невежественные теории, — гремел он, — подерживаются некоторыми лжеучеными, имеющими дер-

зость состоять членами нашего прославленного общества.
— При этом он сделал жест в сторону Чубукеева.

— Прошу не намекать, — завопил тот.

Но Ягуар Сидорович не смущаясь продолжал.

— Как ничтожны доводы Чубукеева и ему подобных, как никчемны их взгляды в свете о подлинной науке, об этом говорит моя находка.

— Чубукеев, — кричал Ягуар, — смел утверждать, что в первобытном обществе не знали искусства обработки металлов, он имел дерзость утверждать, что даже брились там каменной мотыгой. И вот, сочлены, я нашел... — Ягуар Сидорович, как опытный артист, сделал паузу. Зал замер. — Я нашел, — неестественно высоким голосом продолжал он, — аппарат. Высококвалифицированный консультант наш Аким Федулович, — он сделал жест в сторону слесаря, — установил, что это паяльная машина такой чудовищной конструкции, которой не знает современная цивилизация.

— Не может быть, — прохрипел Чубукеев. — Он лжет.

— Фальшивка, — кричала его жена, сухопарая женщина с лошадиной физиономией. — Определенная фальшивка.

О, как ожидал Ягуар этой минуты! Широким жестом положил он руки на крышку чемодана.

— Вам нужны факты?— вскричал он...

Человек в сером пальто, сидевший в ложе, поднес к губам маленький свисток.

— Вот факты, — патетически закончил Ягуар.

Крышка чемодана крикнула, и на стол, жалобно гремя, вывалилась старая керосинка с разбитым резервуаром, и следом за ней грузно ухнула тяжелая двадцатипятифунтовая гиря.

— Ха-ха-ха-ха, — содрогался зал.

— Ха-х-ах-аха, — гремел Чубукеев и его сторонники.

Ягуар Сидорович беспомощно озирался по сторонам. Ему казалось, что пол колеблется под его ногами. Внезапная мысль осенила его мозг.

— Это подвох, — закричал он. — Это происки врага моего Чубукеева, он, он, вместе с Петькой украли мою находку. — И он бросился на Чубукеева. Следом за ним кинулись на противников Федор Кузьмич и слесарь и решительным шагом, все еще держась за кобуру, проследовал Гусь. Нина Петровна, рыдая, была известного краеведа Чубукеева портфелем.

Началась форменная потасовка. Тщетно звонил председатель. В зале стоял невообразимый шум. Дежурный милиционер дал тревожный свисток...

Васька Клещ быстро взмахнул ножом...

...И в ту же минуту всюду погас свет.

Публика, крича и толкаясь, бросилась к выходу.

Человек в пальто опрометью выскочил за дверь, все было ясно — квартирант парикмахера похитил модель.

Было десять минут девятого. Взяв извозчика, человек в пальто помчался на вокзал.

— Скажите, — спросил он начальника станции, — не уехал ли со скорым один юноша лет так семнадцати?

— А это парикмахерский квартирант? Как же, как же — уехал. Я ему и билет брал.

Незнакомец позеленел, поднял воротник и нервно зашагал по перрону. Почтовый отходил через сорок минут.

Скорый поезд уносил Петю в Москву. Город остался далеко позади.

Обыватели в домах, обросших палисадничками, скамеечками, ставнями, обсуждали скандальное собрание, кое-где играли по маленькой в преферанс. Известный краевед Чубукеев, потирая ушибленное колено и пряча порванный локоть, весело пировал в кругу друзей. Ягуар Сидорович лежал и слегка постанывал, голова его была обвязана мокрым полотенцем. Подсчитывала дневной барыш тетя Паша. Тихон Петрович Кусачкин-Сковорода, сидя в камере угрозыска, терзался, снедаемый смертельным ужасом. Бредил миллионами, Парижем и женщинами сумасшедший Бобриков.

Плыла ночь. Обыватели широко зевали, и вот уже гаснут огни за прикрытыми ставнями. Сон ползет над городом.

И только поэт Павел Трепещущий (псевдоним), выпив шестую рюмку, бормочет, уставясь глазами в сырую неопрятную стену:

— Скучно на этом свете. Скучно.

На болоте квакают лягушки. Но с окраин наступают бодро гудящие лесопилки и вытягивает каменный хобот элеватор. Додремывает свой век глухая провинция, идет год 1927-й.

Скорый поезд уносит Петю в Москву. Петя лежит на верхней полке. Он не может уснуть. Руки его обнимают драгоценный чемодан, а в нем, тускло поблескивая никелем и медью деталей, лежит модель инженера Драницина.

Глава XVI (последняя)

АВТОР ПЕРЕСТАЕТ ОБМАНЫВАТЬ ЧИТАТЕЛЯ

— Таня, вам открытка, — проговорила соседка, подавая только что пришедшей девушке помятый кусочек картона. Таня небрежно взяла его и прошла в комнату. Прочитав, она беспомощно опустилась на кровать. Руки и ноги отказывались служить. В голове у нее шумело.

Но где он, как узнать?

«Штемпель», — вспомнила она и, быстро подбежав к столу, взяла открытку. Над маркой отчетливо виднелось «станция Ключанская».

«Что же делать?» — думала Таня. Темнело. В окнах то и дело вспыхивали голубые зарницы трамвайных искр. Город шумел разноголосым вечерним гулом.

«Пойду в ГПУ», — решила Таня и стала надевать берет.

— Татьяна Андреевна, там вас спрашивают.

Таня недовольно поморщилась и зажгла свет.

— Войдите.

Дверь распахнулась, на пороге стоял Петя.

Тане была неприятна встреча с Петей. После его письма о Драницине остался нехороший осадок.

Петя поставил чемодан, подошел к Тане и сказал:

— Прости, я дурак, и большой дурак.

Таня усмехнулась:

— Что это, самокритика?

— Не шути, не надо, — с какой-то болью произнес Петя.

— Слушай... — И он рассказал все, что произошло в последние месяцы.

Таня слушала внимательно, чуть наклонив голову набок, и когда он кончил, без слов протянула ему открытку.

— Ого, — сказал Петя, прочитав письмо. — Надо действовать.

— Я собралась в ГПУ.

— Идем.

Они вышли на улицу.

Человек в мягкой шляпе и с бледным, словно из фарфора лицом ехал с вокзала в гостиницу. Такси пересекало Лубянскую площадь. Человек сидел нахмурившись и пожевывал мундштук потухшей папиросы. Вдруг в ярком свете прожекторов он отчетливо увидел знакомую фигуру Пети.

Он шел с какой-то девушкой, смешно размахивая одной рукой и крепко сжимая в другой ручку небольшого чемодана.

— Это он, — крикнул человек. — Остановитесь!

Шофер оглянулся и остановил машину.

Человек выскочил из машины и, рискуя быть задавленным, бежал наискось, ловко лавируя между несущимися автомобилями. Уже заливался трескучий свисток милиционера и рука в белой перчатке доставала квитанционную книжку. Человек не слышал свистка. Юноша и девушка подходили к зданию ГПУ.

«Не успеть», — пробормотал человек, и в ту же минуту тяжелые двери ГПУ закрылись за вошедшими.

— С вас штраф, гражданин, — промолвил милиционер, протягивая квитанцию.

— Получите, — человек машинально протянул рублевку.

— Обрато на вокзал, — сказал он шоферу, влезая в машину.

«Сумасшедший, должно быть», — подумал шофер, берясь за руль.

В Ключанск человек прибыл поздно ночью.

— Ну как дела, — спросил он крепкого коротыша.

— Благополучно, — ответил тот, вынимая изо рта толстую папиросу.

— Телеграммы были?

— Нет.

— Странно.

Не раздеваясь он прошел к инженеру. Драницин лежал.

— Послушайте, Сергей Васильевич, — начал человек, — я обращаюсь к вам в последний раз. Буду откровенен. Модель мы потеряли. Теперь вся надежда на вас. Соглашайтесь.

Инженер молчал.

— Я вам искренне советую не упорствовать. В случае отказа я вынужден буду прибегнуть к крайним мерам.

— Что вы под этим разумеете? — спросил инженер, привстав на койке.

Человек закурил и присел на край постели.

— Поймите, вести вас за границу мы не можем. Оставлять вас здесь нельзя.

Он замолк и задумчиво пустил струю дыма.

— Значит? — полуспросил инженер.

— Значит, — спокойно продолжал человек, — придется вас устранить.

— Ну что ж, устраняйте, — как-то безразлично промолвил Драницин, опускаясь на койку.

— Зря вы, серьезно, зря. Подумайте. Завтра утром я уезжаю совсем, ликвидирую квартиру и...

— Понимаю, — также безразлично протянул инженер, — можете не продолжать.

— Дайте формулы и чертеж, ведь вы же их помните. И соглашайтесь ехать за границу.

Инженер круто повернулся и натянул одеяло на голову.

— Подумайте до завтра, — промолвил человек, прикрывая дверь. Щелкнул ключ.

«Последняя ночь», — мелькнуло в сознании инженера. И он стиснул зубы.

Коротыш не спал. Он укладывал вещи и жег какие-то бумаги. В это время раздался звонок.

— Кто там? — спросил он.

— Телеграмма.

— Сейчас, — коротыш стал открывать запор.

«То-то Семен Семенович обрадуется, — думал он, — заждался телеграммы».

Приоткрыл дверь, оставив ее на цепочке. Взял телеграмму, пошел расписываться.

В это время что-то сухо шелкнуло, он оглянулся. На двери, перекушенная надвое, болталась цепочка. И пятеро военных с наганами в руках стояли около.

— Руки вверх.

Коротыш покорно выполнил приказание.

— Ведите нас туда, где инженер Драницин.

Коротыш пошел вперед.

— Здесь, — сказал он.

— Дайте ключ.

Двое зашли к Драницину. Остальные пошли обыскивать помещение. Снаружи дом был уже оцеплен.

Человек, приехавший ночью, спал не раздеваясь.

— Вставайте, — тронул его военный.

— Что вам угодно? — вскочил он, но, увидев военного, осекся.

— Я арестован? — спросил он дрожащим голосом.

— Да, — ответил военный, — пойдете.

Вошли в большую комнату, здесь уже собрались все. Инженер Драницин, радостный и взволнованный, говорил о чем-то с Таней.

Дорога уходила вкось. Чуть брезжил рассвет. На востоке дрожала в зеленоватой прохладе крупная звезда. Впереди расстиралось ровное шоссе, обсаженное огромными тополями.

Инженер Драницин жадно вдыхал свежий утренний воздух. Около сидела Таня и было радостно видеть, как ветер треплет ее каштановые волосы. Петя примостился сзади.

Инженер посмотрел на Таню и громко, наперекор ветру, сказал:

— Хорошо.

— Хорошо, — в тон ему ответил Петя.

Голос у Пети звучал бодро и уверенно.

И вдруг сбоку наперерез быстро выехала машина.

— Стоп, — крикнул человек в гетрах и, блеснув огромными очками, прыгнул на землю.

— Стоп, — кричал он, пересекая путь автомобилю.

Шофер дернул тормоз, машина остановилась.

— Ну вот, кончились ваши страдания, — сказал он, подходя к Драницину.

— Кончились, — удовлетворенно улыбнулся тот.

В это время из-за поворота вынырнула вторая машина и из нее быстро выскочил человек в пальто, с лицом словно из фарфора и полуопущенными веками.

— Сережа, — обратился он к Драницину, — у тебя папиросы есть? Понимаешь, два часа не курил.

— Бери, — протянул портсигар Драницин. — Ну и вид же у тебя, Николай, прямо подлинный злодей. Сними ты хоть усы-то. Ведь съемка кончилась.

— А ведь верно, — сказал тот, кого звали Николаем, и, отцепив усы и бородку, сунул их в карман пальто.

— Наконец-то, ох уж и надоело мне.

Режиссер в гетрах блеснул огромными очками и усмехнулся.

— Ну уж и надоело. Увлекательный фильм получится. Не знаю только, как его назвать.

— А знаете что, — предложил Николай. — Назовите-ка вы его «Модель инженера Драницина».

— А ведь это идея, — подхватил режиссер. — А теперь едем. Спать хочется.

Актеры расселись. Машины рывкнули, и впуски понесли к городу.

СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВ

ТРОЙКА ОР-ДИМ-СТАХ

Радио — рассказ будущего

Журнал «Всемирный следопыт», № 1, 1925 г.

Сергей Григорьев: Тройка Ор-Дим-Стах: Радио-рассказ. - М.: [Гос. мастерская Педагогич. театра Главсоцвосса], 1-я гостиц. Донполиграфбума в Ростове н/Д, 1925.

ТРОЙКА ОР-ДИМ-СТАХ

Предисловие редакции

Война будущего, неизбежность которой никто не отрицает, получит совершенно иной облик по сравнению с войнами прошлыми. Успехи авиации, радио и истребительной химии (применение ядовитых газов) дают в руки враждующих новые, могучие средства разведки, нападения и обороны.

В рассказе: „Тройка Ор-Дим-Стах” автор рисует картину разведки в войне будущего. Успехи химического оружия, передачи энергии на расстояние без проводов (радио) и воздухолета столь стремительны, что дают почву и простор для самых необузданных мечтаний.

В отличие от таких безответственных фантазий автор рассказа „Тройка Ор-Дим-Стах” основывается на действительном состоянии военной техники и на учете основных линий ее развития в Западной Европе и Северной Америке. В рассказе нет ничего утопического. Только масштабы несколько раздвинуты, — но, именно, увеличения масштабов технической работы и требует от нас настойчиво современность.

Пасмурной ночью в новолуние.

Что-то вроде той трубы архангела, которая — по мнению глупых набожных старух — вызовет их из могил в день светопреставления,— звук сирены был способен разбудить и мертвых. Инженер Димитриев (Дим) пробудился от ощущения, будто он попал под звон тысячепудового колокола. Вскочив с постели (спал одетым) — инженер выбежал из дома в сад.

Сирена все еще звучала. Сквозь ее басовый вой слышалось хлопанье калиток в саду, поспешный топот по ступенькам. Нигде ни искры света. Темный хмурый лес стеною окружает Радио-Поляну. К зданию над шахтой РОС¹⁾ со всех сторон бежали люди. Столпились у дверей шахты, но паники не было. — Дим услышал, как кто-то успокоительно промолвил: «Очередная фальшивая тревога». Вероятно, то же думал и инженер Орестов (Ор). — Дим, подбегая к двери шахты, увидел, что Ор стоит, спрятав руки в карманы, и смотрит в небо, не проблеснет ли звезда. Нет — ночь в новолуние. Небо покрыто плотно облаками.

Но Дим знал, что эта тревога не фальшивая. Он схватил за руку Ора:

— Идем!

— Постой, какой великолепный свежий воздух... Пахнет прелым листом и еще... как во фруктовой лавке, яблоками.

— Идем. Это запах ортрита.

Ор вздрогнул и нырнул в дверь, Дим за ним. Они были последние. Дим затворил за собою дверь, — и она автоматически замкнулась на тяжелые засовы... В вестибюле было светло. Дим взглянул на Ора: лицо товарища расплылось широкой усмешкой.

Дим спросил:

— Ты долго любовался небом?..

1) РОС — сокращенное название центральной станции Радиообороны Союза ССР.

Ор весело рассмеялся:

— Да, минут десять...

— Что-же ты смеешься... Это ужасно!.. Беги в амбулаторию сейчас же.

Лицо Ора потемнело, и, дико хохоча, он кинулся бежать вниз по коридорам входного лабиринта, освещенным длинной стеклянной трубкой Мура; под сводом она вилась по коридорам пламенно-розовой змеей, следуя извивами свода коридора.

Лабиринт станции РОС, ведя покатым ходом вниз под землю, служил вместе с тем газовым затвором; если бы даже наружная броневая дверь осталась открытой или была разбита снарядом — газы распространялись бы по длинному извилистому ходу лабиринта очень медленно... А дальше был еще ряд броневых дверей с автоматическим затвором. Ход лабиринта вывел Ора на верхнюю площадку шахты, накрытую серым бетонным сводом. В смятении от неудержимого припадка веселья, Ор пробежал лучевым коридором в амбулаторию... Еще из-за двери слышались вспышки глупого хохота, словно из кино-зала, где на экране Чарли Чаплин. Вбежав в просторный зал амбулатории, Ор увидел толпу работников станции. Все они были необычайно веселы... Одни, прищелкивая пальцами, свистели, смеялись и плясали. Другие, обессилив от смеха, сидели на диванах и беззвучно хохотали, — слезы лились у них из глаз потоком; третьи пели песни, непристойно кривляясь; четвертые возбужденно декламировали стихи...

Санитары и фельдшера метались между больными — хмурые, растерянные: они знали, что надо делать, — но трудно было убедить больных принять внутрь лекарство, — никто не хотел верить тому, что отравлен ортритом. Ор увидел, что его близкий приятель электрик Дик, весело хохоча, оттолкнул и расплескал мензурку, протянутую санитаром.

— Пейте, Дик, иначе вы погибли! — крикнул Ор, дробно смеясь.

Дик весело взмахнул руками, запел:

*Туди-туди, туди.
Три-да дири ра ра ба ба.*

И вдруг с хохотом он упал в диких корчах на пол.

Ор выхватил мензурку из рук санитара и насильно влил раствор в широко раскрытый рот Дика. Потом выпил лекарство сам. Припадок Дика подействовал на других: рабочие, дрожа от смеха, стуча зубами о край стакана, принимали нейтрализующее питье и обессиленные падали на скамьи и на пол. Появились санитары с носилками. Ор почувствовал, что у него припадок веселья оборвался. Нельзя было терять ни минуты времени.

Выбежав из амбулатории, он прыгнул в кабину лифта, нажал кнопку: кабина нырнула вниз и, мягко, но крепко тормозя, упала на дно шахты. Ор ринулся из кабины узким, с тремя поворотами, ходом в мастерскую инженера Дима.

Точка «Д» работает.

Дим стоял в своей мастерской перед пультом имажиграфа¹⁾ и писал стилосом на черной ленте — вроде грифельной доски; лента медленно тянулась, и написанное Димом уходило под обрамляющую ленту полосу латуни. На стене перед пультом сиял серебристым матовым светом небольшой экран... Дим оглянулся на вошедшего Ора и сказал:

— Запри дверь на ключ. Я получил приказ и вызвал Стаха.

Невидимая рука на экране начертала:

— Пишу я, инженер Стахеев. Что случилось, товарищ Дим?

Дим написал:

— Около РОС брошена бомба, начиненная ортритом. Ор слегка отравлен газом: похохотал, но оправился. Я принял все меры. На поляне остались трое: 123, 737, 434, — вероятно погибли. Точка «Д» работает. Ор здесь, у пульта...

Ор взял стилос и написал:

1) Аппарат, передающий на расстояние изображения и письмо.

— Пишу я, инженер Орестов. Здравствуй, товарищ Стах. Ничего, я поправился. Сейчас Дим напишет, в чем дело... Он получил приказ, — а я еще не знаю что.

Дим написал на ленте:

— Мы сейчас получим из Москвы ключ...

Станцию РОС американцы недаром называли ключом СССР. Спроектированная в общей системе Радио-Обороны Союза, станция РОС была детально разработана инженером Дмитриевым, строилась под его наблюдением инженером Орестовым, а радио-приборами была оборудована инженером Стахеевым. Им троим затем и была поручена станция РОС. В Совете Обороны управление станции РОС получило прозвание: „Тройка Ор-Дим-Стах”. Каждый из тройки имел заместителя-помощника, но управлять станцией они могли только втроем, так как с расчетом на это и были устроены все замыкающие, включающие и переключающие приборы: это было технической гарантией доверия и тайны... И всё-таки, станция запиралась ключом из Москвы на расстоянии пятисот километров. Конечно, этот ключ нисколько не походил на ключ от замка. И слова „запиралась” и „отпиралась” — надо понимать в условном смысле: по проводу, проложенному под землей, Главком „К.” в Москве собственной рукой включал ток и ставил гриф на доске имажиграфа под приказом — включить станцию РОС. Здесь не было разговоров по телефону — и почерк руки считался более достоверным, чем знакомый голос: все написанное оставалось на ленте документом.

От Главкома зависело включить станцию по произволу одним из шести ключей, обозначенных условными словами:

Стах-Ор-Дим.

Дим-Ор-Стах.

Дим-Стах-Ор.

Ор-Стах-Дим.

Ор-Дим-Стах.

Стах-Дим-Ор.

Так, бывало, запирали в крупных банках ценности в стальных кладовых — ключами с условным секретом. Здесь же ключу доверялась ценность жизни ста миллионов людей...

Дим написал на ленте имажиграфа:

— Товарищ Главком, прошу включить РОС.

На экране тотчас явилась надпись из трех букв:

— О, С, Д.

Тогда Дим написал:

— Теперь я могу тебе сказать, Стах: Северный Союз начал маневры. Радио-маяки погашены...

Ор вскрикнул, читая через плечо товарища то, что тот писал на ленте.

— Все наши радиостанции первого порядка должны молчать до часу. Нам дан приказ открыть три точки, если они образовались. Ты на полете или на земле?

— Отыскиваю гавань для спуска.

Надписи на экране двигались вверх, повторяя точно движение ленты, и исчезали за рамою экрана.

Ор и Дим расписались на ленте: и почти одновременно на экране возле букв ОСД начертались подписи: Орестов, Дмитриев — потом Стахеев...И, наконец, — небрежный гриф Главкома.

Дим подошел к небольшому шкафчику на стене с шестью дверцами: на дверцах были буквы: СОД, ДОС, ДСО, ОСД, ОДС, СДО; Дим нажал кнопку; открылась дверка с буквами О, С, Д, за ней на полке шкафчика был ключ с теми же буквами.

Ключ был на длинном, гибком шнуре вроде тех, что применяли барышни на старинных телефонных станциях, соединяя абонентов.

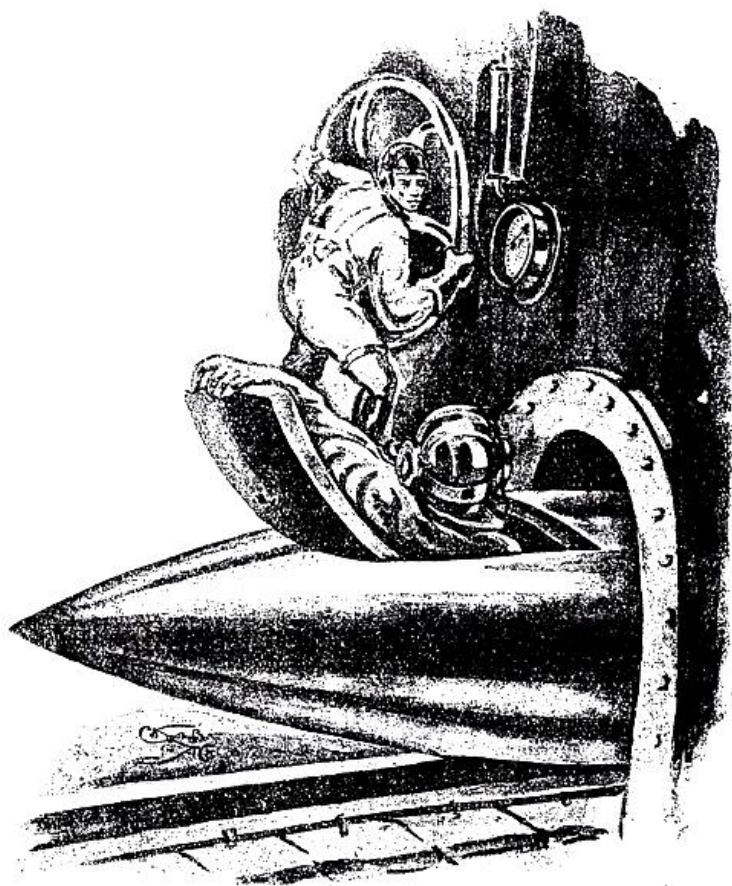
Прыжок в пятьсот километров длиной.

Дим вставил вилочку ключа в стенной штепсель. Прошло не более трех секунд, — и одна из гранитных глыб, составляющих стены мастерской, повернулась на невиди-

мой оси; в стене образовался узкий темный ход. Ор и Дим вошли в проход, и он за ними медленно закрылся. Щелкнул выключатель, — загорелся свет; перед инженерами открылся, загибаясь, сводчатый ход.

— Какой здесь резонанс, — сказал Дим: — наши шаги отдаются.

— Да. — Ор прислушался: — будто кто идет за нами.

Ор открыл дверцу вагона-торпеды и улегся вдоль вагона на диване.

— Идти за нами никто не может.

Ор дико захохотал: — Проклятый газ!

И эхо тоже дико хохотало. Инженеры достигли огражденного решеткой отверстия шахты и по винтовой лестнице спустились на самое дно ее. Отсюда начинался снова узкий витой ход, освещенный, как и наверху, сияющей вдоль свода трубкой Мура. Пройдя через этот лабиринт, Ор и Дим вступили в пассажирский зал. В зев низкого тоннеля уходили рельсы узкой колеи. На рельсах стоял небольшой закрытый вагон без окон: — своим заостренным носом и кормой он напоминал торпеду.

— Я отправлюсь — сказал Ор.

— Подожди минутку: зайдем в нижнюю мастерскую и осмотрим вместе приборы.

Все оказалось в порядке, и они вернулись в пассажирский зал. Ор пожал руку Дима, открыл дверцу вагона и улегся вдоль вагона на диван. Дим захлопнул дверь за ним и повернул колесо отправления, похожее на рулевое. Вагон-торпеда ринулся в отверстие тоннеля...

Тоннель проложен примерно с севера на юг, по дуге большого круга; — длина его около пятисот километров. Но для торпеды РОС — это расстояние почти то же, что шаг для человека. В сущности, это был прыжок: до середины путь шел вниз, и скорость постепенно возрастала до предела, допустимого без опасности для сосудистой системы пассажира; — дальше начинался подъем, и вагон, кроме того, постепенно тормозился током.

Через двадцать минут Ор вышел из вагона в пассажирском зале на другом конце тоннеля — несколько ошеломленный: скорость его полета в тоннеле была равна, примерно, линейной скорости точки на экваторе земли в ее вращении. Зато следы отравления ортритом исчезли. Если Ор улыбнулся, покидая свой вагон, то только от сознания, как тут теперь далек он от земного света: — он даже вслух сказал:

— Я похож на фараона, погребенного под пирамидой Гизеха...

Но тотчас же улыбка сбежала с лица Ора: всесотрясающий вой сирены вновь призвал инженера к интересам земли. Он быстро прошел коридором в свою мастерскую и на экране над пультом имажиграфа прочел:

— Пишу я, Дим. Ор, залей тоннель водой.

Ор подошел к щиту насосов, взглянул на измерительные приборы и включил насосные моторы...

Стрелка водомера дрогнула на циферблате, и вода каскадами полилась в тоннель. Ор осмотрел все измерители на щите; красный зайчик бегал кругом по матовому стеклу в середине щита: значит, антенна вращается. Ор написал на ленте:

— Точка «Д» в исправности. Есть — залить тоннель. В чем дело?

Невидимая рука написала на экране:

— Мы атакованы. Стах отвечает? Определи его положение... Точка «С» — частота 100.000 — без прожектора...

И тотчас на экране появилось:

— Пишет Стах. Точка «С» работает. Частота 100.000 — без прожектора.

Это значило, что Стах откуда-то из пространства послал на тысячи километров во все стороны ненаправленную волну незатухающих колебаний: „це-це-це-це-це” — азбукой Морзе...

Решение треугольников.

Ор неторопливо закурил сигару и повернул над пультом включатель с надписью: «Экран искателя — пояс 1-ый.»

На стене перед ним осветилась большая карта западной части СССР; справа рамка обрезала карту на 50 меридиане от Пулково, слева — синее поле Атлантики.

На карте светились две точки, обозначенные буквами «Д» и «О», и от них, подобно лучу прожектора, щупающему небо, проблескивали, — дрожа, колеблясь и вращаясь, становясь то короче, то длиннее, — два резко освещен-

ных луча... Они скрестились и разошлись, скрестились снова и, трепеща, почти остановились...

На экране имажиграфа появилась надпись рукою Дима:

$\angle D = 73^\circ 46' 35''5$.

Ор нажал рукоятку арифмографа-автомата: тенькнул звонок, — выскочили на черном поле прорезов белые цифры. Ор написал на ленте имажиграфа:

$\angle O = 72^\circ 30'72''$.

Прошло около минуты. Ор стоял у пульта в тонком облаке сигарного дыма и с тихой улыбкой представлял, как лоцман Стаха в точке «С», взглядывая то в таблицы, то на логарифменную линейку, не спеша решает треугольник ОДС.

Невидимая рука Стаха подчеркнула на экране углы «О» и «Д», и написала:

— Долгота 18° , широта 56° — около Казани. Верно? Стах.

Ор кивнул головой: лучи на стенной карте, трепеща и колеблясь, действительно пересекались, образуя белое пятнышко у Волги, около Свяжска, — точка «С» станции РОС определила себя точно. Ор написал на ленте:

— Верно. Ор.

После этого явилась на экране надпись:

— Верно. Дим.

Затем в углу — небрежный гриф Главкома, и рукою Стаха:

— Лечу север. Курс NNO. Скорость 350. Излучений нет. Стах...

Теперь точкам «О» и «Д» станции РОС оставалось терпеливо ждать сообщений точки «С».

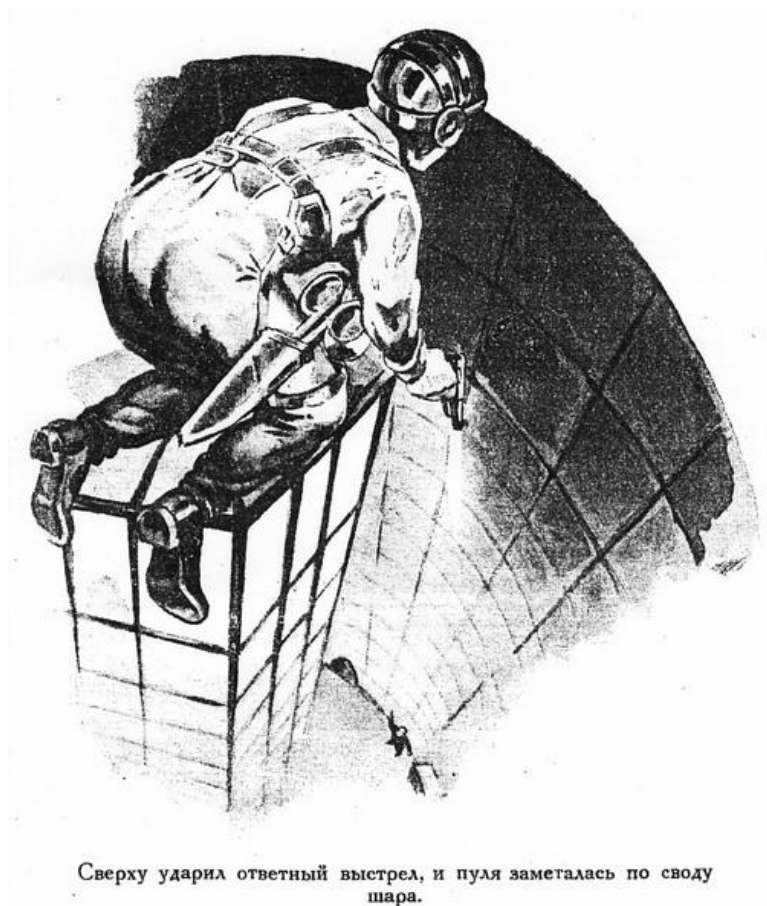
— Излучений нет. Ваш прием ясен... Стах...

— Нет. Ясен. Стах.

Лучи на стенном экране медленно вращались, и точка их скрещения передвигалась от Свяжска по направлению к Краснококшайску. Стах повторил:

— Нет. Ясен. Земля совершенно темная. Накапывает дождь. Ветер от ОСТА, 4 балла. Стах.

Ор вышел из мастерской в пассажирский зал. Из зева тоннеля веял легкий прохладный ветерок: вода, заливая тоннель, вытесняла из него воздух. Из зала прибытия кривулинками узких переходов Ор спустился в «подвал антенны» и осветил его. Тихо рокотал мотор, вращая вертикальную ось антенны. Стоя у ее основания, Ор бросил привычный взгляд вверх. Вписываясь в шаровую поверхность подвала, антенна быстро вращалась, — воздух свистел в ее проводах, как буря в тросах корабля. Рама антенны составлена из двух равноконечных крестов, пересекающихся

Сверху ударил ответный выстрел, и пуля заметалась по своду шара.

ся в общей точке. Между восемью концами крестов и были натянуты провода антенны. В общем — антенна напоминала собою гигантскую модель вписанного в шар правильного октаэдра, — вроде сквозных проволочных моделей, служащих пособиями по кристаллографии...

Внезапный стук металла... Что-то сверху упало и заскользило покатым боком подвального шара. Ор вздрогнул, прислушиваясь, и вдруг — в сером мелькании антенны — увидел, что по решетчатой форме вертикали карабкается вверх человек в обтяжном костюме радио-рабочего. На ногах его были белые резиновые сапоги, на руках такие же перчатки, а на поясе висели в резиновых ножнах ножницы с длинными рукоятками и с эфесами на них, как на старинных шпагах; только там эти эфесы были для защиты руки от укола шпаги противника, а здесь — для защиты от электрических разрядов при резке проводов и проволочных заграждений под током.

Ор, не размышляя, выхватил из кобуры револьвер и выстрелил вверх по человеку...

Сверху послышался веселый хохот, — хохот отравленного ортритом, — а затем прогремел ответный выстрел, и пуля заметалась по своду подвала-шара.

Система трех точек.

Чтобы ясно себе представить смысл и значение того, что совершалось, надо вспомнить — хотя бы в общих чертах — простую и изящную систему радиообороны СССР, противопоставленную столь же смелой и прекрасно оборудованной системе радиоатаки, которую не удалось сохранить втайне инженерам американских трестов. Кратко: это система трех точек.

Военная доктрина после 1914 - 1920 г.г. испытала большие превращения: «стратегия фронтов», под знаком которой прошла эта война, сменилась «стратегией узлов», или, точнее, стратегией точек.

Оса-наездник отравленным уколом в нервный центр движения парализует огромную гусеницу и превращает ее в живой труп и пищу для своего потомства; подобно этому, в грядущей войне будут прежде всего поражены налетом механических ос жизненные центры противника, как бы далеко они в тылу не находились: столица, железнодорожные узлы, склады оружия и взрывчатых материалов, электроцентралы, авиабазы, и — прежде всего — радиозулы. Сообразно с этим и маневры — так было уже не раз — переносятся на территорию, или, точнее, над территорией противника. Теперь впервые Северный Союз (USA+B¹⁾) предпринял авиа- и радио маневры в таком большом масштабе, что это было равносильно необъявленной войне.

Система трех точек предрешает, что — ввиду серьезной авиа-защиты СССР (особенно с запада) — нападение на нее возможно только темной пасмурной ночью. И все же вполне внезапного нападения быть не может, — налет будет или предупрежден, или открыт. СССР всегда освещен областными сверхстанциями. При малейшей опасности все станции разом выключают ток, и страна погружается в мрак. Города и узлы покрываются одеялами искусственных туманов. Радиомаяки также гасятся (так оно и случилось!). При этих условиях налет дальних бомбовозов теряет смысл: авионы не могут ни ориентироваться, ни точно определить места намеченных ударов. Неохватная и бескрайняя равнина СССР превращается для них в сплошное темное пятно. Как на этом беспредельном просторе найти какую-либо точку во время полета? — Американские радиотехники ответили на этот вопрос, вспомнив простую, известную всем школьникам, истину: три точки вполне определяют положение на плоскости.²⁾ Американские же инженеры разработали следующий план атаки: Выбрав темную пасмурную ночь, мы прежде всего посылаем с любого пограничного пункта авиаэскадру; один из авионов несет на себе мощный радиомаяк. Пока советские истребители

1) С.-А. Соед. Штаты и Великобритания.

2) Кривизной земной поверхности здесь пренебрегают.

атакуют конвоиров, «авион-маяк» устремляется во мраке ночи вглубь территории СССР. По возможности ближе к Москве — он приземляется и тотчас же, излучая маячные сигналы, вступает в радиосвязь с двумя другими радиомаяками, установленными, скажем, в Лондоне и на Гибралтаре (а может быть, и ближе!). Те два маяка определяют направление излучений авиона-маяка и, тотчас построив треугольник на основании Лондон — Гибралтар, — находят ту точку территории, где приземлился радио-маяк, и отмечают ее на карте. Не далее, чем через десять минут после этого, каждый из бомбовозов, летающих над территорией противника, получит с лондонского маяка по радио сигнал с точным указанием положения назначенной ему цели.

Пройдет не более 2-х часов (при скорости авионов в 300—400 километров в час) с того момента, как на территории СССР начал излучать сигналы «авион-маяк», как уже на столицу, города и железнодорожные узлы посыплются бомбы — взрывные и с ядовитым газом.

Ясно, чем следует ответить на этот план авиа- и радиоудара: первая задача обороны — разрушить прилетевший радиомаяк.

Для этой цели и была построена по системе тех же трех точек станция РОС, состоящая из двух неподвижных точек «О» и «Д» (под землей), и одной подвижной «С» — на воздушном корабле. С О Д — три мощных радио-узла, но летучая вершина «С» треугольника ОДС является, кроме того, и могучим истребителем-бомбовозом.

123, 737, 434.

Дим, взволнованный, почти потрясенный, стоял перед пультом имагиграфа и писал на ленте:

— Ор не отвечает. Что случилось, Ор? Точка «О» работает...

Экран ответил почерком Стаха:

— Волна «О» слабеет. Дим, пошли туда, кого? — хоть 434...

— Нет — 434, я писал, не успел войти в убежище; я думаю, что он погиб от газовой атаки на точку «Д».

Острым, нервным почерком Главкома:

— Брянск с воздуха атакован: сброшены газовые бомбы. Ускорьте поиск.

— Слушаю, товарищ! — сверкнуло на экране почерком Стаха.

Затем на экране пред глазами Дима вдруг явился смутный отпечаток руки, потом еще пятно...

Дим вскрикнул и написал на ленте:

— ?!

— Отвечаю я — Стах. Принимаю волну их маяка. Сбивчиво... Что с Ором? Видите ли вы их волну? Скорее дайте углы маяка с линией «О-Д»... Ор не отвечает...

Дим взглянул на экран искателя: скрещение лучей из точек «О» и «Д» подвинулось далеко вверх и влево: Стах летит теперь, примерно, над станцией Шахунья линии Котельнич — Нижний... Вдруг экран иماجиграфа опять заговорил прыгающими буквами:

— Пишу я — Ор. Я ранен. Убил 434 — предатель — он проник — разрезать антенну... Он меня... грудь. Едва... до пульта. Где 123? 737?!.. Не могу остановить крови...

Дим пишет на ленте стилосом:

— 123 — предатель. Захвачен. Наверху работают в респираторах. Здесь газов нет. Выкачивай воду из тоннеля.

— Не могу идти. Ползти нельзя: вода выше колен. Кровь. Я умираю. Где 737? Не могу остановить крови...

— Опустит затвор, — приказал Дим.

— Я не могу двинуться, — ответил Ор дрожащими буквами, — потом добавил: вижу красный луч... Угол...

От буквы «л» протянулась по экрану вялая черта, потом — пятно. Дим понял, что Ор теряет силы:

— Ор! Угол! Угол! Ор!

Дим взглянул на карту своего искателя. На стене трепетали два луча, скрещиваясь выше Шахуньи. Из точки «Д» — рядом с белым лучом и левой его — блеснул красный луч: антенна «Д» уловила направление, в котором находил-

ся и слал свои сигналы смерти «авион-маяк» врагов. Красный луч лег от точки «Д» мимо Москвы левее на Котлас, и далее чрез тундру до океана.

Дим повернул красную рукоять арифмографа: прозвене-ло, и выпали в просветах красные цифры. Дим написал на ленте:

< Д — красный = $42^{\circ} 34' 00''$.

Из точки «О» на карте искателя, слабым, коротким и не-ясным трепещущим пучком выходила смутная красная чер-та, не достигавшая пересечения с лучом из «Д». Мысленно продолжая эту бессильную черту, Дим определил на глаз, где она встречает красный луч, и написал:

— Красный луч «О» — слабеет. Я, Дим, полагаю, что их маяк в треугольнике Солигалич-Вельск-Устюг!.. Я вклю-чаю сирену — пытаюсь вернуть сознание Ору...

Дим включил сирену на точку «О»: если Ор еще сохра-нил проблеск жизни, потрясающий рев сирены, может быть, еще пробудит его сознание...

Экран имажиграфа серебристо поблескивает, поверх-ность его ясна и чиста. Ни «О», ни «С», ни Москва — не пишут ничего.

Идут секунды. Сердце Дима крепко стучит... Он обна-жает голову и никнет...

Вдруг мощный звук сирены сотрясает мастерскую Дима: сирену мог включить на точку «Д» лишь Ор. Жадно смот-рит Дим на экран; появляются скомканные строки:

„О — красный = $109^{\circ} 00' 35''$. Прощайте. Ор. Вода за-ливает”...

— Прощай, Ор! Целую тебя — пишет Дим.

— Прощай, Ор! Тебя целует Стах — сверкает черны-ми буквами серебристый экран: „определился, вижу, иду в атаку”...

Пламенный цветок.

Воздушный корабль «С-4», под командой Стаха, при-ближался к отмеченной на карте точке, где должен был

находиться «авион-маяк» противника. Треугольник Солигалич—Вельск—Устюг почти сплошь покрыт лесами, топями, болотами, заросшими озерами, изрезан сплавными речонками. Нельзя было думать, чтобы «авион-маяк» опустился прямо среди леса. Точка, отмеченная на карте, лежала в верховьях Кокшенги. Тут где-нибудь среди озера и стал на якорь авион врага.

Стах сидел рядом с пилотом в командной рубке корабля — по правую его руку, а слева от пилота сидел в легком плетеном кресле — краском. Лампа, затененная абажуром, освещала карту только — когда ее включали; сияющий экран имажиграфа был прикрыт спущенной шторой. Все огни на корабле были погашены. Вперед и вниз всем троим — пилоту, Стаху и краскому видна была через зеркальное окно кабины темная земля... Блеснула тускло поперек курса корабля извилистая змея реки:

— Это Сухона, — сказал пилот. — Будем снижаться, товарищ Стах? До Кокшенги не более пятидесяти километров...

— Да. Стоп! Пойдем на кормовых электро-моторах... Товарищ, у вас все наготове?

— Да — ответил краском.

Стук дизелей стих. Только тихо веяли два кормовых пропеллера. Корабль, склоняясь носом вперед, стал снижаться...

— Слышите?

Откуда-то снизу и впереди справа послышался заглушенный стук больших моторов: а ведь тут на сотни километров не было фабрик и заводов, — до архангельской же дороги тоже далеко...

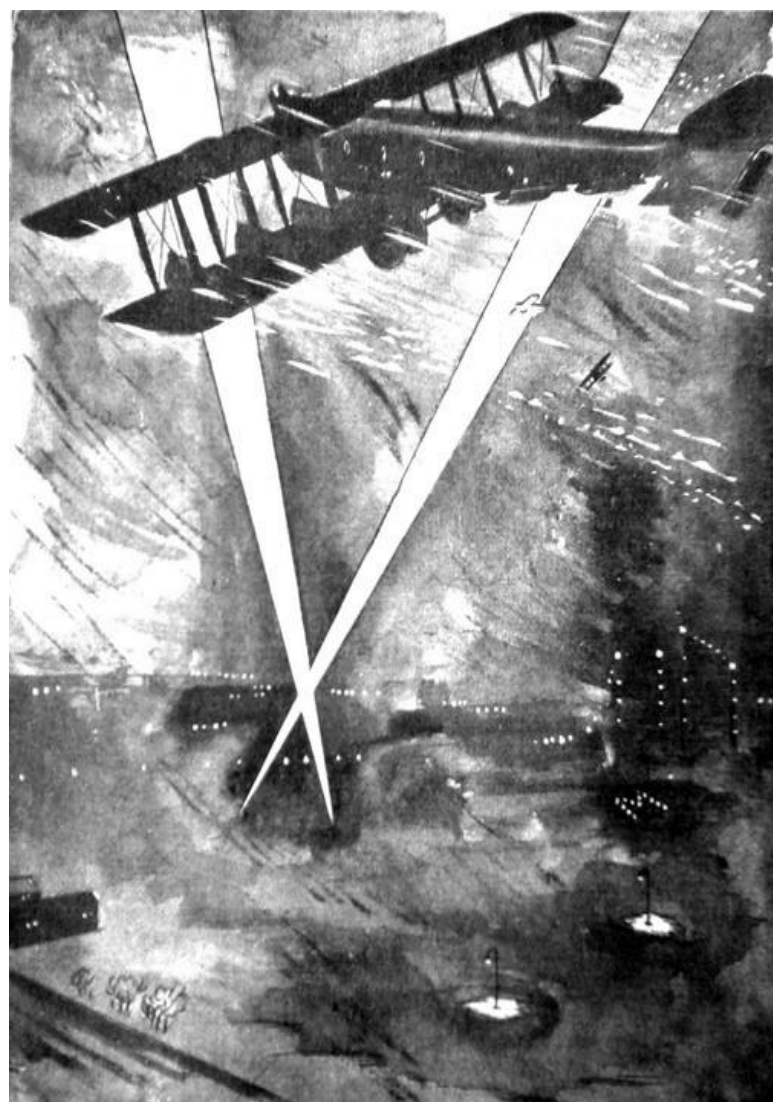
— Это-он! Возьмите курс на ту речонку.

Ближе и ниже: речки кажутся тускло-серебристыми венами, просвечивающими сквозь темную кожу земли.

Справа по курсу — круглое пятно — озеро.

— Попробуем осветить?

— Нет! Ни искры света, он нас тогда примет в пулеметы.

— Остановите кормовые пропеллеры. Пусть нас несет ветром.

— Есть!

Веяние пропеллеров стихло. Если-б кто-нибудь с земли теперь увидел «точку С», то наверное, на фоне пасмурного неба, принял бы корабль, длиною в 200 метров, за обрывок низких клочковатых облаков...

Стук моторов снизу стал слышнее. Ветер тихо гнал корабль над озером. На альтиметре высота — 800 метров. Среди озера ясно уже видно было темное пятно...

— Атакуем?

— Да.

— Полный ход.

Но прежде, чем загудели дизеля, из-под тела корабля «С», из центральной рубки выпыхнула красная ракета. Стебель ее мгновенно вырос, подобно сказочной траве, и на вершине, хлопнув словно пробкой пенного вина, раскрылась огненная почка и расцвел пламенно-белый цветок, поникнув головой: то была ракета с парашютом... Она падала, осветивши озеро ярким трепетным светом: среди озера на якоре стоял мультиплан типа Капрони.

— Что такое! — вскрикнул пораженный Стах... — Кто велел?

Краском, опрокинувши кресло, кинулся по узкому коридорчику к центральной рубке...

— Нас открыли. Уходить? — спросил пилот, взвивая корабль на дыбы в небо.

Снизу с озера остро блеснул яркой звездой прожектор и махнул по небу широкою метлой. Застучали пулеметы...

— Держите курс на него...

— Смотрите, с озера поднялись два гидроплана.

— Вижу!.. Огонь! — скомандовал Стах по телефону.

Озеро пропало, уплыв под ноги. Корабль «С» описал дугу, — и снова открылось внизу озеро; слышались взрывы, поднимался багровый дым, и нельзя было понять, что это — дым пожара, или завеса, устроенная противником. Дым окутал все озеро...

— Бросайте газовые бомбы, — приказал Стах и, взяв в руку стилос, написал на ленте:

— „Нас открыли, предали. — Атаковал маяк противника на озере в верховье Кокшенги. Слышны взрывы. Озеро закутано дымом. Сброшены газовые бомбы. Нас преследуют два гидроплана”.

Он поднял шторку над экраном и увидел:

„Пишет Дим: маяк противника погашен. Поздравляю. Уходите. С базы Кубенского озера посланы гидропланы: задача — добить маяк и вашу погоню”...

Несколько добровольных прыжков.

Краском вернулся в командную рубку, поднял опрокинутое камышовое кресло, сел снова по левую руку pilota и сообщил Стаху:

— Знаете, тот, что пустил ракету...

— Ну?

— Товарищи уже связали ему руки и отцепили парашют с его спины, когда я прибежал...

— Да?

— Я велел открыть люк в полу... Он довольно охотно прыгнул вниз...

— Охотно?!.

— Ну, ему немножко помогли...

— Вы обыскали его?

— Да, вот его знак.

Краском положил на пульт перед Стахом браслет, на ободке которого была выбита цифра: 737.

— Ага! Это третий — кивнул головою Стах: — и последний.

Он написал на ленте:

— Стах пишет: предатель, пустивший ракету, открыт— 737. Он выбросился сам через люк на высоте 1700. Гидропланы нас накрывают. Открыли по нас огонь из пулеметов...

Экран ответил:

— „Дим — пишет: авионы противника потеряли связь, — Лондонский маяк дает сигнал отбоя. Авионы отходят курсом ОСО. Москва не атакована. Откачиваем тоннель. Точка «О» залита водой. Судьба Ора неизвестна”.

Стекло в командной рубке рассыпалось осколками. Один из истребителей обошел корабль, сделал впереди «в притирку» мертвую петлю и, взмыв круто вверх, шел навстречу, стреляя из пулемета...

— Стреляет разрывными пулями. Хочет нас поджечь, чужак!

Пули решетили и рвали оболочку корабля. Если бы он был наполнен водородом, давно бы канул в бездну горящим факелом, — но в баллонетах «С» был гелий...

— Он хочет нас таранить. Лево руля. Вверх руля!

Было слишком поздно: серая птица с ревом ударила снизу в бок корабля и, разорвав и смяв его крылом, сама в дыму и пламени упала, кружась, и пропала в туманной мгле над землею.

Корабль дрогнул и круто накренился. Краском и пилот оправили стропы своих парашютов и прыгнули за борт... Видно было, что и из других кабин прыгают, подняв руки вверх, люди из команды.

Стах, держась рукой за стойку, писал на ленте имажиграфа:

— „Пишу — Стах. Нас протаранили. Потеряли управление. Медленно падаем. Сбросили все снаряды. Воду из цистерны. Падаем. Настигает второй истребитель... Прощай. Загорелась кормовая моторная”...

Последнее, что прочел Стах на экране, было:

— „Пишу — Дим... Что?”.

Крен корабля усилился; в чуть поредевшем предрасветном сумраке Стах увидел, что края земли завертываются чашей. Потом земля стала похожа на черную, мохнатую, вывернутую наизнанку шапку. Стах поправил за спиной комок парашюта и, шагнув за борт кабины в воздух, ринулся камнем в глубину...

Ветер засвистел в ушах.

С шумом развернулся зонт парашюта. Падение Стаха замедлилось. В стороне, в дыму и
пламени, падал корабль «С».

С шумом развернулся зонт парашюта. Падение замедлилось. Мимо Стаха, в стороне, в дыму и пламени, падал корабль «С». В высоте, кружась, ревели пропеллерами несколько истребителей, стучали пулеметы, сыпались белые огни осветительных ракет: — настигнув вражеский авион, гидропланы с Кубенской базы прибывали врага к земле...

Путаница в эфире.

Белые лучи на карте в точке «Д» погасли, но Дим точно отметил на карте то место, где остановился при падении корабля Стаха его волномет: если бы полет продолжался еще 10—15 минут, «С» пересек бы северную дорогу между станциями Шарья и Мантурово. Стало быть, «С» упал где-то между Унжей и Ветлугой — в лесах.

Дим написал приказ на ленте имажиграфа:

— Ремонтной эскадрилье — Вятка. Эскадрилье разведчиков — Нижний: лететь Мантурово — Шарья — помощь. «С» упал северней желдор. линии. Дим”.

Дим взглянул на часы¹⁾. На их прозрачном циферблате был нарисован земной шар со всеми морями и материками. В центре круга — северный полюс, — и пятнадцать стрелок протянулись от пятнадцати станций — великанов всего мира. По ободу часов шли цифры — от 1 до 12 и снова от 1 до 12. Освещенный круг вращался против часовой стрелки, следуя вращению земли и всякому естественному круговому движению на земле. По одному взгляду на эти часы было видно: где на земном шаре ночь, где — день, где солнце всходит, где заходит...

Дим написал на ленте имажиграфа: «12 ч. 05 м. н.». С тех пор, как он пробудился в своем домике на Радио-Поляне от воя сирены — не прошло и трех часов.

Экран опять заговорил — но, странно, — слова и строки перепутались, переплелись, — перекрывали одна другую. Дим едва разбирал:

1) Часы Transradio, применяемые на всех радиоузлах.

— „Атака отби... — Пожар кормовой — потух — та — по всему фронту — достигли — Шарьи — каком положении работы тоннеля — лежит — уско — пробитый многих местах — рьте вершинах елей — ляйтесь сами — пустили волномет — о — принимать — кому — не мог — экран уничтожен — поручите точку «Д» — отвечать вопросы ваши не могу”...

Дим, озаренный догадкой, весело свистнул: это пишут разом и Москва, и Стах! «С» упал довольно удачно, если Стаху удастся отправлять свое письмо, но он лишен экрана и не видит, что пишет по написанному Москвой. Дим еще раз внимательно перечитал перепутанные строки и понял, что Главком приказывает ему лично отправиться в точку «О», как только будет свободен тоннель... Главком спрашивает, кому поручит Дим точку «Д».

Дим написал, и на экране снова явились спутанные строки:

— „— Дим — пишу: полагаю 248 — прибыли разведчики — камни? — благодарю — пом — труха — че — надежней вылечу — Москву — первом —...”

Дим яростно затопал ногами, но прекратить возбужденную болтовню Стаха не было никакой возможности, — хоть Дим и закричал, стукнув кулаком по пульту:

— Да перестань ты, наконец!

Сам рассмеявшись своей выходке и разбирая на экране, как старинный латинский палимпсест¹⁾, излучаемую Стахом переписку, — Дим прочел согласие Главкома доверить точку «Д» товарищу 248 и приказ:

— „Дайте ему ключ: Дим—Стах—Ор...”

— Слушаю, Дим.

Дим вызвал к телефону 248:

— 248? Около вас нет никого? Возьмите в бюро второй ключ от моей верхней мастерской. Войдите. Замкнитесь. Да. Дим. Все.

Через несколько минут на экране перед Димом явилось:

1) Книга на пергаменте, счищенная и записанная снова, так что можно разобрать и прежнее письмо.

(Стах перестал писать):

— „Я, 248, у пульта в верхней мастерской”.

— „Я, 193,— Дим.Возьмите ключ Дим—Стах—Ор. Откройте ход и спускайтесь сюда: — я в нижней мастерской”.

Последнее пятно на экране.

Дим, услышав шаги, вышел навстречу 248 и протянул ему руку:

— Ну, как, товарищ Дик? — Вы совсем оправились от припадка?..

Дик широко улыбнулся:

— Мне еще весело, Дим, и подмывает похохотать, — но ничего. Какая дьявольская штука смех!

— Еще-бы, Дик, ведь говорят же «умора», — вот ортрит и есть эта умора... Умереть со смеху — брр... Вы знаете, — когда мы шли по ходу — Ор хохотал, и сзади слышалось как бы эхо, а это, оказывается, хохотал, крадучись за нами, 434...

— Как? Что с ним?

— Он ранил Ора, и сам убит...

— Как мог проникнуть он в точку «О»?...

— Вероятно, в одном вагоне с Ором — под диваном, в ящике...

— Ор жив?

— Нет. Точка «О» не отвечает. Насосы выкачивают последние тонны воды. Я отправлюсь туда.

Дик вновь рассмеялся, против воли, и на лбу его выступил крупный пот... Он силился сдержать подкатывающий холодный хохоток. Вытирая лоб и тяжело дыша, он еле промолвил:

— Что может быть страшнее смеха, Дим?

— Страшней всего — измена, — отвечал тот.

Указатель уровня воды в тоннеле склонялся к нулю. Дим включил ревизионный ток; по длинному стеклу, изображающему тоннель, зайчик пробежал взад и вперед: тоннель свободен,— можно отправляться...

Дим простился с 248 и вошел в вагон-торпеду... Дик включил ток. Торпеда ринулась, в тоннеле через 20 мин. Дим выскочил из вагона в точке «О». Торопливо бежал он переходами точки «О». Со стен еще стекала вода; было видно, что местами вода затопляла ходы и своды доверху, — местами же видна была черта: у входа в тоннель высший уровень воды достиг двух метров от пола, но далее, сжимая воздух, вода встретила, очевидно, его сопротивление, так как черта понижалась, и у входа в мастерскую Ора была едва на сто сантиметров выше пола.

Дим вбежал в мастерскую. На пульте грузно ничком лежал Ор. Над ним на мерцающем экране Дим прочитал:

— Пишу я, Стах. При свете термитовых фонтанов начали осмотр корабля. Раны его ужасны.

Дим склонился к Ору, но в то же время ощутил сожаленье, что он не со Стахом. Он представил себе, как среди темных елей северного леса бьют в небо серебристые фонтаны горячей пудры алюминия; — то, чем сто лет назад забавлялись на святках дети под названием «волшебных елочных свечей», — теперь служило средством превращать ночь в день в пустынях, если это было нужно. Диму захотелось быть там, где, среди ночи, сияло пятно светозарного дня...

Приподнимая Ора, — Дим услышал стон:

— Ор, ты слышишь? Это я, Дим..

Ор ответил стоном. Дим поднял его с пульта, уложил навзничь на пол и быстро осмотрел кое-как перевязанную Ором руку: пуля предателя пробила ее в самом плече. Дим достал из стенного шкафчика все, что было нужно, и наложил на рану новую крепкую повязку... Затем разжал стиснутые зубы Ора, и влил ему в рот несколько капель стимулола... Ор чмокнул губами и снова застал.

Дим подошел к имажиграфу и пустил ленту, залитую кровью Ора. На экране мелькнули сначала темные пятна, — но потом он снова засиял, мерцая. Дим написал:

— „Ор жив. Пишу я, Дим. Видимых разрушений точки «О» нет. Переношу Ора в вагон и отправляю вам. Полагаю, — рана не опасна. Потерял много крови. Примите меры”.

— Слушаю, Дик.

Дим перенес на руках Ора в вагон, уложил его на диван, закрыл дверцу, — и торпеда ринулась в темную пасть тоннеля к точке «Д». Спустясь затем по лабиринту ходов, Дим вошел в подвал антенны: сквозной октаэдр еще медленно вращался по инерции.

Три мнения.

Главком сидел в глубоком кресле, закинув ногу на ногу. В окна кабинета со старинным ампирным переплетом рам смотрела вечерняя заря, — и к ней склонялся, серебрясь, серп молодого месяца. Лунным сиянием мерцал перед Главкомом на уровне зора и экран имажиграфа. Главком читал:

— „Пишу я, Стах. Если американцы признают неудачу своего маневра, — зачем же нам преувеличивать? Конечно, мы к себе должны быть более строги, чем они. Но что случилось? Точка «С» погибла, но нам потребовалось не более трех дней, чтобы монтировать все приборы на другом корабле того же типа. Согласен, что надо иметь всегда наготове, по крайней мере, еще одну запасную точку «С». Но считаю не опровергнутой истину, что гарантией неуязвимости вершины «С» является именно то, что она подвижна. Что же касается подземной базы, т. е. линии «О—Д», то я полагаю, что, не изменяя системы трех точек, мы могли бы, вместо подземной постоянной базы, иметь базу воздушную, связанную только по радио. Словом, я за систему трех воздушных, подвижных вершин, — или же — двух подвижных и одной подземной. Курс мой КИМ. Предполагаю опуститься на Белом Озере. Все. Стах”.

— Пишу я, Ор. Тупик точки «О» имел меньше повреждений, чем точка «С»...

— А твое плечо? — перебил по писанному Стах.

— Не мешай. Читай. Мое плечо заживает, — и почерк мой не изменился. Ко мне можно проникнуть только одним путем: большей технической гарантии никто не придумает. Автоматизм точек «О» и «Д» доведен до высшего предела: нужно только по одному человеку на каждом узле. Ну, кое-что еще надо сделать, чтобы не метаться, как мне пришлось, от пульта к щиту, и обратно. Броня всех приборов и проводки выдержала испытание...

Затем, точки «О» и «Д» не излучают волн, которые могли бы принять противник: а он ведь прекрасно знает нас! База «ОД» нанесена на все военные карты, — но разрушить ее никто не может; точку же «С» — при всей ее неуловимости — можно обнаружить, если даже она сама себя не обнаружит атакой: она излучает... Кончаю. Угол «О» = $173^{\circ} 35''$. Все. Ор.”.

— „Пишу я, Дим... Точка «Д» совершенно не пострадала от налета, после которого 123, 434 и 737 не ответили на перекличку. Ор не знал, что с ним вместе под диваном едет в «О» 434. Судьбу 434, 737 вы знаете. — О 123 мы думали тогда, что он погиб на Радио-Поляне от ортрита, а, на самом деле, он открыл в лабиринте клапан хлора, оставив внутреннюю дверь открытой. Непроницаемый, — если бы наружная дверь осталась открытой, — хлорный затвор обратился против нас: вверху пришлось работать в респираторах. Сам 123 остался, зная, что ему все равно смерть, на месте у клапана, и погиб. Товарищи, нас по счету девятьсот девяносто девять, — и мы все равны. Более строгий отбор, чем был у нас, — немыслим, самая же совершенная и технически неуязвимая инженерная система все же неизбежно связана с человеком. Человек же, — по-нашему, самый верный, — как мы видели — может неожиданно оказаться предателем...

Следовательно, нет ничего страшней измены”...

ГРИГОРИЙ ГРЕБНЕВ

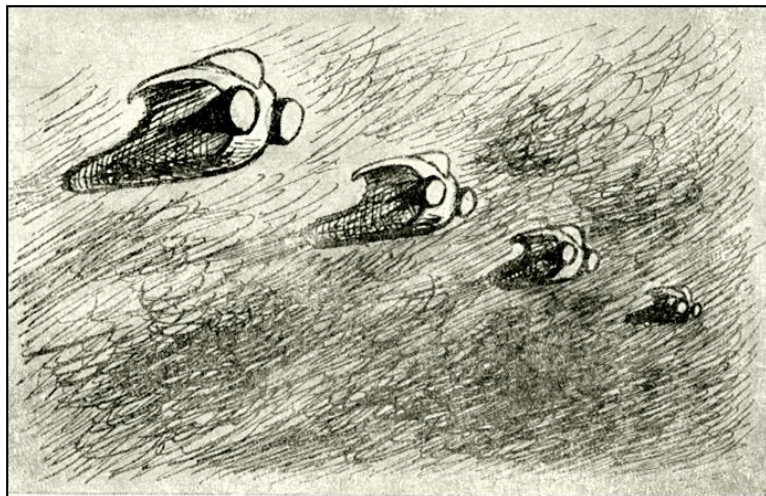
ЛЕТАЮЩАЯ СТАНЦИЯ

Фантастический роман-хроника

(Журнальный вариант)

Иллюстрации Ю. Кискачи

Журнал «Пионер», №№ 10-12, 1937 г.

Летающая станция

(Фантастический роман-хроника)

Часть первая

Г. Гребнев

Рис. Ю. Кискачи

«Труп Амундсена должен сохраниться во льдах»

Это был обычный утренний выпуск кинорадиоохроники для школьников. Дикторша говорила:

— Первого мая ребята пойдут на уличные карнавалы. А второго мая дети будут путешествовать.

Юра взглянул на экран: белое сафьяновое полотно экрана, мягкое и нежное, опущенное во всю длину и ширину одной из стен комнаты, внезапно превратилось в голубой квадрат неба, и в этом небе тоненькой цепочкой плыл стратосферный поезд: один ракетный стратоплан и девять буксирных планеров.

— Стратопланы... — перечисляла дикторша. — Подводные и надводные электроходы... Подземные и надземные сверхскоростные поезда...

На экране мелькали, мчались, всплывали, причаливали и вырывались из тоннелей разнообразные машины.

— Все это для детей! Второго мая дети будут кататься по всему земному шару! Дети Арктики смогут взобраться на кокосовые пальмы в Африке!

Юра с восхищением рассматривал тонкие пальмы на экране и негритянскую детвору.

— Дети с берегов Конго будут играть в снежки и кататься на аэросанях с гор Новой Земли!

На знакомый снежный пейзаж Юра взглянул мельком.

— Дети тропических лесов и сибирской тайги будут скакать верхом в американских прериях...

Дикторша на минуту умолкла. Юра сидел в полной растерянности, потом выхватил из кармана свой карманный фонограф и крикнул в эбонитовую ракушку:

— Не забыть! Второго мая непременно полезть на пальму!..

Затем дикторша сообщила, что скоро в Париже созывается всемирная конференция лингвистов. Конференция собиралась выработать единый алфавит для всех народов. На экране появился какой-то старенький лингвист, сияющий и улыбающийся.

Московский профессор Британов отлично поставил опыт оживления двух искусственно замороженных обезьян. На экране уже сидели обе мартышки.

Французский инженер Ливен при помощи подземной торпеды, заряженной радием, собирался поднять затонувшую десятки тысяч лет назад горную гряду на дне Гибралтарского пролива.

Естественная плотина — высотой в 500 метров и длиной в 21 километр — должна была преградить путь постоянному течению из Атлантического океана в Средиземное море и дать невиданную по мощности энергию. Эта энергия элек-

трифицирует все средиземные страны вместе с Малой Азией и перебросит воды Конго в пустыню Сахару.

Перед глазами мальчика происходили работы по сооружению шлюзов где-то на южном побережье Испании и в северном Марокко. С экрана задумчиво смотрел начальник испано-марокканской экспедиции профессор Ливен, старомодно одетый француз, похожий на Ромэн Роллана. Юра с уважением и завистью смотрел на человека, который мог создавать новые острова, горы и моря.

Последним появился на экране Роальд Амундсен.

Мужественный облик норвежского полярника воспроизводился по старым музейным кадрам кинохроники, немым и одноцветным. Приближалась годовщина, которая напоминала людям, что много лет назад из бухты Кингсбей^{*)} вылетел в свой последний полет Амундсен, вылетел — и не вернулся больше. В ознаменование этой годовщины правительство Норвегии устанавливало неугасаемую мемориальную световую надпись на небе над бухтой Кингсбей. Гигантскими буквами, подобными ленте северного сияния, над бухтой с сегодняшнего дня должны засверкать слова на трех языках — на норвежском, английском и русском:

«Помним Амундсена»

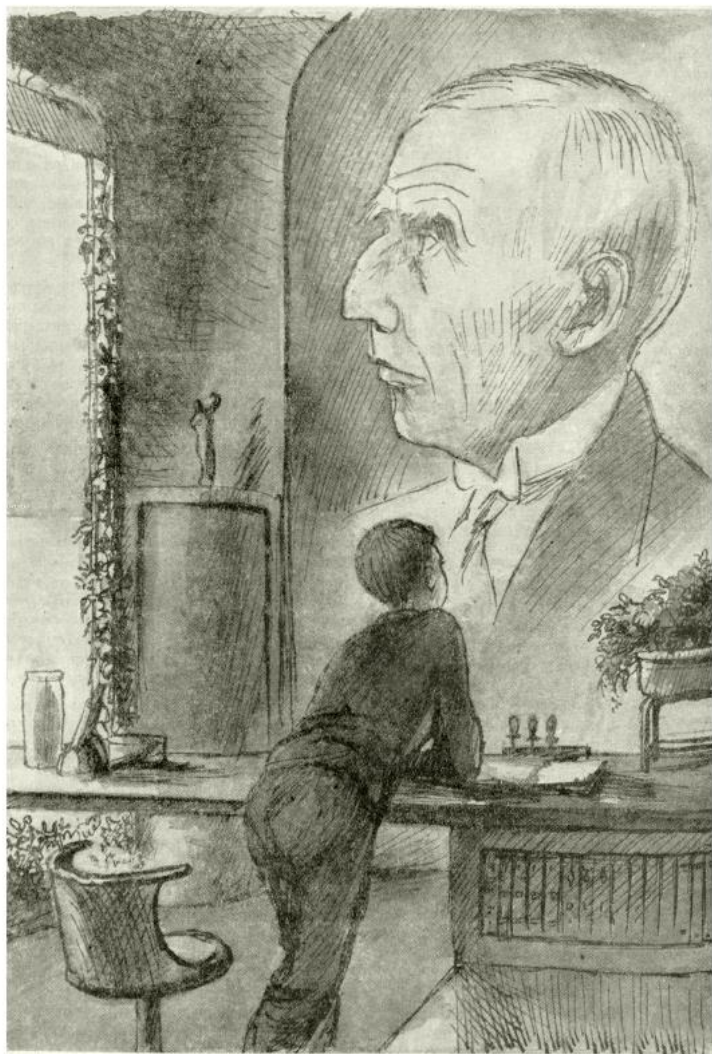
* *

*

О мартышках профессора Британова и о парижских лингвистах Юра вскоре перестал думать, но об Амундсене не забыл. Каждый день он включал словофон и выслушивал свою собственную фразу, сказанную им в тот день, когда он узнал о надписи над бухтой Кингсбея:

«Прочеть все книги об Амундсене и выслушать все звукозаписи о нем. Не! Пре! Мен! Но!...»

**) Один из крупных заливов архипелага Шпицбергена.*

Последним появился на экране Роальд Амундсен.

С этого и началось. Юра перерыл всю отцовскую библиотеку, связался по радио с центральной детской фонотекой в Москве и просил каждый день от 3 до 4 часов дня передавать ему самые интересные звукозаписи об Амундсене.

Чем больше читал и узнавал Юра о путешествиях, открытиях и приключениях знаменитого полярника, тем больше любил его. Он говорил только об Амундсене, думал только об Амундсене, видел во сне только Амундсена.

Однажды Юра сидел у себя в комнате и перелистывал старинную книгу, изданную в 1940 году по старому летоисчислению. Называлась книга скучно — «Высказывания об Амундсене», но читать ее было очень интересно. Юра то и дело поворачивал голову к своему фонографу и произносил отдельные, понравившиеся ему фразы.

Вдруг он умолк. Отложил книгу, удивленно оглянулся вокруг, потом снова взял ее.

В книге было сказано:

«Когда искали пропавшего без вести Амундсена, мне хотелось сказать во всеуслышание: «Если найдете живым, привезите его нам; если же найдете мертвым, не берите с собой, похороните его тело во льдах Арктики. Там вечный холод, там мало бактерий. Тело погибшего Амундсена сохранится во льдах до той поры, когда мы, ученые, сможем оживить его, вернуть человечеству одного из самых замечательных героев Арктики...»

Доктор С. С. Брюхоненко

Москва, 1935 год».

«Дедушка, вы будете моим помощником...»

6 мая Юра продиктовал в свой фонограф:

— Говорил со Свенсоном. Он сказал: с холодным течением льды должны были продвинуться от восточных берегов архипелага Амундсена прямо к Исландии, потом пойти вниз, мимо Гренландии, идти, идти все время рядом с Грен-

ландией, на юг, а потом повернуть направо (если смотреть от нас, от полюса), то есть на запад. Дальше льды медленно должны были пробираться Северо-Западным проходом. Значит, если Амундсен замерз в тех льдах, он во второй раз прошел, как когда-то на яхте «Йоа»^{*)}, сквозь Северо-Западный проход. Свенсон говорит: течения и ветры вынесли бы его к Аляске, а потом к острову Врангеля, а потом к архипелагу Вейпрехта — Пайера, к бывшей Земле Франца-Иосифа, и сейчас льды с его трупом должны быть на 86-м градусе северной широты и 19-м градусе восточной долготы... Я сам догадывался, что он где-то близко от нас. Это очень хорошо... Теперь у меня все готово. Нет только кирки... Вчера осмотрел раструб ракеты у своего «Жука». Теперь выброска газа идет хорошо... Мама все время спрашивает, что я задумал. Обещал ей сказать потом. Скажу, — и она не пустит. Не сказать нельзя, это будет обман. Как быть? Поговорю с дедом...

Вечером в тот же день Юра стоял перед дверью маячной рубки. В репродукторе над дверью кто-то засопел, покряхтел, наконец, скрипучий старческий голос спросил:

— Кто?

Там, у себя в рубке, дед отлично видел на визитном экране Юру, стоящего за дверью, но, по своему обыкновению, прежде чем впустить кого-нибудь в маячную, задавал этот неизменный вопрос.

— Это я, дедушка, — ответил Юра.

— Сын начальника станции?

— Да, дедушка.

— Сын старшего метеоролога станции?

— Да, дедушка.

— А разве сын начальника станции и сын старшего метеоролога станции не знает, что в рубку входить посторонним воспрещается?

Юра уже привык к подобным вопросам. Дед был веселым человеком. И имя у него тоже было веселое — Андрей-

**) Небольшая парусно-моторная яхта, на которой Амундсен совершил историческое плавание в 1903-1905 гг через Северо-Западный проход.*

чик. Собственно говоря, это была фамилия деда, а имя и отчество — Степан Никитич, но все привыкли называть деда по фамилии, и это больше шло к нему. Несмотря на свои семьдесят три года, дед Андрейчик двигался почти бегом, всегда хитровато подмигивал и разговаривал преимущественно в шутовском или ироническом тоне.

— Я не посторонний, я ваш родной внук, — кротко ответил Юра.

Юра ясно представлял себе, как там за дверью шуплый маленький дед прячет улыбку в седые, оттопыренные, как у моржа, усы.

— Предупреждаю родного внука — войдя в данное помещение, он обязуется ничего не трогать и вести себя сознательно, — сказал старик.

— Есть вести себя сознательно! — крикнул Юра.

Дверь поползла в стену. Юра шагнул в рубку.

Дед сидел перед оранжевым, яхонтовым щитом, на котором мерцали разноцветные светящиеся точки, линии и пунктиры. Это был график трансарктических воздушных трасс и подводных линий. В рубке, на стенах и на потолке вспыхивали и гасли контрольные огоньки маяков, которыми управлял дед: стратосферных, подводных, тропосферных, звуковых, тепловых и световых.

Юра посмотрел на коричневую морщинистую шею деда, кашлянул и сказал:

— Здравствуйте, дедушка

Дед повернулся на своем вертящемся стуле и поднес к уху кулак. Это было старинное революционное приветствие, от которого дед никак не хотел отвекать.

— Здравствуй!

— У меня к вам, дедушка, серьезное дело.

Дед отвернулся к щиту.

— С серьезным делом приходи ко мне домой.

Юра встревожился

— Не совсем серьезное. Его можно рассказать здесь.

— Значит, вопрос не животрепещущий. Говори.

Дед Андрейчик часто употреблял смешные старинные

слова, вроде «данный», «упомянутый», и постоянно повторял слово «факт» Особенно веселило Юру одно выражение деда: «животрепещущий вопрос».

— Мне нужна ваша кирка, дедушка.

— Для какой надобности?

— Сейчас — чтобы научиться ею работать.

— А впоследствии?

— А потом...

Юра замялся.

«Говорить или нет? Хотя деду можно сказать, даже нужно». Юра знал, что дед уважает смелых и решительных людей. Он часто рассказывал Юре увлекательные истории из жизни первых полярных исследователей, из эпохи гражданских войн, дед сам когда-то участвовал в ледовом походе против Северной армады крестовиков.

— ...а потом она мне нужна для одной важной экспедиции!

Дед пошевелил бровями и сделал вид, что страшно озадачен.

— Для какой экспедиции? Гм... интересно. Полет на Луну?

— Нет.

— Экспедиция на Гауризанкар?

— Нет, не угадаете.

Юра приблизился к деду и шепотом спросил:

— Вы, дедушка, знаете об опытах профессора Британова?

Дед пожевал губами. С минуту он уже с непритворным удивлением смотрел на внука.

— Слыхал... Это тот, который собирается умерших воскрешать? Так, что ли?

— Нет, не воскрешать, а оживлять. Я узнал, где лежит один умерший... один герой Арктики. Он замерз. Я его откапаю во льду. Профессор Британов его оживит.

Дед отстранился от него.

— Постой, ты про кого говоришь?

— Угадайте, — тихо сказал Юра.

— Про... Амундсена?

— Да.

— Какие у тебя данные, что его труп сохранился?

— Знаю. Читал. Он замерз. Как Андрэ и Скотт. Я все знаю.

Дед улыбнулся, привлёк к себе Юру, снял с него шапку и погладил по белой вихрастой голове.

— Идея благородная. Вопрос об Амундсене всегда был и останется животрепещущим. Но ты ошибаешься, мальчик. О гибели Амундсена мы ничего не знаем. Одни говорят, что он разбился, другие — что замерз после вынужденной посадки, третьи — что упал вместе с самолетом на чистую воду и утонул. Вряд ли мы узнаем. Факт!

Юра упрямо мотнул головой.

— Я найду труп Амундсена.

Старик вновь плутовато прищурил глаза.

— Ну, что ж, если ты так уверен, желаю тебе удачи. Только где же ты будешь его искать?

Юра вынул из кармана ленту фонографа.

— Вот. Здесь все записано. Я проследил дрейф льдов за много лет и определил: сегодня искать нужно в районе 86-го градуса северной широты и 19-го восточной долготы.

— Так. Значит, сын начальника воздушной станции «Северный полюс» собирается в экспедицию?

— Да.

— А сам начальник станции и его жена знают об этом?

— Они узнают потом.

Дед покачал головой.

— Кто еще будет участвовать в данном предприятии?

— Вы, дедушка, — не сморгнув, ответил Юра.

Дед взглянул на своего решительного внука сбоку.

— Ты в этом уверен?

— Да, дедушка, вы будете моим помощником.

— Гм... благодарю за честь. Ты думаешь, двоих достаточно?

— Вполне, дедушка.

— Трудновато двоим.

Дед старательно поддерживал серьезный тон.

— Настоящие полярники не должны бояться трудностей.

Фраза была чужая, — Юра вычитал ее у Фритиофа Нансена, тем не менее, произнес он ее самым торжественным тоном.

Дед сделал вид, что нахмурился, а на самом деле лишь заслонил смеющиеся глаза густыми бровями.

— Факт. Но настоящие полярники готовятся к своим экспедициям очень тщательно.

— Я подготовился, — неуверенно сказал он.

— Все равно, я в этом деле не могу участвовать. Занят, да и годы мои уж не те.

Юра оживился и быстро заговорил:

— Ну, что вы, дедушка! Это недалеко. Четыреста километров. Мы туда на моем «Жуке» в один день слетаем и вернемся.

Юра просительно улыбался и заглядывал в глаза деду:

— Полетим, дедушка! Пожалуйста! Это очень интересно. А вдруг найдем? Полетим, а то меня одного не пустят. Гулять пускают, а в экспедицию не пустят.

Дед с усмешкой глянул на юного дипломата: вот оно что! Теперь понятно, зачем он понадобился Юре в помощники.

— Ну, ладно. Разве что в один день. Попробую.

Юра просиял:

— Я знал, что вы, дедушка, смелый и решительный человек. А теперь давайте кирку. Я лечу гулять. Хочу опробовать ее на льду.

Дед отвернулся к оранжевому щиту.

— Возьми. Она у меня в инструментарии. Только смотри, не сломай.

— Есть не сломать! — крикнул Юра и выскочил из рубки.

«Полярный жук» висит в воздухе

Летать Юра начал с отцом с шести лет, как только Ветлугины всей семьей переехали из Мурманска на станцию «Северный полюс». «Полярный жук» был первой машиной, на которой Юра Ветлугин стал летать самостоятельно.

Маленький, темно-зеленый, с коротким пузатым фюзеляжем, с большим, похожим на огромный вентилятор ротором над кабиной пилота, юрин автожир стоял на круглой стартовой площадке станции. Из окна кабины выглядывала Ася, дочь гидрографа станции «Северный полюс» Эрика Свенсона. Курносенькая веснушчатая Ася была на три года моложе Юры, но это обстоятельство не омрачало их дружбы: дети вместе играли и вместе учились в радиозаочной школе Новой земли, только в разных классах. На станции «Северный полюс» детей было двое: Юра и Ася.

Девочка беспокойно вертелась на своем сиденье и нетерпеливо поглядывала вперед. Юра часто брал Асю с собой в воздушную прогулку, но сегодня почему-то не хотел взять, и ей стоило большого труда упросить его. Юра уступил только потому, что не хотел окончательно обидеть подружку. Она собралась моментально, и, пока он бегал за киркой, а потом к отцу за маршрутом прогулки, Ася уже успела отпроситься у матери, одеться и прибежать к машине. Юра долго не шел. Ася уже стала тревожиться:

«А вдруг он передумал?» — но тут же вспомнила, с какой радостью он притащил от деда Андрейчика кирку, как заботливо уложил ее под сиденье, и успокоилась. Нет, Юра так не радовался бы, если бы не хотел лететь. Девочка нагнулась к сиденью и пошарила рукой: кирка лежала под сиденьем. В этот момент дверца кабинки распахнулась, на подножке стоял Юра.

— А вот и я, — сказал он. — Ты что делаешь?

— Я хотела посмотреть эту кирку.

Ася виновато глянула на Юру: а вдруг рассердится и не возьмет.

Юра засмеялся, влез в кабину, захлопнул дверцу и сказал:

— Я тебе потом покажу. Это замечательный инструмент. Он для полярных исследователей очень необходим.

С минуту автожир стоял спокойно посреди площадки. Потом вздрогнул, из-под хвостового его оперения вырвался и понесся легкий ветерок: Юра включил камеру ракетного двигателя. Одновременно над кабиной пилота завертелись лопасти ротора. «Полярный жук» стал без разбега, почти вертикально, подниматься в воздух. Машина приводилась в движение электронной камерой ракетного типа. Благодаря своему верхнему лопастному ротору она могла подниматься и опускаться отвесно, без разбега, и, по желанию пилота, висеть в воздухе неподвижно. Конечно, юрин «Жук» многим отличался от ракетных стратопланов и легких самолетов-«молний» последних моделей. Это была скромная, домашняя, прогулочная авиэтка. Тем не менее, «Жук» был машиной прочной и удобной, с несложным управлением, доступным такому пилоту-любителю, как Юра, и вполне безопасной, ибо целым рядом приборов и приспособлений был полностью застрахован от аварий. Единственную опасность для него представлял шторм. Но Ирина Ветлугина, мать Юры, работала на станции «Северный полюс» метеорологом: она не отпустила бы сына, если бы виды на погоду были плохие. А служба погоды на станции «Северный полюс» была поставлена безупречно. Арктика продолжала оставаться «кухней погоды», где рождались циклоны и антициклоны, где возникали туманы, откуда вырывались штормы и двигались на Европу, Азию и Америку могучие волны холодных воздушных течений. Люди уже научились умирять бурю, рассеивать туманы и отклонять в любом направлении холодные массы воздуха, но полностью распоряжаться погодой по своему желанию они не могли. От погоды зависело трансарктическое воздушное сообщение, и станция «Северный полюс» своими радиосводками о погоде и радиомаяками регулировала движение кораблей воздушных И подводных, береговых ракетосаней и автобусов-

амфибий. Юра и Ася вылетели в ясную, безветренную, солнечную погоду. Автожир поднялся над станцией на высоту двести метров и повис в воздухе. Снизу он и впрямь был похож на темно-зеленого жука. Лопастей ротора над кабиной машины вращались так быстро, что их почти не было видно, лишь легкий слюдяной кружок в воздухе мерцал над юриным «Жуком». Автожир парил почти бесшумно: глушители умерщвляли шум ракетной камеры.

Ася сидела позади Юры. В кабине было тепло, уютно, снаружи доносился лишь легкий шелест ротора.

Юра полностью включил камеру ракеты, убрал ротор, и автожир стал набирать высоту, кружась над станцией.

Ася взглянула через окно. Перед него, над затылком Юры, был укреплен небольшой экран. Ей достаточно было взглянуть на него — и вся панорама станции и ледяного поля внизу была у нее перед глазами. Больше того: регулируя изображение при помощи небольшого колесика у правого локотника своего сиденья, она могла приближать, увеличивать изображение на экране, и при желании с любой высоты прочесть газету, брошенную на лед. Но Ася предпочитала экрану непосредственные наблюдения.

— Как высоко! — сказала она, плюща нос о гибкое стекло окна.

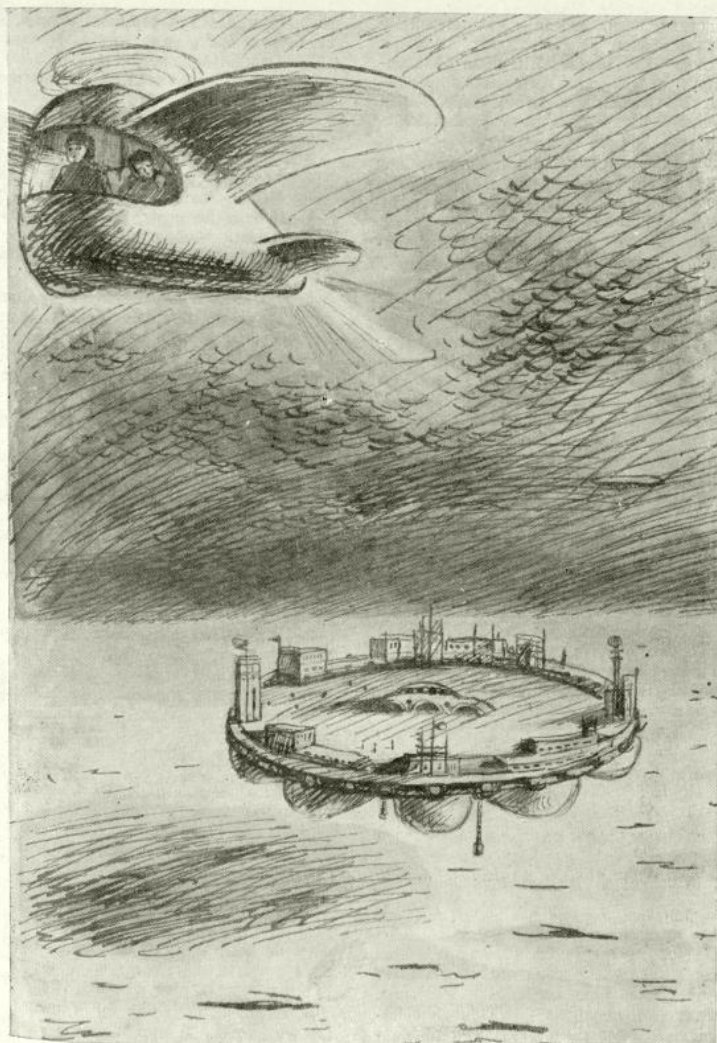
Юра взглянул на альтиметр: стрелка показывала 1000 метров высоты.

— Это еще не настоящая высота, — внушительно сказал Юра. — Вот мы подальше заберемся, тысячи на три. Тогда будет высоко.

— Какая наша станция смешная, — сказала Ася. — Как яичный глазок.

Второй спутник Земли

Действительно, сверху станция «Северный полюс» напоминала желток в яичнице-глазунье, посыпанной крупной солью. Но только сверху. Вблизи это была круглая плоская площадка диаметром в 500 метров.

Вся станция парила в воздухе. Ее поддерживали огромные, подвешенные под дно газопонтоны.

Эта станция сооружена была из золотистого сплава магния и ферроалюминия. Жилые и служебные строения на этой площадке, казавшиеся сверху крупными кристаллами соли, возведены были из легкой пластмассы стального цвета. Вся станция парила в воздухе. Ее поддерживали огромные, подведенные под дно газопонтоны. Рвущийся прочь от земли газ — гелий — наполнял резервуары под станцией, и она неподвижно висела на высоте 100 метров над той географической точкой земного шара, которая называется Северным полюсом.

Тридцать якорей, или, вернее, ракетных двигателей, в полых бортах площадки придавали ей устойчивость и неподвижность. Стоило хотя бы легчайшему ветерку коснуться бортов станции, огражденных высоким тонким барьером из небьющегося стекла,— и электронные двигатели ракетных якорей бесшумно несли станцию навстречу ветру. Станция как бы летела в направлении, противоположном ветру, со скоростью, равной скорости ветра. Но, летя вперед, станция оставалась на месте. Стоило ветру усилиться — и в равной степени убыстрялся неподвижный полет воздушной станции, Ветер менял направление — и тотчас автоматически включались и начинали работать противоположные ракетные раструбы, выталкивая мощные струи электрического ветра. Никакие бури не могли поколебать эту огромную, парящую в воздухе станцию, ибо бури автоматически вызывали такие же бури в раструбах двигателей боковых, верхних и нижних. И станция стояла на месте, не испытывая даже самых легчайших толчков и колебаний.

Ее строили на дрейфующем льду. Посреди бескрайнего Ледовитого океана большевики соорудили искусственный остров. И когда все работы были закончены, остров из магния и сверхлегкого алюминия поднялся на воздух и остался висеть над океаном. Этот второй спутник Земли был прямым потомком дрейфующей черной палатки первых обитателей Северного полюса — папанинцев.

Над станцией «Северный полюс», на высоте в пятьдесят километров, во все концы земного шара, подобно метеорам,

неслись почти невидимые стратопланы с исполинскими параболлами — планерами на буксире. Внутри стратопланов люди беседовали, слушали деловые записи своих фонографов, говорили по радиотелефону со всеми материками. Их полет нельзя было назвать даже ураганным, ибо электрический ветер ракет в разреженном воздухе стратосферы нес их с быстротой, в десять раз превышающей движение воздуха в момент самого сильного урагана.

Над станцией «Северный полюс» скользили в торжественном полете серебристые, почти прозрачные издали гигантские дирижабли. В комфортабельных каютах и залах этих летающих городов люди уже меньше занимались делами, но зато больше танцевали, пели, сидели в лонгшезах у огромных окон иллюминаторов, похожих на окна «Наутилуса». Это были экскурсанты и отпускники. Они отдыхали, им некуда было спешить, и потому они избегали головокружительных стратосферных полетов.

Под станцией «Северный полюс», под броней льдин в глубине Северного Ледовитого океана, шли мирные подводные грузовозы, потомки старинных военных субмарин, и легкие прогулочные яхты-субмаретты.

А на самой станции «Северный полюс» люди зорко следили за движением льдов, составляли сводки еще не родившихся бурь и туманов, посылали в мир сигналы и радиogramмы; при помощи своих стереовизиров и радиотелефона они с глазу на глаз разговаривали с жителями Москвы, Берлина, Коломбо, Буэнос-Айреса, Мельбурна и Скоттбурга в Антарктике.

86° северной широты и 19° восточной долготы

— Дирижабль! — вдруг крикнула Ася.

На расстоянии приблизительно пяти километров от «Полярного жука» почти в том же направлении шел дирижабль. Он издали был похож на серебристую рыбешку. Юра тотчас же узнал его: это был один из двадцати исполинских дирижаблей, совершавших регулярные рейсы между Ленин-

градом и Нью-Йорком. Дирижабль принимал на борт 150 пассажиров.

— «Лучезарный М-5». Папа называет его воздушной танцулькой, — сказал Юра. — Волна двадать три и три десятых, позывные «Карл».

Юра увеличил скорость. Он почти не глядел на экран. Через несколько минут Ася вновь подпрыгнула на своем сиденье.

— Ой, Юра, что это там?..

Он глянул на экран.

— Вон, вон, черное!

Ася показывала пальцем на экран.

Юра присмотрелся: на сползающем вниз белом квадратике экрана ясно видна была черная точка. Юра попробовал увеличить изображение, но точка уже сползла с поля экрана. Надо бы вернуться и посмотреть, что это за предмет, но и домой уже пора. Или вернуться все же?

Юра положил руку на руль поворотов и ввел машину в вираж. Через минуту черная точка снова появилась на экране. Когда она добралась до середины экрана, Юра стал увеличивать ее.

— Тюлень! — крикнула Ася.

Юра молча продолжал рассматривать темный предмет.

— И совсем не тюлень. Это морж, — сказал он.

Ася сунулась к окну, потом опять к экрану.

— Морж! Усатый!

— И даже не морж, а моржонок, — наставительным тоном сказал Юра.

— Давай поймаем его, — предложила Ася

Юру и самого подмывало уже пойти на посадку: морж, а тем более моржонок, был редкостью в районе полюса, из-за этого стоило задержаться.

Юра отвел автожир метров на сто от места, где лежал моржонок, выключил камеру и стал опускать машину на одном роторе.

Через две минуты «Полярный жук» мягко и бесшумно

коснулся задним полозом льда и по-птичьи присел на запо-рошенную молодым снежком площадку.

Юра поднял подушку сиденья и достал две пары ботинок, похожих на пьексы, с шипами на подошве. Одну пару, поменьше, передал Асе, другую стал напяливать сам. Затем достал моток легкого троса.

— Идем. Только держись за руку, а то упадешь. В трещину можно угодить.

Спотыкаясь о ледяные заусенцы, Юра и Ася побрели к моржонку. Когда подошли поближе, Юра шепнул:

— Тш-ш, тихо! Уйдет...

Ася затаила дыханье.

Морженок между тем и не думал уходить, да и полыньи поблизости не было. Он продолжал спокойно лежать все в том же положении, подогнув под себя передние лапы и уткнувшись усатой мордой в снег.

Юра пригнулся и, крадучись, подобрался к нему, неся наготове трос с петлей на конце. Он уже собирался броситься вперед, но вдруг остановился: странно, он совсем не видел пара от дыхания моржонка. Юра внимательно глянул на темную тушку: она лежала совершенно неподвижно.

«Дохлый?» — подумал он и пошел уже смелее вперед. За ним, ковыляя по льду, шла Ася.

Морженок не шевельнулся.

Юра подошел и толкнул его ногой.

— Дохлый, — сказал Юра.

— Умер? — испуганно спросила Ася.

— Моржи не умирают, а издыхают, — поправил ее Юра и снова толкнул усатую тушу ногой. — Непонятно, откуда он взялся и почему издох?

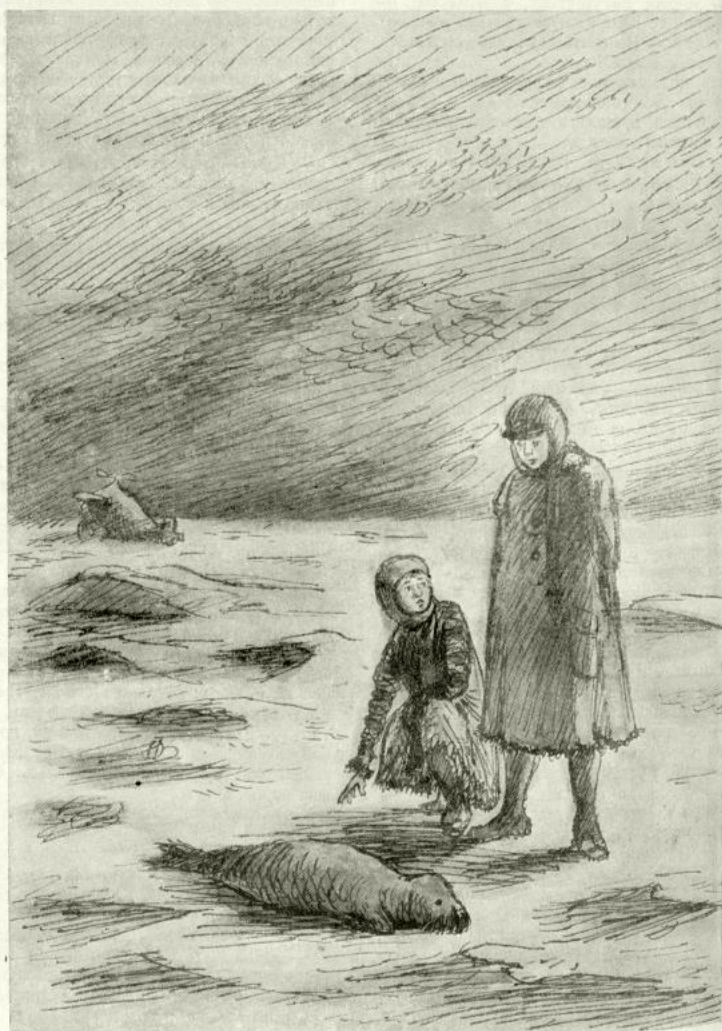
Ася подошла и с состраданием посмотрела на мертвого моржонка.

Вдруг ей пришла в голову замечательная мысль.

— Знаешь, Юра, давай его похороним.

— Ну, вот еще! Кто же моржей хоронит? — сказал Юра и насмешливо посмотрел на свою спутницу.

Но Ася умильно заглядывала Юре в глаза.

— Знаешь, Юра. Давай его похороним.

И вдруг Юра вспомнил: ведь это же чудесный повод опробовать кирку. Как мог он забыть про нее?! Юра знал, как ею вспарывают лед, но сам никогда этого не делал.

— Хорошо! — крикнул он. — Отлично! Ты подожди здесь. Я достану кирку.

Спотыкаясь и падая, он побежал к машине.

Через несколько минут Юра бежал уже обратно с киркой.

Этот инструмент напоминал короткий пневматический ломик старинного образца. Он имел две рукоятки для упора; конец его, расширенный и острый, походил на детскую лопатку. Юра, не подводя к ней никакого провода, воткнул в лед, нажал рычажок в правой рукоятке, — и из-под блестящей лопатки фонтаном взметнулись куски льда и белая пыль.

Ася присела около мертвого моржонка и с жалостью стала его разглядывать.

Юра энергично орудовал киркой. Он снял слой льда в виде прямоугольника на полметра. Густая ледяная пороша засыпала его и таяла на одежде.

Вдруг кирка наткнулась на что-то твердое, лопатка глухо застучала. Юра нагнулся. Небольшой металлический темный предмет торчал во льду. Юра ударил его каблуком; предмет не поддался, — он, видимо, плотно вмерз в лед. Тогда Юра подвел под него лопатку кирки, нажал на рычажок, — кирка заворчала; темный предмет отвалился вместе с куском льда. Юра поднял его и осторожно стал сбивать лед.

Асе уже надоело сидеть над моржонком, она подошла и вытянула шею, чтобы лучше разглядеть могилу для моржонка.

— Ой, как глубоко! А что это?..

Юра вертел в руках свою находку.

— Не знаю. Кажется, молоток.

Металлическая вещица действительно напоминала по форме своей молоток. Но только по форме. Сделанная из легкого вороненого металла, она не имела деревянной руко-

ятки, — длинная толстая трубка с очень узким каналом внутри заменяла рукоятку, а та часть, которой в обычных молотках ударяли по гвоздю или по долоту, была плоская и будто даже полая внутри.

— Юра, — сказала Ася, — ты знаешь, на что это похоже? Это оружие, из которого раньше люди стреляли на войне. Я видела картинку про войну.

Юра широко открыл глаза, глянул на Асю, потом на свою находку. Как он сразу не догадался?

— Револьвер!

Ася смотрела уже с опаской на Юрину находку.

— Юра, — тихо сказала она, — а вдруг этот револьвер в нас выстрелит?..

— Ну, ты ничего не понимаешь. Он сам не стреляет. Его надо взять вот так в руку, потом нажать здесь под трубкой такой рычажок... Забыл, как он называется. После этого раздавался громкий выстрел, а затем отсюда, из отверстия, быстро выскакивала пуля, летела вперед и убивала человека. Вот здесь, видишь?.. Постой... а где же рычажок?

Юра повертел револьвер, оглядел его со всех сторон, — курка не было. Только маленькая, похожая на бугорок кнопка торчала на том месте, где обычно у револьвера помещается курок. Юра нажал пальцем на бугорок, — револьвер слегка дернулся в его руке, раздался звонкий щелчок, будто кто стукнул по револьверу пружиной, кусок льда взвизгнул у ног Юры, разлетелся вдребезги: образовалась большая воронка.

Юра испуганно взглянул себе под ноги и перевел глаза на Асю.

— Этот револьвер стреляет без рычажка и без шума, — растерянно сказал он.

Ася стояла бледная. Юра видел — еще немного, и она расплчется.

— Я боюсь, Юра. Положи его обратно.

— Да-а... — сконфуженно сказал Юра и недоверчиво поглядел на свою опасную находку. — С ним нужно быть осторожным.

Он переложил револьвер из руки в руку и взял его на всякий случай за дуло.

— Положи его, Юра, — плаксиво просила Ася.

Юра подумал с минуту.

— Нет, — решительно сказал он. — Нужно его свезти на станцию...

Уже в воздухе Юра вспомнил, что он не определил координат места своей находки. Вычисления заняли у него всего полминуты, но их результаты произвели на Юру ошеломляющее впечатление: он находился точно на 86° северной широты и 19° восточной долготы. Это было то самое место, где он собирался искать труп Амундсена, замерзшего после вынужденной посадки «Латама» у восточных берегов Шпицбергена и, как Юра твердо был в том уверен, много лет дрейфовавшего со льдами мимо Исландии, Гренландии, Аляски и острова Врангеля.

Тысяча разрывных пуль в минуту

— Стоп! Не торопись! Рассказывай спокойно. Где вы его нашли?

Юра уселся против отца. Выдержал небольшую паузу, по его мнению, вполне достаточную для того, чтобы приобрести спокойствие и равновесие духа, и подробно, но путано стал рассказывать, при каких обстоятельствах и где именно он нашел револьвер.

Ася присутствовала тут же. Она вскакивала со своего места, вновь садилась и опять вскакивала. Ася пользовалась каждой щелочкой в рассказе Юры, чтобы вставить свое слово:

— Я говорю: «Давай его похороним!». И Юра стал рыть могилу.

— Потом Юра вытащил его, и мы вместе крикнули «Это револьвер!»

Разговор происходил в кабинете отца Юры, начальника полюсной станции, Владимира Ветлугина. Комнатка была маленькая, немногим больше купе. Кроме Юры, его отца и

Аси, здесь собрались: мать Юры, Ирина Ветлугина, — маленькая голубоглазая женщина, дед Андрейчик и отец Аси, гидрограф Эрик Свенсон — рыжий, долговязый медлительный норвежец.

Револьвер, найденный Юрой, лежал на письменном столе.

— Что думает об этой находке товарищ Андрейчик Степан Никитич? — спросил Ветлугин.

Дед Андрейчик пошевелил бровями.

— Я ее рассмотрел досконально. Снял магазинную коробку, разрядил. Это электронный ручной пулемет. Крестовики называли его «пращой Давида»^{*)}. Появился у них незадолго до разгрома Северной армады. Вооружены им были командиры.

— Верно, — степенно подтвердил Свенсон. — У нас в Норвегии я был однажды в военно-историческом музее. Там собрана хорошая коллекция огнестрельного оружия: старинные французские мушкеты, ручные бомбометы крестовиков и всякая всячина. Есть и эта штука...

— Тысяча разрывных пуль в минуту, или две обоймы по пятьсот, — сказал дед Андрейчик.

Старик потянулся к столу, чтобы взять револьвер.

Ирина с тревогой взглянула на отца.

— Ну-ну, трусиха!

— Здесь дети.

— Дети успели выпалить из этой игрушки еще на льду.

Старик взял в руки револьвер.

— Не беспокойся. Я разрывную крупу из него вытряхнул. Сердитая вещь. И ведь придумал же какой-то прохвост, изобретал!

— Так. Значит, этот ручной пулемет, по-вашему, имеет прямое отношение к историческому разгрому Северной армады крестовиков на льду? — спросил Ветлугин.

^{*)} «Праща Давида» — Согласно библейскому преданию, иудейский юноша Давид победил в единоборстве великана Голиафа, поразив его камнем, брошенным из пращи. Здесь название «праща Давида» дано револьверу в иносказательном смысле.

— Прямехонько, — убежденно сказал дед Андрейчик и положил револьвер на стол.

— Мне тоже так кажется, — подтвердил Свенсон.

Ветлугин встал и, задев сидящих на диване Ирину и Свенсона, сделал несколько шагов по кабинету. Огромному, широкоплечему начальнику станции, видимо, тесно было в его каюте-кабинете.

— Но я все же не пойму, как этот револьвер оказался во льду? — спросила Ирина. — Насколько я знаю, после боя в Арктике несколько специальных экспедиций занимались поисками и сбором оружия, брошенного и оброненного на лед. Помню, говорили о каких-то сильнейших электромагнитных щупах, которыми собирались все металлические предметы на льду и под снегом.

— Как он спрятался во льду от магнитов, — этого я не знаю, но то, что он попал туда с неба вместе с каким-нибудь воздушным бомбометателем, — в этом я уверен, — сказал Ветлугин.

Лига апостола Шайно

В кабинете у начальника северной полюсной станции об электронном револьвере говорили недолго. Все пришли к выводу, что Юрина находка, скорее всего, осталась на льду со времени воздушных боев в Арктике. Вскоре Ветлугин и Свенсон ушли в гидрографический кабинет. Ирина и дети тоже вышли вслед за ними. В кабинете остался один дед Андрейчик. Старику не хотелось уходить, он сидел на диване и задумчиво глядел перед собой. Много воспоминаний вызвала у старика электронная «праща Давида».

Девятнадцать лет прошло, а кажется, было это совсем недавно. Ирине, дочери Степана Никитича Андрейчика, исполнилось 14 лет как раз в тот день, когда была уничтожена гренландская база крестовиков. А самому Степану Никитичу пошел тогда пятьдесят первый год.

Началось это после крушения фашистских режимов в наиболее воинственных капиталистических государствах.

Итак, он, этот авантюрист, в первый раз появился у Геннисаретского озера^{*)}. Венгерский беглец унтер-офицер Петер Шайно стал «геннисаретским рыбаком». Это была самая убогая мистификация, которую когда-либо знал мир. Американские газеты утверждали, что до этой авантюры унтер-офицер Шайно был неудачником. Он едва перебивался скудным жалованьем. На механическом ипподроме Шайно проигрывал регулярно. Однажды, после неуклюжей кражи у командира роты, ему пришлось скрыться. Петер Шайно исчез навсегда, вместо него через два года в грязной арабской деревушке Эль-Табарие, у Геннисаретского озера, появился угреватый субъект с плохо выбритой тонсурой^{**)}, величиной с блюдце. Он надоедал туристам своими рассказами об Иисусе и попрошайничал. Полиция засадила его на три месяца в кутузку. Но и сидя в полицейском клоповнике, Петер Шайно не переставал болтать о том, что он не кто иной... как геннисаретский рыбарь — апостол Петр.

Врал он довольно уверенно, чувствовалось, что у него есть очень энергичные помощники в этой затее.

Созданная Шайно религиозно-политическая лига военизированного христианства стала деловым предприятием с того момента, когда ее начал финансировать концерн отравляющих веществ «Амброзия». Толпы бывших агентов Гестапо, бывших чернорубашечников, уголовников и искателей приключений двинулись в захолустную арабскую деревушку на берегу Геннисаретского озера.

Петер Шайно и его «ученики» обнародовали свою политическую программу. Она была несложна:

**) Геннисаретское, или Тивериадское, озеро находится в западной части Палестины. Если верить евангельским преданиям, на этом озере Иисус Христос завербовал из числа геннисаретских рыбаков некоторых своих учеников.*

***) Тонсура — искусственная лысина, которую католические попы выбривают у себя на макушке головы в память о лысине апостола Петра.*

«Апостол Петр» послан на землю господом богом прежде всего, чтобы покарать безбожников.

Никакой классовой борьбы господь бог не признавал, ибо создал всех людей равными и одинаковыми. В обязанность «апостола Петра» поэтому входила карательная экспедиция против всех, сеющих классовую рознь.

На земле не должно быть ни бедных, ни богатых. Для достижения полного равенства люди уславливались, что все богатства принадлежат богу и лишь временно, в виде особой божьей милости, вручены в полное, безраздельное пользование их собственникам. Уничтожению подлежат все несогласные с этой «теорией».

«Апостолу Петру» господь бог поручил создать военизированную христианскую лигу для борьбы с безбожием.

Все священники и последователи Шайно отныне должны носить символическую одежду: серую военную гимнастерку (в память пыльной апостольской одежды) с вышитым на груди и спине большим черным «крестом Петра». (Этот крест, с перекладиной внизу, походил на меч, поднятый острием кверху; на таком кресте, согласно легенде, был пригвожден вниз головой один из учеников Иисуса, Петр.) Отсюда и пошла кличка «крестовики». Сами себя крестовики называли «истинными христианами».

Поступившие в газеты корреспонденции из Эль-Табарие с изложением основных принципов будущей лиги напечатаны были на золотистом шелке. Назывались они «посланиями» и украшались обычно эмблемой Шайно — перевернутым крестом и девизом:

«Кто без креста, тот на кресте!»

Смысл зловещего девиза крестовиков стал понятен позднее, когда в некоторых капиталистических странах была введена смертная казнь путем пригвождения к кресту вниз головой.

Последний папа римский, Пий 12-й, он же бывший полковник чернорубашечников Ансельмо Граппи, долго делал вид, что не замечает геннисаретского шарлатана. «Полков-

ник» выжидал; и когда, наконец, стало ясно для всех, что дела у лиги крестовиков идут отлично, когда текущий счет Петра Шайно был открыт в банках «Амброзии», тогда Пий 12-й торжественно признал «апостола Петра». Он добровольно сложил с себя тиару католических самодержцев и перешел служить к Шайно.

Кто не помнит этих дней? Разве что молодое поколение — Юра и Ася. Они действительно смеются, когда он, дед Андрейчик, рассказывает об «апостоле» и папе римском.

У Петра Шайно не закружилась голова, когда миллиарды потекли на его личный текущий счет в банки Европы и Америки, он ничуть не смутился, когда вместо толпы зевак его стала окружать блестящая свита «архиепископов», а перед его «штаб-храмом» проходили полки вооруженных крестовиков. Самым замечательным было то, что полки, батареи и эскадрильи прибывали в Эль-Табарие как «паломники». Дед Андрейчик вспомнил исторический вопрос депутата Редклифа, заданный в английском парламенте министру лорду Крочестеру:

— Известно ли господину министру, что на подмандатной Британии территории, в резиденции так называемо апостола Петра, Эль-Табарие, под видом паломников в настоящее время сосредоточено десять мотомеханизированных корпусов с эскадрильями, дредноутов-бомбардировщиков с бронетанковыми частями и химическими командами?

Лорд Крочестер ответил:

— Правительству его величества по этому поводу ничего не известно... Но правительство его величества предполагает изучить этот вопрос.

Радисту Степану Андрейчику приходилось в те дни иногда слушать выступления по радио и самого «апостола».

Шайно строил свою лигу на армейский манер, и даже в своих проповедях умышленно придерживался грубоватого стиля унтера, разъясняющего нижним чинам полевой устав. Он говорил:

— Господь бог приказал мне искоренить безбожие. Господь бог предлагает честно: «Довольно дурака валять!» Я

получил распоряжение лично от его святости сына господня водворить мир между бедными и богатыми, и я не остановлюсь перед самыми крутыми мерами.

У Петера Шайно были свои министры, назывались они «архиепископами», а министерства и ведомства, которыми они управляли, — епархиями.

Во главе бронетанковой епархии стоял архиепископ Ансельмо Граппи, последний папа римский.

Епархией военно-морской заправлял Курода, азиатский барон.

Шпионажем, диверсиями, провокацией ведала особая разведка лиги, названная Шайно «епархией святого духа». Во главе этой епархии стояла какая-то таинственная личность — Лилиан. Это имя было у всех на устах, оно не сходило со страниц газет, но никто, кроме самого «апостола» Шайно, не мог похвастаться, что он знает или видел главу шпионов и диверсантов лиги крестовиков. Никто толком не знал, что значит Лилиан: имя, фамилия или кличка. Не только о национальности главы апостольских шпионов ничего не было достаточно известно, но даже пол архиепископа разведки Шайно вызывал споры: многие буржуазные репортеры утверждали, что Лилиан — молодая красивая немка.

Прошло три года, лига военизированного христианства приступила к выполнению «приказа господина бога»: на первых порах воздушные дредноуты крестовиков стали распылять в воздухе бомбами убогие жилища чернокожих. Потом сожжено было несколько балканских селений. Из дальнотбойных мортир-распылителей эти селения были окраплены кармонзитом, страшной ядовитой росой (крестовики цинично называли ее «святой водой»). Пиратские крейсера барона Курода все чаще стали пускать ко дну теплоходы с бастующими командами.

Лига крестовиков перекупила у Дании Гренландию. Здесь авантюрист Шайно создал аэродромы, гаражи и казармы для своего воинства, которое до того вело бродячий образ жизни, ютясь под крылышком у различных капитали-

стических государств. Гренландия понадобилась крестовикам еще и по другой причине.

Разведка архиепископессы Лилиан донесла штабу крестовиков, что самой уязвимой границей Советского союза является Арктика. Необъятная береговая полоса на севере Союза действительно казалась защищенной слабее других границ. Но это только казалось: уже потом выяснилось, что кажущаяся беззащитность советской северной границы была лишь особым стратегическим маневром. Через Арктику бросил свою Северную армаду Шайно, и здесь нашли себе могилу его воздушные полчища наемных головорезов.

Это была не война, это было грандиозное разбойничье нападение, иступленная атака крестовиков и сокрушительная контратака Красной армии.

От апостольской армады остались лишь мелкие шайки грабителей, вооруженных танками, самолетами и субмаринами. Они несколько месяцев еще скрывались в тропических лесах, на плавучих льдинах и в глубине океанов, у коралловых островов, но и эти шайки были истреблены.

Существовавшие еще в то время капиталистические правительства, которые породили крестовиков и помогали им, были свергнуты. Им пришлось предстать перед народными революционными трибуналами своих стран, и только основателя лиги военизированного христианства, самого «апостола» Шайно, не нашли.

Он со своими архиепископами разбойничал где-то у коралловых атоллов; выловили все пиратские субмарины, его искали в индийских джунглях, искали в сельвах Южной Америки — нигде не нашли. Были основания предполагать, что весь генеральный штаб крестовиков руководил сражениями по радио с самолета. Самолет этот был подбит советскими истребителями и, падая, загорелся в воздухе. Если это было так, вряд ли кто-либо из его команды и из генерального штаба спасся.

Специальный отдел милиции, которому была поручена охрана революционных завоеваний всего мира, видимо, не

Через Арктику бросил на Советский союз свою Северную армаду
Шайно, и здесь, во льдах, нашли себе могилу его воздушные полчища
наемных головорезов.

хотел успокаиваться, и продолжал собирать все сведения, относившиеся к гибели Петра Шайно и его архиепископов.

Вот какие воспоминания может навеять иногда пустяшный и теперь уже диковинный электронный револьвер, называемый «пращей Давида».

Дед Андрейчик долго ещё сидел в кабинетике Ветлугиных, уютном и тихом, как выложенный бархатом ювелирный футляр, и думал о пережитом. Потом встал и пошел к себе домой.

«А что, если во льду лежит человек?»

Все свободные от работы и дежурства работники станции разбрелись по своим маленьким квартиркам и готовились уснуть либо уже спали.

Юра попрощался с отцом и матерью и пошел в свою комнату. Он разделся и лег в постель.

Но уснуть ему не удалось: события этого дня настойчиво и последовательно стали вновь проходить перед его глазами: он работал киркой, мысленно разглядывал револьвер, опять рассказывал в кабинете у отца о своей находке и перебирал в памяти все, что говорили о ней взрослые.

Юра был разочарован. Находка никак не вязалась с твердой его уверенностью, что именно там, во льду, на 86-й параллели, следует искать если не самый труп Амундсена, то хотя бы какие-то следы его пребывания в этом месте. Конечно, он знал, что на поверхности льда он ничего не смог бы найти, понадобились бы раскопки, нужно добратся до того слоя, который когда-то был поверхностью ледяного пака. Он уж почти добрался до него, он нашел во льду какую-то вещь, и вот, оказывается, эта вещь не имеет никакого отношения к знаменитому полярнику. Если бы он нашел банку из-под консервов, перчатку, даже пуговицу, это было бы гораздо лучше. А револьвер?..

Хотя... почему бы Амундсену и его спутникам не взять с собой оружия на время полета? Все экспедиции всегда брали с собой оружие. Брали большей частью винтовки, но кто-нибудь мог захватить и револьвер. С Амундсеном летел французский лейтенант Гильбо. Если Гильбо был командиром, он носил револьвер. Дед Андрейчик говорил, что все офицеры и красные командиры носили револьверы. Но тот же всех уверял, что при Амундсене не было таких револьверов. А что если лейтенант Гильбо сам себе сделал такой бесшумный револьвер? Все может быть. Что, если это было его секретное изобретение? Ведь было же так часто. Вот, например, радио. Все говорили, что его изобрел Маркони, а оказывается, еще до Маркони изобрел его русский преподаватель физики Попов.

Юра отбросил одеяло и сел на постели.

...А что, если там, во льду, лежит человек?.. Пусть это будет Гильбо. Ничего! Он потом поможет найти Амундсена. Да, да, конечно, лежит! Во льду! Человек, которому принадлежит бесшумный револьвер. Как он, Юра, сам тогда не догадался? Как не догадались отец, мать, Свенсон? Они ошибаются. Они говорят, что револьвер апостольский. Это неверно.

Но что же делать?..

Юра растерянно озирался по сторонам.

Бежать к деду? Сказать? Нет, дед не захочет лететь... Надо действовать самому, действовать решительно и смело, как это делают настоящие полярники.

Юра уже одевался: натягивал штаны, сорочку.

Крадучись, он пробрался в столовую, достал из буфета три плитки шоколада, несколько кубиков твердых сливок, набрал горсть печенья и рассовал все это по карманам. В передней он натянул свои пьексы с шипами, поверх шерстяных штанов надел меховые шаровары, напялил на голову малахай и надел электродоху— меховое пальто с гибкой металлической сеткой между мехом и подкладкой, проводящей тепло от карманных электрических печек. Очевидно, Юра несмотря на свое волнение все же сохранил способ-

ность размышлять трезво. Он одевался тепло и основательно, как и полагалось для серьезной экспедиции, не забыл взять перчатки, очки-светофильтры и складной походный нож.

Через пять минут Юра был уже в ангаре. По дороге он никого не встретил. Юра вывел «Полярного жука», удостоверился, что кирка в кабине, под сиденьем, и влез в машину.

Поблескивая на солнце металлическими частями, автожир медленно приподнялся над площадкой и вдруг мгновенно пошел вверх, набирая высоту и уходя одновременно на юг.

400 километров «Полярный жук» покрыл в двадцать минут. В своем полете Юра строго придерживался девятнадцатого меридиана. Убедившись по счетчику, что он пролетает над тем районом, где остался на льду дохлый моржон, Юра сделал несколько крутых виражей и пошел на снижение.

На высоте в 100 метров он внимательно стал следить за ледяным паком, ползущим по экрану.

«Полярный жук» висел почти на одном роторе: раструб его ракеты едва дышал, продвигая машину вперед со скоростью 10 километров в час.

Юра уже дважды вернулся назад и пересек в поперечном направлении с востока на запад и обратно то место, где они с Асей вчера нашли револьвер. Но темной тушки моржонка нигде не было видно: покрытый льдом океан лежал внизу, под самолетом, равнодушно и безмолвно, как бесконечная пелена облаков.

Сравнение с облаками промелькнуло в голове Юры случайно, оно породило у него мысль о движении, и мальчик ясно и отчетливо понял, почему моржонка нет на старом месте: лед дрейфует на юго-запад, и моржонка следует искать уже гораздо южнее. Он вспомнил, как Свенсон при нем третьего дня говорил отцу, что льды движутся сейчас со скоростью полутора километров в час. Следовательно, за эти двенадцать часов моржонка «уехал» со своей льдиной на юго-запад километров на 18 — 20, не больше.

Юра направил машину на юго-запад, и уже через две минуты, мельком взглянув на экран, увидел, что какая-то пылинка медленно катится по белому квадратику экрана. Он дунул: пылинка осталась на месте, и только передвинулась ближе к центру экрана. Юра дождался, когда это едва заметное пятнышко окажется как раз в центре, и, даже не увеличивая его, стал опускать машину на роторе.

Посадил он «Полярного жука» на лед метрах в тридцати от тушки моржонка также отвесно и уверенно, как и вчера. Выпрыгнул из кабины, вытащил кирку, и прыгая через ледяные ухабы и заусеницы, побежал к яме во льду. Здесь он остановился в минутной нерешительности: где рыть? Револьвер он нашел в нескольких шагах вправо от моржонка. Значит, нужно начинать с того места. Если там ничего не будет, тогда надо рыть ошупью в разных местах.

Юра почти вертикально приставил кирку ко льду, налег на нее и нажал рычажок: ледяной фонтан вырвался из-под блестящей лопатки.

Орудя киркой, Юра не переставал внимательно наблюдать за вылетающими из-под нее обломками льда. Волнение, с которым он приступил к своей работе, уже улеглось. Он работал упорно, но спокойно, как обыкновенный землекоп на археологических раскопках. Ему пришло в голову, что вгрызаться киркой в лед круто не следует: наткнувшись на труп, он может сильно повредить его. (Юра ни на минуту не забывал о профессоре Британове, который должен оживить Амундсена или Гильбо.) Он тотчас же уменьшил угол между киркой и льдом, и стал уже не рыть, а срезать лед.

За временем Юра не следил, но ему казалось, что работал он не менее полутора часов. Ладони у него горели, ломило в плечах, дышал Юра порывисто и шумно, мех электро-дохи и лицо были влажными. Юра не чувствовал усталости, и только тревога все больше овладевала им: он разворотил уже несколько тонн льда вокруг моржонка, но никаких следов человека во льду не нашел.

Юра отпустил рычажок кирки, сдвинул со лба малахай и рассеянным взглядом обвел торосы, обступившие его со

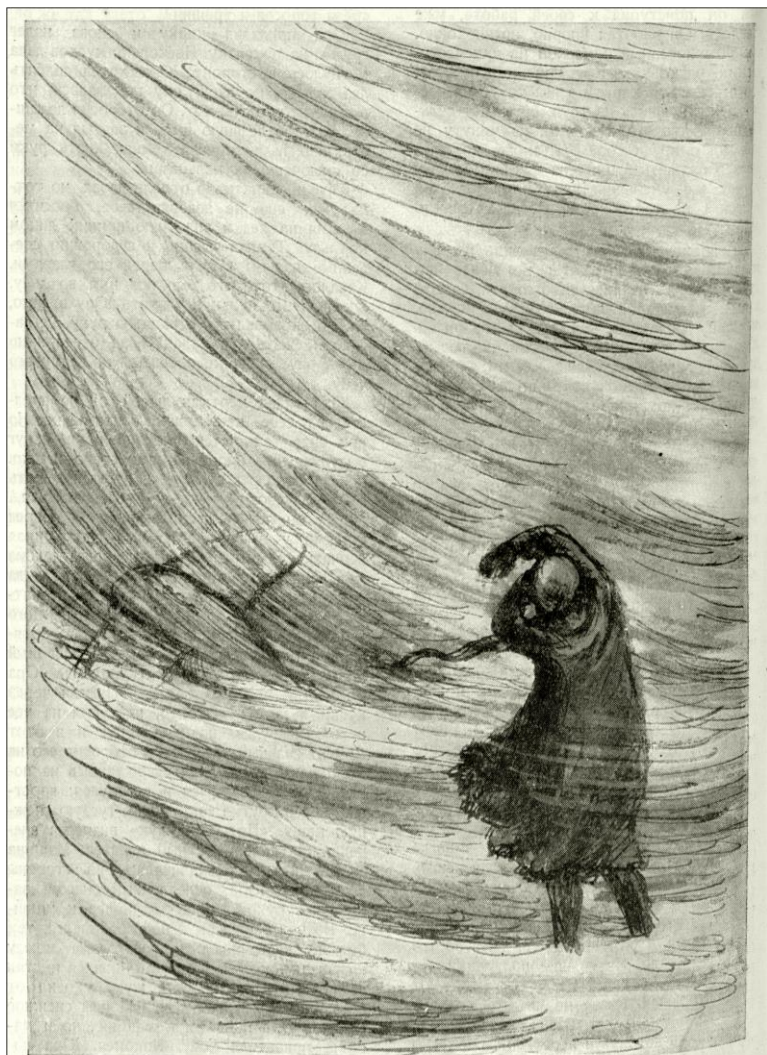
всех сторон: молчание пустыни стояло над ним. На минуту Юре показалось, будто он стоит на самой макушке пустой, необитаемой, холодной планеты: мать, отец, дед Андрейчик, станция, весь мир будто остались где-то в прошлом...

Юра взглянул на «Полярного жука», и минутное ощущение одиночества сразу улетучилось: автожир, как живое близкое существо, стоял тут же, терпеливый и верный «Жук», с мощной камерой ракеты, с теплой кабиной, которая примет и умчит его, Юру, отсюда, как только он сам того пожелает. Но Юра уже не желал этого: он успел передохнуть, и ему захотелось еще порыться в этом скользком рыхлом льду.

Он должен искать! Если сейчас он не найдет того, кого ищет, больше никогда он искать не будет. Его не отпустят сюда. Никогда! Вместо него здесь станут рыться специалисты института Арктики и, конечно, найдут, и весь мир будет знать, что нашли они, а не он, Юра. Надо рыть, рыть, во что бы то ни стало! Настоящие полярники, герои Арктики, никогда не отказывались от тяжелого труда. Разве не читал Юра, как когда-то, много лет назад, челюскинцам приходилось долбить и перетаскивать тысячи тонн льда, чтобы устроить посадочную площадку для летчиков? Разве сам Амундсен и Эльсворт не долбили вот так лед, когда их самолет сделал вынужденную посадку среди торосов и трещин?

Юра приладил кирку и снова налег грудью на рукоятку. Несколько кусков льда метнулось в сторону. Юра хотел долбить лед дальше, но вдруг ему показалось, что в ямке что-то темнеет. Он отбросил ледышку, разгреб ледяную пыль и застыл на месте: из льда торчала темная кисть руки со скрюченными пальцами...

Юра инстинктивно отполз назад, но тотчас же, еще не доверяя себе, бросился плашмя на лед и вплотную приник лицом ко льду. Темная ладонь и судорожно сведенные пальцы стояли перед его глазами. Казалось, тот, кто был под ним во льду, хотел сжать кулак и ударить Юру в лицо, но лед сковывал его страшную руку, не давал ей сжаться в

Юра, ослепленный снегом, защищаясь рукой от ветра, пошел к машине.

кулак. Юра отвел лицо в сторону, мурашки побежали по всему его телу.

Юра видел мертвых людей, он не представлял себе, как можно бояться их. Но при виде темной скрюченной руки, вдруг высунувшейся из льда, ему стало жутко.

Юра отполз в сторону и остался лежать на льду животом вниз, не смея подняться...

Так он лежал несколько минут. Перед глазами у него валялась его собственная перчатка, которую он бросил, когда долбил лед. Юра искоса поглядел на нее: это была обыкновенная, простенькая меховая перчатка, ее привычный, домашний вид немного успокоил мальчика. Он хотел было протянуть руку, чтобы взять ее, но внезапный порыв ветра понес перчатку прочь. Юра вскочил и погнался за нею. Прыгая через куски льда, он, наконец, наступил на нее ногой, нагнулся, поднял, надел, и в этот момент сильный удар ветра отбросил его на несколько шагов. Едва удержавшись на ногах, Юра остановился и оглянулся: яростный ветер крутил вокруг него густую снежную кашу. «Полярный жук» виднелся впереди, как сквозь мутный занавес. Машина вздрагивала и раскачивалась из стороны в сторону. Юра, ослепленный снегом, защищаясь рукой от ветра, пошел к машине. Но чем ближе он к ней подбирался, тем больше увеличивалось расстояние между ним и автожиром. Юра остановился и стал вглядываться: «Полярный жук» уходил от него. Ветер выл и крутил над ним снежное месиво. Юра побежал к машине, но и машина прибавила ходу. Наконец, Юра понял: ураган гонит автожир, «Полярный жук» мчитесь от него прочь на своих лыжах, подгоняемый ветром.

Уже выбиваясь из сил, сам не зная, зачем он это делает, Юра стал кричать тонким голосом:

— А-а-а-а-а!..

Ветер зажимал ему рот и бил в лицо охапками снега, но Юра все еще брел вперед. Он услышал глухой удар и, сгребая снег с глаз, увидел, что «Полярный жук» лежит на боку подле высокого тороса. Тогда Юра стал на четвереньки и пополз обратно. Так он прополз в водовороте взбесившего-

ся воздуха метров двадцать, пока над его головой не раздался чудовищный треск. Юра споткнулся, на мгновение будто повис в воздухе, почувствовал сильный толчок в грудь, и на глаза его медленно опустилась тьма...

Спасать сына должен я...

Ирина открыла глаза и прислушалась: в комнате стояла тишина, нарушаемая далеким шмелиным гудением ракетных якорей станции. Время от времени за окном бился яростный ветер, и снова ровно и настойчиво гудели раструбы ракетных двигателей.

Это была та самая буря в районе полюса, о которой Ирина вчера предупредила аэропорты на континентах. Она взглянула на розовые огоньки радиевых часов: 2 часа 15 минут по гринвичскому времени. Да, она вчера не ошиблась, именно в это время, по ее прогнозу, должен был разразиться ураган. Ирина была совершенно спокойна: аэропорты предупреждены, все ракетные якоря тщательно осмотрены Владимиром и механиками, все закреплено и убрано в помещения. Владимир сейчас, очевидно, в конденсаторной следит за равномерной подачей и распределением по всей поверхности станции нагретого воздуха, которым снег превращается в пар. У Владимира много забот. Буря будет свирепствовать всю ночь.

«Юра, наверное, спит, — подумала она, — иначе он давно уже перебрался бы поближе ко мне»

Ирина улыбнулась. Странно, почему это буря поселяет тревогу у детей и животных? Не потому ли, что дети еще не утратили первобытных инстинктов?

Но надо было посмотреть, спокойно ли спит этот первобытный человек.

Она оделась и направилась к Юриной комнате. По дороге обратила внимание, что буфет раскрыт:

«Наверное, Владимир взял что-нибудь, и забыл закрыть».

Она прикрыла буфет и вошла в Юрину комнату.

Постель была пуста. Ирина оглянулась по сторонам.

— Юра!

Ей никто не ответил. Она прошла в гостиную. Там тоже никого не было.

«Странно... Где же он?..»

Ирина вышла в переднюю, вновь обошла все комнаты — никого. Еще раз окликнула:

— Юра! А, Юра!..

Молчание.

Она подошла к внутреннему радиопону и включила конденсаторную. Спросила:

— Володя, ты здесь?

Он тотчас же отозвался:

— Да. Это ты, Рина?

— Юра с тобой? — спросила она.

— Нет. По-моему, он спит.

— Да вот нет его. Обыскала весь дом.

— Не понимаю. Может быть, он у деда? Постой, я его вызову.

Через минуту она снова услышала голос мужа:

— Ты слушаешь? Нет его там. Странно... — Ветлугин уже, видимо, сердился. — Куда же он мог уйти в такую погоду? Ты у Свенсонов справлялась?

— Нет. Но они, наверное, спят.

— Эрик дежурит. Сейчас я его спрошу.

Опять наступила пауза.

— Ты слушаешь? — спросил Ветлугин спустя короткое время. — Эрик говорит, что Ася с матерью легли спать еще в 10 часов.

— Что же делать?

В голосе Ирины уже явно слышалась тревога.

— Ты не волнуйся. Я постараюсь его отыскать.

Она пошла к себе в комнату. Взяла с ночного столика книгу, рассеянно прочла название «Находки во льдах». По ассоциации вспомнила револьвер, найденный Юрой (ради него она вчера вечером и книжку эту стала читать), вспомнила лицо сына во время разговора в кабинете, вспомнила,

как он сидел, боясь шелохнуться, и с жадностью ловил каждое слово, сказанное по поводу его находки, и вдруг у нее мелькнула тревожная, еще не вполне ясная ей самой мысль. Ирина отложила книгу.

«Неужели он?.. Нет. Этого ему в голову не могло прийти».

Но неясная мысль уже стала отчетливой и настойчивой, и Ирина не могла от нее избавиться: Еще вчера вечером, ложась спать, она сказала Владимиру, что следовало бы направиться к тому месту, где Юра нашел револьвер, и поискать во льду. Ведь это же естественно: где револьвер, там может оказаться и труп человека, которому он принадлежал. Неизвестно, кем может оказаться этот человек: полярником, погибшим во льдах, крестовиком, убитым при разгроме Северной армады,— так или иначе, поискать следовало бы. Но неужели эта мысль пришла в голову и мальчику? Он мог тайком ночью вылететь туда. Ведь он же ничего не знал о надвигающейся буре...

Ирина вскочила и побежала к радиотелу.

— Володя! — крикнула она. — Володя!

— Да, да, я слушаю, — ответил Ветлугин.

— Сейчас же, немедленно узнай, в ангаре ли «Полярный жук»?

— Что?.. — голос у Ветлугина дрогнул: он, видимо, тотчас же понял все.

Через десять минут тревожная весть разнеслась по всем служебным помещениям станции: исчез Юра, и вместе с ним исчез автожир...

Ветлугин ворвался в спальню. Одежда его была мокрой, малахай сбился на затылок.

Ирина стояла посреди комнаты. Она широко открытыми глазами смотрела на мужа.

— Надо лететь! — крикнул он. — Немедленно!

Вошел Свенсон, за ним, сутулясь и сопя, вполз дед Андрейчик.

— Владимир,— сказал Свенсон.— Нужно сейчас же связаться с восьмой авиабазой. Через двадцать минут машины будут там.

Ветлугин мотнул головой.

— Нет. Я не имею права поднимать машины с острова. Мой сын терпит бедствие по моей вине. Спасать его должен я сам.

— Факт,— посапывая, сказал дед Андрейчик.— Сами управимся. В ангар! Запрягай машину!

— Вы с ума сошли!— крикнул Свенсон. — Владимир, ты погубишь себя и не спасешь ребенка... Ирина!.. — Свенсон шагнул к Ирине.

Она села на стул и стала ладонью тереть висок:

— Я ничего не соображаю.

— Я должен попытаться,— упрямо сказал Ветлугин.— Ты, Эрик, замещаешь меня на станции. Если со мной что случится; сделаешь доклад управлению.

Ирина растерянно взглянула на него:

— Я не знаю, Володя... Постой... Куда же ты?..

Но Ветлугин уже выбежал из комнаты. За ним трусцой побежал дед Андрейчик.

Свенсон подошел к Ирине, опустил руку ей на плечо:

— Надо сейчас же сообщить в восьмую базу.

Она вскочила, бросилась к двери:

— Эрик, скорее! Вызывайте!.. Я побегу. Так нельзя!

Свенсон подошел к радиотелефону и вызвал остров Георгия Седова.

Машины идут сквозь пургу

— Остров Седова слушает,— сказала радиотелефонистка.

— Говорит «Северный полюс». Дайте начальника авиабазы.

Через секунду между станцией «Северный полюс» и островом Георгия Седова произошел следующий разговор:

— Я начальник восьмой авиабазы.

— Я Свенсон. Замещаю начальника станции. В районе полюса попала в шторм машина с сыном Ветлугина. На по-

мощь вылетел сам Ветлугин. Положение угрожающее. Прошу выслать противоштормовый отряд. Координаты — восемьдесят семь и двадцать минут широты, семнадцать и тридцать минут восточной долготы.

— Сколько машин штормуют?

— Две. Прогулочный автожир и роторная «Молния».

— Сколько людей?

— В автожире один мальчик. В «Молнии» двое: Ветлугин и старик Андрейчик

— Площадь штормового района?

— Двадцать три тысячи квадратных.

— Высылаю дивизион. Говорить с машиной командора можно через двадцать пять минут. Волна и позывные известны?

— Известны.

— Вызовите меня, Свенсон, через пять минут. Расскажите, как это случилось.

— Вызову.

— Все?

— Все.

Через пятьдесят секунд корреспонденты Арктики сообщили в свои радиогазеты о людях, застигнутых ураганом у полюса. Еще через минуту поступило сообщение, что противоштормовый дивизион, вооруженный гаубицами-излучателями и мощными обводнителями, вылетел к полюсу.

С разрешения Свенсона и начальника восьмой арктической авиабазы корреспонденты слушали их второй разговор. Но и сам Свенсон не мог объяснить, как случилось, что тринадцатилетний сын начальника полюсной станции оказался со своей машиной в момент пурги за четыреста километров от станции. Это казалось тем более непонятным, что мать мальчика, Ирина Ветлугина, работала на той же станции старшим метеорологом и знала о надвигающемся шторме. Объяснить это могла только сама Ирина Ветлугина. Но ни Свенсон, ни начальник авиабазы, ни даже корреспонденты не решались обращаться с расспросами к этой

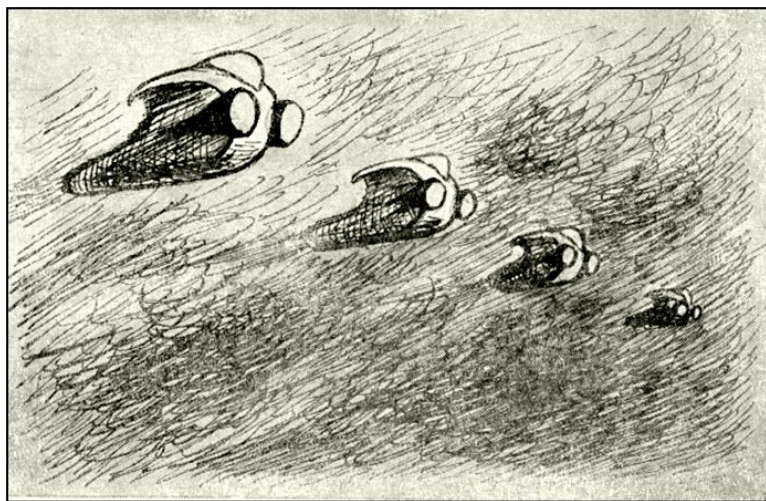
женщине в момент, когда над ней нависла угроза потерять сына, мужа и отца.

В городах и поселках радисты-любители не разлучались со своими комнатными и карманными приемниками: радисты хотели непосредственно поймать сигналы терпящих бедствие, но даже и эти беспокойные следопыты эфира пока ничего не могли сообщить.

Ровно через 18 минут после отлета дивизиона с острова Георгия Седова радио-газеты сообщили, что дивизион воздушных крейсеров вступил в полосу шторма.

В 400 километрах от станции «Северный полюс» в это время происходило следующее:

Дивизион, перейдя из стратосферы в тропосферу, строем по три, журавлиным углом неслись навстречу урагану. Головастые, почти бескрылые, они походили на вороненые браунинги, обращенные дулом назад.

Впереди пилотских рубок, подобные огромным глазам глубоководных рыб, укреплены были куцые жерла гаубиц-излучателей. Эти гаубицы являлись артиллерийскими орудиями в полном смысле этого слова, их назначение было расстреливать взбунтовавшиеся массы воздуха. И только

снаряды не рвались при подобном расстреле: беснующаяся воздушная стихия умиралась звуками высочайших и самых низких частот и амплитуды колебания.

Уменьшив скорость, крейсеры пошли навстречу шторму, посылая вперед неощущаемые человеческим ухом звуки. Высокое звуковое мерцание потрясло воздух и тотчас сменилось низкими инфразвуками. Затем снова последовали залп звуков высочайших частот и колебаний, новое ритмическое разглаживание воздуха, за ним опять мощные низкие окрики. И так на всем пути сквозь бурю. Это походило одновременно и на бомбардировку, и на заклинание музыкой. В воздухе гремела необычайная стремительная и торжественная музыка, но ни одному человеку не дано было ее слышать, ибо фантастическая ее мелодия находилась за порогом слышимости.

Яростный ветер падал плашмя на лед, разгребал могучими лапами снежные сугробы, конвульсивно вздрагивал и замирал... Расстрелянный ветер превращался в мертвый, неподвижный воздух, и сквозь него свободно шли головастые вороненные машины, похожие на огромные браунинги, обращенные дулом назад. Позади машин мягко и отвесно ложился снег.

Сквозь весь охваченный пургой район в 23 тысячи квадратных километров дивизион прошел в 7 минут. Начальник штормовых отрядов в разговоре со Свенсоном не ошибся ни на одну секунду: шторм был ликвидирован спустя ровно 25 минут после их разговора. Дивизион пронесся над станцией «Северный полюс» и вернулся обратно.

Когда он вновь появился над станцией, машины уже шли строем по четыре в двенадцать шеренг, сохраняя дистанцию между шеренгами приблизительно в 1 километр. Командорская машина шла впереди. Словно обессиленные и усталые после боя с пургой, машины медленно и низко скользили над льдом: в обратном рейсе они уже искали людей. Казалось, эту вторую часть задачи воздушному дивизиону осилить не удастся: глубокий покров снега лежал на огромном пространстве вокруг станции «Северный по-

люс». Однако как раз в этот момент корреспонденты из Арктики сообщали всему миру:

— Шторм ликвидирован в 7 минут. Сейчас противостормовый дивизион идет низко надо льдом в обратном направлении. Передовые машины обводят снег, следующие за ними внимательно наблюдают за поверхностью льда. Следите на своих экранах за поверхностью льда. Передаем панораму с командорского самолета через Баренцбургскую стереовизионную установку.

И, действительно, усмирив только что естественную холдную пургу, дивизион медленно и низко скользил над снежным покровом, и превращал его в воду уже при помощи искусственной горячей пурги. Мощные струи нагретого до 50 градусов воздуха из нижних раструбов передовых машин, подобных соплам ракетных двигателей, стремительно низвергались вниз, и наблюдатели в рубках машин последних шеренг уже разглядывали на экранах перед собой чистую ледяную кору, омываемую потоками прозрачной воды...

Труп в скафандре

Дивизион вышел с острова Седова в 2 часа 52 минуты по московскому времени.

В 3 часа 35 минут радиогазеты сообщили:

— В 400 километрах от станции «Северный полюс» на 86-м градусе северной широты и на 17-м градусе 30-й минуте восточной долготы подобран труп сына начальника станции «Северный полюс», Юрия Ветлугина, замерзшего во время пурги. Здесь же обнаружен разбитый штормом оторос двухместный автожир с надписью «Полярный жук». В 75 километрах к юго-востоку от места гибели мальчика найдены в обломках отцепной кабины самолета типа «Молния» начальник станции «Северный полюс» Владимир Ветлугин и его тесть, радист на маяках той же станции Степан Андрейчик. Оба они легко ранены при спуске и аварии парашютной кабины самолета, один из них слегка обморожен.

Поиски мальчика передавались по стереовизору с командорского противостормового крейсера...

Все, кто следил в те дни за стремительным развитием этой арктической трагедии, понимали, что дивизион свою работу выполнил блестяще и сделал все, что от него зависело, но сообщение это все же подействовало удручающе на миллионы людей. Слишком внезапно обрушилась беда на семью Ветлугиных.

Судьба Амундсена, Скотта, Андре, Седова и многих других полярных исследователей прошлого снова вставала перед всем миром. История гибели благородных рыцарей Арктики, эти трогательные предания недавнего прошлого, вновь была на устах у миллионов людей.

Через 30 минут радиогазеты передавали новое сообщение:

— Профессор Сергей Сергеевич Британов, известный своими замечательными работами по оживлению высохших и обмерзших млекопитающих, вылетел из Москвы сверхскоростным самолетом на остров Георгия Седова, куда доставлен труп замерзшего мальчика.

— Нашему корреспонденту сообщили, что профессор Британов намеревается вернуть к жизни мальчика, замерзшего на льду у Северного полюса. Сергей Сергеевич Британов, продолжая историческую работу профессора Бахметьева, поставил ряд удачных опытов по оживлению замерзших млекопитающих. Опыты эти явились завершением его долголетних работ по анабиозу. Профессор Британов готовился к окончательному эксперименту, к оживлению замерзшего человека. Сейчас, по-видимому, печальный случай в Арктике дает возможность профессору Британову произвести свой опыт в ближайшее время.

— Перед отлетом в Арктику профессор снесся с поселковой больницей острова Седова и просил главного врача больницы принять все меры, чтобы труп замерзшего мальчика не оттаял и был сохранен в том виде, в каком найден.

— Обращают на себя внимание два совершенно необъяснимых обстоятельства: труп мальчика найден летчиками

противоштормового дивизиона не на льду, а вмерзшим в огромную глыбу льда, по всей видимости, отколовшуюся от ледяного пака при передвижке и нагромождениях льда в момент шторма. Как мальчик мог попасть внутрь льдины, остается до сих пор загадкой.

— По настоянию профессора Британова, до его прибытия на остров Седова труп мальчика оставлен в глыбе льда в таком виде, в каком он был найден. Однако врачей больницы и летчиков поразила необычно темная окраска лица и рук трупа, ясно различаемая сквозь лед. Необъяснимым обстоятельством является также и то, что, за исключением головы и рук, все тело мальчика облачено в какую-то странную одежду, которая напоминает скафандр водолаза. Почему мальчик, перед своим побегом из дому одевший электродоху, оказался на льду в какой-то странной, не то гуттаперчевой, не то каучуковой, одежде водолаза, до сих пор также остается загадкой.

Летающая станция

Фантастический роман Г. Гребнева

Рис. Ю. Кискачи

Часть вторая

Будут существовать больницы для умерших

Это была просторная комната, облицованная большими, цвета слоновой кости кафельными плитами. Посреди комнаты стояло сооружение из белого мрамора, отдаленно напоминавшее огромный саркофаг, с той разницей, что никаких надписей и рельефных изображений на верхней его крышке не было. Подле большого окна, в углу, стоял стол, уставленный стеклянными сосудами с трубками, и металлические ящики, соединенные проводами.

Группа корреспондентов в белых халатах, окружив профессора Британова, седого, величественного старика, внимательно и почтительно слушала его. Профессор объяснял устройство и назначение мраморного саркофага.

— Тело замерзшего мальчика, — говорил профессор, — еще до моего прилета помещено вместе с куском льда, в котором оно заключено, в эту мраморную кану, соединенную с термоэлектронной установкой. Вы видите установку вон там, в углу. Здесь происходит измерение количества льда в организме мальчика. Я вас предупреждал: ничего исключительного в этой комнате нет. Взглянуть на тело сейчас нельзя, да я его и сам еще не видел. Местные врачи изолировали его еще до моего прилета. Я их просил об этом по радио. Это только первый шаг. Для того чтобы представить себе всю серьезность предстоящей работы, необходимо уяснить, что случилось с мальчиком, тело которого заключено вот в эту кану. Человеческий организм оледенел под воздействием низкой температуры. Что это значит с точки зрения науки об анабиозе?..

Профессор выдержал паузу. Тишину нарушал лишь легкий шорох валиков портативных фонографов, висевших на груди у всех корреспондентов.

— Произошло вот что: в этом организме прекратилось кровообращение, затем кровь, лимфа и межклеточная жидкость кристаллизовались. Все жидкие элементы организма, кристаллизуясь в сравнительно короткий срок, обезводили органическую клетку. Это произошло путем наращивания кристаллов вне клетки. Разрастаясь, кристаллы как бы вытягивали из клетки сок. Стенки клеток сжались, потрескались, покоробились. Простите, что я так примитивно объясняю.

— Ничего, ничего. Очень хорошо,— нестройно загудели корреспонденты.

— Но это еще не все. Коллоиды, то есть, иначе говоря, различные металлические и минеральные соединения, растворенные в крови и в межклеточной жидкости, как бы осели на стенках кровеносных сосудов и клеток.

— Живая ткань омертвела и распалась, — подсказал один из журналистов.

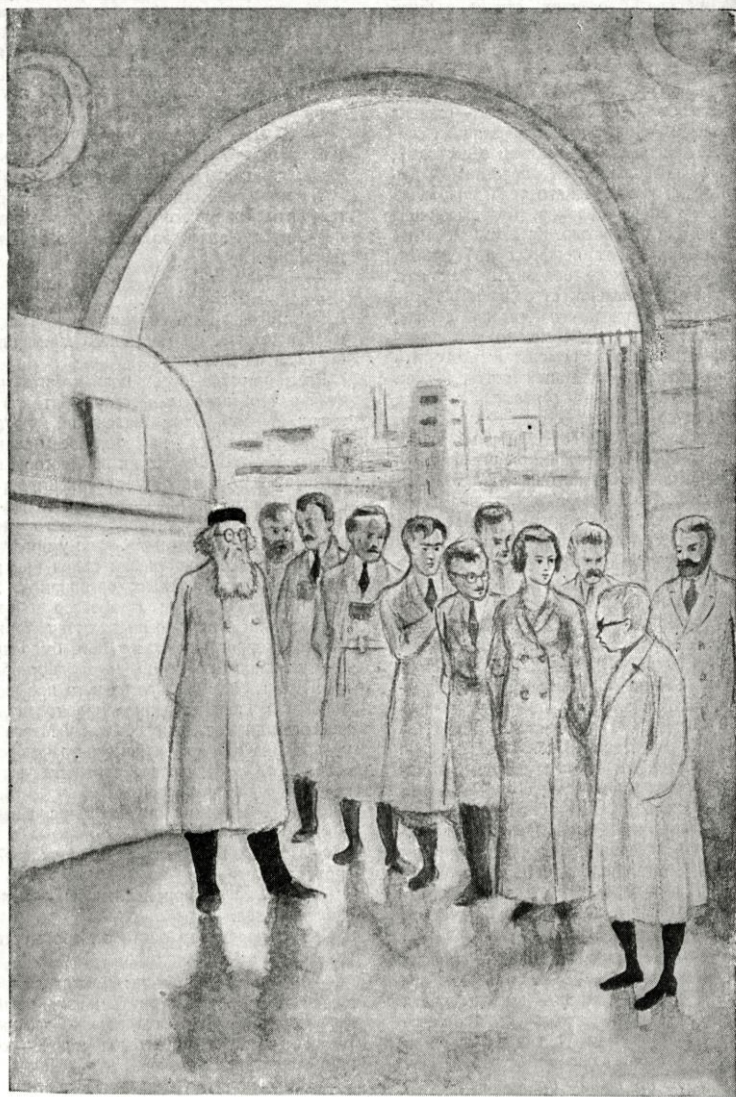
Профессор улыбнулся и отрицательно покачал головой:

— Нет. Не распалась. Вот на этом-то и основаны мои работы по оживлению замерзших организмов. Если мы возьмем такой процесс, как гниение, и сравним его с обмороживанием, разница получится колоссальная. Гниение именно и есть распадение всех элементов организма. Обмороживание, хоть и вносит в организм серьезные разрушения, но не уничтожает его.

— Я уже говорил,— продолжал профессор после небольшой паузы,— мы, ученые, не просто размораживаем трупы: мы ищем путей к жизни человека, столь долгой, что она будет уже эквивалентна бессмертию.

— Бессмертна только амеба, профессор. Она размножается делением...

Корреспонденты обернулись к маленькому коротконогую человеку в больших желто-зеленых полярных очках-светофильтрах, произнесшему эту фразу.

Профессор с любопытством разглядывал Мерса.

Профессор внимательно поглядел на своего неожиданного оппонента (очкастый человек стоял позади всех).

— Вы, товарищ Мерс, твердо уверены в том, что бессмертна только амеба? — спросил профессор.

— Да. Совершенно твердо.

— А вот у меня вызывает сомнение человек. Я подозреваю, что человек, даже не размножаясь делением, станет в будущем бессмертным.

— Об'ясните! Убедительно просим! — зашумели корреспонденты.

Профессор задумался.

— Это очень сложный вопрос, — сказал он наконец. — Вы знаете, что медицина сейчас уже располагает такими средствами, которые позволяют ей восстанавливать любой орган человеческого тела, вплоть до клеток нервного волокна, поврежденного болезнью или старостью. Кстати, как видно из последних работ профессора Гофмана, старость — это тоже болезнь... Так вот. Мы можем у человека, страдающего пороком сердца, извлечь его больное сердце, произвести в нем, если можно так выразиться, капитальный ремонт и водворить обратно. Мы искусственным путем можем вызвать сокращение сердечных мышц. Идея искусственного сердца — аппарата, снабжающего кровью организм во время этой обыденной хирургической операции, — берет свое начало от автожектора доктора Брюхоненко. Весь фокус в том, что Брюхоненко не давал организму умирать: он на ходу переключал организм на искусственное сердце и обратно. Другое дело, если человек умер... Кровь умершего человека продолжает жить еще восемь часов после остановки сердца. Не сразу умирают и некоторые другие элементы организма, но с момента остановки сердца, паралича мозга и дыхательных органов во всем организме умершего начинаются большие физические и химические изменения. Сейчас мы еще не можем устранить эти изменения, но уже с некоторыми видами смерти мы научились бороться, например со смертью, вызванной холодом. Мы сейчас уже имеем право сказать, что для нас человек замерз-

ший не есть умерший, мы рассматриваем его как субъекта, подвергшегося тягчайшей болезни. И я замерзшего мальчика собираюсь не воскрешать, как о том возвестили многие газеты: я собираюсь его вылечить...

— Вылечить от смерти?... — спросил Мерс

— Вылечить от смерти, — твердо сказал профессор. — Может быть, вас это ошеломит, но я заявляю, что в скором времени будут существовать особые больницы для умерших от холода... Я, по крайней мере, собираюсь в недалеком будущем организовать такую клинику. Потом можно будет попытаться оживить и любого умершего.

Немедленное замораживание трупа только что умершего человека позволит нам устранить основную причину его смерти, а затем уже мы легко выведем его из анабиоза, вызванного холодом. Вот над чем я работаю уже тридцать лет.

Мерс вместе со всеми выдержал паузу и вкрадчиво спросил:

— А если человек умрет насильственной смертью? Ну, например, от сильного удара с полным размождением головы?

На мгновение стало тихо. Потом корреспонденты сразу все зашумели, зашевелились, послышались возмущенные восклицания:

— Бред!

— Дикая фантазия!..

Мерс стоял, чуть склонив голову на бок, и, по видимому, ни малейшего внимания не обращал на шум.

Здесь уместно будет познакомить читателя с тем, кого профессор Британов называл Мерсом. Этот маленький круглый человек появился на острове накануне ночью. Утром он пришел к профессору, прибывшему в Арктику со сверхскоростным стратопланом, и, назвавшись специальным корреспондентом «Антарктического биологического радиовестника», взял у профессора интервью о применении радия при размораживании обмерзших организмов. Уже при первом свидании профессор обратил внимание на странную внешность антарктического корреспондента: у

него было круглое женоподобное лицо, необычайно бледное. При первом взгляде на него профессор определил злокачественное малокровие, но, наблюдая дальше, заколебался: у Мерса лицо было не бледное, а какого-то фарфорового цвета. «Отсутствие пигмента в коже», — решил профессор.

С желто-зелеными очками Мерс, видимо, никогда не расставался.

— Почему вы носите светофильтры? — спросил Британов.

— Остатки полярной слепоты, — нехотя ответил Мерс.

Сейчас профессор опять с любопытством разглядывал Мерса.

— Вы хотите спросить: сможет ли в будущем наша наука вернуть жизнь человеку, у которого будет совершенно деформирован или даже уничтожен мозг? — спокойно спросил Британов.

— Да, — коротко ответил Мерс.

— Сможет. Это не отвлеченные мои утопические размышления, а твердая вера в гений науки коммунистического общества. Я думаю, что я ответил на ваш вопрос, товарищ Мерс, — закончил профессор и отвернулся от бледного антарктического корреспондента.

— Вы меня простите, товарищи, — сказал он, взглянув на часы-перстень, — я не могу задерживать вас в этой комнате. Длительное пребывание здесь такой большой группы людей может вызвать скачок температуры в кане. Я, кажется, не удовлетворил вашей любознательности и не рассказал о сущности предстоящей своей работы. Но я надеюсь, что мы еще не в последний раз встречаемся.

Потрясающее сообщение Ирины Ветлугиной

Ирина сидела между двумя койками. Справа лежал Владимир Ветлугин; слева, спустив ноги, обутые в мягкие комнатные туфли, сидел дед Андрейчик.

В этой палате они лежали вдвоем: Владимир Ветлугин и его тесть. Здесь было тихо и уютно. На подоконнике стояли

цветы и маленький аквариум с красивыми амазонскими рыбками-полумесяцами.

Ирина, ее муж и дед Андрейчик молчали, и оттого больничный уют, тишина, цветы и даже ярко раскрашенные рыбки в аквариуме казались печальными, как тишина и цветы на похоронах. Каждый думал по-своему, но все об одном и том же — о погибшем мальчике.

— Я не могу себе простить, — сказала Ирина, — почему я в тот день не сказала при нем, что будет буря.

— Откуда тебе знать, что он такое выдумает? Это я, старый осел, знал о его затеях, и молчал, — сокрушенным тоном произнес дед Андрейчик.

И снова воцарилась тягостная тишина. Ирина закрыла глаза, Перед глазами у нее тотчас же возникла мраморная гробница в пустой выложенной кафелем комнате. Величественный старик с головой микельанджеловского Моисея стоял подле мраморной каны и говорил: «Это твердая вера в гений науки...»

Молчание нарушил Ветлугин, он будто рассуждал вслух:

— Это — преступление...

Дед Андрейчик взглянул на него вопросительно:

— Ты о чем?

— Это — преступление, — словно не расслышав вопроса, продолжал Ветлугин.

Он поднял над одеялом свои забинтованные руки.

— Подарить ребенку самолет и разрешить ему летать у полюса, где погода меняется каждые полчаса!

Ветлугин приподнялся на локтях. Дед Андрейчик вопросительно взглянул на бледное, возбужденное лицо зятя.

— При чем тут полюс? Просто мы с тобой растяпы.

Ветлугин подержался еще немного на локтях и опустил-ся на подушку.

— А я все-таки надеюсь на этого профессора. Если бы он не был так уверен, он не взялся бы за это дело. Факт! — убежденно сказал старик.

— Он даже не называет это опытом. Он все время говорит: моя работа. Я тоже в него верю — в раздумье произнесла Ирина. — Верю, и все же чего-то боюсь...

Снова наступило молчание, слышно было только, как посапывал дед Андрейчик.

В дверях появилась няня.

— Ирина Степановна, — сказала она. — Профессор Сергей Сергеевич Британов просит вас зайти в операционную.

Ирина тревожно взглянула на мужа и торопливо вышла.

Дед Андрейчик засопел еще громче, и ни с того, ни с сего стал на своей койке старательно приводить в порядок сбившееся на сторону одеяло. Ветлугин хмуро наблюдал за ним. Оба они понимали, что случилось что-то серьезное, иначе профессор не вызвал бы Ирину так экстренно в операционную, где он работал уже над трупом Юры.

«Но что же могло случиться?» — этот томительный вопрос не выходил из головы у старика и Ветлугина.

Ирина появилась в дверях внезапно. Она остановилась и обвела всех изумленным, растерянным взглядом.

— Володя! — крикнула она и бросилась к мужу. — Володя! Это не он!

— Кто не он? — тихо спросил Ветлугин.

— Не он! Не он! Не Юра! — закричала она и, спотыкаясь, побежала по комнате. — Это другой мальчик!..

Странные гости на станции «Северный полюс»

Свенсон находился в диспетчерской станции «Северный полюс». Вдруг он услышал глухой, но очень сильный удар, похожий на взрыв. Свенсон взглянул на репродуктор внутреннего радифона. Прошло двадцать секунд; никто ничего не сообщал. Свенсон выбежал на площадку. Подле стеклянного барьера стояли два механика, метеоролог, пилот-разведчик, океанограф, и показывали пальцами куда-то вдаль. Свенсон пошел осведомиться, что их там заинтересовало.

— А вот взгляните, Свенсон, вон туда, и скажите, что там происходит? — сказал один из механиков и передал Свенсону биноскоп.

Свенсон взял биноскоп. Действительно, то, что он увидел, показалось ему очень странным: приблизительно в полукилометре от станции, во льду, который плотным массивным полем лежал на много километров вокруг, образовалась огромная полынья диаметром метров в пятьдесят. Свенсон знал, что ледяные поля в районе станции в эти дни достигают трех метров толщины, в шторм они часто трескаются, взламываются льдины, с грохотом нагромождаются одна на другую, но очень редко в тихую погоду здесь образуются такие большие полыньи. Воронка же почти правильной круглой формы, с огромными глыбами льда по краям, выброшенными каким-то неведомым могучим ударом снизу, из воды,— это было действительно диковинное явление. Свенсон родился и вырос в Арктике и знал все, что касалось льда и воды северных полярных морей, но такую полынью он видел впервые.

Свенсон уже хотел было сходить к радиосейсмографу посмотреть, не зарегистрировал ли он землетрясение или вулканическое извержение на дне океана в районе полюса, как вдруг странное движение в полынье привлекло его внимание. Гидрограф поднес к глазам биноскоп и ясно увидел, что из воды поднимается башенка подводного судна. Затем крышка в башне откинулась, и на лед полетел трап с кошками на конце. Немного погодя по трапу стали подниматься люди: один, другой, третий...

О том, что какое-то подводное судно взорвало лед и, пользуясь воронкой, всплыло на поверхность, уже догадались и Свенсон, и остальные работники станции. И все же, Свенсон был удивлен: с тех пор как подводные корабли стали совершать безостановочные тысячекилометровые переходы подо льдом, ему никогда не приходилось видеть, чтобы субмарина таким образом выбиралась на поверхность. Он уже твердо был уверен, что на судне случилась серьезная авария и людям нужна помощь станции.

Сенсон велел одному из механиков, Хьюзу, спустить под'ёмник.

Трое людей, поднявшихся на лед, приближались к станции; они спотыкались и неловко ковыляли среди глыб и ледяной крошки, выброшенных взрывом.

Свенсон велел одному из механиков, Хьюзу, спустить подъемник. Люди поднялись. Свенсон направился к ним навстречу, но гости остановились, не подходя близко и не произнося никакого приветствия. Один из них, косоглазый, скуластый старик-японец с зеленоватым лицом, вяло глядя в лицо Свенсону, спросил:

— Вы Свенсон?

— Я, — сказал Свенсон, недоумевая, откуда может знать его фамилию этот старик.

Дальше последовало несколько вопросов подряд. Японец задавал их безразлично, словно следователь, которому подобные вопросы уже надоели, и сам допрашиваемый несколько не интересен. Говорил он на плохом английском языке.

— Вы замещаете Ветлугина?

— Да.

— Сам Ветлугин где?

— На острове Седова.

— Жена Ветлугина где?

— Там же.

— Они должны были сегодня прилететь уже на станцию. Мы имеем об этом сведения.

— Да. Они задержались еще на день.

Японец оглянулся на своих спутников и заговорил с ними на каком-то непонятном гортанном языке, явно неевропейском.

Торопливость была несвойственна Свенсону. Он видел, что группа работников станции сгорает от желания узнать, кто такие подводные путешественники и что заставило их подняться на поверхность. Свенсон молчал, пристально разглядывая неожиданных гостей. Все в них казалось ему непонятным и необычайным. Одеты все трое были почти одинаково: на них были серые короткие куртки, подбитые мехом, стального цвета военные рейтузы, желтые краги на

ногах и лисьи малахаи на головах. Но особенно поразительными казались их лица. Свенсон знал, что лица подводников всегда отличаются некоторой бледностью, у этих двоих лица были даже не бледные, а какие-то белые, будто фарфоровые. У старого же японца бледность породила зловещую зелень на лице. Кроме того, все трое оседлали свои носы зелеными светофильтрами, хотя положение солнца в это время не было угрожающим для зрения.

Чем больше присматривался Свенсон к загадочным посетителям, тем больше недоумевал.

— Может быть, я или мои сотрудники сможем вам быть полезными? — спросил, наконец, Свенсон.

Старик навел на него свои желто-зеленые окуляры, помолчал и промямлил:

— Нет. Нам нужен кто-нибудь из Ветлугиных.

Свенсон стал объяснять, что случилось, и почему вся семья Ветлугиных оказалась на острове Седова, но старик бесцеремонно перебил его.

— Мы все знаем. Мы думали, что здесь осталась жена Ветлугина.

— Вам с Ветлугиным необходимо говорить по личному делу или по служебному? — спросил Свенсон.

— По личному.

— Вы можете поговорить с ним отсюда по радиотелефону.

— Нет, — старик мотнул головой, — мне нужен разговор с глазу на глаз.

Затем последовали новые переговоры между стариком и его бледными спутниками на непонятном наречии. Свенсон терпеливо ждал. Наконец, когда гости умолкли, сказал:

— Мне показалось, что ваше судно поднялось на поверхность из-за какой-то аварии.

— Нет. Все благополучно, — промямлил старик.

— Вы шли из Европы в Америку или в обратном направлении? — спросил Свенсон.

На этот раз японец ничего не ответил; он отвернулся от Свенсона и произнес несколько слов на своем таинственном языке.

Его спутники, застывшие, словно адъютанты, повернулись на каблуках. Все трое зашагали к подъемнику.

Старик вел себя вызывающе. Это расшевелило даже флегматичного норвежца. Он сделал шаг вперед и сказал:

— Хелло, товарищи! Объясните, что значит эта комедия!

Подводники гуськом продолжали пробираться к подъемнику, не обращая внимания на слова Свенсона. Тогда норвежец засопел и крикнул каркающим голосом:

— Хелло, Хьюз! Спустишь вниз этих людей только по моему приказанию!

Механик Хьюз запер люк подъемника и стал в сторону.

Странные посетители остановились и повернули к Свенсону свои фарфоровые физиономии.

— Я прошу сейчас же спустить нас на лед, — негромко, но внятно сказал старик-японец.

— Я должен знать, кто вы такие и зачем пожаловали на станцию, — спокойно сказал Свенсон.

Спутники японца мгновенно забросили руки назад и стали отстегивать что-то подле задних карманов. Старик строго взглянул на них, и они опустили руки.

— Мы... океанографическая экспедиция... — с досадой сказал старик.

— Фамилия? — резко спросил Свенсон.

— Мы... мое имя Осуда... профессор Осуда.

Свенсон вопросительно взглянул на океанографа Валя, сотрудника станции, вместе с группой других наблюдавшего эту сцену. Валь пожал плечами, давая понять, что о таком профессоре океанографических наук он не слышал.

— Что вам здесь нужно?

Свенсон спрашивал спокойным тоном, но формой вопросов явно мстил посетителям-невежам за их нежелание объяснить цели своего визита.

— Ветлугин — мой старый друг... — сказал старик.

Гидрограф задал еще несколько вопросов и велел спустить всех троих на лед.

Они спустились, добрались до своей воронки и полезли вниз по трапу к башенке субмарины.

Юры Ветлугина ищет вторая экспедиция

25 мая, утром, корреспонденты радиогазет передали с острова Георгия Седова сообщение:

«21 мая спасательная экспедиция доставила на остров труп мальчика, погибшего на льду во время шторма. Врачи островной больницы обратили внимание на темный цвет кожи рук и лица погибшего. Недоумение вызвала также одежда мальчика. Вчера вечером труп был вынут из марморной каны, в которой производилось оттаивание под высоким давлением. С мальчика сняли одежду. Это действительно был каучуковый глубинный скафандр с металлическим креплением. Шлема и камер верхних конечностей (рукавов) не оказалось. Под скафандром на трупе были надеты одни трусы.

Профессор Британов показал матери Юры Ветлугина труп ее сына. Молодая женщина едва не лишилась сознания, когда увидела его: перед нею лежал чужой мальчик. Только тогда для всех стало очевидным, что спасательная экспедиция нашла на льду какого-то другого, неизвестного замерзшего мальчика. Дед и отец Юры Ветлугина были подобраны другим звеном экспедиции. Они не могли видеть льдину с трупом, а мать Юры, Ирина Ветлугина, прибыла на остров уже после того, как глыба льда была водворена в дилатометрическую кану.

Нам точно известно, что Юра Ветлугин вылетел со станции один. Непонятно, каким образом очутился во льду на 86-й параллели второй мальчик.

Командир дивизиона и пилоты спасательной экспедиции утверждают, что все пространство в 23 тысячи квадратных километров, на котором 21 мая свирепствовал шторм, обследовано самым тщательным образом: подобраны не только люди, но даже обломки разбитого автожира, самолета «молнии» и отцепной кабины, в которой спустились Владимир Ветлугин и старик Андрейчик. Подобрана также и электрокирка Юры, которой он рубил лед. На льду оставлен

лишьдохлый моржонок, который служил для Юры Ветлугина своеобразным посадочным знаком во время поисков трупа Амундсена.

Сегодня же, как только была обнаружена ошибка, 60 легких самолетов-разведчиков вылетели на поиски исчезнувшего Юры Ветлугина. Вечером все 60 самолетов вернулись на остров Седова. 20 машин самым тщательным образом обследовали район, где был обнаружен разбитый автожир «Полярный жук». Остальные 40 машин взяли под наблюдение соседние районы и буквально обшарили каждый километр льда на площади в 200 тысяч квадратных километров. Найти мальчика не удалось. Опытные летчики и альпинисты, участвовавшие в поисках, допускают, что Юра Ветлугин во время шторма угодил в трещину, пошел под лед и утонул. Иного объяснения такого бесследного исчезновения мальчика летчики и альпинисты дать не могли».

Корреспондентам удалось переговорить с профессором Британовым. Профессор смог уделить им 20 секунд. Радиогазеты передали слова профессора Британова, записанные фонографом. Вот они:

«Я приступил к работам по выведению из анабиотического состояния пораженного холодом неизвестного мальчика. Дилатометр показал, что мальчик оледенел пять лет назад. Это не отразится на результатах моей работы. Вся операция протекает нормально. Я уверен в благоприятном исходе работы. Кстати, врачей и пилотов поразила странная окраска кожи мальчика. Теперь я понял, в чем тут дело: темная кожа является для мальчика естественной: он не принадлежит к белой расе...»

Водоход идет по дну бассейна

Мерс всхрипнул, пожевал губами и открыл глаза. В комнате было темно, только розовые огоньки радиевых часов светились на стене. Мерс прищурился, взглянул на часы и тотчас же вскочил. Заслонил где-то у окна тонкий луч света,

направленный на катодную лампу, и послушное реле швырнуло вверх от подоконника к потолку темную вуалетку. Буйный поток утреннего света ворвался в комнату. Мерс прикрыл глаза от света, и словно слепец, стал шарить на ночном столике. Наконец нащупал очки-светофильтры, надел их и только тогда спокойно огляделся вокруг. Затем надел канареечную пижаму и направился в смежную комнату. Называлась она ванной. Здесь находились ванна, великолепный мраморно-зеркальный умывальник, с потолка свешивались гимнастические кольца, в углу стояли гантели, с пола поднимался и вился змеевиком вверх спиральный душ. Тут же, в стене, устроена была воздушная ниша, теплыми струями воздуха она заменяла простыню. Эта светлая, просторная, сверху донизу выложенная фаянсовыми арабесками комната как бы делилась на две части: отгороженную барьером часть комнаты занимал бассейн.

Мерс заглянул в бассейн, отвернул один из пяти кранов и вышел. Затем он вызвал по внутреннему радиофону буфет и попросил подать завтрак в его комнату.

Через пятнадцать минут молодой, розовощекий санитар остановился у двери комнаты № 15 и, приветливо улыбаясь в рамку комнатного стереовизора, вделанную вместе с микрофоном в дверь, сказал:

— Вы, если не ошибаюсь, просили подать завтрак?..

Санитару никто не ответил. Он переступил с ноги на ногу, покосился вверх на репродуктор и уже громче повторил:

— Алло! Если не ошибаюсь, вы просили завтрак?.. Он уже поступил к вам в комнату. Разрешите накрыть стол.

Никто не отзывался.

Санитар тронул дверь — она оказалась незапертой, — вошел, оглянулся: никого. В комнате на столике стоял изящный портативный словофон, похожий на флакон духов, с небольшим раструбом вместо горлышка.

— Накройте стол и можете идти, — сказал сухим, потрескивающим голосом словофон.

Санитар открыл в стене дверцу пневматического конвейера: завтрак, посланный из буфета, был уже в конвейер-

ной нише. Санитар поставил поднос на маленький столик, расставил приборы и завтрак. Он хотел было уйти, но в этот момент из ванной послышался плеск воды. Санитар прислушался и сказал негромко:

— Товарищ Мерс, завтрак у вас в комнате.

Ответа не последовало. Из ванной опять послышались фыркание и плеск.

Санитар постоял в раздумье. Он уже знал, что жилец из комнаты № 15 отличается нелюдимым характером и неприятными манерами. То, что Мерс и сейчас отмалчивается, очевидно, входило в его обычную манеру обращения с персоналом больницы. Подумав с минуту, санитар решил все же дать о себе знать Мерсу.

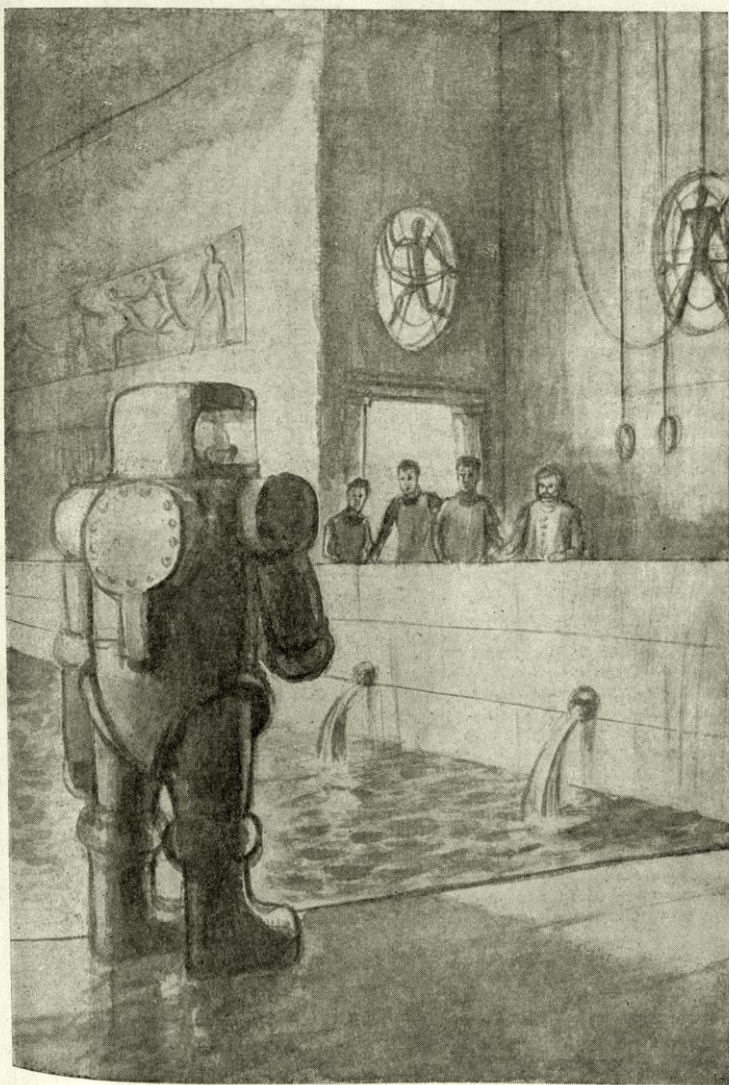
— Стол накрыт. Вам больше ничего не нужно? — громко спросил он.

Но и на этот раз в ответ раздалось только продолжительное сопенье. Не случилось ли чего? Санитар тихонько толкнул дверь ванной — эта дверь также оказалась незапертой. Шагнул смелее, приблизился к бассейну и испуганно попятился к двери...

В бассейне, до краев наполненном водой, на бледно-розовом мозаичном дне его, разбросав в стороны руки и ноги, лежал великан с огромной стальной толовой и с железными клешнями вместо кистей рук. На поверхность воды головастое чудовище выбрасывало с громким плеском и сопеньем пенистый фонтан. Затем внезапно сопенье прекратилось, и великан затих.

Санитар выпрыгнул из ванной, растерянно метнулся по комнате, заколотил кулаком в стену соседней комнаты, а потом, видимо, вспомнив о внутренней сигнализации, нажал кнопку у кровати с надписью «Экстренный вызов». Через минуту в комнату № 15 ворвались сразу трое: дежурный врач, уборщица и старик Андрейчик, поселившийся по соседству с Мерсом после выхода из больницы.

— Там!.. — заплетающимся языком сказал бледный санитар и указал на ванную.— Посмотрите...

Тяжело ступая свинцовыми подошвами, водолаз вошел по лестнице и остановился перед изумленными «спасателями».

Дежурный врач решительно шагнул вперед, а за ним двинулись остальные. Вошли и застыли с изумленными лицами: великан с металлической головой продолжал лежать на дне бассейна; потом он шевельнул железной клешней, уперся ею в дно и сел.

Для всех уже было ясно, что перед ними водолаз, но кто именно находится в скафандре и зачем этому чудаку понадобилось спускаться в комнатный бассейн в костюме водолаза, — этого ни врач, ни санитар, ни уборщица понять не могли. Дед Андрейчик стоял, опершись на барьерчик, и с интересом следил за поведением водолаза.

Водолаз, между тем, довольно легко встал в воде на ноги и пошел по дну бассейна к ступенькам. Тяжко ступая высокими, как японские гета, свинцовыми подошвами, вошел он по лестнице, остановился перед изумленными «спасателями», и стал распадаться у них на глазах: Сперва на пол упал один рукав с клешней, потом другой, затем, повозившись у подбородка, комнатный подводник как крышку откинул назад тяжелый шлем. Под шлемом оказалась круглая фарфоровая физиономия Мерса с неизменными оранжевыми очками на носу. Сердито сопя и бросая злобные, косые взгляды из-под очков на непрошенных гостей, антарктический корреспондент отцепил укрепленный у него за плечами баллоновидный аппарат, очень напоминающий камеру для сжатого воздуха капитана Немо, как она представлена в иллюстрациях Риу к «80 тысячам лье» Жюль Верна.

Это была последняя модель скафандра, выпущенная месяц назад заводом подводных приборов и механизмов «Океанстрой» Назывался скафандр Водоходом — и назывался так не случайно. Это была уже не только защитная одежда водолаза. Водоход был самостоятельным механизмом: он передвигался по дну моря вместе с человеком, стоящим в нем; Водоход ходил в воде при помощи огромных круглых труб, напоминающих ноги человека; двумя верхними конечностями, снабженными автоматически выдвигаемыми инструментами, Водоход мог рыть дно, переносить различные предметы, сверлить, долбить, освещать, фотографиро-

вать и делать многое другое. Немного похожий внешне на гигантский комплект рыцарских доспехов, Водоход сооружен был из высококачественной легкой стали, способной выдержать давление до 300 атмосфер и удар разрывной пули электронной «пращи Давида». Герметически закрытый, Водоход обогащал воздух необходимым для дыхания кислородом «собственного производства». Он электролизовал и разлагал воду при помощи комнатной аппаратуры, заключенной в баллоне. Выделяющийся при разложении воды газ аргон Водоход использовал для освещения дна и для получения электроэнергии от фотоэлемента, которым был снабжен. Каскадный усилитель наделял это морское стальное чудовище огромной силой. Это были скафандр и батисфера в одно и то же время, снабженные радиофоном. Он, по желанию водолаза, мог моментально всплыть в любом месте, даже посреди открытого океана, и в случае надобности плыть по воде, как закрытая лодка, при помощи винта. Каучуковый скафандр со стальным креплением и с запасом сжатого воздуха, бывший в употреблении до Водохода, вроде того, в котором был подобран на льду замерзший мальчик, выглядел по сравнению с ним так, как выглядел бы воздушный шар братьев Монгольфьер, случайно залетевший на газопонтонную станцию «Северный полюс».

Освободившись от своего громоздкого одеяния, Мерс поправил очки и холодно спросил:

— Чем обязан?

Врач и санитар переглянулись:

— Нас вызвали... Мы думали, случилось что-нибудь...

— Чепуха, — небрежно сказал Мерс и надул свои белые щеки. — Я опробовал кислородный прибор в этом скафандре.

— Вы подводник? — вежливо спросил врач.

— Любитель, — нехотя ответил Мерс.

Он явно ждал, чтобы непрошенные гости убралась во свояси.

Уборщица, санитар и врач, извинившись, вышли.

Когда дверь закрылась за врачом, Мерс направился к себе в комнату. Разложил здесь огромный чемодан и стал упаковывать в него легкие стальные части скафандра.

Кто-то кашлянул за его спиной. Мерс быстро обернулся: перед ним стоял дед Андрейчик.

— Вы... Вы разве не ушли? — спросил Мерс.

— Нет, — кротко сказал старик.

— Я сейчас уйду, мне некогда.

— Я тоже уйду. А вы гулять едете? Где вы раздобыли этот скафандр?

— Здесь. На острове.

— Давно?

— Вчера.

— Купили?

— Нет, занял. Посмотреть.

— Знаете, товарищ Мерс, о чем я хочу вас попросить?

Пока вы будете гулять, дайте мне рассмотреть данный подводный костюмчик. Это — что-то новое. Я такого не видел. Так сказать, полный прогресс в подводном деле.

Старик говорил просительным тоном, но смотрел он на своего соседа отнюдь не просительно, скорее даже испытующе, словно проверял: даст или не даст?

— Нет, — резко сказал Мерс. — Он мне нужен.

— Жалко...

— Я сейчас буду переодеваться, — нетерпеливо сказал Мерс.

— А-а! Ну-ну. Переодевайтесь.

Старик пошел к двери.

— Да, — вспомнил он. — Вы сегодня в больницу придете?

— А что? — Мерс насторожился.

— Интересный сеанс предстоит. Известный бразильский языковед дель Грасиас будет по радио беседовать с ожившим мальчишкой.

Дед Андрейчик взялся за ручку двери.

— В какое время? — спросил Мерс.

— В двенадцать... — старик постоял с минуту. Ну, я пойду. Вы ведь переодеваться хотели.

Через несколько минут после ухода старика Мерс уже спускался по лестнице в вестибюль. В руках он держал тяжелый большой чемодан.

— Сьезжаете? — спросил дежурный.

— Нет. Отлучаюсь. Прикажите подать аэросани. Поеду без водителя.

Дежурный связался с гаражом и попросил подать к подъезду аэросани.

Через минуту под самую дверь больничного дома подкатил изящный пепельный лимузин обтекаемой формы, маленький и изолированный, как старинная танкетка, юркий и тихий, какмышь. Это были аэросани последнего выпуска Горьковского автозавода. Вернее, это были ракетосани, но назывались они аэросанями по старой памяти в честь пропеллерных снеговых самокатов, появившихся еще в первые годы Октябрьской революции.

Водитель вылез из саней, помог Мерсу укрепить позади кабины его чемодан, закрыл за ним дверку и отошел в сторону. Сани легким птичьим полетом пошли по снеговой дорожке по направлению к берегу.

Маршрутом саней Мерса никто не интересовался в тот день. Лишь один человек стоял у окна на втором этаже жилого дома больницы и не выпускал из поля бинокска удалявшийся к морю лимузин. Это был дед Андрейчик. Он видел, как аэросани Мерса, нырнув за темную со снеговыми отметинами скалу, выпрыгнули прямо на береговой лед и пошли прочь от острова. Отъехав около полукилометра, Мерс вылез из саней и скрылся за ближайшим торосом.

Только тогда старик отнял от глаз свой телеоскопический бинокль.

Мальчик говорит на языке племени Золотая улитка

В четвертой палате больницы острова Седова ждали появления на экране стереовизора известного бразильского линковеда и этнографа Мартина дель Грасиас. В палате

присутствовали профессор Британов, президент ирландской академии наук, знаменитый психиатр, профессор О'Фенрой, главный врач островной больницы, молодой человек по фамилии Дубинчик и Ася. Шесть корреспондентов, в том числе и Мерс, помещались в смежной комнате. Открытая дверь и дублетный экран стереовизора позволяли журналистам слышать и видеть все, что будет происходить в соседней комнате, и даже задавать в случае необходимости вопросы.

Внимание всех приковано было к загадочному пациенту профессора Британова. Он, этот пациент, находился в четвертой палате, и с ним должен был беседовать бразильский языковед.

Худенький мальчик, на вид лет тринадцати, одетый в белое больничное белье, укрытый до груди легким одеялом, полусидел на койке, обложенный подушками со всех сторон. Смуглое, будто подернутое табачным загаром лицо его казалось сонным и усталым. Большие черные глаза были прикрыты ресницами, — казалось, он дремал. Это и был тот самый мальчик, которого нашли 21 мая летчики противостормового дивизиона замерзшим в глыбе льда. Профессор Британов блестяще довел до конца свой исторический опыт оживления замерзшего человека: мальчик дышал, видел, слышал, осязал, обонял. Единственное, что отличало его от прочих людей, — это общая слабость, постоянная сонливость и апатия. Профессор О'Фенрой тщательно исследовал мальчика и пришел к выводу: физически мальчик вполне нормален, апатия и сонливость — следствие общей слабости, которая, в свою очередь, вызвана применением радия при реставрации клеточной ткани.

— Вполне возможно, что у мальчика отсутствует полностью или частично память. Но это мы сможем проверить лишь после того, как кто-нибудь побеседует с ним, — сказал профессору Британову ирландский академик.

Однако побеседовать с мальчиком оказалось не таким легким делом: он молчал, и на все вопросы на всех языках отвечал лишь удивленным и напряженным взглядом. Затем

взгляд больного рассеянно скользил по стенам комнаты, и он впадал в дремоту. За десять дней своего пребывания в больнице острова Седова мальчик не произнес ни одного слова. Заговорил молчаливый пациент профессора Британова три дня назад, то есть на тринадцатый день второй своей жизни. Собственно говоря, он даже не заговорил, он только произнес несколько слов. Случилось это благодаря Асе.

Ветлугины уже улетели на станцию, но Асе мать разрешила остаться с дедушкой Андрейчиком на острове при условии, если она будет его слушаться. Дочь долгового гидрографа полюсной станции, лишившись единственного друга Юры, всю свою привязанность перенесла на смуглого и молчаливого обитателя четвертой палаты, и потому с большой радостью и безоговорочно подчинилась совету деда Андрейчика никуда не отлучаться от больного мальчика и обо всем вечером рассказывать ему, деду Андрейчику.

Она вбегала в палату к мальчику и, не обращая ни на кого внимания, принималась поправлять постель, поднимала у него со лба волосы, щупала лоб и говорила о каком-то Андриюшке Голикове с Новой земли, который всякий раз, когда она разговаривает по радио с учителем, показывает ей на экране язык, о своей станции, о дедушке Андрейчике.

Третьего дня мальчику принесли обед; он безразлично взглянул на бульон и устало опустил глаза.

— Почему ты не хочешь кушать? — спросила его Ася, искренно полагая, что мальчик, так же как и все окружающие, понимает по-русски. — Ты больной, и тебе нужно кушать. Вот доктор говорил, что ты умрешь, если не будешь кушать.

Мальчик поднял тяжелые веки, в глазах у него появилось выражение не то недоумения, не то внимания. Он следил за выразительной мимикой Аси, за ее широко открытыми глазами. Обычно подобные увещевания кончались тем, что Ася насильно всовывала мальчику в руку одну ложку, сама брала другую и, причмокивая и закатывая глаза от наслаждения, которое ей якобы доставляет бульон, показы-

вала, что она уже сыта и что теперь очередь за ним. Мальчик глядел на нее, и, как автомат, опускал ложку в тарелку, подносил ко рту и снова опускал. Но три дня назад, глядя на уморительные гримасы маленькой хлопотуньи, мальчик вдруг слабо улыбнулся и пошевелил губами. Тихо, едва слышно, он произнес несколько слов. Может быть, это были даже не слова, а лишь не связанные между собой звуки, но фонограф, постоянно висевший у него над койкой, в точности записал эти звуки. Фраза была передана по радио. В самых различных уголках мира ее внимательно выслушали люди всех племен и национальностей. За исключением одного человека, никто не понял языка мальчика. Лишь один бразильский языковед, Мартин дель Грасиас, известный знаток языков Южной Америки, сообщил, что он понял значение слов, сказанных мальчиком. Фраза, как утверждал дель Грасиас, произнесена на языке индейского племени курунга, некогда открытого в лесах Боливии немецким этнографом Вегнером, но затем бесследно исчезнувшего. Мальчик сказал четыре слова:

— Та гра бай нгунко...

Одно из слов («гра») означает еду, другое («нгунко») — желание с отрицательным предлогом («бай»), аналогичным русскому «без» или «не»; «та» — местоимение в зависимости от ясности произношения гласной «а», означающее либо «я», либо «мы».

В целом, вся фраза означает: «Я не хочу есть...»

Нужно знать, что курунга (так называли себя люди этого племени, что означало на их языке «Золотая улитка») в свое время очень заинтересовали ученых. Курунга были открыты немецким этнографом Вегнером случайно в самых непроходимых тропических джунглях Южной Америки. Никто не успел хорошо изучить это племя. От Вегнера ученые узнали, что он нашел племя курунга — Золотая улитка — в сельвах Восточной Боливии, что оно вымирает от гриппа и ведет довольно примитивный образ жизни.

Вот описание индейцев курунга, опубликованное 50 лет назад Вегнером:

«Все курунга — удивительно красивые люди: у них темная, почти негроидная кожа и необычайно правильные, если так можно выразиться, «эллинские» черты лица; они великолепно сложены, и взрослые мужчины у них ростом не ниже 190 сантиметров. Волосы у курунга не жесткие, а мягкие и волнистые; глаза большие, у женщин и детей весьма выразительные. Одежды курунга не носят; на лбу у детей выжигают красное пятно, отдаленно напоминающее улитку (для курунга улитка — священное, покровительствующее племени существо)».

Вегнер записал все слова, которые ему удалось услышать от индейцев курунга, и перевел их на немецкий язык. Кроме того немецкий этнограф вывез из лесов Боливии попугая, говорящего на языке курунга. Попугай был необычайно стар; сморщенный и голый, он был похож на большого дряхлого птенца.

Затем племя Золотая улитка внезапно исчезло. Ни знаменитая экспедиция Карла Штейнена, ни другие этнографические экспедиции не могли обнаружить его следов. Ученые решили, что грипп доконал племя боливийских лесных великанов и красавцев. В руках у этнографов и лингвистов остались лишь записи Вегнера и полумертвый от старости попугай. Эти записи и болтовня столетнего попугая помогли восстановить язык племени курунга — Золотая Улитка — бразильскому этнографу и знатоку индейских наречий Южной Америки Мартину дель Грасиас, появления которого на экране стереовизора в четвертой палате и ждали профессор Британов, ирландский психиатр О'Фенрой, главный врач Дубинчик и шесть корреспондентов, расположившихся в соседней комнате. Ася находилась тут же. Она сидела подле койки, нимало не заботясь о том, понимает ли ее мальчик, рассказывала своему другу, как они с Юрой нашли сперва дохлого моржонка, а затем револьвер, а потом летчики на том же месте нашли его самого и не нашли Юру.

Ровно в 12 часов радиотелефонная и стереовизорная станции острова соединили больницу с Буэнос-Айресом, и Мартин дель Грасиас, маленький человек с живыми глазами и

вздыбленной шевелюрой, появился на экране. Профессор Британов был уже знаком с ним по вчерашним переговорам и потому представил бразильца О'Фенрою и Дубинчику.

— Очень приятно, очень приятно, — на чистейшем русском языке сказал дель Грасиас и чопорно раскланялся с ирландским академиком и арктическим врачом.

— Ну, а с нашим молодым курунга, мы надеемся, вы сами познакомитесь, — улыбаясь, сказал московский профессор.

— Да, да, конечно. Но где же он?

Дель Грасиас, вытягивая шею и вставая на носки, стал издали разглядывать койку с мальчиком.

— Вам видно? — спросил главный врач.

— Да, благодарю вас. А это кто сидит рядом с ним?

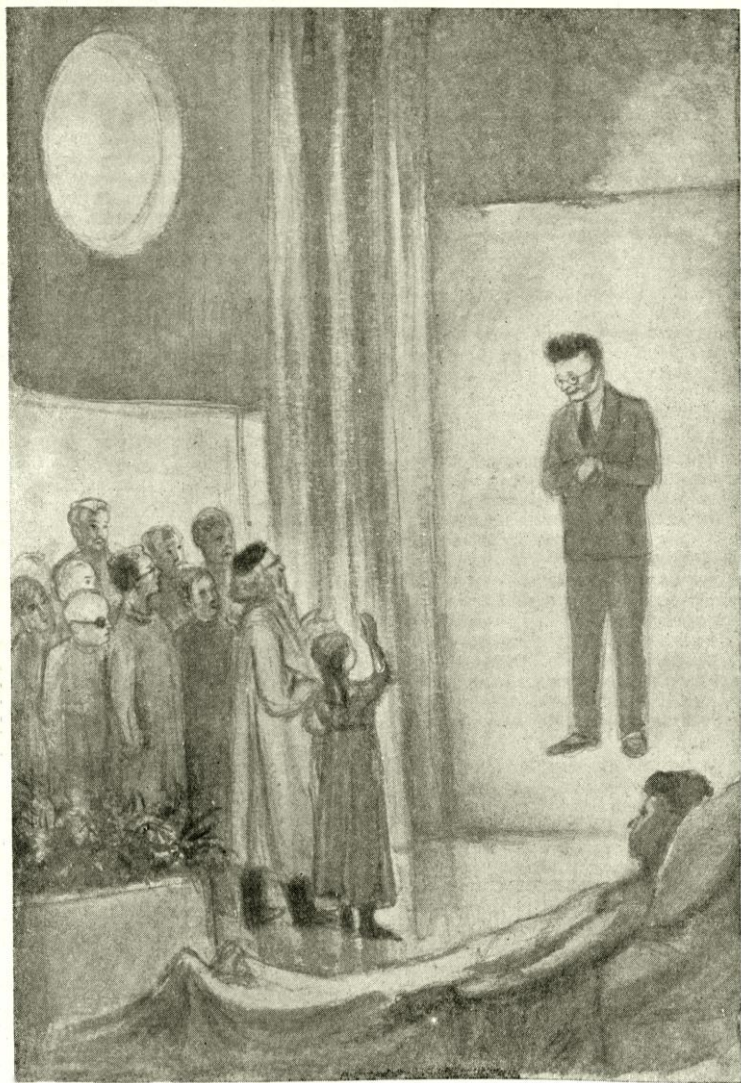
— Это приятельница нашего курунга — та самая девица, которая заставила заговорить неразговорчивого молодого человека, — смеясь, сказал профессор Британов.

— Ах, очень приятно! — дель Грасиас галантно поклонился Асе, на что она ответила ему традиционным приветствием пионеров.

Наступила тишина. Бразильский языковед, ероша свою и без того лохматую шевелюру, с минуту присматривался к мальчику. Внезапно, почти одним горлом дель Грасиас выкрикнул какую-то короткую фразу. Мальчик шевельнулся, поднял веки, повел глазами и остановил их на пышной серебряной бороде Британова. Московский профессор энергично замотал головой, отступил на шаг и указал мальчику на экран. Несколько раз дель Грасиас выкрикивал свои непонятные, похожие на заклинания слова. Наконец мальчик обратил внимание на тщедушную фигурку косматого языковеда.

Оба профессора и врач внимательно следили за выражением лица мальчика.

Маленький индеец пристально смотрел на языковеда, видимо, собирая свои разбегающиеся мысли и стараясь понять, чего хочет взъерошенный человек, разговаривающий с ним издали. Наконец, губы его шевельнулись.

Адель Грасиас галантно поклонился Асе, на что она ответила ему традиционным приветствием пионеров.

— Та бай сгино,— тихо сказал он.

Дель Грасиас просиял и обвел всех взглядом победителя.

— Он понимает язык курунга. На мой вопрос, как его зовут, он ответил: «Я не знаю». Это настоящий язык Золотой улитки.

Профессор и врач переглянулись. О'Фенрой выразительно поглядел на Британова.

— Спросите мальчика, кто его родители,— обратился к бразильцу О'Фенрой.

— Кхаро! — крикнул Дель Грасиас и защелкал пальцами у себя над головой.

Мальчик поднял на него глаза.

— Простите, что означает это слово? — спросил профессор Британов.

— Этим словом курунга окликали друг друга: нечто вроде европейского «алло» или русского «эй».

Дель Грасиас вновь заговорил с мальчиком на своем горловом языке.

В соседней комнате корреспонденты следили за переговорами. Они ходили на носках, перешептывались и поминутно кидались к своим фонографам, установленным на столике подле самой двери. Спокойнее всех вел себя Мерс. Засунув руки в карманы, неподвижно стоял он подле двери и, шевеля ушами, вслушивался в разговор бразильца с мальчиком.

Мартин дель Грасиас, между тем, по просьбе профессоров задал мальчику ещё несколько вопросов. На все вопросы об имени, о родителях, о родине, обо всем, что с ним случилось, мальчик вяло отвечал:

— Та бай сгино...

Это означало: «Я не знаю».

То же самое он ответил, когда дель Грасиас взял у себя со стола книгу и, подняв ее над головой, спросил мальчика, как называется предмет, который он держит в руках. Далее оказалось, что мальчик не знает, как называются одеяло, подушка, стакан и много других вещей.

Профессор и главный врач отошли к экрану и тут же, в присутствии дель Грасиас, составили небольшой консилиум. Профессора и врач пришли к выводу, что мальчик одержим особой психической болезнью, именуемой в науке «провалом памяти».

— Курунга, если не ошибаюсь, являлись обитателями тропической местности, — в раздумье сказал профессор Британов.

— Совершенно верно, — подтвердил дель Грасиас.

— Тогда я никак не пойму, каким же, все-таки, образом этот мальчик очутился во льдах у полюса?

— Будем надеяться, Сергей Сергеевич, — сказал ирландский психиатр, — что ваш пациент когда-нибудь сам об этом расскажет. Память может вернуться к нему совершенно внезапно, при столкновении с каким-либо исключительным обстоятельством, которое очень живо напомнит ему что-либо из прошлого. Очень возможно также, что припоминать прошлое и запоминать настоящее он станет постепенно, при хорошем лечении.

— Что касается меня, то я просто сбит с толку, — сказал дель Грасиас с искренним недоумением, глядя с экрана на своих собеседников. — Я полагал, что являюсь единственным человеком на земном шаре, говорящим на языке курунга. Ваш феноменальный пациент, профессор, разубедил меня в этом. Вы себе не представляете, какое значение для этнографов имеет появление этого мальчика. Он, очевидно, опровергнет все предположения о судьбе племени курунга. Ведь нельзя же предполагать, что голые, беспомощные курунга совершали полярные экспедиции, прихватывая с собой детей и запасшись водолазными скафандрами довольно усовершенствованных глубинных моделей.

— Факт. Я слышу мудрые слова...

Изображение Грасиас перекошилось. Дед Андрейчик отодвинул экран как портьеру и шагнул в палату.

— Товарищ Грасиас говорит сущую правду, — сказал он, подходя к ученым и приветствуя их поднятой рукой, сжатой в кулак. — Никаких данных насчет индейских по-

лярных экспедиций нет. Но есть другие данные. Во-первых, усовершенствованный, но устаревший уже скафандр, и, во-вторых... я слышал ваш разговор с мальчиком по отводному репродуктору... мне кажется, вы его не про те вещи спрашивали. Факт. Давайте спросим его, как называется данный предмет, найденный моим внуком Юрой на льду.

Старик опустил руку в карман и достал «Пращу Давида».

В соседней комнате возникло движение. Мерс вылез почти до половины в дверь, нарушив общий уговор корреспондентов — не мешать консультации ученых. Корреспонденты сдержанно загудели, но Мерс, не обращая на них внимания, стоял в дверях, исподлобья разглядывая револьвер и самого Андрейчика.

— Пожалуйста,— сказал Грасиас.— Но профессор О'Фенрой определяет у мальчика провал памяти. Вряд ли вы добьетесь от него чего-нибудь, кроме «та бай сгибно...»

— Нет, нет, — перебил его О'Фенрой. — Это очень важно. Покажите мальчику это оружие. Я о нем знаю: есть предположение, что револьвер когда-то принадлежал ему. Только не давайте в руки, если револьвер заряжен. А вы, товарищ Грасиас, медленно и отчетливо задайте мальчику три вопроса подряд: «Вспомни: что это, где ты это видел, как это называется?»

— Вот-вот. Только пусть кто-нибудь другой покажет мальчику данный предмет. Ну, хотя бы...

Дед Андрейчик оглянулся. Мерс отпрыгнул от двери и отошел в глубь соседней комнаты.

— Ну зачем же вы прячетесь, товарищ Мерс? А я как раз и хочу призвать вас на помощь, — сказал старик.— Товарищ Мерс!

Молчание длилось несколько секунд. Мерс не отзывался. Наконец, он медленно подошел к двери и засунул руки в карманы брюк.

— Что вам от меня нужно? — резко спросил он по-английски.

— Ничего особенного, — сказал старик. — Я стар, руки дрожат, револьвер заряжен. Факт.

— Разрядите...

— Не умею.

Мерс шагнул к старику, взял револьвер. С минуту он держал его как бы в нерешительности, затем твердым шагом направился к мальчику. Подойдя вплотную к койке, Мерс снял очки. Щурясь от света, он уставился в лицо мальчику блеклыми, водянистыми глазами и высоким горловым голосом выкрикнул какую-то непонятную фразу.

Мартин дель Грасиас встал на экране на носки. Казалось, в следующее мгновение бразилец выпрыгнет из экрана.

Оба профессора и врач удивленно переглядывались, Ася испуганно смотрела на злое бледное лицо Мерса. Корреспонденты заглядывали в дверь.

— Что он сказал? — спросил дед Андрейчик.

— Он говорит на языке курунга! — крикнул дель Грасиас. — Он спросил: «Как ты сюда попал?»

— Друмо! — раздраженно крикнул Мерс.

— Он приказывает мне молчать, — жалобно сказал дель Грасиас.

— Я не приказываю. Я прошу, — уже спокойно сказал Мерс. — Я тоже языковед, и знаю язык Золотой улитки. Не мешайте мне, я сам поговорю с мальчиком.

— Пожалуйста, — сказал О'Фенрой. — Мы все очень заинтересованы.

— Факт замечательный! — воскликнул дед Андрейчик, ни на секунду не сводя зорких, наблюдающих глаз с Мерса и с револьвера в его руке.

Между тем мальчик тоже не сводил широко открытых глаз с белой прищуренной физиономии Мерса. Он дышал глубоко и порывисто, хватаясь худыми руками за одеяло.

— На тум га тархо? — угрожающим тоном спросил Мерс, исподлобья глядя на мальчика.

Грасиас подпрыгнул на экране. Он был возмущен:

— Позвольте! Вы ругаетесь!..

— Друмо!.. — сказал Мерс, покосившись на экран.

Бразилец развел руками.

— То чо разро? — обратился Мерс к мальчику и ткнул пальцем себя в грудь.

— Раз... ро... — тихо повторил мальчик, не сводя с него глаз.

— ..узнал,— прошептал бразилец.

— То чо разро?— вновь спросил Мерс, поднимая руку с револьвером и нацеливаясь мальчику в голову

— А-а-а!..— закричал мальчик и закрылся подушкой.

— Он выстрелит! — крикнула Ася и бросилась к мальчику, желая закрыть его собой.

Звонкий щелчок револьвера и сипловатый смешок деда Андрейчика раздались почти одновременно.

— А ведь я пульки высыпал,— насмешливо сказал старик.— Факт...

Мерс швырнул револьвер, бросил на нос очки и, побывши повода шеей, стал спиной отступать к двери, закрытой экраном. На ходу он судорожно хватался за задний карман, стараясь, очевидно, вытащить свой собственный револьвер.

— Задержите его! — крикнул старик и бросился на Мерса одновременно с двумя корреспондентами, подошедшими из соседней комнаты.

Вытащить револьвер Мерсу так и не удалось. Он оборвал экран, запутался в нем сам, запутал корреспондентов, врача и деда Андрейчика, и все они упали на пол. На одно мгновение несколько человек сплелось в живой клубок. Мерс отбивался молча.

— Не-ет, не уйдешь, голубчик! — кричал дед Андрейчик и выкручивал за спину руку Мерсу.— Теперь мы тебя самого расспросим!..

Но вдруг, изловчившись, Мерс ударил ногой деда Андрейчика, дал кулаком в зубы врачу и бросился к двери. Через мгновение Мерс мчался уже по коридору.

Дед Андрейчик, врач и корреспонденты гурьбой ринулись к двери, на минуту в ней застряли, и, когда выбежали в

коридор, Мерса там уже не было... Стоявшие подле крыльца больницы аэросани с чемоданом позади рванулись вперед, и понеслись по снеговой дороге прямо к морю.

— Это возмутительно! Его непременно нужно задержать! — гневно сказал профессор Британов.

— Скорей сани! Скорей! Под лед уйдет! У него в чемодане чужой Водоход! — суетился дед Андрейчик, бегая подле крыльца.

Главный врач побежал в свой кабинет и вызвал гараж.

— Немедленно! Все сани давайте к крыльцу! — крикнул он.

Только через три минуты погоня тронулась на четырех санях вслед за Мерсом. Впереди ехал дед Андрейчик. Он показывал дорогу, по которой проехал на берег Мерс сего дня утром. Когда преследователи подъехали к тому месту на льду, где стоял брошенный Мерсом пепельный лимузин, они увидели большую полынью с разбитой тонкой коркой льда и раскрытый пустой чемодан, валявшийся возле аэросаней.

Мы будем с Петером Шайно меняться сыновьями

На станции «Северный полюс» Свенсон и супруги Ветлугины сидели в маленьком кабинетике Владимира Ветлугина и обменивались впечатлениями от разговора по радиотелефону со стариком Андрейчиком, который только что рассказал им потрясающие новости. Дед Андрейчик начал с того, как он стал приглядываться к очкастому корреспонденту, как узнал, что Мерс никакого отношения к антарктическому радиовестнику не имеет, как подглядел за его странными манипуляциями с Водоходом, и как, наконец, решил столкнуть лицом к лицу Мерса с мальчиком. Он, дед Андрейчик, был уверен, что между смертью неизвестного мальчика на льду, между исчезновением, а может быть, даже и гибелью Юры и появлением Мерса на острове Седова существует какая-то связь. Он оказался прав: Мерс не выдержал и выдал себя. Теперь все разъяснилось. После того

как Мерс набросился на мальчика, с маленьким индейцем произошла странная история: он тотчас же вспомнил решительно все, что предшествовало его гибели на льду. Мальчик рассказал невероятные вещи. Его имя — Рума, он действительно индеец из племени Золотая улитка. В то время, когда он замерз на льду, то есть пять лет назад, ему было тринадцать лет, столько же, сколько Юре. Он последний из племени курунга, вернее, жалких остатков этого племени, погибшего на дне Ледовитого океана.

Оказывается, племя Золотая улитка не вымерло, как предполагали ученые: оно тайно было вывезено из лесов Боливии двадцать один год назад, за два года до разгрома крестовиков, и переброшено, по личному секретному приказу Лилиан, атаманши апостольских разведчиков, для каких-то таинственных кессонных работ на дне Северного Ледовитого океана.

Обстоятельства, при которых индейцы курунга попали на дно океана, могут показаться совершенно невероятными. Однако дед Андрейчик утверждал, что рассказу мальчика можно верить, тем более что профессор О'Фенрой признал Руму сейчас психически вполне нормальным. Да и сам старик теперь кое-что припомнил, и многое, что было когда-то для него и для других неясным, сейчас находило себе логическое объяснение. Дед Андрейчик, например, отлично помнит один любопытнейший факт: двадцать лет назад, за год до налета апостольских воздушных орд на советские государства, в Рио-де-Жанейро агентами Лилиан был убит один перуанский крестовик. Незадачливый перуанец болтал о том, что, по личному приказу апостола, в лесах Боливии якобы было выловлено какое-то племя индейских богатырей и великанов, племя это затем будто было вывезено в Арктику и потоплено в океане. Тогда этому никто не поверил, ибо перуанский крестовик, по-видимому, и сам толком ничего не знал. Теперь болтовня перуанца облекается смыслом: племя курунга, которое считалось вымершим, оказывается, было разыскано в боливийских сельвасах крестовиками и тайно вывезено в Арктику на подводных транспортах.

Сам мальчик-курунга родился позднее, через два года после того события, и потому все, что относится к истории гибели его племени, он рассказывает уже со слов своего отца, которого звали Маро.

Очевидно, крестовикам нужны были именно такие рослые, здоровые люди, какими являлись курунга. Кроме того, внезапное исчезновение нескольких сот людей не осталось бы незамеченным, и племя, которое считалось вымершим, было самым подходящим для секретной затеи Лилиан.

Под водой курунга работали в батисферах, в кессонных камерах (в «водяных хижинах», как называл их отец мальчика), и в костюмах водолазов («тяжелые одежды» на языке Румы). Зачем понадобились эти подводные работы крестовикам, мальчик, конечно, не мог знать, но отец его, по-видимому, догадался о назначении подводного строительства: индеец Маро понял, что «люди племени Апо-Стол воевали с людьми какого-то другого племени, были побеждены и ушли на дно моря». Его господа часто с ненавистью произносили слово «Больше-Вик»; это слово они выговаривали, как ругательство, когда обращались к Руме или к нему, к Маро, и Маро догадался, что так называется могущественное племя, которое победило людей Апо-Стол и изгнало их на дно моря. Эту же мысль о могущественном племени Больше-Вик, обитающем где-то там наверху, над водой, он внушил и своему сыну. Индеец Маро не ошибся. Восставившая всю историю лиги крестовиков, их поражение и исчезновение апостольского штаба, теперь можно понять назначение секретного строительства, и объяснить, куда девались Петер Шайно, папа-полковник Пий 12-й, барон Курода, их личная охрана, их дети и жены. Вожаки крестовиков, очевидно, были людьми дальновидными: они допускали в будущем провал своей авантюры, провал, который им лично ничего хорошего не сулил. Кроме того, нужно было защитить и засекретить ставку главнокомандующего, из которой должно было осуществляться руководство всеми военными операциями против большевиков. Отсюда и родилась эта идея подводного «штаба-храма».

Расчет был правильный, и он во многом оправдался. Таким образом, версия о гибели самолета вместе с генеральным штабом Петера Шайно где-то у берегов Гренландии рушилась: Шайно и его конклав^{*)}, оказывается, преспокойно сидели на дне Ледовитого океана в каком-то фантастическом своем «штабе-храме». Возможно, что верхушка крестовиков надеялась на «лучшие времена», возможно, что контрреволюционный мятеж в Баварии и движение «новых шуанов»^{**)} во Франции в первые годы после крушения апостольской авантюры было делом рук таинственной Лилиан и ее шпионской епархии «святого духа». Но надежды апостола крестовиков на новое Ватерлоо не оправдались: народы Германии и Франции в несколько дней ликвидировали реакционные мятежи в своих странах.

Рума оказался смышленным мальчиком: прежде всего он рассказал о том, что белые люди племени Апо-Стол убили всех курунга, которые строили «большую хижину в воде» (так говорил Маро, его отец). Они не убили только Лода, Таго, Мытго, Мума, Харо, Кунга, мать Румы — Миду — и отца — Маро. Но оставленные для черной работы индейцы не захотели жить в неволе, когда убедились, что их не отпустят обратно в лес. Они сами стали себя убивать. Лода перерезал себе ножом горло, когда работал на кухне. Мытго и Харо повесились. Двое пытались спрятаться в подводной лодке, которая отправлялась за запасами продовольствия, закупленного в Аргентине агентом Лилиан. Они выкрали водолазные костюмы и вышли вместе с командой субмарины в воду из шлюзовой камеры главного входа, но вода залила их скафандры, и они захлебнулись. Отец Румы — Маро — говорил, что Мума и Кунга не умели надевать тяжелую одежду и вода, убила их. Таго дознался, что в железной

^{*)} Конклав — совет кардиналов при папском дворе.

^{**) Шуанами назывались участники реакционных восстаний во Франции в начале 19-го века, руководимые контрреволюционной знатью и кулаками. Здесь, очевидно, имеются в виду подобного же рода мятежи.}

банке у белого по имени Хи-Мик хранится жидкость, которая сжигает людей. Таго выкрал банку. Он хотел бросить ее в вождя белых, в самого бородатого Апо-Стол, но умер, как только открыл банку; белые разбежались, Таго упал, он сразу стал черным, и дым окутал его; смертоносная вода разлилась; лишь один белый не испугался — тот, которого все зовут Хи-Мик: он издали подул на огненную воду из какого-то большого твердого шара (по-видимому, направил из баллона струю дегазирующего вещества), и все белые остались живы.

Мать Румы худела, худела и умерла. Не умерли только отец Маро и он, Рума. Что случилось дальше с его отцом, Рума не мог сказать; он только знал, что отец Маро ушел из подводной тюрьмы и, наверное, погиб, иначе он вернулся бы за своим сыном и привел бы с собой людей «могущественного племени Больше-Вик, которое победило племя Апо-Стол». Надо полагать, что отцу Румы удалось, наконец, найти какую-то, очень сложную по своей технике тайную лазейку из «штаба-храма»; он, видимо, долго к ней приглядывался, пока, наконец, не разобрался, как можно через нее убежать. Маро, несомненно, представлял себе, какому риску он подвергался, уходя через этот тайный люк, и потому не взял с собой сына. Он решил добраться до поверхности океана, а потом и до земли, привести других людей и выручить сына. О том, что над его головой стояла сплошная кора ледяных полей, Маро, видимо, не догадывался, так как ни разу в жизни не видел льда. Если он и всплыл в своем скафандре и выбрался благополучно на лед через какую-нибудь полынью, он неминуемо должен был погибнуть от холода, ибо, по словам мальчика, под «тяжелой одеждой» (скафандром) у Маро была одна только набедерная повязка. Но, уходя, он подвел сына к стене в подводном туннеле и ногтем сделал царапину на камне.

— Если ты вырастешь на четыре твоих пальца выше этой метки, а твой отец еще не приведет людей племени Больше-Вик, чтобы тебя увести отсюда в лес, тогда знай, что твой отец умер,— сказал он Руме. Тебе тогда незачем

жить здесь. Жди, когда можно будет выкрасть из склада другую «тяжелую одежду», и уходи той же дверью, что и я. Если ты не умрешь в дороге, ты придешь в лес, где жили курунга. Если умрешь, ты попадешь в дом Золотой улитки, где живут все умершие курунга. И так, и так будет хорошо...

Маро долго объяснял сыну, каким образом он может уйти от злых людей племени Апо-Стол, но тут Рума умолк на полуслове и заснул, откинувшись на подушку, окруженный небольшой группой людей, потрясенных невероятной повестью маленького курунга и переводом ее, сделанным Мартином дель Грасиас. Он так и не рассказал, каким же образом ему удалось уйти из штаба Петера Шайно и что с ним случилось дальше.

Сколько их там засело в подводном штабе? Как они вооружены? Что замышляют Петер Шайно и его архиепископы, отсиживаясь вот уже 19 лет под льдами и водой Ледовитого океана? На все эти вопросы, очевидно, ответит самое ближайшее будущее. Все сведения, полученные от Румы, держатся пока в тайне, до приезда ответственного комиссара милиции из Диксона. Деду Андрейчику разрешено было только уведомить мать и отца Юры обо всем, что он узнал.

— Кстати, — сказал в заключение старик, — какую мы дичь упустили, оказывается! Ведь этот агент подводных Крестовиков — вовсе никакой не Мерс, это...

Старик тревожно оглядел с экрана кабинет Ветлугина и показал глазами на репродуктор личного радифонного коротковолнового приемника Ветлугина, по которому шел разговор.

— Подойдите поближе...

Все трое, Свенсон, Ирина и Владимир, недоумевая, подошли к диффузору репродуктора, похожему на большой белый венчик магнолии, и старик, гримасничая и делая большие глаза, едва слышно прошептал несколько слов.

— Факт, — сказал дед Андрейчик и выключил свой стереовизор и радифон.

Все, что Ветлугиным и Свенсону пришлось узнать в эти несколько минут от деда Андрейчика, совершенно озадачи-

ло их. Это было похоже на сказку, на фантастический роман о каком-то новом капитане Немо и его таинственном подводном обиталище «Наутилусе», с той только разницей, что гордый подводный навигатор Жюль Верна сам отверг мир насилия и зла и ушел в глубины морей и океанов, а здесь авантюрист Шайно и банда его соучастников были отвергнуты миром, как враги человечества, как носители зла и насилия, и укрылись на дне океана.

Свенсон несколько минут сидел молча, он вертел во все стороны длинной своей шеей, что являлось у него признаком высшего волнения, и потирал руки.

— Теперь я понимаю, какие гости вынырнули тогда к нам из-под льда. Ты помнишь, Владимир? — сказал он наконец.

— Еще бы. Я думаю о них, — в раздумье сказал Ветлугин.

Глухой гул донесся издалека. Все трое переглянулись.

Свенсон бросился вон из комнаты. Ветлугины последовали за ним.

Механик Хьюз и океанограф Валь уже стояли возле борта станции и оживленно разговаривали о чем-то.

— Что случилось, товарищи? — крикнул еще издали Свенсон.

— Хелло, Свенсон! — сказал Хьюз. — Старые знакомые нас не забывают. Держу пари, что это вторая океанографическая экспедиция. — Хьюз весело подмигнул океанографу. — Вам везет, Валь, вы еще раз увидите профессора Осуду.

— Океанография не знает профессора с таким именем, — серьезно сказал худой, тонкий как рапира океанограф.

Подошло еще несколько человек: мать Аси Татьяна Свенсон, ненец Гынко, два механика, моторист.

— Эрик, ты видишь кого-нибудь? — спросил Ветлугин.

— Да, один человек идет сюда, — ответил Свенсон, не отнимая от глаз телескопического бинокля.

— Володя! — воскликнула Ирина, разглядывая в бинокль приближающегося маленького человека. — Это он! Тот самый, что назвал себя Мерсом.

— Ты не ошибаешься? — спросил Ветлугин.
— Нет, нет! Я его прекрасно помню. Это он!
— Он тоже океанограф? — спросил Хьюз.
— Нет, он крестовик, — сказал Ветлугин.
— Ого! Это любопытно. Забытая специальность, — сказал Хьюз.

— Поднимите его, Хьюз, — сказал Ветлугин. — Всем остальным механикам и мотористам разойтись по ракетным камерам и двигателям и ждать моих распоряжений. Предупреждаю: станция должна быть готова ко всему. Ты, Эрик, встретишь его и проводишь ко мне в кабинет. Разговаривать буду только там. Я иду установить тихую связь с островом Седова.

— Есть, товарищ начальник.

Хьюз, насивистывая, направился к подъемнику. Остальные разошлись, не дожидаясь появления Мерса на борту станции. На месте остался только Свенсон.

Мерс в сопровождении Хьюза подошел к Свенсону минут через пять. Не доходя нескольких шагов до гидрографа, крестовик остановился и сказал угрюмо:

— Мне нужен ваш начальник.

Свенсон с интересом разглядывал коротконогого человечка в серой меховой куртке. Перед ним стоял живой крестовик, представитель апостольского «штаба-храма», какого-то таинственного подземного подводного форта, все еще надеявшегося повернуть вспять историю человечества. Это был редкий экземпляр, и Свенсон старался разглядеть его хорошенько.

— Кто вы такой? — спросил, наконец, долговязый гидрограф по-английски.

— Я скажу вашему начальнику, кто я.

На лице у представителя «апостола Петра» были царапины, нижняя губа вздулась.

«Следы схватки в больнице», — подумал Свенсон и сказал:

— Хорошо. Идите за мной, я провожу вас к нему.

— Я хочу говорить с ним здесь, — глухо сказал крестовик.

— Начальник здесь не принимает.

— Скажите, что у меня очень важное дело.

— Все равно. Начальник станции принимает только в своем кабинете.

Свенсон и очкастый крестовик посмотрели друг на друга внимательным взглядом. Свенсон не видел глаз своего собеседника, защищенных очками-светофильтрами, но он чувствовал, что Мерс разглядывает его настороженно и подозрительно.

— Где помещается его кабинет?

— Здесь недалеко.

— Хорошо. — Мерс снял перчатку и опустил руку в карман своей куртки. — Вы идите вперед... показывайте мне дорогу.

Свенсон зашагал к квартире Ветлугиных. За ним осторожно двинулся Мерс.

Ветлугин, сидя в кресле перед кабинетным столом, казалось, говорил сам с собой: никого в кабинете не было.

— Итак, ты, Джеф, слушаешь все, о чем я с ним здесь буду говорить. Понятно? Я постараюсь его задержать. Кроме того, как мы условились, в случае надобности ты действуешь по своему усмотрению, не дожидаясь конца нашей с ним беседы.

— Правильно, — неожиданно ответил кто-то гулким басом.

— Все, — сказал Ветлугин.

— Все, — подтвердил невидимый Джеф.

Минуты две Ветлугин сидел в абсолютной тишине.

— К вам можно, товарищ начальник? — спросил за дверью Свенсон.

— Можно, — не глядя на экран, сказал Ветлугин.

Вошел Свенсон, за ним протиснулся в дверь Мерс.

— Этот человек хочет с вами говорить.

— Да, я вас слушаю. Садитесь.

— Нет. Я постою.

Ветлугин пожал плечами и посмотрел на руку Мерса, засунутую в карман.

— Как хотите. Я вас слушаю.

— У меня к вам поручение, — глухо сказал Мерс. — Но прежде всего я должен предупредить вас, что ни на какие вопросы, касающиеся личности моей и того, кто меня послал, я не отвечу. Не имею я права также отвечать на вопросы о мотивах поведения лиц, меня сюда направивших.

Ветлугин многозначительно глянул на Свенсона, снова пожал плечами, как бы желая сказать: «Воля ваша».

— Вы, очевидно, знаете, что на острове Седова сейчас находится мальчик-индеец? — осторожно спросил Мерс.

— Да, знаю.

— Вам также известно, что у мальчика отсутствует память?

Ветлугин помолчал. Что бы это могло значить? Притворяется апостольский парламентар, что не слышал о возвращении памяти к мальчику, или действительно ничего не знает? А может быть, он выпытывает? Мальчик его опознал, это он помнит, а что было дальше, не знает.

— Известно, — сказал он наконец.

Свенсон презрительно усмехнулся. Долговязому гидрографу очень хотелось сказать: «Шпионаж в епархии «святого духа» когда-то был лучше поставлен, чем сейчас», — но он воздержался от замечаний и внимательно продолжал слушать разговор Ветлугина с бледнолицым крестовиком.

— Теперь слушайте меня внимательно, — почти тоном приказания сказал Мерс. — У этого мальчика есть отец. Он хочет, чтобы сын его вернулся домой. Он предлагает вам, чтобы вы были посредником между ним и администрацией острова Седова. Поясняю: вы должны уговорить кого следует, чтобы мальчик был отвезен на то же самое место, где он был найден. Там его подберет отец...

— Почему отец мальчика не переговорит с островом лично? — перебил его Ветлугин.

— Я вам уже сказал, что не имею права отвечать на подобные вопросы.

— Почему этот таинственный отец мальчика избрал меня своим посредником?

— Потому что взамен того мальчика вы получите другого мальчика.

— Какого? — чуть задохнувшись, спросил Ветлугин.

— Вашего сына, — твердо сказал Мерс

Наступила пауза. Все трое молчали. Свенсон настороженно глянул на своего друга. Мерс, казалось, внимательно разглядывал фонограф на кабинетном столе.

— Так, — сказал, наконец, Ветлугин. — Значит, мой мальчик... мой сын....

— Жив, — деловитым тоном закончил Мерс.

— И находится?.. — спросил Ветлугин.

— В полном распоряжении лиц, меня сюда пославших, — быстро подсказал Мерс.

— Кто эти лица?

— Главным образом, отец мальчика, оживленного на острове Седова.

— Как Юра попал к вам?

— Это неважно, — нетерпеливо сказал Мерс.

— Значит, вы предлагаете?..

— Обмен, — подсказал Мерс и склонил голову набок.

— Сына за сына?

— Сына за сына...

— Та-ак.. — еще раз сказал Ветлугин. — А почему вы руку в кармане держите?

— Привычка, — невозмутимо сказал Мерс.

— Мне не нравится ваша привычка — повышая голос, сказал Ветлугин. — Выньте руку из кармана!

Мерс отступил к двери, но Свенсон уже крепко держал его сзади за обе руки.

Ветлугин встал и как огромный зверь двинулся на коротконового крестовика, парализованного, словно током, могучей хваткой Свенсона.

— Бросьте револьвер! — сказал Ветлугин, подходя вплотную к Мерсу.

Крестовик презрительно скривил губы:

— Возьмите его сами.

Свенсон тотчас же вытащил у него из кармана новенькую электронную «пращу Давида», точно такую же, какую когда-то нашел на льду Юра.

— Так оно будет лучше, — сказал Ветлугин и спокойно уселся в свое кресло. — А теперь слушайте мое предложение.

Мерс молчал, независимо поглядывая сквозь свои световые фильтры на широкоплечего начальника станции.

— Вы тоже являетесь чьим-то сыном. Не так ли?

— Допустим...

— Допускать нечего, — резко сказал Ветлугин. — И дальше разыгрывать эту комедию тоже нечего. Мы все знаем. Вы сын бывшего венгерского дезертира и политического авантюриста Петера Шайно, основателя контрреволюционной Лиги крестовиков и организатора бандитского налета на Советский Союз.

Презрительная усмешка медленно сползла с губ Мерса. Он смотрел на Ветлугина испуганно.

— Так вот, — продолжал Ветлугин, наклонив вперед голову и глядя прямо в бледную физиономию крестовика, — меняться сыновьями мы будем с Петером Шайно, а не с тем несчастным индейцем, который ушел от вас шесть лет назад и, наверное, погиб во льдах Арктики. Понятно вам, Золтан Шайно?

— Понятно, — спокойно сказал парламентар апостольского штаба. Он уже овладел собой, голова его вновь склонилась набок. — Но из этого ничего не выйдет.

— Посмотрим! — сказал Ветлугин и отвернулся от него.

Мерс, который внезапно превратился в Золтана Шайно, поднял глаза на розовые огоньки часов.

— Если я через пять минут не спущусь на лед, ваша станция будет разгромлена снарядами моей субмарины, а остров Седова взлетит на воздух, — он минирован.

Ветлугин быстро обернулся и несколько секунд внимательно смотрел на бледную физиономию крестовика, занавешенную желто-зелеными очками как маской средневеко-

вого злодея. Было что-то в его голосе и во всей фигуре, что заставляло верить в серьезность его угрозы.

«Ася... Британов... люди...» — вспомнил Ветлугин.

— Джеф! — окликнул он. — Ты все слышал?

— Все, — отозвался невидимый Джеф.

— Скажи, Джеф, ты сможешь поднять в воздух всех людей с острова за четыре минуты? — снова спросил Ветлугин своего собеседника-невидимку.

— Смогу. Я уже отдал распоряжение о посадке, — спокойно сказал Джеф.

— В добрый час! — Ветлугин взглянул на Свенсона. — Эрик, свяжись сейчас же с Хьюзом по внутреннему, прикажи от моего имени снять станцию с якорей, набрать высоту и идти с максимальной скоростью к материку...

— Что вы хотите делать? — спросил Золтан Шайно.

— Это вас не касается, — небрежно ответил Ветлугин и направился к приемнику.

Крестовик ринулся к дверям, но костлявый кулак Свенсона опустился на его меховой малахай раньше, нежели он успел выпрыгнуть. Удар, очевидно, был так силен, что даже мех не защитил Золтана Шайно. Он взмахнул руками и повалился на диван.

— Звони Хьюзу! — крикнул Ветлугин. — Я его свяжу сам.

Через 90 секунд огромная, полукилометровая площадка станции «Северный полюс» чуть качнулась и, быстро набирая высоту, стала уходить к югу. И в тот же момент над нею, завывая, пронесся снаряд. Он пролетел над станцией и разорвался внизу, на льду, километрах в трех, подняв целый фейерверк ярко освещенных солнцем ледяных обломков.

В кабинете Ветлугина, держа палец на спусковой кнопке «пращи Давида», сидел ненец Гынко и, не мигая, смотрел припухшими раскосыми глазами на связанного сына Петера Шайно. Сам Золтан Шайно полулежал на диване и, не глядя на деревянное лицо Гынко, прислушивался к завыванию снарядов и к далеким их разрывам.

Где-то во льдах, почти невидимая, стояла субмарина, и обстреливала уходящую станцию. Выстрелов не было слышно, но взрывы снарядов отдавались оглушительным грохотом над молчаливыми льдами. Два снаряда прошли мимо станции, и лишь один разорвал борт и повредил два ракетных якоря. Затем субмарина притихла.

Ветлугин и Свенсон стояли на аэрологической вышке и в бинокль наблюдали за врагом. Они видели, как тонкая пушка спряталась в башенке субмарины. Затем крышка люка задвинулась, и субмарина стала погружаться.

— Уходят, — сказал Свенсон.

— Боюсь, что нет, — ответил Ветлугин. — Они вынырнут впереди под нами и пустят нам снаряд в упор. Эрик, крикни в усилитель, чтобы все немедленно надели кислородные приборы и стратосферные костюмы.

— Хелло, Хьюз! — крикнул Ветлугин, наклонившись над внутренним рупором.

— Все! Все! Все! — заорал Свенсон прямо в микрофон, стоящий перед его губами.

— Хьюз, выключай бортовые! Давай максимальную скорость донных! — приказал Ветлугин в рупор.

— Надеть кислородные маски и стратосферные костюмы! — разнесся по станции голос Свенсона.

— Сколько, Хьюз?! — спросил в рупор Ветлугин. — Восемь тысяч? Давай, давай выше, и ни метра в сторону, Хьюз! Пойдем на юг на высоте тридцать тысяч метров.

«Каждая человеческая песчинка есть большая драгоценность»

В 17 часов 23 минуты станция «Северный полюс» прибыла с одним «пассажиром», Золтаном Шайно, на остров Диксон, в город Арктанию. Станция была повреждена снарядами апостольской субмарины в трех местах, но повреждения эти оказались незначительными.

В Арктании Владимир Ветлугин узнал, что 120 самолетов и 5 дирижаблей 8-й авиабазы забрали все население

острова Седова, и через минуту небольшой благоустроенный поселок острова был поднят на воздух нитромагнитовыми минами, и стал осыпаться в море обломками бетона и гранита. Епархия взрывчатых и отравляющих веществ химика-крестовика Кармона давала миру знать, что она еще существует.

В 18 часов 30 минут супруги Ветлугины и все работники станции были свидетелями замечательного явления: над Арктанией появилась гигантская фигура заместителя председателя Верховного Совета социалистических и коммунистических республик. В тот миг она появилась не над одной только Арктанией: гигантское изображение возникло в воздухе над тысячами городов во всем мире.

Джо из Айдахо — под этим именем заместителя председателя Верховного Совета знал весь мир, хотя у него была и фамилия — Аткинс. Он происходил из потомственной пролетарской семьи негров — строителей Америки. Отец его был коммунистом, и от отца Джо унаследовал чудесный дар агитатора и пропагандиста. Каучуковые плантации в Венесуэле, золотые прииски в Гондурасе, плавучая тюрьма на Багамских островах, работа носильщика в Африке, каторга в Кайене, китобойный промысел у Шпицбергена и, наконец, блестящая эпопея первой партизанской антифашистской эскадры, во главе которой стоял коммунист-адмирал негр Джо из Айдахо, — таков жизненный путь этого замечательного человека.

Старый апостольский пират Курода, архиепископ военно-морской епархии Шайно, не смел сунуть носа в те воды, где замечено было присутствие супердредноутов, авианосцев и субмарин Джо из Айдахо. Искуснейший агитатор-коммунист оказался талантливым командором революционной интернациональной армады. Джо собирал свою партизанскую эскадру из восставших боевых единиц капиталистических флотов и, наконец, собрал такой бронированный военно-морской кулак, что даже владычица морей Британия не решалась затевать с ним драку.

Темнокожий великан казался стоящим в воздухе над Арктанией.

Партизанские авианосцы и субмарины Джозефа Аткинса лишь продолжали дело, начатое много лет назад славной интернациональной дивизией под Мадридом. Это ее легендарный опыт породил идею партизанской интернациональной воздушно-морской эскадры. И негр-коммунист осуществил эту идею.

Эскадра Аткинса не имела своего официального отечества: его родиной считалась любая страна, которой нужна была революционная боевая помощь против интервентов и национальных поработителей. Черный молот на красном поле был эмблемой революционной партизанской эскадры, и истребители с черными молотами на пурпурных дисках появлялись всюду, где апостольские воздушные и морские дредноуты «неизвестной национальности» сеяли смерть и разрушения.

Негр-адмирал ни на минуту не оставлял в покое эскадру крестовиков, он пускал ко дну лучшие боевые суда барона Курода, исчезая и появляясь внезапно, как некий, вполне реальный летучий голландец. Джо имел немало орденов разных стран, но высшую награду, орден Ленина, Джо получил за то, что всей могучей массой своих кораблей и гидросамолетов обрушился на апостольскую эскадру у берегов Аляски, когда дредноуты и авианосцы под серыми знаменами архиепископа Курода двинулись на помощь своей северной армаде через Берингов пролив. До самых Маршалльских островов гнал тогда Джо остатки флота крестовиков, и здесь пустил ко дну все их корабли, до одного.

Его любили люди всех рас и национальностей, называли ласковыми именами: «наш Джо», «славный парень Джо». Это был Чапаев эпохи окончательного разгрома капитализма. Когда три года назад происходили очередные выборы в Верховный Совет, Джо был избран на пост заместителя председателя подавляющим большинством голосов.

В 18 часов 30 минут исполинская фигура Джо из Айдахо появилась над Диксоном. Это могло показаться людям прошлого сверхъестественным, но люди новой эпохи знали, что над тысячами городов Гениозоры — чудесные аппара-

ты, отражающие в воздухе свечение потока электронов,— передают лишь объемное изображение человека лет сорока пяти, среднего роста, с темным, почти бронзовым лицом, озаренным лунным блеском огромных белков, человека, стоящего посреди центральной правительственной студии «Гениопередачи» перед сложной осветительной аппаратурой.

Передачи Гениозоров стали практиковаться лишь три года назад, и Владимиру Ветлугину, да и многим другим работникам станции «Северный полюс», постоянно работающим вдали от населенных мест, впервые довелось видеть это чудо современного объемного телевидения. Сперва огромный столб воздуха над Арктанией стал темнеть, словно сгущаясь; на глазах у зрителей он принимал очертания человека; наконец, исполинская фигура Джозефа Аткинса ясно определилась в воздухе. Фигура имела в высоту не менее трех километров. Темнокожий великан казался стоящим в воздухе над Арктанией, причем стоял он не над самым городом, а где-то на его окраине. Будто фантазия Свифта стала действительностью, и некий реальный Гулливер явился перед взволнованным народом лиллипутов.

Голосом, подобным раскатам грома, Джозеф Аткинс сказал:

— Товарищи! Заседание Верховного Совета социалистических и коммунистических республик окончилось... Совет обсуждал случай в Арктике... Несколько дней назад исчез мальчик Юра Ветлугин... Сегодня мы узнали, что мальчика захватила подводная организация крестовиков. Они обстреляли полюсную станцию и взорвали поселок Седова. Верховный Совет постановил принять все меры и освободить мальчика из рук шайки контрреволюционеров, а организацию врагов мирного человечества предать народному суду. Выполнить свое решение Совет приказывает Чрезвычайной арктической комиссии, созданной сегодня...

Негр-великан смотрел перед собой, чуть наклонив голову. Говорил он с небольшим акцентом по-русски, осторожно подбирая слова и выдерживая паузы между фразами. Это

уже стало традицией: к какой бы национальности представитель высшего органа советской власти ни принадлежал, в своих выступлениях на заседаниях Совета и при обращении ко всему миру он говорил на родном языке Ленина. Речь заместителя председателя Верховного Совета в республиках и областях, где население не знало русского языка, переводилась особыми автоматическими аппаратами-переводчиками на язык, преобладающий в этих республиках и областях.

— Товарищи! — сказал негр-великан и глянул вдаль перед собой. — Что случилось на земле? На земле пропал какой-то мальчик... Исчезла маленькая песчинка человечества... Но каждая человеческая песчинка есть большая драгоценность... Поэтому мы спасем мальчика, во что бы то ни стало...

Темнокожий великан умолк. Казалось, Джо из Айдахо видит миллионы людей, с которыми так просто сейчас говорит.

— От имени Верховного Совета посылаю вам привет, товарищи!.. — сказал он и потряс над головой обеими руками.

Несколько секунд негр-великан стоял неподвижно, затем он стал прозрачным и исчез, словно растаял в воздухе.

Летающая станция

Фантастический роман Г. Гребнева

Рисунки Ю. Кискачи

Часть третья

Мертвецы ведут себя словно живые

Субмарина архиепископа-пирата Куроды согнала с Северного полюса газопонтонную станцию; нитроманнитовые мины крестовиков превратили в пустырь маленький благоустроенный островок в архипелаге Вейпрехта—Пайера; белоголовый мальчик, снедаемый жаждой полярных подвигов, опущен на дно океана, в загадочное логово последних контрреволюционеров. Таков краткий список событий в Арктике за 24 дня — с 21 мая по 15 июня — этого памятного для многих года. Но Земля не изменила из-за этих событий своего пути в мировом пространстве, и люди не перестали трудиться, смеяться и видеть солнце. Конференция по выработке единого алфавита собралась в Париже. Профессор Британов готовился к докладу о своем историческом опыте на внеочередном всемирном съезде биологов. Обе партии экспедиции Ливена стояли на берегах Гибралтарского пролива, готовые в любую минуту, по первому слову своего начальника, послать в глубь земли солидные заряды радия.

Тем не менее, инцидент в Арктике продолжал занимать умы миллионов людей. Арктические корреспонденты не забывали ни на минуту о последнем выступлении заместителя председателя Верховного Совета, и радиогазеты по нескольку раз в день возвращались к этой теме. 15 июня газеты передали, что через два дня после выступления по «Гениозору» Джо Аткинса известный французский ученый, профессор Оноре-Жан Ливен, сын автора проекта Гибралтарской плотины Оноре-Жака Ливена, и молодой испанский инженер Силера посетили на Диксоне, в городе Арктания,

председателя Чрезвычайной арктической комиссии и долго беседовали с ним. Но сенсацией стало сообщение о том, что политический авантюрист Шайно, называющий себя апостолом Петром, вступил в переговоры с Чрезвычайной комиссией, и комиссия согласилась выслушать его представителя на экстренном своем заседании.

Это заседание состоялось в Арктании в тот же день, 15 июня, в 20 часов 30 минут. В просторном кабинете начальника воздушных путей Арктики собрались члены Чрезвычайной комиссии. Пришли специально приглашенные на заседание Владимир и Ирина Ветлугины, профессор Ливен с инженером Силера. Последними явились старик Андрейчик и Рума.

Представитель крестовиков барон Курода должен был появиться на экране стереовизора ровно в 20 часов 30 минут. Курода собирался разговаривать с комиссией из своей субмарины, предварительно пообещав, что если большевики во время переговоров попытаются захватить субмарину, в ту же минуту сын безбожника Ветлугина, арестованный на льду воинами сына господня при попытке напасть на них с ножом в руках, будет пригвожден к кресту.

Барон Курода появился на экране точно — секунда в секунду. Он возник на сафьяновом поле стереовизора очень прозаично: внезапно на экране в глубине комнаты перед членами комиссии и приглашенными уселся в кресло крохотный старичок с зеленоватым лицом, косоглазый и скуластый, похожий на злых старух классических японских гравюр. Архиепископ военно-морской епархии был чистокровным самураем. Одежда на старичке была незамысловатая: военная серая гимнастерка крестовиков с опрокинутым черным крестом, нашитым на спине и на груди, рейтузы-стального цвета, желтые краги. Когда-то этот человек хладнокровно пускал ко дну пассажирские теплоходы с женщинами и детьми, топил торпедами японские мятежные крейсера с революционными командами, обстреливал портовые города нитроманнитовыми снарядами. Сейчас он был уже не страшен никому. Даже маленький индеец-курунга неза-

висимо и враждебно поглядывал на изображение своего недавнего властелина. И только Ирина Ветлугина с ужасом смотрела на раскосого старичка: она знала, что этот человек, сидящий сейчас в своей субмарине где-то во льдах, в любую минуту может послать ее ребенка на мучительную, варварскую смерть.

Молчание продолжалось почти полминуты. Наконец, председатель Чрезвычайной комиссии, розовый человек с блестящей бритой головой, сказал:

— Мы готовы выслушать ваше заявление.

Японец шевельнулся, но глаз не поднял (он, как уселся в кресло, как заслонил дряблыми красноватыми веками свои глаза, так и сидел, не шевелясь, словно буддийский божок). Заговорил он по-английски:

— Я не говорю по-русски. У вас есть переводчик?

Голос у него был резкий, как скрежет ножа о тарелку.

— Я думаю... — председатель обвел глазами всех присутствующих. — Я полагаю, здесь все понимают по-английски.

Все закивали головами.

— За исключением одного, — сказал дед Андрейчик. — Но это ничего: я Руме потом все изложу досконально.

— Его святость господин апостол, — вяло сказал Курода, — изволил приказать мне, чтобы я передал вам следующее. Его святость господин апостол много лет назад изволил покинуть ваш греховный мир и удалился в далекую обитель. Его святость господин апостол изволит все свое время проводить в посте и молитве. Это единственно, в чем его святость господин апостол видит цель всей своей дальнейшей жизни. Устремления его святости господина апостола разделяются всеми господами архиепископами, также покинувшими мир греха и соблазна. В том числе и мною. Нам ничего не нужно от вашего мира, и мы хотели бы, чтобы ваш мир также оставил в покое нас.

Куроода замолчал, минуту подумал и продолжал все так же нехотя:

— Его святость господин апостол приказал передать, что готов отпустить своего пленника с миром, но не ранее, как после освобождения вами сына его святости.

Наступило молчание.

— Все? — спросил председатель.

— Все, — безразличным тоном ответил японец.

— Прежде чем мы вам дадим ответ, разрешите задать несколько вопросов? — сказал председатель.

— Разрешаю, — сказал Курода. — Но предупреждаю, что отвечу только на те из них, на которые сочту нужным ответить.

— Хорошо. Скажите: зачем вашему апостолу понадобились орудия, мины и прочее вооружение, если он, как вы говорите, удалился из мира для поста и молитвы?

Японец попрежнему не поднял глаз, но в голосе его все почувствовали явную иронию

— Его святость господин апостол, — сказал он, — опасается, что посторонние люди помешают его молитве. Оружие его святости нужно лишь для ограждения своего покоя.

— Так. Разрешите тогда спросить: разве кто-нибудь из жителей поселка на острове Седова нарушил покой вашего апостола?

— Да, его нарушил беглый индеец.

— Чем?

— Тем, что он ушел от своего господина.

— У кого еще есть вопросы? — спросил председатель.

Переговоры начинали походить на общее собрание, когда докладчику задают вопросы.

— Скажите, — спросил Ветлугин, — это вы хотели видеть меня? Я говорю об одном посещении станции неизвестными мне людьми, когда я был в Арктанни.

— Нет, — скучным голосом ответил Курода.

— Зачем вы украли моего сына и для чего держите его у себя? — тяжело дыша, спросила Ирина.

— Вопрос задан в оскорбительной форме. Я на него не отвечаю.

Курода, видимо, тяготился допросом, и только какие-то дипломатические соображения заставляли его продолжать переговоры.

— Разрешите мне вопрос, — по-русски сказал дел Андрейчик.

— Пожалуйста, — разрешил председатель.

— Известно ли тебе... — начал дед Андрейчик по-русски и запнулся. — Известно ли вам, — продолжал он по-английски, — как ушел мальчик-индеец из вашей норы?.. Виноват, я хотел сказать: из вашей обители.

Все насторожились. Председатель посмотрел на деда Андрейчика укоризненно: вопрос был явно нетактичным.

И вдруг японец поднял опущенные веки. Поднимал он их медленно и тяжело, как Гоголевский Вий. Поднял, прищурился, отыскал в углу деда Андрейчика. Глаза их встретились: голубые лукавые — у старого радиста, и черные настороженные — у Куроды.

— Известно, — нетвердо сказал японец.

Дед Андрейчик захохотал.

— Врешь! — крикнул он и вскочил с места.

Раздался шорох выключенного радиофона, и экран опустился.

Рума тоже вскочил и, гневно поводя глазами, приготовился защищать деда Андрейчика.

Маленький курунга успел привязаться к старику за эти несколько дней. Во все время беседы с Куродой здесь, в кабинете, он лишь несколько раз глянул враждебно на изображение японца и безразлично — на председателя. С деда Андрейчика же Рума не сводил преданных, обожающих глаз. Он, наверное, искренно полагал, что во всей этой церемонии главная роль принадлежит его учителю и другу. И когда дед Андрейчик возбужденно выкрикнул какое-то слово и вскочил, Рума тоже вскочил, ибо привык уже во всем подражать старику.

— Это вы напрасно, товарищ Андрейчик, — сказал председатель. — Вы его спугнули раньше времени.

— Извините, товарищи, трудно удержаться, когда видишь перед собой живого палача и бандита.

— Мало ли что, — сказал один из членов комиссии. — Нам тоже трудно было смотреть на него. А раз надо, значит, смотри и вежливо разговаривай.

— Ну, вы все-таки помоложе, вы совсем другой народ, — посмеиваясь, сказал старик.

Рума ткнул пальцем в экран, потом со всего размаху хлопнул себя по щеке.

— Он... мне... вот!.. — сказал он деду Андрейчику ломаным русским языком и прибавил, совершив чудовищное усилие губами и нёбом: — Факт!

Председатель Чрезвычайной комиссии обвел глазами всех присутствующих.

— Конечно, это наглость, — сказал он. — Конечно, нам смешно выслушивать их наглые требования. Мы не оставим их в покое. За свои преступления они должны предстать перед судом. Кроме того они опасны — их нужно обезвредить. Но Верховный Совет поручил нам, прежде всего, спасти сына товарища Ветлугина. Поэтому мы пригласили на заседание родственников мальчика... Что мы можем сделать? Мы можем предложить крестовикам обмен сына Шайно за сына товарища Ветлугина. Мы можем удержать арестованного крестовика, и спасти мальчика прямой атакой. Вот два пути спасения пленника. Первой прошу высказаться мать мальчика.

Все обернулись к Ирине.

Обращение председателя застало Ирину врасплох. Она растерянно оглянулась, провела рукой по лбу, сказала неуверенно:

— Я думаю... Мне кажется... — и внезапно умолкла в раздумье.

Так она сидела молча несколько долгих секунд. Мужчины, затаив дыхание, ждали. Перед ними была мать. Это обстоятельство создавало мучительную серьезность положения. Так или иначе, но в эту минуту решалась судьба ее сына — и самое веское слово принадлежало ей.

— Мне очень хочется спасти нашего мальчика... — сказала она тихо.

И потом громче добавила:

— Но я подумала: неужели мы так беспомощны? Неужели только договор с врагами коммунизма может спасти моего сына?

— Bravo, дочка! — загремел дед Андрейчик. — Она говорит сущую правду! Факт!

Он вскочил, и вместе с ним опять вскочил Рума.

Ветлугин пожал жене руку под столом; чувствительный Ливен украдкой смахнул слезу; и все заговорили сразу, и все заговорили об одном: комиссия не допустит никаких сделок и сговоров с политическими авантюристами, разыгрывающими из себя капитана Немо; комиссия будет действовать осторожно, чтобы не подвергнуть опасности жизнь мальчика, но вместе с тем и очень решительно.

— Итак, разрешите зачитать ответ, — сказал председатель.

Секретарь включил фонограф.

— Северный Ледовитый океан, гражданину Куроде... — начал председатель. — Чрезвычайная комиссия, созданная Всемирным Верховным Советом, обсудила ваше заявление, и нашла его неприемлемым. Чрезвычайная комиссия предлагает вам и другим лицам, проживающим вместе с вами, немедленно явиться на остров Диксон, в город Арктанию, и поселиться там, где вам укажет комиссия. Чрезвычайная арктическая комиссия предупреждает: вам и проживающим с вами лицам, замешанным в контрреволюционной деятельности в прошлом и виновным в диверсионных актах против населенных мест в Арктике, придется предстать перед народным судом. Но если вы тотчас же по получении нашего ответа освободите своего пленника и явитесь в суд добровольно, вы облегчите вашу участь в дальнейшем.

Все закивали головами, зашевелились; раздались восклицания:

— Очень хорошо!

— Факт!

— Товарищ секретарь, отправьте радиogramму на субмарину, — сказал председатель. — А теперь, товарищи, поговорим о предложении профессора Ливена и инженера Силера... Конечно, Шайно и его банда, получив наш ответ, не примчатся на Диксон с повинной. Но и нападать на нас они вряд ли станут без нужды. Думаю, что они еще не совсем спятили с ума и учитывают соотношение сил. Скорее всего, старый разбойник зароется в свою нору и покажет зубы только тогда, когда мы попытаемся его оттуда вытащить. Вот на этот случай у нас и припасен замечательный проект товарищей Ливена и Силера. Этот проект очень поможет нам освободить мальчика.

Председатель, продолжая говорить, поднял руку и показал на карту: огромная рельефная панорама Арктики, выполненная знаменитым художником, эскимосом Каукеми, висела на стене над круглой головой председателя.

— Мы уже точно установили, где находится скромная обитель апостола Шайно. Вот...

Председатель чуть шевельнул на столе световой регулятор — и тонкий красный луч с другого конца комнаты окрасил пурпуром два небольших островка, самых крайних на севере архипелага Вейпрехта — Пайера.

— Между островом Рудольфа, ныне Седова, и островом Гогенлоэ, ныне Брусилова. Как раз вот в этом проливчике между ними, на дне. Глубина пролива — 400 метров, ширина — 4 километра.

— В пять раз уже Гибралтарского пролива у Джебель-Миса и в два с половиной раза мельче, — сказал Силера.

— Совершенно верно, — подтвердил председатель. — Итак, что же предлагают нам товарищи Ливен и Силера?..

Все слушали, затаив дыхание. Дед Андрейчик также с величайшим вниманием вслушивался в слова председателя Чрезвычайной комиссии. Время от времени он записывал что-то в свой старенький, потрепанный блокнот (старик никак не мог привыкнуть к фонографу), и сидевший рядом с ним Рума благоговейно следил за движением нехитрого «вечного пера» деда Андрейчика.

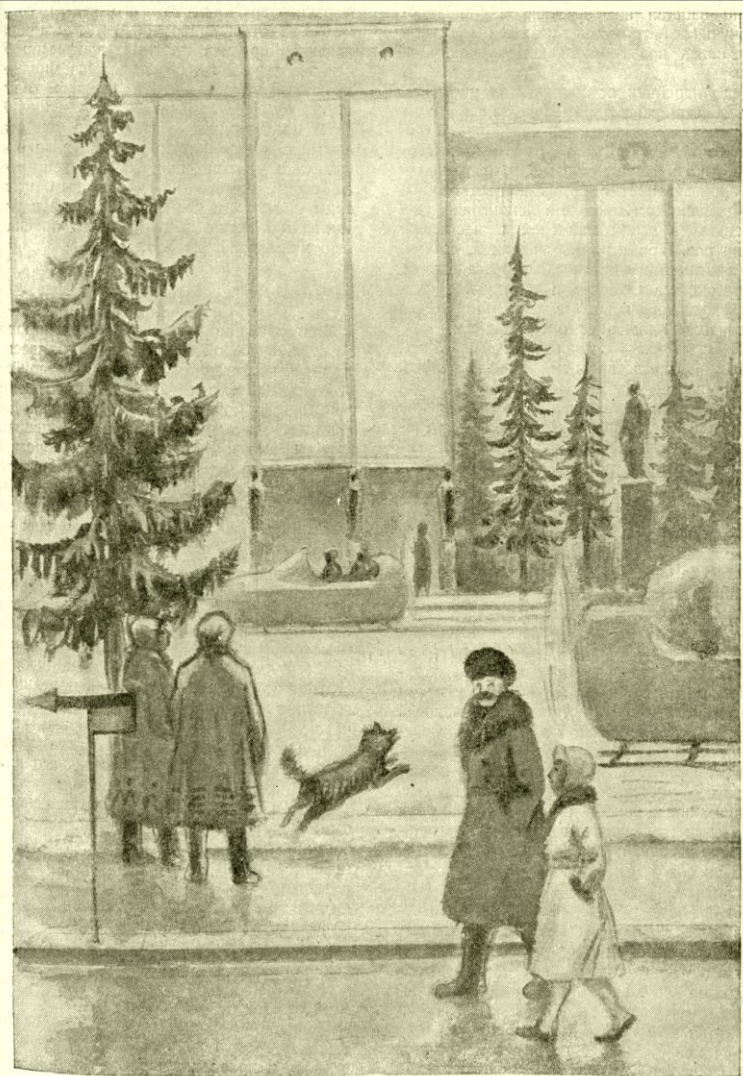
Наконец, старик кончил записывать. Воспользовавшись тем, что вся комиссия и Ветлугины вместе с гибралтарскими инженерами собрались подле директорского стола и стали разглядывать модель какого-то прибора, дед Андрейчик мигнул Руме и на цыпочках вышел вместе с мальчиком из кабинета.

Покинув заседание Чрезвычайной комиссии, дед Андрейчик вышел на улицу и зашагал по широкому тротуару. Мощная серая лента синтетического каучука, сверкающая как новая калоша, неторопливо ползла вдоль улицы: тротуар был движущимся. Рядом с дедом Андрейчиком с независимым видом шагала Рума.

Небольшой поселок на острове Диксон возник в первые годы строительства социализма. Огромный же социалистический город Арктания с населением в 500 тысяч человек насчитывал всего 10 лет существования. Это была своеобразная столица Арктики. Вполне благоустроенный, мало чем отличающийся от лучших городов Азии, Европы и Америки, город Арктания, однако, имел свое собственное лицо. Это был город-полярник. Здесь сосредоточены были учреждения, ведающие хозяйством Арктики, научно-исследовательской работой в полярных областях, промыслами, морскими путями, службой погоды. На улицах Арктании не стояли шпалеры пальм и кактусов-алоэ, как стояли они на улицах многих северных столиц: ель, сосна и кедр чинно выстроились здесь вдоль тротуара. Аэросаням, как средству передвижения, жители Арктании явно отдавали предпочтение. Город жил деловой жизнью, чуждый резких жестов и шумов. Часто он погружался на дно необозримых, как море, туманов и замирал летом, среди бела дня, именуемого здесь «ночью».

Дед Андрейчик часто бывал на острове и любил этот город. Рума всего несколько дней назад увидел это чудо во льдах и привыкал к нему. Кроме того он учился русскому языку и все время находился в состоянии азарта.

Дед Андрейчик шел рядом с Румой.

Дед Андрейчик шел рядом с Румой, и время от времени тыкал пальцем вниз, в сторону, вверх:

— Резина... сосна... сани... — говорил он.

И мальчик, внимательно вглядываясь в каждый указанный ему предмет, с трудом повторял:

— Ре-зина... со-сна... са-ни...

В одном месте тротуар запрудила целая семья закутанных в меха медлительных любопытных чукчей. Белые лайки оглушительно лаяли на вереницу аэросаней и, случайно забегая на соседнюю левую ленту движущегося тротуара, уезжали вместе с нею назад под громкий хохот своих хозяев.

Дед Андрейчик остановился на углу площади Северного сияния и показал рукой на огромный, десятиэтажный дом, почти совершенно лишенный по прихоти архитектора двух первых этажей. Дом был похож на броневи́к-постамент памятника Ленина на Финляндском вокзале в Ленинграде, увеличенный в своих размерах в несколько тысяч раз. Три огромных надписи, сделанные светящимися красками на фасаде дома, на русском, английском и норвежском языках удостоверяли, что в доме помещается Арктический институт океанографии.

— Я туда... — сказал дед Андрейчик. Потом показал пальцем, куда-то влево, вдоль улицы.— Ты... домой.

Мальчик кивнул головой в подтверждение того, что он понял. И все с тем же независимым видом зашагал вдоль улицы по каучуковой ленте тротуара.

Чрезвычайная комиссия и лица, приглашенные на ее заседание, склонившись над столом, разглядывали модель замечательного снаряда «Тератом», изобретенного профессором Ливеном. Французский ученый Оноре-Жан Ливен был сыном инженера Ливена, который во втором десятилетии Октябрьской революции разработал интереснейший проект электрификации средиземноморских стран и обвод-

нения Сахары при помощи мощной гидростанции, получающей энергию от исполинской плотины, воздвигнутой через Гибралтарский пролив. Ливену-отцу капиталистическое общество не позволило осуществить его гениальный проект, и лишь после ликвидации капитализма на земле сын инженера Ливена, профессор Ливен, приступил к реализации идеи своего отца на благо всех народов средиземноморских стран.

Но профессор Ливен не просто осуществлял проект отца: он внес в этот проект свои, чрезвычайно интересные поправки. Он долго изучал природу геологических процессов и, наконец, убедился, что все процессы горообразования, опускание и поднятие суши и морского дна происходят благодаря присутствию в недрах земли радия. Тогда профессор Ливен сконструировал особую подземную торпеду «Гератом», которая уносит к недрам земли большие запасы радия и вызывает искусственное поднятие и опускание земной поверхности или морского дна. Вместо того чтобы сооружать на тысячеметровой глубине Гибралтарского пролива плотину, профессор Ливен решил поднять опустившийся миллионы лет назад на дно этого пролива горный кряж, который заменит собой плотину. Работы по сооружению гибралтарской станции находились в разгаре, но, узнав о событиях в Арктике, профессор Ливен вместе со своим помощником — молодым испанским инженером Силера — приехал в Арктанию и предложил свои услуги по спасению мальчика Юры Ветлугина.

Жилец «аварийной гостиницы»

Золтан Шайно жил при здании народного суда, в особой пристройке, называемой жителями Арктании иронически «аварийной гостиницей». В первые годы строительства социализма, когда возник поселок на Диксоне, его жители обходились без специальных тюремных сооружений, в большом же социалистическом городе Арктании тюрьму стро-

ить было незачем: преступления нечасто совершались в Арктике, а совершаемые не заслуживали того, чтобы ради них строить особый дом лишения свободы. Вот почему редкие клиенты подследственных органов народного суда в Арктании помещались в пристроечке подле здания суда, именуемой «аварийной гостиницей». Особым комфортом эта «гостиница» не отличалась: это был обыкновенный дом с коридорной системой и комнатами, меблированными просто и строго всем необходимым. Отпечаток неволи ложился не на самый этот дом, а на сознание жильца, когда сонный от безделья надзиратель, поселяя его в одной из комнат, угрюмо бормотал:

— Дом оборудован самой усовершенствованной сигнальной аппаратурой. Здесь нет замков, вместо них есть невидимые инфракрасные лучи и фотоэлемент. Убежать невозможно. Правила внутреннего распорядка висят на стене. Радиофоном и стереовизором можно пользоваться с разрешения следователя. Питание — в обыкновенное время. Библиотека — напротив.

Золтан Шайно валялся на диване в седьмом номере «аварийной гостиницы».

Молодой белокурый человек попросил у Золтана Шайно разрешения войти, поздоровался и понес к столу изящный аппаратик — фонограф.

Золтан Шайно снял ноги с дивана и настороженно поглядел на своего гостя.

— В прошлый раз мы с вами только познакомились, — сказал белокурый человек, устанавливая на столе свой аппаратик. — Теперь, я надеюсь, мы сможем поговорить подробнее.

Молодого человека звали Алексеем Ивановичем Померанцевым, и работал он следователем при народном суде в Арктании.

Померанцев испытующе глянул на бледнолицего крестовика.

— Простите, почему вы никогда не снимаете очков?

— Не выношу солнечного света.

— Ах, да, у вас там аргон. Оттого у вас такое бледное лицо. Вы мне напоминаете какое-то опытное растение, лишенное хлорофильных зерен.

Золтан Шайно засопел и отложил книгу.

— Вы в каком возрасте переселились в подводный штаб?

— Пятнадцати лет. Но откуда вы взяли, что это штаб?

— Его так называет мальчик-курунга.

— Мальчик врет. Отец называет свое жилье обителью. У нас даже комнаты именуются кельями.

— Да? Вы знаете, я никак не пойму: как же все-таки ушел из штаба мальчик?

— Я тоже этого не знаю, — угрюмо сказал Золтан Шайно. — Вам лучше всего спросить об этом у него самого.

— Он говорит, что ушел общим выходом.

— Ушел через шлюзовую систему, минуя несколько камер с личным конвоем отца? Он фантазер!

— Разве система шлюзов так уж сложна? — осторожно спросил Померанцев.

Молодой Шайно прикусил нижнюю губу и замолчал. Потом сказал:

— Очень. И прекрасно охраняется. Передайте это всем, кто захочет проникнуть в колонию носителей креста. А те, кто выпустил мальчишку-индейца и его отца, уже сожжены кармонзитом. Это можете сообщить своему краснокожему выродку.

Померанцев внимательно глянул на своего подследственного, проверил, работает ли фонограф, и спросил:

— Да, хорошо, что напомнили. Откуда вы знаете язык курунга?

— Выучился.

— Как?

— От работавших на кесонных работах индейцев.

— И затем уже выучили этому языку других в колонии?

— Да.

— Значит, вы присутствовали при постройке штаба?

— Да.

- Шлюзовую систему выхода строил инженер Варенс?
- Да...
- Талантливый инженер. Как он погиб? Расскажите.
- Не помню. Это было давно.
- Кажется, он не ладаил с начальницей вашей разведки Лилиан? — спросил Померанцев.
- Он хотел уйти из колонии, — глухо ответил Золтан Шайно.
- Кто его судил?
- Не помню... Кажется, заочно.
- Как мальчик Юра Ветлугин попал в ваше убежище?
- Барон Курода подобрал его на льду. Мальчишку засыпало битым льдом и снегом почти рядом с автожиром. Ваши летчики сразу же наткнулись на того краснокожего и обрадовались. Так что, если рассуждать правильно, вашего мальчика спасли мы.
- А почему вы стали его искать?
- Странно... — Золтан Шайно презрительно скривил губы. — Неужели вы сами не догадываетесь?
- Нет, я обо всем отлично догадываюсь, — иронически поглядывая на крестовика, сказал Померанцев. — Пожалуйста, я вам могу сказать, почему вы стали искать Юру Ветлугина. От вас когда-то сбежал мальчик-индеец, который мог раскрыть местопребывание Петера Шайно. Вы его искали, но не нашли, так как он тотчас же погиб, как только выкарабкался на лед, и лед отнес его труп в открытый океан. Но вот однажды ваши радисты приняли радиокорреспонденцию о том, что другой мальчик погиб на 86-й параллели, что труп его, облаченный в какой-то странный скафандр, подобран противощтормовой экспедицией. Вы тотчас же догадались, что летчики ошиблись и приняли за Юру маленького курунга, удравшего от вас. Тут вмешался профессор Британов, и вам угрожало разоблачение. Был смысл поэтому порваться во льду, и живым или мертвым подобрать Юру. Его вы собирались выменять на Руму.
- Зачем вы мне все это говорите? — с раздражением спросил Золтан Шайно.

— Затем, чтобы вы, наконец, поняли, с кем имеете дело, — сказал Померанцев и добавил: — Так что вы свои шутки насчет спасения бароном Курода мальчика Юры оставьте раз и навсегда, тем более, что ваш выживший из ума барон оказался откровеннее вас и уже успел выболтать, что «мальчик арестован на льду воинами сына господня при попытке напасть на них с ножом в руках». Нам теперь ясна вся цепь злоключений Юры Ветлугина. Мальчик в обморочном состоянии был засыпан снегом, электродоха не дала ему замерзнуть, очнулся он и выбрался из своей временной ледяной могилы лишь после того, как дивизион подобрал Руму. Очевидно, Юра побрел по льду пешком, тут-то на него и накинута ваш японец. Обращался он с мальчиком, видимо, грубо, и Юра, наверное, прибегнул к ножу как к оружию самозащиты.

Следователь шагал по комнате и говорил, почти не обращая внимания на своего подследственного. Он словно рассуждал вслух. Золтан Шайно, не сгоняя со своего лица презрительного выражения, провожал его глазами из угла в угол.

Вдруг Померанцев остановился.

— Я совсем забыл спросить вас: сколько человек было в штабе крестовиков к моменту нападения на Советский союз?

— Не помню, — буркнул Шайно. — Мне тогда было пятнадцать лет.

Померанцев внимательно оглядел коротконогого человека с фарфоровой физиономией, сидевшего против него, будто только что заметил его:

— С какого возраста у вас плохо работает память?

— С пятнадцати лет, — сказал Шайно и усмехнулся. — С того момента, как я попал в подводную колонию. Это тоже от аргона. Прошу учесть смягчающее обстоятельство.

— И вы не помните даже, сколько людей живет сейчас под водой?

— Точно знает один отец. Но я полагаю, человек четыреста, не меньше.

— Рума перечислил всех — получилось тридцать два человека.

Шайно презрительно хмыкнул и пошел к окну.

— Вы у него обо всем и расспросили бы. Почему вы ко мне пристаёте с расспросами? Вы что, думаете, я не понимаю? — резко сказал он. — Против моего отца готовится карательная экспедиция, и вы хотите обо всем выведать у меня. Так знайте, что у отца и его людей хватит продуктов, чтобы продержаться еще десять лет, а нитроманниту и кармонзиту хватит, чтоб уложить всю вашу милицию, если вы ее пошлете против подводной колонии.

Золтан Шайно свирепо оттопырил губы и пошел по комнате, хватаясь за свои очки.

— Разве ваша подводная химическая лаборатория и сейчас вырабатывает кармонзит? — быстро спросил Померанцев. — Я слышал, что знаменитый химик Кармон убит начальницей вашей разведки Лилиан одновременно с Варенсом.

— Чепуха! — крикнул Шайно. — Не утешайте себя. Кармон еще жив!

— Он также проводит все свое время в посте и молитве?

Шайно остановился и недоуменно поглядел на следователя:

— Что такое? Откуда вы это взяли?

— Это я цитирую барона Куроду, — невозмутимо сказал Померанцев. — Барон вчера вел переговоры с Чрезвычайной арктической комиссией о вашем освобождении. При этом он утверждал, что ваш отец и весь его штаб проводят время в постоянном посте и молитве.

Золтан Шайно ухмыльнулся:

— Раз барон это утверждает, — значит, это так и есть...

«Степан Никитич Антрейчик и мальчик Рума уехали далеко, но полагают, не надолго»

Профессор Ливен во главе специальной геофизической экспедиции, в состав которой вошли работники строитель-

Впереди экспедиции Ливена пошли в качестве разведчиков опытные полярники
Ветлугин и Свенсон.

ства гибралтарской гидроэлектростанции, Силера и другие, а также супруги Ветлугины, Эрик Свенсон и механик станции «Северный полюс» Хьюз, тайком пробрался к острову Брусилова (соседнему с островом Седова). На этом островке были заброшенные шахты некогда работавших рудников. Вот из этих-то шахт и решил Ливен послать вглубь земли свой радиевый снаряд «Тератом», который должен был поднять дно пролива, где засел со своим штабом Шайно и где томился в качестве заложника Юра Ветлугин.

Впереди экспедиции Ливена пошли в качестве разведчиков опытные полярники Ветлугин и Свенсон.

С тех пор как из гостиницы «Скандинавия» уехали Ливен, Силера, Эрик Свенсон, Хьюз и Ирина Ветлугина с мужем, прошло десять дней. Асю мать увезла куда-то к себе на родину, в Чернигов. И только дед Андрейчик и Рума продолжали жить в той же гостинице и в том же номере.

Старик часто отлучался из дому. Он каждый день бегал по каким-то своим таинственным делам и приводил в номер молодых техников, вместе с которыми часами копошился над левыми рукавами двух Водоходов, разложенных по всей комнате в разобранном виде. Молодые техники приспособливали их для каких-то иных функций.

Наведывался дед Андрейчик и к председателю Чрезвычайной комиссии, и к следователю Померанцеву.

— Как вы думаете, за что крестовики убили строителя подводного штаба Варенса? — спросил он однажды Померанцева, когда тот познакомил его с показаниями Золтана Шайно.

— Не знаю, — ответил следователь. — У меня такое впечатление, что мой подследственный вряд ли и сам знает, что у них там произошло.

— А я знаю...

Померанцев недоверчиво поглядел на старика:

— Интересно... Скажите.

— Извольте. Рума ушел от крестовиков через тайный шлюзовой ход, в котором, по словам его отца, Маро, обита-ла какая-то таинственная женщина. Маро знал ее имя, но ни

он, ни Рума в секретной комнате никогда эту женщину не видели, хотя и умели проникать в шлюз, чего не умели прочие крестовики.

— Да, я это знаю со слов Румы, — сказал Померанцев.

— Имя женщины...

— Лилиан. Мальчик слышал это имя от отца. Вы правы, Степан Никитич.

— Так, — дед Андрейчик прищурил один глаз и продолжал с видом фокусника, разъясняющего секрет своего искусства: — Теперь слушайте дальше. Варенс, когда строил штаб, по особому заказу Лилиан сделал один тайный выход специально для атаманши апостольских шпионов на тот случай, если дела у апостола совсем испортятся, чтобы красивая немка могла, бросив апостола и всех своих сообщников, вовремя удрать из штаба. Индейцы и техники, которые строили штаб, были убиты. Вы это знаете. Те индейцы, которых оставили в живых, ничего не знали о тайной лазейке. После смерти Варенса оставался, следовательно, один-единственный человек, который знал об этом секретном ходе, — красивая немка Лилиан. Но как ни хитра Лилиан, все же она промахнулась, оставив в живых одного индейца, отлично знакомого с устройством тайного хода, и притом самого смышленного из всего племени. Факт. Я в этом уверен.

— Вы имеете в виду отца Румы, Маро? — спросил Померанцев.

— Да, его.

— Я спрашивал мальчика через Грасиас, но он ничего не говорил мне о взаимоотношениях Варенса и Лилиан.

Дед Андрейчик расхохотался:

— Ну еще бы! Откуда ему знать обо всех фортелях «апостольской» разведки? Относительно Варенса — это так... плоды моих собственных размышлений. Тот, кто хорошо помнит мастера высшего класса провокации, красивую немку Лилиан, тот знает, как умеет маскироваться и на что способна эта обольстительная дама.

— Возможно, что вы и правы. Но... не во всем, — сказал Померанцев. — Да, кстати. Я собрался завтра еще раз побе-

седовать с вашим приемышем. Можно к вам зайти часов в пятнадцать?

— Нет.

Померанцев удивленно глянул на старика.

— Почему?

— Завтра мы с Румой будем далеко отсюда.

— Как?!

— Так...

— Значит, вы все-таки получили разрешение Чрезвычайной комиссии на эту свою экспедицию?

— Получил. А вы откуда о ней знаете, товарищ Померанцев?

— Да вы же при мне с председателем беседовали.

— А-а!

Дед Андрейчик пошевелил усами, помолчал и стал собираться.

— И сколько людей идет с вами? — спросилследователь.

— Нас будут провожать человек сорок, но до конца пойдет со мной один Рума.

— Почему один Рума?

— Это — очень рискованное дело. Мы с Румой его придумали, и мы вдвоем только и имеем право рисковать собой. А кроме того... там, где пройдут два человека, там не пройдут четыре. Понятно?

— Понятно.

Следователь уже с явным уважением смотрел на старика:

— Ну что ж, желаю вам успеха...

— Благодарю.

— Передайте привет красивой немке Лилиан.

— Незамедлительно.

— При первом же знакомстве с ней вас, Степан Никитич, ждет большой сюрприз.

— Факт. И не один. Я в этом не сомневаюсь.

— Но об одном сюрпризе вы все-таки не догадываетесь.

— И не берусь догадываться.

— Вы меня перещеголяли в своей догадке насчет смерти Варенса, а я вас перегнал по части личности самой красивой немки, — загадочно улыбаясь, сказал Померанцев.

Старик внимательно взглянул на белокурого следователя:

— Если эти данные могут способствовать моей экспедиции...

— Очень мало, — сказал Померанцев. — Но я вам все же скажу. Вы знаете, кто такая красивая немка Лилиан?..

— Знаю. Квалифицированная шпионка, стоявшая во главе апостольской разведки.

Померанцев расхохотался. Он поманил к себе пальцем деда Андрейчика:

— Красивая немка Лилиан...

Следователь наклонился к уху старика и, шурясь от удовольствия, прошептал несколько слов. Дед Андрейчик вытаращил глаза от изумления и с минуту смотрел на следователя недоверчиво:

— Шутите, молодой человек?

— Честное слово...

— От кого вы это узнали?

— А это, видите ли, — Померанцев улыбнулся, — это тоже... плоды собственных размышлений.

— Так вы думаете, что красивая немка Лилиан...Ха-ха-ха!.. Вот это здорово!

Дед Андрейчик хохотал, похлопывая себя по белрам, приседая и всхлипывая от восторга. Наконец, успокоился и сказал серьезно:

— Я это проверю. Если окажется, что вы правы, я буду считать вас очень сообразительным юношей. Хотите?

— Очень хочу! — с жаром сказал Померанцев.

Они пожали друг другу руки и разошлись.

Целую ночь после этой беседы дед Андрейчик обучал вместе с молодыми техниками Руму, как управлять ска-

фандром-Водоходом. Утром старик и мальчик исчезли из гостиницы. Местному корреспонденту радиогазеты «Юманите», который явился утром раньше всех своих коллег, чтобы разузнать от деда Андрейчика, не слышно ли чего нового о Юре, сообщили:

«Степан Никитич Андрейчик с мальчиком Румой просили отвечать всем, кто их будет спрашивать, что они уехали далеко, но полагают, не надолго....»

Манометр показывает давление в 30 атмосфер

Занесенный снегом и вечным льдом, маленький остров Брусилова сиротливо стоял в серой каше берегового припая. Пасмурный безветренный день и тишина делали крохотный островок еще более сиротливым и хмурым. Тихо было в воздухе над островом, тихо и сумрачно было в воде у его берегов. Вода подле острова Брусилова была покрыта тяжелой корой битого и рыхлого льда.

На дне Ледовитого океана, в четырех километрах от острова Седова, у берегов маленького, соседнего с ним острова Брусилова, было абсолютно темно. Дневной свет терялся где-то вверху, на глубине ста метров, а здесь, на самом дне, на многие десятки метров вглубь и вширь стояла непроницаемая тьма. И, тем не менее, в этот день по дну моря, на глубине в 300 метров, мимо подводных скал острова Брусилова пробирались люди. Они не видели друг друга, они только знали, что их пятьдесят человек, что идут они вперед сквозь холодную коричневую мглу, все время вперед.

Малейший звук в воде отдается десятикратным грохотом, но высокие металлические подошвы их скафандров были защищены толстыми каучуковыми пластинами — и шаги могучих Водоходов глухли тут же, в песчаном грунте. Люди осторожно обходили последнюю скалу, ставшую на их пути у острова Брусилова.

Во главе отряда шли трое. Огромные скафандры этих

троих были связаны прочным тросом-кабелем, который был для них и телефонным проводом.

Внезапно кабель-трос обмяк и упал на дно: три передовых подводных путешественника стали сходиться. На миг из трубчатой руки одного скафандра брызнул сиреневый луч, осветил вместе с серой мутью, поднятой в воде, какую-то полуслепую рыбешку, и остановился на огромном металлическом шлеме. В иллюминаторе шлема неверно обрисовалось темное лицо Румы; усталое и сонное, в сиреновом свете аргона оно казалось лицом мертвеца. Затем луч погас, и Рума услышал чуть приглушенный телефоном голос деда Андрейчика:

— Ну как, парень? Идешь?

Рума шевельнул плечами в своей броне, обвел глазами тьму, обступившую его со всех сторон, и сказал, по своему обыкновению, в два слога:

— И-дешь...

Затем луч скользнул в сторону и осветил лицо другого человека в иллюминаторе Водохода. У человека были строго сдвинуты брови, он смотрел перед собой, не моргая; казалось, человек этот силится услышать далекий шум. Это был второй спутник деда Андрейчика, который вместе с ним и Румой шел впереди подводного отряда. Он прислушивался к голосу деда Андрейчика, глухо резонировавшему в его огромном шлеме.

— Через десять минут я отцеплю твой кабель, Валь, и мы с Румой дальше пойдем одни, — говорил дед Андрейчик. — Ты меня слышишь, Валь?

— Слышу, — сказал Валь, глядя немигающими глазами в сиреневый пучок света.

Затем между двумя подводниками произошел следующий разговор:

— Сигнал я тебе подам только в случае серьезной опасности. Понятно?

— Да.

— До того — никаких сигналов: ни вы мне, ни я вам.

— Да.

— Эта часть дна тебе знакома?

— Да.

— Своим радиокompасом я приведу тебя и твоих людей к себе, если понадобится.

— Хорошо.

— Нитроманнитом пользуйтесь только в крайнем случае. Лучше обойтись без взрывов.

— Да.

— Пошли...

Луч погас. Подводные путешественники вновь двинулись вперед, и кабель вновь натянулся. Тотчас же, как только шевельнулись автоматические ноги Водохода, над головой у Румы, в просторной коробке его шлема, тонкоголосой кукушкой закуковал радиокompас:

— Ку-ку!.. Ку-ку!.. Ку-ку!..

Компас куковал размеренно, однотонно; автоматичностью своих сигналов он напоминал стук маятника, но Рума с удовольствием прислушивался к этим шорохам оставленного им мира, далекого и такого же интересного, как рассказы отца Маро о лесах Боливии. Стоило только ему направить Водоход на несколько метров в сторону: влево или вправо — и кукование подводного радиокompаса замирало. Это означало, что он уклоняется от правильного пути.

О Руме нельзя было сказать, что он устал от ходьбы, ибо шел не он, а тот непроницаемый автомат, в котором он был заключен. И, тем не менее, Рума устал от ходьбы. Уже около пяти часов мальчик шел вместе со своим Водоходом. Ничто не стесняло его в этом металлическом человеке, защищающем тело от тысячетонного давления, электролизующий воду аппарат исправно обогащал воздух внутри скафандра кислородом, но постоянная ритмическая встряска утомляла и усыпляла Руму. Все чаще стал затихать голос радиокукушки, и Рума не замечал этого. Просыпался он от тонкого телефонного окрика:

— Кабель порвешь! Рума! Никак, заснул?!

Рума не понимал всех слов деда Андрейчика, но сразу соображал, в чем дело, и ступнями ног энергично вывора-

чивал ходовые рули Водохода. Радиокукушка начинала вновь куковать, и вновь шагал в коричневой мгле вперед большой стальной человек с маленьким смуглым дикарем внутри.

Наконец, Рума услышал шюпот у себя над ухом:

— Стоп... Тш-ш-ш...

Радиокомпас умолк.

Несколько секунд оба стояли неподвижно, окутанные серой мутью, слабо различая друг друга. По-видимому, море над ними очистилось ото льда, а небо — от облаков, потому что муть вокруг из коричневой превратилась в белесую.

— Здесь мы вас оставим, Валь, — сказал дед Андрейчик, и тотчас кабель, соединяющий его скафандр с Водоходом третьего передового, упал на дно.

— Рума! Близко... Хижина... Апостола... — услышал Рума голос деда Андрейчика.

Эти слова сразу прогнали всю сонливость маленького курунга.

— Хи-жина... Апо-стол... — шепотом повторил он, глядяваясь в темную громаду базальтовой скалы, смутно видневшуюся впереди.

— Ход... — тихо произнес дед Андрейчик у Румы над ухом. — Где ход?.. Где Аранга?..

— Аран-га... — так же тихо повторил Рума.

С минуту мальчик напряженно глядывался сквозь иллюминатор в темную стену, смутно маячившую перед ним. Затем Водоход решительно двинулся вперед.

Он шел, чуть дотрагиваясь металлической клешней до бородавчатой, скользкой от серых мхов стены, вставшей над его головой. Мальчику очень хотелось пустить впереди себя сильный луч аргонового рефлектора, но он вовремя вспомнил, что ему категорически запрещено зажигать свет здесь, у самой подводной крепости крестовиков.

Несколько раз дотронувшись клешней до какого-то большого бугристого камня и обойдя его вокруг раза три, Рума уже уверенней повел Водоход вперед. Дед Андрейчик

двинул свой скафандр вслед за ним. Так они шагали несколько минут. Наконец, старик заметил, как окружавшая его серая муть потемнела, расплывчатая громада скалы нависла над головой: они входили в подводный грот. Дед Андрейчик пошел в темноте наугад, время от времени окликав Руму по телефону. Оба Водохода шли с самой минимальной скоростью.

В просторном шлеме Водохода перед глазами у деда Андрейчика прикреплены были часы и компас, но старик не хотел зажигать свет, чтобы узнать, сколько времени они шли внутри скалы. Грот, по-видимому, превратился уже в подводный туннель. Внезапно он услышал голос Румы:

— Хо-ди... верх... но-га... верх...

«Лестница, ступеньки», — сразу сообразил старик и осторожно пошарил внизу стальной ногой Водохода. Нога стукнулась о камень. Тогда он согнул в полую стальную ногу скафандра свою собственную ногу, упер коленом в укорачивающий рычаг — стальная нога Водохода укоротилась и ступила на ступеньку. То же проделала другая нога. Водоход медленно поднимался по невидимой лестнице, как некая подводная Статуя Каменного гостя. Тьма окружала его со всех сторон.

— Ходи-ла?.. — услышал дед Андрейчик осторожный вопрос Румы.

— Ходила, ходила,— весело ответил старик и в тот же миг заметил вдали и вверх небольшое светлое сиреневое пятно, будто где-то там, в конце лестницы, брезжил хилый пучок света. Дед Андрейчик взгляделся в пятно.

— Там... — сказал Рума.

Да, там, впереди, был свет. Теперь старик ясно видел грандиозные очертания поднимающегося впереди по ступенькам Водохода Румы. Свет все усиливался. Дед Андрейчик уже различал грубо отесанные ступени и корявые базальтовые своды туннеля, покрытые коричневым мхом и полипами. Но откуда исходил свет, понять он не мог.

Едва передвигая трубоподобные ноги, то укорачивая, то выдвигая их, осторожно всходили по лестнице два стальных

гиганта, окруженные плотной массой зеленоватой воды. Так они дошли до бокового хода, из которого вырывался яркий сиреневый сноп света. Передний Водоход остановился и поднял свою руку, похожую на дуло гаубицы. Из руки выдвинулась короткая труба с мушкой на конце. Второй Водоход тоже грозно выставил свою левую руку, внезапно превратившуюся в пулемет. Так они стояли в трех шагах от бокового входа минуты две и вдруг разом рванулись вперед.

Несомненно, это была комната, комната-бассейн, доверху наполненная светом и до половины — водой. Несколько гранитных ступенек вело наверх, к узкой стальной площадке, сооруженной перед входной дверью этой комнаты, на уровне воды. Даже со дна бассейна было видно, что она необычайно массивна, и сделана, по-видимому, из толстых листов стали, так же как и стены этой странной комнаты. Рума, как только ввел свой Водоход в бассейн, тотчас же направил указующим жестом свою руку-пулемет прямо в дверь над площадкой. Дед Андрейчик с минуту подождал, огляделся вокруг и только тогда повел свой Водоход по ступенькам к площадке. За ним двинулся Рума.

— Стой... — сказал старик, когда они вышли из воды и ступили на площадку.

Он кивнул в своем иллюминаторе на дверь:

— Смотри...

— Смо-три... — повторил Рума и зверски вытаращил глаза на дверь.

— Кто войдет, стреляй.

— Вой-дет... Стре-ляй... — тяжело дохнув, сказал мальчик.

Дед Андрейчик направил свой Водоход к манометру, висевшему на стальной стене.

— Ого! — тихо сказал он и с уважением взглянул на круглый бесстрастный лик прибора. — Давление в тридцать атмосфер! Факт любопытный. Значит, мы на глубине в триста метров. Отлично, отлично.

— Рума! — окликнул старик мальчика по телефону. — Можешь опустить пулемет. В эту спрессованную атмосферу

вряд ли кто сунется. Руку!.. — сказал он, видя, что Рума его не понимает.

Мальчик отвел дуло с мушкой от двери.

Водоход деда Андрейчика сделал поворот. Старик, вертя головой в своем скафандре, озирался, как человек, всю жизнь проработавший в машинном отделении старинного парохода и вдруг внезапно попавший в моторное отделение новенького электрохода. Значит, вот эта стальная комната и есть секретный шлюз? Какие-то рычаги, манометр, стальные стены, стальные потолок и площадка. И все? Маловато! Оставалось предположить, что все движущие механизмы этого секретного шлюза находились по ту сторону стен, здесь же было только самое необходимое: манометр, рычаги, толстые осветительные трубки в потолке, да вот эта, несомненно, подвижная площадка. Но как же все-таки пробраться, пользуясь этой секретной лазейкой, в «штаб-храм» Шайно? Вряд ли эта толстенная дверь откроется, если по ту сторону шлюза давление нормальное. Да и выйти из скафандра нельзя, пока давление не будет понижено. Высокое давление удерживает воду на уровне площадки и не дает ей залить весь этот шлюз до потолка. Но смерть от удушья ждет того, кто хоть на несколько секунд подвергнется такому давлению без скафандра.

Рума внимательно наблюдал сквозь свой иллюминатор за дедом Андрейчиком. Он видел беспокойные взгляды старика и, наконец, понял, чего хочет его спутник. Рума тотчас же вспомнил, что нужно сделать для того, чтобы эта комната выпустила человека, и что сделать, чтобы она его впустила. Об этом долго, очень долго говорил ему отец Маро перед тем, как уйти от людей племени Апо-стол.

Он сам, Рума, ушел через эту комнату, когда отец Маро не вернулся. Тогда он долго подглядывал за сыном Апо-стол — Золтаном — и, наконец, утащил у него тяжелую одежду. Отец сказал, что без тяжелой одежды в эту комнату нельзя входить: можно умереть, — и он, Рума, утащил тяжелую одежду. Это была другая одежда, не такая, как сейчас на нем; та одежда сама не ходила, он, Рума, ее едва

надел. Если бы раньше отец не сказал ему, как надевать тяжелую одежду, он сам не догадался бы. Он, Рума, ушел через эту самую комнату, и он знает все, что здесь надо делать...

Мальчик повел свой Водоход к стене, из которой торчали растопыренные пальцы пяти рычагов, захватил левой клешней крайний рычаг и откинул его вверх. Площадка, на которой стояли оба Водохода, поехала вместе с ними, выдвигаясь из стены. Через несколько секунд вместо бассейна, из которого они вышли, появился сплошной стальной пол.

— Факт замечательный, — сказал дед Андрейчик.

Он был в восторге: просто и остроумно. Теперь, герметически закованная в стальную броню, вода не ворвется сюда, в эту комнату, если здесь понизить давление. Конечно, это была кажущаяся простота: где-то там, за стеной, очевидно, скрывались замаскированные сложные механизмы, — но принцип сам по себе превосходен. Покойник Варенс был не только прекрасным подводным строителем, но и талантливым механиком. Если бы Варенс знал, что главарь крестовиков убьет его, единственного человека, знавшего о секретном шлюзе, вряд ли он построил бы этот тайный ход.

Размышления деда Андрейчика прервал Рума.

— Оди-на,— сказал мальчик и, захватил клешней другой рычаг, чуть перевел его вверх.— Два... оди-на...

Стальной потолок отполз вверх и замер на месте. Старик взглянул на манометр и только свистнул: стрелка показывала давление в 20 атмосфер.

Дед Андрейчик никогда не поверил бы, если бы ему раньше сказали, что он попадет в комнату, в которой потолок будет сжимать и разрезать воздух, словно поршень в обыкновенном цилиндре. Но это было так. Приходилось верить. Старик с интересом посмотрел на Руму: понимает ли он, какие чудеса творит в эту минуту?.. Лицо у маленького индейца, отчетливо видимое сквозь иллюминатор, было потным и озабоченным. Чуть высунув кончик языка и пере-

косив глаза, он старательно переводил рычаг с одного деления на другое, соблюдая, очевидно, до мельчайших подробностей инструкцию своего отца.

«Нет, не понимает. И отец его не понимал. Индеец Маро подглядел, очевидно, как во время пробы манипулировал рычагом Варенс, а сюда пошел, даже не представляя себе всего риска, которому подвергался...»

Рума отпустил рычаг, поднимающий потолок.

Манометр показывал нормальное давление. Дед Андрейчик быстрым движением открыл у себя над головой в шлеме теменной клапан. Случайно взглянул он на дверь и как будто застыл: массивная тяжелая плита двери медленным, угрожающим движением уползала в стальную стену, приоткрывая вход в смежную комнату.

Бой у стальной камеры

В комнате было почти темно. Лишь тонкая колбочка с горящим синеватым газом освещала угловатую мебель. На постели, прикрытый простыней, спал человек. Простыня казалась синей от цветного освещения. Космы седых волос, крючковатый нос, вызывающе выброшенный вперед пук бороды делали лицо спящего похожим на отвратительные и наивные изображения князя тьмы на картинах Дюрера.

Резкий звонок и яркий сиреневый свет ворвались в комнату мгновенно и одновременно. Косматый старик вскочил и взмахнул рукой, как фокусник. В его руке появился револьвер. В ярко освещенной двери стальной шлюзовой камеры, внезапно оказавшейся частью стены этой комнаты, стояли два металлических чудовища. Левые руки их были указующим жестом направлены на косматого старика.

— Спокойно, — сипловатым, чуть приглушенным голосом деда Андрейчика сказал по-немецки один из стальных великанов. — Положи револьвер: он бесполезен. Не вздумай бежать...

Косматый старик недоверчиво взглянул на левые руки Водоходов, направленные на него: пулеметные дула смотрели из стальных рукавов недвусмысленно и грозно.

Косматый старик, не сводя глаз с неожиданных гостей, медленно отложил револьвер.

— Кто вы такие? — тихо спросил он.

— Это несущественно, — сказал дед Андрейчик. — Кто бы я ни был, я ликвидирую тебя на месте, если ты вздумаешь бежать, позвать на помощь и вообще...

— Что вам нужно? — спросил старик.

— Кому поручена охрана мальчика?

— Ворсу.

— Включи микрофон и прикажи Ворсу немедленно привести мальчика сюда.

Старик пошарил ногами, надел туфли и сказал небрежно:

— Разрешите надеть пенсне.

— Нет! — резко сказал дед Андрейчик.

— Но я ничего не вижу.

— Найдешь ошупью...

Косматый крестовик пожал плечами и пошел к микрофону, стоявшему на кабинетном столе.

— Стоп! — приказал дед Андрейчик. — Запомни! Приказать нужно: немедленно привести мальчика — и больше ничего. Ворсу запрети входить сюда. Пусть доведет мальчика только до двери. Понятно?

— Понятно.

— Помни, — угрожающе сказал дед Андрейчик, — возьмут нас твои друзья или нет, но тебя в живых не будет, если хоть одно лишнее слово или какую-нибудь кнопку...

Старик презрительно скривил губы:

— Я не так глуп, как вы воображаете.

— Я в этом уверен. Говори только по-русски, по-английски, по-немецки.

Движением, переключающим шахматные часы, старик включил настольный радиодфон, затем набрал на диске какую-то цифру. Спустя несколько секунд в репродукторе кто-то завыл, зевая, засопел и опять зевнул.

— Ворс!

Старый крестовик оглянулся на своих бронированных караульных и спросил по-немецки:

— Ты меня слышишь?

— Так точно, ваша святость, — прохрипел невидимый Ворс.

— Что делает мальчик?

— Я полагаю, спит, ваша святость.

— Приведи его ко мне, Ворс... Мне нужно его кое о чем расспросить.

— Слушаюсь, ваша святость.

— Постой, Ворс...

Крестовик еще раз оглянулся.

— Ты, Ворс, это... когда приведешь мальчика... останься за дверью.

— Слушаю, ваша святость...

— Пусть мальчик войдет один.

— ... микрофон... — зашипел дед Андрейчик.

Косматый старик выключил микрофон.

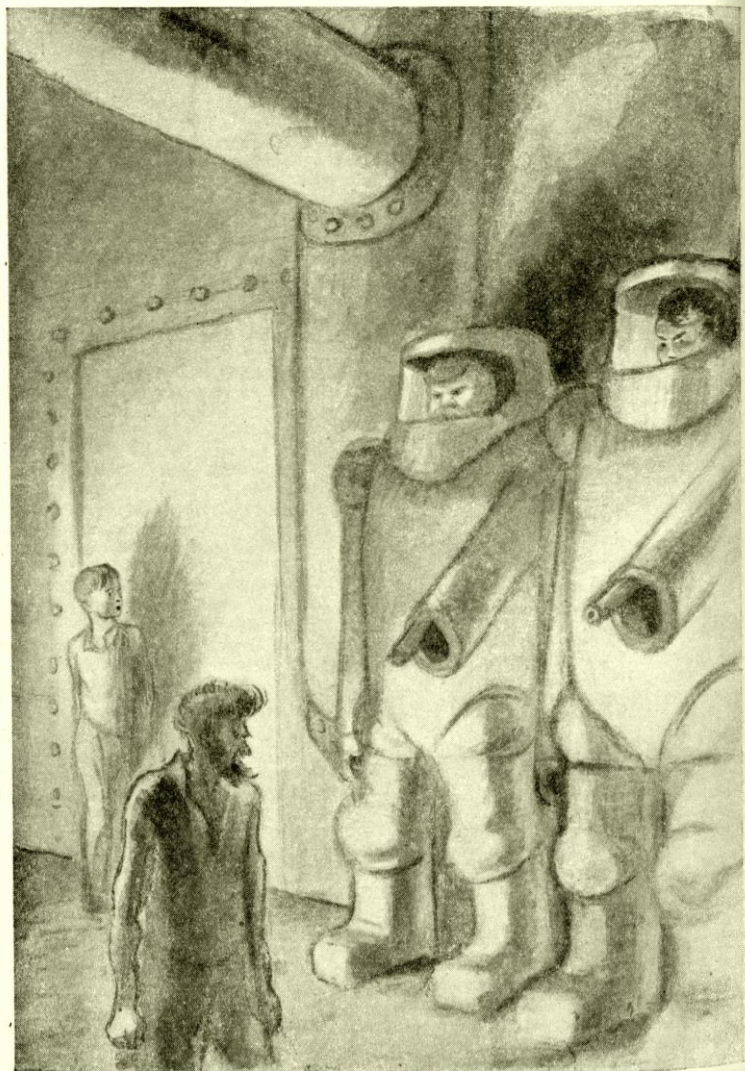
Дед Андрейчик отбросил иллюминатор и внимательно взгляделся в мертвенно-серое лицо старого крестовика. Так вот она какая, «красивая немка Лилиан», обольстительная архиепископесса апостольской разведки. Следовательно Померанцев не ошибся. Каким нужно быть ловким авантюристом, чтобы морочить весь мир, создавая вокруг своей разведки ореол тайны и поддерживая легенду о «красивой немке»! В бородатой «Лилиан» дед Андрейчик по старым портретам признал самого вождя крестовиков, бывшего унтера и бывшего «апостола» Петра Шайно.

«Красавица неважная, — думал дед Андрейчик, разглядывая заспанного, лохматого старикашку. — Но мерзавец высшего сорта. Факт».

Шайно не любил, видимо, когда его разглядывали в упор; он двинул плечом и сказал деланно беспечным тоном:

— Ну вот, как будто все в порядке...

Ответа не последовало.

Юра заметил, что из иллюминатора выглядывает человек.

Молчание тяготило старого авантюриста. Он подтянул кальсоны, переступил с ноги на ногу и осторожно спросил:

— Вас интересует только мальчик?

— Пока да...— не сводя с него глаз, ответил дед Андрейчик.

Рума тоже отбросил свой иллюминатор, и не отрывал сумасшедших от ненависти глаз от щуплой фигурки своего кровного врага.

Шайно молчал; видимо, он над чем-то размышлял. Наконец, он заговорил, пощипывая бородавку:

— Я не знаю, кто вы. Но это неважно. Раз вы сюда проникли, я должен пойти на компромисс. Я предлагаю: давайте разойдемся по-деловому. Я даю вам третий скафандр для мальчика. Вы оставляете меня в покое и уходите так же, как и пришли. Через 24 часа вы можете этим же ходом привести своих людей, но не раньше. Я должен уйти отсюда. Даю слово, что я уйду один: судьба остальных меня не интересует.

Дед Андрейчик с интересом разглядывал старого предателя.

— Узнаю архиепископа епархии «Святого духа» и апостола Лиги военизированного христианства, — криво усмехаясь, сказал он.— Факт.

Шайно с беспокойством упер в него подслеповатые глаза:

— Вы меня знаете?

Дед Андрейчик засопел и сказал сухим, потрескивающим голосом:

— Да, я знаю тебя. Ты Шайно!

Крестовик нетерпеливо повел плечом.

— Оставим это. Сейчас здесь будет мальчик. Я даю третий Выход, вы мне — 24 часа на эвакуацию.

— Нам хватит двух скафандров. А с тобой я поступлю так, как поступил бы на моем месте всякий коммунист и старый радист Мурманского порта, — резко сказал дед Андрейчик.

— Например?— тревожно спросил крестовик.

— Унтер Шайно! Отставить разговоры! Стоять смирно!
— крикнул дед Андрейчик.

За дверью послышались шаги.

Дед Андрейчик кивнул Руме:

— В сторону... Рума... стань к стене...

— Кх... сте-не... — угрюмо сказал Рума и отвел свой Во-
доход в сторону.

Шаги затихли. Кто-то негромко стукнул в дверь.

— Говори!.. — шепотом приказал крестовику дед Ан-
дрейчик.

— Это ты, Ворс? — неестественно громко спросил
Шайно.

Дед Андрейчик шевельнул рукой-пулеметом.

— Так точно, ваша святость. Вы изволили приказать...—
раздалось за дверью.

— Пусть мальчик войдет! — крикнул Шайно.

Дверь чуть вползла в стену, и в комнату вошел худой,
бледный мальчик. В нем трудно было узнать краснощекого,
вихрастого, неусидчивого пилота «Полярного жука». Юра
будто состарился и превратился в одного из тех мальчиков-
старичков, которых так часто рисовали художники капита-
листических стран в эпоху апостола Шайно. Усталым, не-
дружелюбным взглядом он обвел комнату и остановил глаза
на двух стальных гигантах. Оба стояли неподвижно и ука-
зывали толстыми круглыми ручищами с коротким дулом-
пальцем на каждой на заспанного «апостола» крестовиков,
стоявшего в одном белье у кабинетного стола.

Юра широко открыл глаза...

— Ворс! — сказал Шайно.

Дед Андрейчик прищурился и при помощи маленького
ромбического перископического прибора, прикрепленного у
него над иллюминатором, навел дуло своего пулемета пря-
мо в рот авантюристу.

— Ты... можешь идти, Ворс,— внезапно осипшим голо-
сом сказал Шайно.

— Дверь...— зашипел дед Андрейчик.

Шайно протянул руку к стене, и дверь поползла в стену.

— Рума! — позвал дед Андрейчик.

Юра вздрогнул и испуганно глянул на стального великана; только теперь он заметил, что из иллюминатора выглядывает человек.

— Смотри...— сказал дед Андрейчик.

— Смо-три...— мрачно повторил Рума и, сделав неуклюжий шаг, навел свой пулемет в грудь лохматому крестовику.

— Дедушка! — крикнул Юра и бросился к Водоходу.

Из иллюминатора смотрели на него подернутые слезой знакомые голубые глаза. Дед Андрейчик шевелил своими шевченковскими усами и громко кряхтел, чтобы окончательно не расплакаться.

— Ну, ну... ты это... тово...— бормотал он.— Сейчас надо уходить...

— Дедушка! — Юра привстал на носки, взглядывая в иллюминатор.— Он жив?

Дед Андрейчик настороженно глянул на внука:

— Кто?

— Амундсен. Я нашел его. Рука во льду... черная... Разве его не подобрали? — быстро заговорил Юра, хватаясь за иллюминатор.

Старик улыбнулся:

— Того, кого ты нашел, мы подобрали. Оживили. Все в порядке.

— Где он теперь? — свистящим шепотом произнес Юра.

— Вот он...

Дед Андрейчик кивнул на своего стального спутника. Юра обернулся и неуверенно сделал шаг к Водоходу Румы.

Маленький курунга не сводил глаз с крестовика. Уже несколько раз Руме казалось, что пора стрелять, что явно подозрительны движения этого ненавистного косматого старика, который когда-то бил по лицу его и отца Маро и кричал на всех противным, визгливым голосом. Но вдруг перед иллюминатором Румы появилось бледное лицо. Чуть приоткрыв рот и широко раскрыв изумленные глаза, Юра разглядывал суровую мордашку незнакомого мальчика.

Дед Андрейчик, прикрыв смеющиеся лукавые глаза густыми бровями, с интересом наблюдал за обоими мальчиками. О косматом крестовике на минуту забыли все трое. Юра стоял спиной к нему, загораживая Шайно от Румы. Вдруг Юра почувствовал, как кто-то сильно схватил его за плечи и поволол назад. Шайно, пригнувшись и прикрываясь Юрой, волол мальчика к двери.

— Ни с места! — заревел дед Андрейчик.

Но крестовик был уже подле двери. Не успел дед Андрейчик навести на него свою левую руку, как Юра вдруг отлетел в сторону, дверь раздвинулась, и Шайно метнулся в коридор.

— Стой! — крикнул дед Андрейчик и бросил могучим прыжком свой Водоход к двери.

Раздался глухой удар: дверь стукнула по бронированной руке скафандра и отпрыгнула назад. Стальной гигант вывалился в полутемный коридор, похожий на туннель метро, и остановился; где-то за поворотом, справа, замирал топот убегающих ног.

Дед Андрейчик направил скафандр вдоль коридора вслед за беглецом, но, сделав несколько шагов, остановился: погоня была бесполезна, вряд ли он догнал бы Шайно, но заблудился бы в этом подводном лабиринте наверняка.

— Назад! — крикнул он Руме, который тоже вывел свой Водоход в туннель. — В люк! Аранга! Юра, беги за ним!..

Через несколько секунд все трое уже были в стальной шлюзовой камере.

— Рума! Голову! — скомандовал дед Андрейчик. — Голову!

— Голо-ву! — крикнул Рума, и шлем его со звоном откинулся назад, словно крышка огромной чернильницы.

— Юра! Полезай внутрь! Становись позади него! — приказал старик. — Живо!

Юра мгновенно вскарабкался на плечи стальному гиганту и влез в его объемистое нутро; для двух мальчиков места в просторном скафандре вполне хватило.

— Закрывай! — крикнул дед Андрейчик и прислушался: за

стеной, в туннеле, неистово выла сирена, выла пронзительно, не умолкая, приглушая топот многих ног в далеких переходах туннеля-коридора. Умолкла сирена внезапно, и тотчас же снаружи загрохотал удесятенный усилителем голос.

— Противник в четвертом повороте! В первом секторе, келья двадцать четвертая! Личный конвой его святости, наверх! Мортирщики, к третьему и пятому поворотам!..— кричал кто-то по-немецки.

Дед Андрейчик шагнул к рычагам в стене, и только тут обратил внимание, что рычаги все опущены вниз. Уходя, они с Румой оставили их поднятыми кверху. Теперь, для того чтобы закрыть шлюзовую камеру, повысить давление и открыть пол, нужно было опустить рычаги, но они, оказывается, уже опущены. Все еще не доверяя себе, старик захватил правой клешней крайний рычаг и поднял его: рычаг свободно пошел вверх, но тотчас же безжизненно упал, как только дед Андрейчик его отпустил. То же произошло и с другими рычагами.

Рума испуганно наблюдал за порывистыми движениями Водохода деда Анпрейчика. Удивленное лицо Юры выглядывало из-за его плеча.

— Гадина! Выключил ток...

Дед Андрейчик растерянно смотрел на повисшие рычаги.

Простой и четкий план набега на подводный штаб был нарушен. Уверенный в том, что даже после побега Румы и после его оживления профессором Британовым, Шайно (он же «красивая немка Лилиан») не открыл тайны стального шлюза остальным крестовикам, дед Андрейчик решил: после того как они с Румой проберутся в секретную комнату «апостола», отбить у крестовиков Юру и уйти тем же ходом, забросав своих врагов гранатами со снотворным газом — чанзитом. Газ этот только недавно стал применяться при хирургических операциях, и дед Андрейчик был уверен, что противогазов от чанзита в штабе Шайно нет. Остальное должна была довершить экспелиция Ливена, которая уже

проникла в заброшенные штольни острова Брусилова. Главное было вырвать Юру из рук крестовиков, не дать им выместить свою злобу на беззащитном мальчике в момент штурма подводного штаба сверху и отрядом Валя через тайный ход Шайно.

Первая часть набега на штаб удалась блестяще. Дед Андрейчик даже не ожидал, что он в соседней с шлюзом комнате столкнется с Шайно и что ему удастся так легко, без боя, освободить внука, но теперь путь к секретному туннелю был отрезан, надо пробиваться к главному ходу. Десяти тысяч микроскопических патронов с разрывными нитроманнитовыми пулями, которыми были набиты магазины обеих левых рук Водоходов, и пяти гранат со снотворным газом, прикрепленных к внутренней стенке груди скафандра деда Андрейчика, хватило бы на три таких штаба крестовиков, но кто знает, какие сюрпризы готовят крестовики врагу, ворвавшимся в их крепость?

Молниеносный полет мыслей старика прервал страшный грохот: столб пыли ворвался в шлюзовую камеру из «кельки» Шайно-Лилиан, и щебень брызнул по стальному полу.

Дед Андрейчик сделал шаг к двери и выглянул: большой пролом зиял в наружной стене комнаты «апостола», и сквозь него, занавешенный кисеей пыли, виден был ярко освещенный коридор-тоннель. Крестовики, видимо, стреляли откуда-то справа, под небольшим углом, потому что снаряд разворотил не только наружную сторону, но и левую внутреннюю, обнажив смежную «келью». Стреляли легкими снарядами (очевидно, тоннельные артиллеристы училивали, что как полигон их подводное жилье мало пригодно). Стальная камера, во всяком случае, подобные оружейные щелчки должна была выдержать. Эти наблюдения успокоили деда Андрейчика.

— Стойте на месте! — крикнул он, и голос его донесся до Юры будто издалека.

Юра тронул за плечо стоявшего впереди смуглого мальчика и сказал ему на ухо:

— Стой! На месте...

В это время новый удар потряс комнату Шайно; громили ее из коридора уже с двух сторон. Второй снаряд разворотил внутреннюю стену слева. Затем резко захлопали щелчки пуль из «пращей Давида». Дед Андрейчик захватил клешней массивную стальную дверь и попытался задвинуть ее, но дверь не подавалась.

Грохнул еще один удар снаряда, и все смолкло.

«Та-ак... — дед Андрейчик прислушался. — Значит, артиллерийская подготовка кончилась. Теперь начнется атака. Факт».

На минуту старик подумал об отряде океанографа Валя. Но он тотчас же вспомнил, что стальной пол плотно прикрыл вход в штаб. Отряд Валя мог бы только взорвать нитроманнитом пол, затопить водой весь штаб и лишь таким образом придти на помощь ему, Руме и Юре. Но это была крайность, к которой дед Андрейчик пока еще не хотел прибегать. Он нащупал первую газовую гранату на груди Водохода, снял ее, отправил в правый рукав и крикнул:

— Юра! Там у вас над плечами есть две маски, сними их, дай Руме одну! Надевать, когда скажу!

В туннеле послышался далекий шум. Он приближался, нарастал, и, наконец, все трое услышали тяжкие шаги и легкое дребезжанье, будто шел по коридору какой-то гигант с огромными чугунными ступнями и волок за собой жестяной детский возок.

Дед Андрейчик направил на провал в наружной стене «кегли» Шайно левую руку Водохода и поднял вверх его правую руку с гранатой. Каково же было его удивление, когда сквозь брешь в стене он увидел своего двойника: Водоход, точно такой же, в каком был заключен он сам, шагнул к бреши, и остроносый человек, беспокойно вертя головой, стал разглядывать через свой иллюминатор разрушенную комнату. Стрелять в него было бесполезно: его броня, очевидно, также была непроницаема для пуль; бросать гранату — рано: можно усыпить одного и предупредить дру-

гих. Как знать, вполне возможно, что в туннелях существует несколько отсеков с герметически изолирующими воротами-щитами? Захлопнут всех троих тут, в этой норе, а сами через главный ход удерут. Но то, что дед Андрейчик увидел в следующую минуту, превзошло все его ожидания: вражеский Водоход попятился назад и стал устанавливать прямо против бреши в стене кургузую пушчонку — распылитель «святой воды», страшной жидкости — кармонзита, — испепеляющей все живое.

Дед Андрейчик и сам не помнил, как включил он свой скафандр на максимальную быстроту, как ворвался его Водоход в коридор, опрокинул кармонзитовую пушчонку и стал пулеметным ливнем хлестать в иллюминатор врага. Пули не брали стекло вражеского скафандра, но зато пули Румы отлично рвали в глубине туннеля. Водоход с двумя мальчиками делал крутые, внезапные повороты и держал под обстрелом весь эллипсис туннеля-коридора и, очевидно, небезуспешно, ибо крестовики удрали и слева и справа в глубь туннеля, побросав свои мортиры.

Дед Андрейчик совсем прижал в стене Водоход крестовика и лишь выискивал в нем щелочку, через которую можно было бы уколоть врага разрывной нитроманнитовой иглой. Но вдруг крестовик занес руку своего Водохода, взмахнул, и старик увидел, как жирная желтая жидкость заструилась по стеклу иллюминатора, затем стекло стало оранжевым: пламя бушевало на всем скафандре. Водоход деда Андрейчика, облитый жидким термитом и подожженный крестовиком, на минуту застыл на месте. Старик дал задний ход, его Водоход отступил на два шага и ринулся на врага.

Тот не выдержал бокового удара, опрокинулся, горящий термит со скафандра деда Андрейчика переполз на него и разлился по огромному брюху к ногам и к груди. Затем, уже задыхаясь и чувствуя, что раскаленная сталь жжет все его тело, старик отбросил шлем, выпрыгнул из Водохода и бросился в разрушенную комнату.

— Рума! Назад! — заревел он.

Но Рума не спешил: он подождал, когда полуобгоревший остроносый человек стал выбираться из своего поверженного наземь и объятого пламенем Водохода, и расстрелял его из пулемета в упор. Затем, пятясь и грозно водя своей огнестрельной левой рукой, Водоход с двумя мальчиками стал задом отступать к разрушенной комнате.

— В камеру! — крикнул дед Андрейчик.

Два мальчика в одном скафандре едва успели ввалиться в бронированную камеру, как раздался оглушительный взрыв: это в горящем Водоходе деда Андрейчика взорвались сразу все пять газовых гранат. Сильный аромат не то шалфея, не то ромашки ворвался в ноздри деду Андрейчику. Его рука лихорадочно забежала по одежде: маски не было, она осталась там, в горящем Водоходе.

— Маски! Надеть! — крикнул он, и в ту же минуту почувствовал, как внезапная слабость отяжелила его руки, ноги, все тело.

Старик опустил на колени, потом стал на четвереньки, постоял так секунду и повалился на бок.

Юра рванулся за спиной у Румы, Чуть было не сорвал свою маску, похожую на собачий намордник, и по спине, по плечам Румы выбрался из Водохода. Спрыгнул, подбежал к деду, наклонился: старик спал, оглушительно храпя.

Юра поднял голову и вопросительно взглянул на незнамого мальчика, взгляды их встретились: испуганный, недоуменный — у одного, и угрюмый, строгий — у другого.

«Теперь конец, теперь убьют», — мелькнуло в голове у Юры, и в этот момент вся шлюзовая камера чуть наклонилась вперед, как каюта корабля от легкой волны.

Сильный подземный гул наполнил всю стальную комнату...

«Я увидел здесь необычайные вещи»

Старик с седой, давно не бритой щетиной на тонком бледном лице сидел перед большим ящиком, заменявшим ему стол. Старик писал. Неуютные пещерные стены окру-

жали его. Колбочка с мерцающим газом тускло освещала это странное помещение без окон и дверей. Несомненно, здесь кончалась штольня, и хижина, отгороженная ящиками от ее ствола, была тупиком этой штольни.

Между ящиками и стеной возникла темная фигура.

— Это вы, Силера? — спросил небритый старик, не отрываясь от своего «стола».

— Я, — ответил вошедший.

— Кто это шумел сейчас там, в штольне?

— Хьюз. Он говорит, что привык петь во время работы.

— Вы его предупредили, что нужно соблюдать тишину?

— Да, профессор.

— Что он вам ответил?

— Он просит разрешения свистеть, профессор.

— Свистеть?

Профессор Ливен удивленно взглянул на Силера. В небритом старике, наряженном в серую спецовку горняка, трудно было узнать всегда тщательно выбритого, старомодно, но со вкусом одетого начальника испано-марокканской экспедиции.

— Если ему так хочется, пусть свистит, но негромко. Скажите Хьюзу, что через четверть часа он сможет петь, танцевать и делать все, что ему заблагорассудится. Но не раньше.

— Хорошо. Я ему скажу.

— Что у вас, Силера?

— Третья разведка геозондами показала на глубине, начиная с пятого километра, присутствие архейских пород. Выше идут горизонты юрских песчаников, которые чередуются с горными породами вулканического происхождения.

— Значит, я не ошибся в своих прогнозах?

— Нет, профессор.

— Какой у нас получился процент тория в текучей зоне^{*)}?

Вы не помните, Силера?

^{*)}Ученые доказали, что земной шар делится на зоны: текучая зона следует за земной корой и состоит из кремния, магния, тория и других элементов.

— Три пятитысячных.

— Да, да, правильно. Вот что, Силера... — профессор встал и начал разминать руки и плечи. — Предупредите всех участников экспедиции, что «Тератом» будет пущен в глубь земли через десять минут. Раздайте всем маски.

— Свенсон раздает маски.

— Очень хорошо. Вы проверили систему охлаждения в снаряде, Силера?

— Испарение фреона идет нормально. Охлаждение в порядке.

— Отлично. Прикажите всем собраться у выхода из штольни. Кто с нами остается у снаряда?

— Хьюз.

— Великолепно. Идите к снаряду. Я сейчас туда приду.

Ровно через 10 минут после этого разговора сильный глухой гул дать знать всей экспедиции, собравшейся у выхода из штольни, что подземная торпеда профессора Ливена отправилась в далекий путь к недрам земли. Постепенно гул перешел в отдаленный стон: будто какое-то огромное раненое пещерное животное зарывалось глубоко в землю, и, по мере того, как оно уходило все глубже, стон его становился глуше и глуше. Наконец, стон замер совсем, и тотчас же штольня качнулась из стороны в сторону, как трюм парохода от легкой волны...

Вдоль штольни с магниевыми факелами в руках, спотыкаясь, бежали Ливен, Силера и Хьюз. У выхода с тревогой и нетерпением их ждали остальные участники экспедиции.

Все тотчас же бросились вон из туннеля, и врассыпную побежали к берегу. Первым на берег прибежал Хьюз, последним — Ветлугин (начальник полюсной станции бежал с портативной походной рацией в руках).

Пролив между островами Брусилова и Седова уже несколько дней как очистился ото льда, лишь редкий ледяной припай кое-где болтался по обоим берегам. Вдали виднелись серые утесы острова Седова, покрытые корой льда.

— Я ничего не вижу, профессор! — крикнул Хьюз.

В бурлящих потоках обмелевшего пролива росла черная точка, превращаясь в утес.

— Спокойно, Хьюз. Через 20 секунд начнется поднятие нашего острова и подводной скалы, — сказал Ливен.

— Море! — вдруг крикнула Ирина. — Смотрите!

Действительно, на поверхности пролива происходили странные вещи: вода внезапно почернела, стала клокотать как кипяток в огромной кастрюле и покрылась пеной; высокая волна ударила в берег и отошла далеко назад, обнажая дно.

— Сигнал! — крикнул Ливен.

— Володя, сигнал! — задыхаясь, закричала Ирина.

Ветлугин припал к микрофону:

— Остров Мальмгрена?! Алло! Говорит остров Брусилова. Давайте машины! Да!.. Да!.. Дно поднимается! Через пять?.. Стратопланы в воздухе! — крикнул он. — Будут через пять минут!

— А я жалел, что поздно родился, — сказал Хьюз, не отрывая взгляда от клокотавшего пролива. — Оказывается, еще можно увидеть гражданскую войну.

— Это не война, а экспедиция по спасению мальчика, — вразумляющим тоном сказал Силера.

— Да, но для этой экспедиции нашей милиции пришлось обогреть несколько военных исторических музеев, — ответил Хьюз и тотчас же закричал: — Позвольте! Но ведь мы поднимаемся! Наш остров!.. Профессор!

Море медленно уходило прочь от берега, яростно рыча и оставляя обнаженное дно, покрытое водорослями, грязной пеной и копошащейся морской мелкотой. Вдали, в бурлящих потоках обмелевшего пролива, росла перед изумленными взорами людей черная точка, превращаясь в утес, в новый остров. Берег, на котором стояли участники экспедиции, медленно уходил от воды, торжественно, без малейших толчков вознося их на все возрастающую высоту. Величественное явление: рождение новой горы здесь и суши там, внизу, где еще несколько минут назад клокотал холодный кипяток пролива, — происходило на глазах у этих людей. И люди, замороженно глядя перед собой, забыли, что это они послали в глубь земли чудесный снаряд «Тератом», заря-

женный мощными запасами радия, этого извечного творца материков, морей и горных хребтов.

Оглушительный свист заставил всех поднять головы кверху: огромные самолеты почти под прямым углом шли на снижение. Их было несколько десятков. Небо, внезапно покрытое геометрическими силуэтами машин, на несколько секунд потемнело, но только на несколько секунд. Уже с большой высоты машины сразу же взяли направление на новый скалистый островок, появившийся вдали, посреди мелкой лужи (это было все, что осталось от пролива). Машины окружили его, как стая гагар скалу на птичьем базаре. Легкий вѣтерок донес до группы людей на высоком берегу свежий аромат огурцов. Затем один за другими раздались два сильных взрыва...

— Товарищи! Наденьте маски! Милиция взорвала вход в убежище контрреволюционеров! Сейчас туда будет пущен снотворный газ чанзит! — крикнул кто-то позади группы.

Все обернулись. В нескольких шагах от них стояла пассажирская машина. Пилот, махнув приветственно рукой, стал напяливать маску, похожую на намордник, с миниатюрным пяточком репродуктора на месте рта. Увлеченные необычайным зрелищем, развернувшимся перед их глазами, все участники экспедиции Ливена даже не заметили, как за их спиной на крохотную песчаную площадку, опустившись на роторе, присел самолет.

— Прошу садиться! — крикнул пилот уже через свой миниатюрный репродуктор.

Все бросились к самолету, извлекая из карманов и напяливая свои маски, розданные Свенсоном еще в штольне.

— Это нечестно, профессор! — загудел неугомонный Хьюз из своего пяточка-репродуктора прямо в ухо Ливену, усаживаясь в машине. — Мы подняли со дна новый материк, а другие люди уже поселились на нем и придумывают для него название.

— Не скулите, Хьюз, мы летим туда же, — сказал Свенсон.

Ответить Хьюз не успел: нужно было вылезать: машина уже стояла у самого подножия огромной серой скалы, острой, как готический собор. Прямо против машины, у черной пещеры, поросшей ракушками и поникшими водорослями, сновали вооруженные милиционеры и санитары с носилками.

Резко и неприятно заголосила сирена. Милиционеры и санитары застыли.

— Подрывной взвод! В третий проход налево! — загрохотал громкоговоритель с командорской машины, когда умолкла сирена. — Первая рота за ним, остальные немедленно в воздух!

Команда подрывников и рота милиционеров едва успела добежать до входа в пещеру, как подле самой скалы один за другим раздалось два сильных взрыва. К счастью, никто не пострадал.

Через две минуты остальные люди, в том числе и все участники экспедиции Ливена, были уже в машинах, а машины — в воздухе. Взрывы продолжали раздаваться внизу; казалось, это взрывались сами подводные камни и песок вокруг скалы.

Ветлугин сидел рядом со Свенсоном в той самой машине, которая только что перенесла их с острова Брусилова на этот поднятый со дна океана скалистый островок и теперь снова унесла в воздух.

— Как ты думаешь, Эрик, что это значит? — спросил начальник полюсной станции, глядя вниз, на мелкий щебень, разлетающийся от взрывов вокруг скалы.

— Простая штука, — безразличным тоном сказал Свенсон. — Мины с замедленным действием.

— А зачем подрывной взвод? Неужели чанзит не уложил спать весь этот подводный сброд?

— Не уложил, так уложит. В какой-нибудь келье закрылись наглухо. Не иначе.

Взрывы раздавались не только вокруг скалы, но и внутри штаба крестовиков, внезапно выброшенного со дна пролива на поверхность чудесным радиевым снарядом профес-

сора Ливена. Глухие толчки отчетливо слышны были на далеком расстоянии.

Пилот кругами стал набирать высоту — и перед глазами участников экспедиции Ливена предстала необычайная картина: отряды самолетов кружились над мокрой сумрачной скалой, словно потревоженная стая птиц; миниатюрные, как игрушки, танки-вездеходы, увязая в иле, подбирались к пещерному входу в штаб крестовиков; полсотни стальных головастых человечков выходили из воды и, неуклюже передвигая свои трубчатые ноги, шли на штурм последней твердыни контрреволюционеров. Это был подводный отряд океанографа Валя, сопровождавший под водой деда Андрейчика и Руму. Не рискнув взорвать стальной пол в тайной шлюзовой камере Шайно, Валь вел своих бронированных подводников в обход, к главному шлюзу штаба.

Взрывы и удары внутри скалы прекратились почти одновременно. Свенсон не ошибся: уже потом выяснилось, что Шайно, Курода, папа-полковник Ансельмо Граппи, химик Кармон и прочие главари крестовиков успели опустить в одном из отсеков туннеля непроницаемый металлический щит, который герметически закупорил их в нескольких кельях, но подрывной взвод двумя минами вдребезги разнес металлический щит, и как сусликов, обдал «апостола» и его «архиепископов» успокоительной волной чанзита. Петер Шайно и его сподвижники проснулись лишь через три часа в «аварийной гостинице» на Диксоне, по соседству с Золтаном Шайно.

Разрешение опуститься вновь подле штаба крестовиков машина с участниками экспедиции Ливена получила только спустя полчаса, когда уже вся скала была окружена милиционерами и санитарами.

Пилот опустил машину на то же место, возле самого входа в пещеру. Первой из машины выпрыгнула Ирина Ветлугина. Она увидела, как из черного зева пещеры санитары то и дело выносили на носилках спящих крестовиков и укладывали их в самолеты-грузовики, словно дрова, штабелями по шесть человек. Против входа в «штаб-храм» стояли

веером штурмовые милицейские самолеты. В воздухе над островком парили на роторах и кружились разведчики. Батальон милиционеров и отряд Валя оцепили мокрую скалу со всех сторон... Последний акт уничтожения лиги крестовиков подходил к концу.

Ирина Ветлугина, придерживая свою маску рукой, побежала ко входу в пещеру. За ней, прыгая с камня на камень и скользя в водорослях и в живом планктоне, промчались муж и Эрик Свенсон.

Ирина добежала до входа и остановилась. Санитары тащили мимо нее спящего седого старика в одном нижнем белье,

— Юра! — крикнула Ирина. — Где Юра?

Ей никто не ответил. Она оглянулась на мужа, на Свенсона и побежала прямо в пещеру. Вряд ли Ирина сознавала в этот момент, куда она бежит, и где она в этом мрачном подземелье будет искать своего сына.

Мужчины не отставали от Ирины. Все трое бежали по темным переходам, шли по освещенным магниевыми факелами коридорам, останавливали встречные носилки и, взглянув на бледную физиономию какого-нибудь крестовика, бежали дальше. Вдруг за одним поворотом блеснул яркий свет: густой луч милицейского прожектора освещал под углом разгромленную, исковерканную стену. Груды щебня были навалены там, впереди, в коридоре, окровавленный труп какого-то крестовика в серой куртке с черным крестом на груди валялся подле разбитой стены, и рядом с ним лежали опрокинутые два огромных стальных скафандра. Несколько милиционеров, укрывшись за блиндажами опрокинутых мортир, сидели подле прожектора и тихо переговаривались между собой.

— Шш-ш-ш! Тихо! — зашипели на Ирину и ее спутников милиционеры, когда они подбежали к ним. — Тут стреляют. Вы бы отошли. Вы кто такие?

— Я мать мальчика Юры, — сказала Ирина.

— А-а-а! Так это вы самая? Как же! Слыхали. А это ваш муж?

— Да, я Ветлугин, — сказал Владимир. — Что тут происходит?

— Да вот, засели какие-то из их банды, и отстреливаются, — сказал кто-то из-за блиндажа. — Одну засаду мы уже взорвали. Пришлось повозиться. Но те быстро заснули, а вот с этими канитель. У них, видно, есть маски от чанзита.

Милиционеры заговорили вполголоса:

— Откуда у них маски? Говорили, что у крестовиков масок нет...

— Держу пари, что они туда, в эту разрушенную дыру, и мальчика с собой уволокли!

Свенсон тронул Ветлугина за рукав, отвел в сторону и зашептал ему что-то на ухо.

— Ты думаешь, Эрик, это он? — спросил Ветлугин.

— Уверен, что это дед Андрейчик. Ты разве своего старика не знаешь?

— Стоп! — сказал Ветлугин и направился к милиционерам.

— Товарищи, разрешите мне поговорить с осажденными!

— Напрасный труд, — сказал один из милиционеров. — Мы им уже предлагали сдаться, а они из пулемета в ответ палят. Сейчас подойдет бронированный отряд океанографа Валя. Он с этими разбойниками поговорит иначе.

— Я не о сдаче буду говорить, — сказал Ветлугин.

Не дожидаясь разрешения, он сделал из ладоней рупор вокруг своего пяточка-репродуктора и крикнул:

— Степан Никитич!

Ирина изумленно глянула на мужа, потом на Свенсона и вдруг все поняла.

— Папа! — крикнула она и бросилась вперед.

Но вместо деда Андрейчика из пролома в стене нерешительно выглянул худенький мальчик в маске. Еще через секунду мальчик уже висел на груди у Ирины. Сорвав маски, мать и сын плакали, смеялись, целовались и сквозь слезы разглядывали друг друга. Ветлугин стоял тут же; он гладил

сына по вихрастой белой голове и только побряхтывал, чтобы не расплакаться самому.

Свенсон поднял брошенные маски и укоризненно покачал головой.

— Ох, как я устала, — сказала Ирина и, не отнимая от своей груди сына, опустилась вместе с ним на пол.

Ветлугин отступил на шаг и с грустной улыбкой посмотрел на жену: она спала, лежа на боку, прямо на полу туннеля, прижимая во сне спящего рядом с ней Юру.

Ветлугин наклонился, подвел под них свои могучие руки, поднял и бережно понес к выходу среди расступившихся милиционеров.

— Вы не жалеете, Силера, что мы на несколько дней оторвались от своей работы у Гибралтара? — спросил профессор Ливен, влажными глазами провожая Ветлугина, пронесшего мимо него на руках сына и жену.

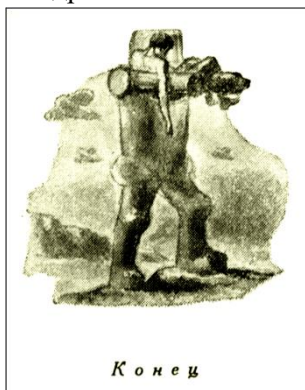
— Что вы, профессор! Я рад, что мы смогли быть полезными. Я увидел здесь необычайные вещи.

— Хэлло, профессор! — крикнул Хьюз. — Взгляните вон туда. Я, кажется, тоже вижу необычайные вещи.

Все обернулись к пещерному входу «штаба-храма» крестовиков. Там, на черном фоне входа, отчетливо выделялась огромная фигура стального гиганта с головой, похожей на котел, и с трубами-ногами. Обе руки его были вытянуты вперед, и на них, разбросав врозь руки и ноги, лежал дед Андрейчик. Стальной гигант стоял так всего несколько секунд.

Потом шагнул вперед и, провожаемый удивленными взглядами милиционеров, пилотов и санитаров, понес громоподобно храпящего старика к самолетам.

Когда он, тяжело ступая, шествовал со своей ношей мимо профессора Ливена, тот успел разглядеть в иллюминаторе строгое и торжественное лицо Румы.

К о н е ц

А. Р. ПАЛЕЙ
ФРАНЦУЗ И НЕМЕЦ
Рассказ

5

К. ОХРИЦ
ТРАНСФОТОР
Фантастическая юмореска

13

АННА БАРКОВА
СТАЛЬНОЙ МУЖ
Фантастический рассказ

31

Н. БРЫЛЬ
САНАТОРИЙ В ПОДНЕБЕСЬЕ
Фантастический рассказ

53

ЛЕОНИД СУКАЧЕВ
ДАЛЕКОГЛЯД МП-1
Фантастический рассказ

67

НИКОЛАЙ СМИРНОВ
ВОЗДУШНЫЙ КАРАВАН
Фантастический роман (Главы)

79

ГЛЕБ АЛЕКСЕЕВ
НЕВЕРОЯТНЫЙ ПОЛЕТ
Фантастический рассказ

109

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ
НЕВИДИМЫЙ СВЕТ
Фантастический рассказ

125

МИХ. ЛОСКУТОВ
РАССКАЗ О ГОВОРЯЩЕЙ СОБАКЕ
Сказка

145

МИХ. ЛОСКУТОВ
ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА
Сказка

161

ЮРИЙ ПОЛОЦКИЙ.
НА ГОЛУБОМ ОСТРОВЕ
Фантастический рассказ

185

Н. ТОМАН
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ:

ПОЮЩИЙ БЕРЕГ
207

ГОРБАТЫЙ МОСТ
213

ДОЖДЬ
222

ПАВЕЛ МАЛЯРЕВСКИЙ
МОДЕЛЬ ИНЖЕНЕРА ДРАНИЦИНА

Авантюрно-приключенческая повесть

229

СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВ
ТРОЙКА ОР-ДИМ-СТАХ

Радио — рассказ будущего

355

ГРИГОРИЙ ГРЕБНЕВ
ЛЕТАЮЩАЯ СТАНЦИЯ

Фантастический роман-хроника

(Журнальный вариант)

387

